

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. М. СОЛНЦЕВ

ЯЗЫК КАК СИСТЕМНО- СТРУКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

*Издание 2-е,
дополненное*

869791

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени выхода первого издания данной книги прошло около шести лет. Это были годы интенсивных поисков во всех областях и направлениях теоретической лингвистики. Движение научной мысли в той или иной форме коснулось проблем, обсуждаемых в книге. Это вызвало необходимость внесения в работу некоторых дополнений и уточнений, хотя основное содержание и первоначальная композиция книги остались прежними.

В книгу введен новый раздел, посвященный вопросам комбинаторики единиц языка и речи. Эти вопросы в той или иной связи частично затрагивались в первом издании, однако они не были изложены систематизированно, между тем систематическое освещение комбинаторики языковых единиц имеет важное значение для характеристики перехода от языка к речи, т. е. от статического состояния языковой системы к ее функционированию в виде речи. А это, в свою очередь, существенно углубляет и расширяет онтологическую картину языка, построение которой — хотя бы в самых общих чертах — является целью настоящей книги.

Процессы комбинаторики языковых единиц — это не что иное, как процессы речеобразования, при которых происходит формирование и выражение мыслей, т. е. некоторых смыслов. Поэтому анализ процессов комбинаторики слов повлек за собой анализ процессов формирования или, говоря иначе, порождения смысла. В современной лингвистике проблема порождения смысла наиболее подробно рассматривается в генеративной лингвистике, где эта проблема в виде теории «глубинных» и «поверхностных» структур составляет онтологический аспект языковой теории. В силу этого в новом разделе проблема порождения смысла была рассмотрена на фоне разбора концепции порождения смысла в генеративной лингвистике.

Анализ комбинаторики слов подвел также к краткому рассмотрению вопроса о роли лексической семантики в формировании грамматической (синтаксической) семантики. Эта проблематика в том или ином плане рассматривалась в 40-е годы в работах И. И. Мещанинова и его школы. Сейчас она вновь привлекает к себе внимание в связи с повсеместным возрождением интереса к семантике и бурным вторжением ее во все

сферы лингвистики. Многие семантические проблемы в новейших работах по семантике ставятся и решаются так же, как это делалось в 40-е годы. Вероятно, в чем-то правы те, кто утверждает, что иногда новое — это лишь хорошо забытое старое.

При подготовке настоящего издания помимо включения в книгу нового раздела в разных местах текста книги были сделаны различные уточнения и дополнения, сняты некоторые рассуждения и добавлены новые аргументы. В частности, была усилена аргументация в пользу развиваемой в книге концепции односторонности языкового знака, более подробному обсуждению была подвергнута проблема мотивированности — немотивированности языкового знака в связи с появлением ряда новых работ, стремящихся обосновать ту или иную форму мотивированности языкового знака.

Некоторые дополнения и уточнения были сделаны в разделах, посвященных применению системного подхода к описанию онтологической природы языка, характеристике языка как семиотической системы, анализу процессов хранения и восприятия информации и т. п. Представлялось важным разъяснить метафоричность таких терминов, как «сообщение», «передача» мысли*. Мысль не передается в прямом смысле, она с помощью чувственно воспринимаемых языковых знаков, произведенных говорящим, лишь возбуждается и формируется в голове слушающего.

Многие изменения и уточнения текста книги явились результатом учета критических и иных замечаний, сделанных в рецензиях, при обсуждениях книги в целом или ее разделов, а также в личных беседах и письмах.

Автор искренне благодарен всем, кто высказал в той или иной форме свои замечания и суждения о книге.

В. Солнцев

* См. у А. А. Потебни: «...посредством слова нельзя передать другому свои мысли, а можно только пробудить в нем его собственную...» [148, с. 152]; ср. также у А. Г. Спиркина: «Выражение „люди обмениваются мыслями“ абсурдно понимать буквально... С помощью слов мы не передаем, а *вызываем* аналогичные мысли в голове воспринимающего» [193а, с. 216, 217].

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы онтологии языка продолжают вызывать острые споры среди лингвистов. Эти проблемы решаются по-разному различными лингвистическими школами в зависимости от их общетеоретических позиций. Даже в рамках одной и той же школы можно наблюдать заметные расхождения как в понимании самого явления «язык», так и в освещении свойств, особенностей и отдельных сторон языка, характеризующих его природу. Поэтому обсуждение спорных вопросов теории языка, и в частности его онтологии, остается актуальной задачей.

В предлагаемой вниманию читателя книге автор пытается осветить некоторые общие вопросы теории языка с точки зрения системного, или структурно-субстанционального, подхода к языку. Тем самым данная работа продолжает обсуждение дискуссионных проблем языкознания.

Всякая теория языка с неизбежностью исходит из определенного онтологического представления о языке. Это касается как теорий языка, открыто обсуждающих онтологические проблемы, так и тех теорий, которые в силу различных причин обходят или не ставят проблем онтологии языка¹. Данная работа развивает определенную точку зрения на язык, а именно: язык здесь рассматривается как материальное средство общения людей, или, конкретнее, как вторичная материальная, или знаковая, система, используемая как орудие или средство общения. Главное внимание уделяется онтологическим проблемам языка, от того или иного решения которых во многом зависит общая концепция языка.

Можно указать два основных источника настоящей работы. Во-первых, многолетняя работа по изучению строя так назы-

¹ В известном смысле любое исследование того или иного языка является предвзятым. Так называемый непредвзятый подход к конкретному языку или к группе языков есть фикция. Исследователь всегда связан определенными теоретическими установками, т. е. своим пониманием природы и онтологического статуса языка. Предвзятость подхода в смысле наличия некоторых теоретических установок следует отличать от предвзятости подхода в смысле навязывания одному языку конкретных категорий другого языка или лингвистических понятий и категорий, выведенных на материале определенной группы языков и не имеющих универсального характера.

баемых изолирующих языков в плане выявления их специфических черт и общих свойств, объединяющих их с языками иной типологии², и, во-вторых, исследование содержания некоторых основных понятий и категорий, выработанных наукой о языке, и общих свойств стоящих за ними реалий языка. Разумеется, рассмотрению подвергнуты далеко не все свойства языка и лингвистические категории, но только те, анализ которых существен для характеристики онтологии языка.

Многие идеи работы излагались в лекциях для аспирантов-лингвистов Отдела языков Института востоковедения АН СССР, а также в докладах на теоретических семинарах в Отделе языков. Именно в этих лекциях и докладах были сформулированы некоторые основные положения, изложенные здесь в систематизированном виде.

Единый объект лингвистики с неизбежностью требует учета основных высказываний и утверждений об этом объекте. Однако здесь учитывались не все идеи современного языкознания, а лишь те, которые, по мнению автора, существенны для характеристики онтологии языка. Кроме того, как говорит А. Мартинес, «одна работа не может представить всей суммы доктрин, имеющих хождение среди современных лингвистов» [114, с. 367].

Учет и использование идей и положений разных лингвистических школ осуществляются в настоящей работе под углом зрения некоторой общей идеи. Такой общей идеей является идея о том, что язык представляет собой функциональную материальную систему семиотического, или знакового, характера, функционирование которой в форме речи и есть ее использование как средства общения. Сама по себе эта идея не нова, хотя с ней вероятно, согласятся не все. С ней, по-видимому, не согласны те, кто считает, что «в наиболее общем виде онтология соотношения языка и речи представляется нам как соотношение идеального и материального» [166, с. 25]. Но дело не в том, нова эта идея или нет, а в том, что она, как мне кажется, позволяет наиболее адекватно осветить некоторые аспекты онтологической природы языка.

При рассмотрении языка как целостного объекта — материальной системы знакового характера — я опирался на некоторые важнейшие понятия общей теории систем и структур в соответствии с их представлением в советской философской литературе, полагая, что при характеристике языка как целостного объекта целесообразно использовать общенаучные понятия системы и структуры.

² Исследования строя изолирующих языков, и в первую очередь китайского языка, я начал в конце 40-х годов под руководством Н. Н. Короткова, которому я обязан как своим востоковедным образованием, так и интересом к общим проблемам теории языка.

Будучи одним из аспектов действительности, язык не составляет особого царства. Он подчиняется общим законам существования и развития природы и общества, хотя, разумеется, специфические свойства языка как некоторого общественного явления обуславливают своеобразие проявления в нем общих законов.

Одним из источников работы явились, как уже было сказано, исследования строя и общих свойств изолирующих языков, материалы которых в целом мало использовались общим языкознанием. Однако это не есть исследование конкретного языка или конкретной группы языков. В настоящей работе предпринята попытка более широко ввести материалы ряда восточных языков в общелингвистическое рассмотрение. В ней рассматриваются прежде всего свойства человеческого языка вообще, который реально существует в виде конкретных языков. Как писал Ж. Вандриес, в основе опытов по общей лингвистике лежит идея о том, что «существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу» [36, с. 217].

Эта особенность работы определяет и использование в ней языкового материала. Те или иные утверждения опираются не столько на единичные языковые явления, сколько на общие свойства языковых явлений, например, свойство морфем не сочетаться в линейной последовательности со словами, что является обобщением конкретных языковых фактов и само по себе есть некоторый объективный факт. Языковой материал в виде конкретных фактов реальных языков привлекается прежде всего как иллюстрация тех или иных утверждений, вытекающих из анализа понятий и категорий лингвистики, и тех языковых реалий, которые они отражают.

Сложность и многоаспектность языковых фактов побуждают неоднократно возвращаться к характеристике того или иного явления по мере введения в рассмотрение его новых сторон и свойств. В этом состоит особенность изложения материала в работе.

Спорность рассматриваемых проблем обусловила некоторую полемичность изложения, хотя цель работы не в полемике. Это, по-видимому, неизбежно, так же как неизбежно и дальнейшее продолжение дискуссий вокруг спорных вопросов языкознания. Ч. Базелл как-то удачно заметил: «Если оппозиции между лингвистами будут нейтрализованы, то „архимение“ окажется равным нулю» [107, с. 25].

В течение XX в. развитие лингвистики, как и развитие ряда других наук, характеризовалось переносом внимания с субстанциональной точки зрения на структурно-функциональную. Осознание факта относительной независимости структуры объекта от его субстанции дало толчок многим крупным открытиям и многим заблуждениям, в особенности в тех исследова-

ниях, где относительная независимость структуры от субстанции стала трактоваться как полная независимость.

В истории языкознания распространение структурно-функциональной точки зрения на язык связывают в первую очередь с именем Фердинанда де Соссюра и его «Курсом общей лингвистики». Один из основных тезисов Соссюра о том, что «язык есть форма, а не субстанция» [192, с. 120], на несколько десятилетий определил развитие ряда направлений языкознания, объединяемых общим названием «структурализм». Многие положения Соссюра усвоены и различными направлениями так называемого традиционного языкознания.

С большой силой Ф. де Соссюр выразил общую тенденцию развития современных наук, состоящую в усилении внимания и интереса к структурам и функциям объектов. Многие идеи Соссюра были предвосхищены И. А. Бодуэном де Куртенэ, которого часто по праву называют наряду с Соссюром создателем современного языкознания (и в узком, «структурном», смысле, и в более широком, «современном», смысле).

В отличие, однако, от Бодуэна де Куртенэ, высказывания которого о языке, очень глубокие, разбросаны в разных работах, Соссюр создал цельную и хорошо продуманную концепцию языка, хотя и не лишенную ряда противоречий.

Генеральная идея концепции Соссюра состоит, как уже говорилось, в признании языка формой, а не субстанцией. Иначе говоря, в понятие языка, по Соссюру, включается структура, организация звуковой материи, но не сама эта звуковая материя. Область звучания оставлена речи. Язык же выступает как нечто освобожденное от «шелухи субстанции», как чистая структура.

Тем самым создалась громадная концентрация внимания на понятии структуры. Это отвечало духу развития современных наук и в то же время таило в себе зародыш многих заблуждений и теоретических трудностей для лингвистики, возникших вследствие изгнания субстанции из объекта лингвистики — языка. Сам Ф. де Соссюр не был вполне последовательным в исключении субстанции из языка. Провозгласив основополагающие принципы, согласно которым понятие языка сводилось к понятию чистой структуры, Соссюр фактически во многих разделах своего труда отдал дань «природной материи языка». Это видно из следующих формулировок: «Немыслима никакая грамматическая абстракция без служащего для нее субстратом целого ряда материальных элементов, к которым в конце концов и следует всегда возвращаться» [192, с. 132]. «Было бы заблуждением думать, будто существует какой-то бесплотный синтаксис вне этих распределенных в пространстве материальных единиц» [192, с. 133]. Характеризуя понятие порядка слов, Соссюр писал: «...в действительности же значимость получается исключительно благодаря выстроенным в определенном порядке материальным единицам» [192, с. 133]. Тот самый Ф. де

Соссюр, на которого ссылаются ученые, провозгласившие полное изгнание из языка и так называемой «субстанции звучания», и так называемой «субстанции значения», писал: «Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которою она облечена... И обратно — как мы только что видели — смысл, функция существует лишь благодаря наличию какой-то материальной формы. Если мы считаем нужным формулировать этот принцип именно по поводу более распространенных синтагм, так называемых синтаксических типов, то это потому, что есть тенденция рассматривать их как нематериальные абстракции, парящие над элементами фразы» [192, с. 133].

Несмотря на все эти утверждения, которые, впрочем, могут быть истолкованы как относящиеся не столько к языку, сколько к речи, Соссюр в своих фундаментальных положениях все же стоял на признании языка чистой формой, своего рода посредником между мышлением и звуком. Он писал: «Характерная роль языка в отношении мысли не заключается в создании материального звукового средства для выражения идей, но в том, что он служит посредником между мышлением и звуком и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц» [192, с. 112].

Именно капитальные идеи Соссюра послужили основанием для последующей абсолютизации понятия структуры и превращения его в своего рода эквивалент понятия объекта. Иначе говоря, объект стал приравняться к его структуре, или, наоборот, структура была приравнена к целостному объекту. Между понятием «объект» и понятием «структура» был поставлен знак равенства.

Сила идей Соссюра заключалась в подчеркивании роли структуры, функций, отношений. В этом же была и слабая сторона теории, поскольку абсолютизация роли этих факторов привела к дальнейшему отходу от языковой субстанции. Законченное выражение это получило в концепции Л. Ельмслева, по крайней мере в сфере общих принципов.

Развитие лингвистики за последние годы показало, что работа лингвиста вне учета «природной материи языка» и вообще учета субстанционального начала в языке ведет к непреодолимым теоретическим трудностям. Во всех направлениях лингвистики, даже в самых радикальных в смысле исключения из языка «звуковой субстанции» и того, что называют «субстанцией значения», оказалось невозможным обойтись без этих двух категорий.

Структурная точка зрения на язык побудила Ф. де Соссюра перейти от исторического рассмотрения языка к синхронному: «Лингвистика слишком большое место уделяла истории: теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже с новым духом и с новыми прие-

мами, т. е. обновленной историческим методом, который, со своей стороны, поможет лучше осознать состояния языка» [192, с. 90].

Перефразируя эти слова, можно сказать, что лингвистика слишком много места уделяла изучению структуры в чистом виде; теперь ей предстоит вернуться к структурно-субстанциональной точке зрения на язык, но уже с новым духом и с новыми приемами, т. е. обновленной структурными методами и идеями.

ЯЗЫК КАК ЦЕЛОЕ

Глава I

ЯЗЫК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

§ 1. ЯЗЫК

Из всех существующих определений понятия «язык» бесспорным является лишь определение языка как «важнейшего средства человеческого общения» (Ленин). Это определение, будучи предельно общим, предполагает конкретизацию специальным или специальными определениями. Если общее определение языка не вызывает разногласий у лингвистов разных направлений (по крайней мере в СССР), то специальные определения языка варьируют от школы к школе и связаны со степенью разработанности в рамках данной школы онтологии языка. Определение языка имеет существенное значение для построения теории языка. В нем фиксируется то или иное онтологическое представление о языке, которое во многом определяет понимание объекта или предмета¹ науки и методы изучения этого объекта.

Язык как исключительно сложное образование может быть определен с разных точек зрения в зависимости от того, какая сторона или стороны языка выделяются. Определения возможны: а) с точки зрения функции языка (или функций языка): язык есть средство общения людей и, как таковое, есть средство формирования, выражения и сообщения мысли; б) с точки зрения устройства (механизма) языка: язык есть набор некоторых *единиц* и правил использования этих единиц, т. е. комбинирования единиц; эти единицы «делаются»² говорящими в дан-

¹ В данный момент для нас несущественно различие, которое некоторые логики стремятся провести между объектом и предметом науки. Под предметом понимают выделяемый исследователем аспект, или сторону, объекта, подвергаемую рассмотрению. В этом смысле объект полностью независим от исследователя, а предмет как выделенная исследователем часть объекта в известном смысле зависит от исследователя.

² Выражение «делаются» интерпретируется по-разному применительно к единицам языка и единицам речи (см. гл. IV, разд. 1). Первые «воспроизводятся» в готовом виде, вторые «производятся» или формируются в речи.

ный момент; в) с точки зрения существования языка: язык есть результат социального, коллективного навыка «делания» единиц из звуковой материи путем сопряжения некоторых звуков с некоторым смыслом; г) с семиотической точки зрения: язык есть система знаков, т. е. материальных предметов (звуков), наделенных свойством обозначать что-то, существующее вне их самих; д) с точки зрения теории информации: язык есть код, с помощью которого кодируется семантическая информация.

Существуют и другие определения³. Приведенные выше определения с точки зрения развиваемого в данной работе понимания языка взаимно дополняют друг друга и частично перекрещиваются и дублируют друг друга. Поскольку в едином определении вряд ли возможно дать достаточно полную характеристику языка, мы считаем целесообразным опираться на максимально общее определение, конкретизируя его по мере необходимости теми или иными специальными характеристиками.

В разных определениях можно обнаружить констатацию *системного характера* языка.

Идея системности языка в неявном виде содержится уже во многих теоретических работах дососсюррианской лингвистики. Ф. де Соссюр теоретически обосновал системный характер языка через введенное им понятие соотносительной значимости, или ценности (*valeur*), единиц языка⁴, а также через понятия синтагматических и парадигматических (у Соссюра: ассоциативных) отношений между единицами языка. Язык признается, например, системным образованием и теми, кто считает язык знаковым образованием, и теми, кто отрицает знаковый характер языка. Системность является важнейшей характеристикой языка. Можно считать установленным, что язык относится к системным образованиям. Однако термины «система» и «системный» в разных работах понимаются по-разному.

Выражение *система языка* иногда приравнивается к выражению *структура языка*, и соответственно понятие системы приравнивается к понятию структуры. Многие лингвисты стремятся разграничить понятия системы и структуры применительно к языку. Иногда определение системы языка у одного автора оказывается сходным или совпадает с определением структуры языка у другого автора; то, что покрывается понятием структуры в одном случае, оказывается распределенным между по-

³ Я не касаюсь здесь определений языка, которые не соответствуют развиваемому в настоящей работе взгляду на язык.

⁴ Это понятие, по мнению Н. А. Слюсаревой, является главным звеном в теории Соссюра [167, с. 46 и далее]. Понятие соотносительной ценности, с моей точки зрения,—главное звено в обосновании системного характера языка. Однако это обоснование важная, но не генеральная идея концепции Соссюра. Последняя, как было показано выше, состоит в признании языка формой, а не субстанцией, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

нениями структуры и системы в другом случае, и т. п.⁵ Расхождения в понимании терминов «система» и «структура» побуждают еще раз обратиться к рассмотрению этих понятий в общем виде и интерпретации их применительно к языку.

§ 2. СИСТЕМА. ВИДЫ СИСТЕМ

Специалисты по общей теории систем отмечают, что «одной из характерных особенностей развития науки и техники во второй половине XX в. является повсеместное распространение идей *системных исследований, системного подхода, общей теории систем*» [161, с. 5]. Главное в системном подходе — это рассмотрение исследуемого объекта как некоторой целостности или системы, если, разумеется, объект обладает соответствующими свойствами, и анализ составных частей и различных свойств объекта именно под углом зрения целого. «Системный подход... основной акцент делает на анализе *целостных* интегративных свойств объекта, выявлении его различных связей и *структур*» [161, с. 5].

Становление системного подхода в разных науках привело к разработке так называемой общей теории систем как междисциплинарной отрасли научного знания [27; 161].

Центральным понятием общей теории систем является понятие системы. Исклчительно широкий круг и разнообразие объектов, для характеристики которых используется понятие системы, ведет к тому, что термин «система» используется для обозначения весьма разных по свойствам объектов. Это порождает пессимистический взгляд на возможность выработки «единого всеобщего определения» понятия «система», пригодного для характеристики объектов, сильно отличающихся друг от друга [161, с. 80]. В то же время очевидно, что системный подход, как и сама общая теория систем невозможны без общего понятия системы, приложимого к самым различным объектам. В общем понятии системы фиксируются максимально общие свойства любой системы, отличающие «систему» от «не-системы». Такое общее понятие используется в разных науках и поэтому является общенаучным. Это общенаучное понятие *системы* при всем разнообразии или оттенках его истолкования всегда включает в себя представление о некотором объединении каких-либо

⁵ Ср., например, следующие определения — А. А. Реформатский: «Система — это единство однородных взаимообусловленных элементов» [157, с. 31]; «Под структурой следует понимать единство разнородных элементов в пределах целого» [157, с. 25]; Г. С. Шур: «Совокупность элементов (единиц) данного объекта называется структурой. Совокупность связей, существующих между элементами данной структуры, называется системой» [233, с. 16]; Ю. С. Степанов: «Под структурой вообще и в современном языкознании в частности понимается такое сочетание элементов, в котором каждый элемент обусловлен всеми другими» [194, с. 8].

сбъектов и об отношениях между этими объектами. Объекты, объединяющиеся в систему, обычно называют *элементами*⁶ этой системы.

Такое понимание системы, достаточно широко распространенное в научной литературе⁷, приложимо к любому объединению объектов (элементов), находящихся во взаимных отношениях. Само это объединение есть нечто целостное, отличное от составных частей. Таким образом, система есть целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях⁸. Целостность — важнейшее свойство системы. Всякая система, поскольку в ней выделяются элементы, дискретна. Дискретность — другое важное свойство всякой системы.

Здесь, однако, нужно сделать некоторые оговорки. Согласно распространенному словоупотреблению, слово *объект* используется и для обозначения случайных, хаотических, неупорядоченных скоплений каких-либо вещей или предметов, например кучи детских игрушек или свалки. Такого рода скопления предметов, которые (предметы) сами по себе могут быть упорядоченными объектами, не характеризуются системными отношениями или связями. Соответственно те вещи или предметы, из которых состоит такое скопление, не являются элементами, а само скопление не есть система.

Системой следует, очевидно, называть внутренне *упорядоченные объекты*, в которых обнаруживаются взаимосвязанные части, или элементы.

Переход от неупорядоченных объектов к упорядоченным, т. е. от «не-систем» к системам, постепенен. Так, куча камней еще

⁶ Понятие «элемент» в данном случае не означает абсолютно неразложимого объекта. Элемент системы есть неделимый далее компонент лишь с точки зрения данной системы. Так, элементом системы натуральных чисел является целое число, которое само по себе делится на дробные числа. Элемент есть относительно неделимый элемент системы. По этому поводу см. работу Н. Ф. Овчинникова [135, с. 16—26].

⁷ См., например, определение В. С. Тютинна: «Система — это множество связанных между собой элементов (любой природы), имеющих тот или иной вид упорядоченности по определенным свойствам и связям и обладающих относительно устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, выражающейся в относительной автономии поведения и (или) существования» [203, 48]. См. также работы В. И. Кремянского [92], Н. Ф. Овчинникова [135], В. В. Агулова [8], С. Е. Зака [67], А. С. Мамзина [111], Л. А. Петрушенко [139, с. 23, 24]. См. также сводную статью И. В. Блауберга, Э. Г. Юдина [26].

⁸ В лингвистической литературе понимания системы, наиболее близкого общенаучному, придерживается Г. П. Мельников: «Под системой следует понимать любое сложное единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимобусловленных частей — элементов, воплощенных в реальною субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений), т. е. структуру. Следовательно, структура — это хотя и важнейшая, но лишь одна из характеристик системы. Второй, не менее важной характеристикой системы является ее субстанция» [119, с. 98].

не система, поскольку она «лишена каких-либо существенных черт внутренней организации. Связь между ее составляющими носит внешний, случайный, искусственный характер» [26, с. 37]. Однако куча камней это уже не просто разбросанные в беспорядке камни. Если из кучи убрать лежащие внизу камни, то куча рассыплется. Здесь, следовательно, можно наблюдать начало взаимосвязи и взаимодействия составляющих и тем самым начало системности. Объект становится внутренне упорядоченным, т. е. системой, в результате такого усложнения взаимосвязей между составляющими, которое ведет к появлению внутренней организации. Совершенно очевидно, что установление системного характера объекта предполагает выявление в составе целого связей между дискретными частями этого целого⁹. Важность понятия связей (взаимосвязей) для выявления целостности требует более близкого рассмотрения этого понятия. Следует сразу же отметить, что термин *связь* в настоящей работе употребляется в том же значении, что и термин *отношение*. О связи (отношении) между двумя (или более) объектами (элементами) в составе целого, очевидно, можно говорить как при отсутствии прямого или косвенного физического взаимодействия между ними, так и при наличии такового.

В первом случае связь между элементами выступает в виде зависимости или соотношения элементов, определяемого соотносительной значимостью этих элементов в системе. Примером этого вида связей может служить соотношение между членами одной семьи, между командирами разных рангов и подчиненными в войсковом подразделении и т. д.

Во втором случае элементы непосредственно воздействуют друг на друга, и связь реализуется в виде актуального физического взаимодействия. Таковы, например, связи через гравитационные поля в планетарных системах, между частями сооружений и т. д. При этом виде связи возможно наличие, как пишет Г. П. Мельников, «субстанции связи» в виде гвоздей, цемента, клея и т. п. [120, с. 6—8]. (То, что Г. П. Мельников называет субстанцией связи, по сути дела, есть некоторая материальная среда, в которой или посредством которой осуществляется взаимодействие элементов.)

Естественно, в первом случае ни о какой «субстанции связи» говорить невозможно. Но и в первом, и во втором случае имеется взаимная зависимость элементов, определяемая их соотносительной значимостью в составе целого. Эта соотносительная значимость и есть наиболее общее и обязательное свойство всякой внутрисистемной связи. Как мы увидим ниже, в языковой системе связи между элементами выступают в виде соотносительной значимости элементов и не характеризуются

⁹ «...наибольшая смысловая нагрузка в системных исследованиях приходится на понятие *связь*» [27, с. 41].

никакой «субстанцией связи». (Впрочем, при взаимодействии звуков в речевой цепи имеет место уже не только «соотносительная значимость», но и прямое физическое взаимодействие, ведущее к видоизменениям соседствующих звуков. Может быть, в этом случае и можно говорить о чем-то вроде «субстанции связи», в качестве которой выступает воздушная среда.)

Итак, в наиболее общей форме целое, или система, есть некоторый упорядоченный объект, дискретные части которого взаимосвязаны и характеризуются соотносительной значимостью, т. е. находятся в определенных отношениях.

Лингвистический структурализм использует иное понимание целого, или целостности. Целое рассматривается не как совокупность связанных элементов, а только как сетка отношений. Известный шведский лингвист Б. Малмберг в качестве эпиграфа к своей книге «Структурная лингвистика и человеческая коммуникация» взял ставшие крылатыми слова Л. Ельмслева: «...a totality does not consist of things but of relationships» [110]. Сам Л. Ельмслев утверждает: «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не является новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» [62, с. 283]. Это свое утверждение Л. Ельмслев связывает с тезисом Соссюра о том, что язык есть форма, а не субстанция.

Однако освободиться от понятия объектов, отличных от «терминов отношений», лингвистика не может. Взяв в качестве эпиграфа приведенные выше слова Л. Ельмслева, Б. Малмберг тем не менее, определяя понятие структуры, использует понятие «элементы» (т. е. некоторые объекты), находящиеся во взаимных отношениях¹⁰.

Утверждение о том, что в целое (для Б. Малмберга целое соответствует понятию структуры) входят некоторые элементы, находящиеся во взаимных отношениях, отнюдь не равно пониманию элементов как чего-то равноценного терминам отношений. То, что находится в отношениях, с неизбежностью отличается от самих отношений и, следовательно, не может быть опре-

¹⁰ «Структура, согласно обычному употреблению этого слова, состоит из частей или элементов, находящихся в определенных взаимных отношениях, в противоположность простому объединению (accumulation) взаимно независимых частей (items)» [110, с. 5]. Ср. также точку зрения Дж. Л. Трейджера, для которого структура воплощается в субстанции, разделенной на составные части (component units), находящиеся в некоторых отношениях (relations). Для Трейджера языки состоят из «звука, формы (shape) и смысла» [199, с. 19].

делено только в терминах отношений, хотя для понятия элемента системы (для меня целое есть система) указание на его внутрисистемные связи необходимо. Ниже мы увидим, что элементы обладают как системообразующими, так и системоприобретенными свойствами и в силу этого относительно не зависят от системы.

С точки зрения природы элементов, составляющих систему, можно выделить два основных вида систем: материальные системы и идеальные системы.

Материальные системы — это системы, состоящие из материальных элементов, находящихся в определенных взаимоотношениях. Материальные системы бесконечно разнообразны по своим свойствам и особенностям, поскольку бесконечно разнообразны элементы, из которых состоят эти системы, и те связи и отношения, которые имеются между элементами. Так, материальной системой можно считать обычный камень, в котором имеются элементы (молекулы) и связи между ними (молекулярные связи). Материальной системой можно считать сооружение из любого материала — оно состоит из взаимосвязанных и взаимозависимых частей; материальной системой можно считать любой живой организм, то или иное упорядоченное объединение людей, например войсковое подразделение и т. д. Всякий разложимый на составные элементы упорядоченный материальный объект может быть определен как материальная система. (См. признаки систем в работе В. С. Тюхтина [203, с. 48—49].)

Материальные системы бывают относительно простыми и относительно сложными. Сложность и простота систем — понятия не абсолютные.

Более *простые системы* состоят из относительно однородных непосредственно взаимодействующих элементов. В более сложных системах элементы группируются в подсистемы, которые вступают во взаимоотношения как некоторые целостности, образуя, в свою очередь, более сложное целое. Так, например, система рулевого управления автомобиля взаимодействует с другими агрегатами автомобиля как нечто целое, а составляющие эту систему элементы (детали) взаимодействуют с другими деталями автомобиля и системой автомобиля в целом лишь опосредствованно.

В *сложных системах* возможны самые разнообразные объединения и группировки элементов, обнаруживаются прямые, косвенные, сильные, слабые взаимосвязи и взаимодействия между элементами. Наконец, некоторые части (элементы) сложных систем могут оказаться вообще вне взаимодействия и взаимозависимости и связываются между собой лишь в силу принадлежности к общему целому.

Совокупность материальных элементов, из которых состоит система, составляет *материальную субстанцию* данной систе-

мы. Иначе говоря, субстанция материальной системы представлена элементами системы. Поэтому, говоря об элементах материальной системы, можно в определенном смысле иметь в виду ее субстанцию, а говоря о субстанции, иметь в виду ее элементы, хотя, как будет показано ниже, понятия субстанции и элемента не тождественны.

В материальных системах элементы (которые иначе можно определить как элементарные объекты), составляющие эти системы, могут быть значимы для системы благодаря своим физическим, субстанциональным свойствам. Элементарные объекты в составе этих систем представляют самих себя.

Материальные системы, элементы которых значимы для системы сами по себе (или представляют в системе самих себя), называются *первичными материальными системами*.

Они возникают либо независимо от деятельности людей, либо благодаря деятельности людей и существуют независимо от индивидуального или общественного сознания людей.

Первичные материальные системы делятся на ряд видов. Одно из делений — на системы искусственные и естественные (созданные людьми и не созданные людьми); другое деление (на данном этапе развития науки это касается, по-видимому, только естественных систем) — на органические (самоорганизующиеся и саморазвивающиеся) и неорганические.

В отличие от материальных систем *идеальные системы* — это такие системы, элементы (элементарные объекты) которых суть идеальные объекты — понятия или идеи, связанные определенными взаимоотношениями. Идеальной системой, например, является система идей того или иного произведения, система понятий той или иной науки и т. д. Применительно к идеальным системам можно говорить лишь об элементах (идеальных объектах), но не о собственной субстанции этих систем, поскольку идеальное, согласно материалистическому взгляду на мир, есть лишь «характеристика человеческого сознания, основанная на гносеологическом противопоставлении его материальному, материи» [212, с. 125]. Идеальное в отличие от материального не имеет независимого существования, являясь формой отражения внешнего мира. В отличие от материальных систем идеальные системы всегда возникают только благодаря деятельности людей, говоря точнее, благодаря мыслительной деятельности людей.

Идеальные системы, таким образом, не существуют вне какой-либо материальной субстанции. Идеальные системы порождаются материальной субстанцией — мыслящим мозгом — и «закрепляются» в материальной субстанции (в любой материи). Материальная субстанция, порождающая идеальные системы, представляет собой сложнейшую первичную материальную систему — мозг человека.

Идеальная система (система понятий или идей) представля-

ет собой систему одного из видов информации¹¹, по терминологии В. А. Полушкина — семантической информации, и, как таковая, закрепляется в какой-либо другой материальной субстанции, становящейся ее «носителем». Происходит своего рода «отделение» идеальной системы (системы семантической информации) от породившей ее первичной материальной системы¹². Для такого «отделения» требуется другая материальная система, которая благодаря деятельности людей наделяется функцией «хранения» идеальной системы. Материальные элементы этой материальной системы наделяются людьми не свойственной им по их собственной природе функцией «хранения» и выражения той или иной идеи или понятия. Иначе говоря, в этом случае материальные элементы (элементарные объекты) системы представляют не самих себя, а что-то существующее помимо них. Элементы сигнализируют не о самих себе, а о чем-то другом. В рамках такого рода материальных систем элементы системы значимы не столько в силу своих физических субстанциональных свойств, сколько в силу приписанных им свойств быть указателем на что-либо, сигнализировать о чем-либо, находящемся вне их самих.

Приведенная выше краткая характеристика идеальных систем приводит к определению особого рода материальных систем, являющихся «носителями» или «хранителями» идеальных систем.

Материальные системы, в которых материальные элементы значимы для системы не столько в силу своих субстанциональных свойств, сколько в силу приписанных им свойств, называются *вторичными материальными системами*. Они возникают только благодаря деятельности людей как средство закрепления и выражения семантической информации (систем идей или понятий) и тем самым как средство передачи этих идей от человека к человеку, т. е. как средство общения людей.

¹¹ В. А. Полушкин удачно, с моей точки зрения, делит все виды информации на три группы: «По уровню организации объекта, закрепляющего содержание связи, информация может быть элементарной, биологической и семантической» [146, с. 272].

¹² Выражение «отделение» нельзя, конечно, понимать буквально. Понятия или идеи не «прибаваются» и не «приклеиваются» к какой-либо материальной субстанции; последняя служит лишь средством указания на понятия и идеи, существующие в головах людей.

Точно так же метафорой является привычное выражение «передача информации» или «передача мыслей». Буквально передать информацию или мысль нельзя. По телефонному кабелю передаются электрические импульсы, а не мысли. Мысль нельзя отделить от мыслящего мозга. «Передача или сообщение мысли» поэтому заключается в возбуждении в голове слушающего с помощью материальных знаков, соответствующих мыслям говорящего, идей или мыслей, аналогичных мыслям «передающего» идею или мысль. Подробнее см. [186, с. 5—6]. Чтобы не делать изложение громоздким, ниже будут использованы привычные выражения о «передаче», «хранении», «закреплении» (например, в звуках), «носителях» и т. п. идей, мыслей, информации. Их следует, однако, понимать в соответствии с настоящими разъяснениями.

Такие системы называют *знаковыми*, или *семиотическими*. К числу таких систем принадлежит язык.

Теперь уточним использованные термины.

1. *Система* есть некоторый целостный материальный или идеальный объект, состоящий из элементов (элементарных объектов), неразложимых в пределах данной системы и находящихся в определенных взаимосвязях, или взаимоотношениях. Иначе, система есть набор элементов и отношений между этими элементами.

Сложные системы состоят из относительно автономных частей — подсистем, характеризующихся своими элементами.

2. *Элемент*, или элементарный объект, системы есть некоторый идеальный или материальный объект, обладающий рядом свойств и находящийся в каких-либо отношениях с другими объектами в пределах данной системы. Элемент системы сам по себе может быть достаточно *сложным объектом* (в свою очередь, быть системой)¹³, однако он неразложим с точки зрения данной системы. Например, воинское подразделение состоит из людей, а не частей человеческого тела. Система натуральных чисел состоит из целых чисел, а не дробей и т. д. Слово — это неразложимый элемент предложения как некоторой системы. Само же слово — это система, элементами которой являются морфемы.

Всякая система есть целостное объединение более простых систем. Система-компонент неделима только в пределах данной системы. Сама по себе она есть сложное образование. «Электрон,— говорил В. И. Ленин,— так же *неисчерпаем*, как и атом...» [5, с. 277]. Элемент системы может быть либо единицей общесистемного значения, либо единицей какой-либо части (подсистемы) данной системы. В последнем случае элемент не обязательно имеет статус общесистемной единицы. Поэтому понятия элемента и единицы, совпадая во многих случаях, иногда требуют различения.

3. Отношение, или связь, есть тот или иной вид соотношения, зависимостей или взаимодействия между элементами.

4. Системы делятся на материальные и идеальные.

5. Материальные системы могут быть двух видов: первичные и вторичные.

6. Идеальные системы производны от первичных материальных систем.

7. Первичные и вторичные материальные системы различаются свойствами своих элементов (элементарных объектов). Элементы первичных материальных систем значимы для системы сами по себе (в силу своих субстанциональных свойств). Элементы вторичных материальных систем значимы прежде все-

¹³ «...данная система, как правило, выступает в качестве элемента другой системы более высокого порядка, а ее элементы в то же время представляют собой системы более низкого порядка» [212, с. 320].

го в силу того, что они наделены людьми некоторыми свойствами, не присущими им по их субстанциональной природе.

8. Вторичные материальные системы создаются как средство закрепления и хранения идеальных систем (систем семантической информации) и могут быть использованы как средство передачи этой информации.

§ 3. ВТОРИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ, ИЛИ СЕМИОТИЧЕСКИЕ, СИСТЕМЫ

Вторичные материальные системы были определены как семиотические, или знаковые, системы.

Общность их с первичными материальными системами состоит в том, что и те и другие характеризуются наличием материальных элементарных объектов, и те и другие обладают материальной субстанцией.

Различие первичных и вторичных материальных систем обусловлено разной ролью материальной субстанции и соответственно материальных элементов в этих системах. Как уже говорилось, в первичных материальных системах элементы систем значимы сами по себе. Это значит, что их субстанциональные свойства являются организующим началом данной системы. Например, данная жидкость есть вода, поскольку она состоит из молекул воды, а не молекул ртути или молекул керосина. Автоколонна есть автоколонна, поскольку она составлена из автомашин, а не из танков или тракторов. Забегая вперед, можно сказать, что субстанциональные свойства элементов первичных материальных систем относятся к числу системообразующих свойств элементов.

Во вторичных материальных системах, назначение которых — закрепление и выражение систем понятий или идей (идеальных систем, или систем семантической информации), материальные элементы используются как носители некоторых приписанных им свойств и качеств, не свойственных им по их субстанциональной природе. Красный цвет сам по себе не выражает запрета или разрешения. Ему приписано свойство в системе сигналов регулировки уличного движения выражать идею запрета. Фигурка из дерева или из пластмассы в форме конской головы сама по себе не обладает никакими другими свойствами, кроме отдаленного сходства с головой коня и собственными свойствами дерева или пластмассы. В системе шахматной игры эта фигурка наделена свойством быть перемещаемой по квадратам шахматного поля буквой «Г». Это свойство ни малейшей связи с субстанциональной природой фигурки не имеет¹⁴. Ни ма-

¹⁴ На этот факт неоднократно обращает внимание в своем «Курсе» Ф. де Соссюр. По его мнению, а также по мнению многих его последователей, этот пример по аналогии иллюстрирует независимость собственно языка как нематериального образования от его субстанционального воплощения.

териал, ни размеры, ни форма не определяют приписанных данному элементу свойств. Именно поэтому утерянную шахматную фигуру можно легко заменить любым подходящим по размеру предметом. Точно так же и в языке. Никакие физические, субстанциональные свойства звука *к* не определяют того, что в системе русского языка звук *к* используется как предлог: *к дому*, *к реке* и т. п. Это свойство приписано ему и закреплено за ним общественной практикой.

Чувственная, субстанциональная природа элементов вторичной материальной системы безразлична для самого факта использования этих элементов как знаков каких-либо идей, понятий и т. п. В этом смысле, безусловно, справедлив тезис Фердинанда де Соссюра о произвольности языкового знака (если понимать под знаком чувственно воспринимаемый материальный предмет, указывающий на какую-либо идею).

Подтверждение мы находим повсюду. Одна и та же семантическая информация может быть передана звучащей речью, письменным текстом, флажками морской сигнализации, электрическими импульсами (в телефоне) и электромагнитными волнами (радио).

Элементы вторичных материальных систем выступают как знаки, т. е. материальные элементы, значимые не сами по себе, но означающие что-либо находящееся вне их. Это общая черта всех вторичных материальных систем, в силу которой они определены как семиотические. На данном этапе анализа мы констатируем одинаковость знаковой роли, элементов разных вторичных материальных систем в смысле обладания некоторыми свойствами, не присущими им по их природе, хотя знаковая роль элементов в разных вторичных материальных системах реализуется различно.

Сейчас нам предстоит выяснить общие свойства этих элементов, для того чтобы установить назначение материальной субстанции во вторичных материальных системах.

Как говорилось выше, материальная субстанция вторичных материальных систем выполняет функцию закрепления какой-либо идеальной системы. Это закрепление (возможное, разумеется, лишь благодаря деятельности разумных существ) в силу дискретности систем происходит так, что какому-либо элементарному объекту идеальной системы соответствует элементарный объект вторичной материальной системы. Например, идее «движение запрещено» соответствует материальный объект «красный свет», идее «передвигаться буквой Г» соответствует фигура шахматного коня, идее «предлог, обозначающий приближение,» в русском языке соответствует звук *к* и т. д. и т. п.¹⁵.

¹⁵ Совершенно ясно, что выражение «такой-то идее соответствует такой-то материальный элемент» не означает, что идея существует сама по себе, вне

Различение и опознавание того или иного элемента идеальных систем, т. е. той или иной идеи, возможно только путем чувственного восприятия материального элемента, за которым закреплена эта идея. Первая функция материальной субстанции вторичных материальных систем состоит, таким образом, в выражении идеи.

Материальный элемент сигнализирует, что он выражает именно эту, а не другую идею за счет отличительных черт, образуемых его физическими, субстанциональными свойствами. Для различения идей физические свойства каждого элемента должны чем-то отличаться от физических свойств другого элемента. Так, красный цвет отличен от желтого и зеленого, шахматный конь отличен от пешки, ладьи, ферзя и т. д., а звук *к* в языке отличен от всех других звуков. Сказанное подводит к пониманию второй важнейшей функции материальной субстанции вторичной материальной системы. Эта функция заключается в дифференциации элементов идеальных систем (по принятому выше определению — понятий или идей). Дифференциация элементов идеальных систем возможна лишь при условии дифференцированности материальных элементов — носителей идей.

Чем выше дифференцирующая способность материальной субстанции, тем более сложной может быть вторичная материальная система, тем более сложную идеальную систему, или семантическую информацию, способна выражать эта материальная система. И соответственно, наоборот, более сложная семантическая информация требует для своего выражения более сложной вторичной материальной системы.

Степень сложности вторичной материальной системы зависит от дифференцирующей способности материальной субстанции этой системы или от количества разнообразий, которые могут быть образованы в этой субстанции.

Известно, что звуковая речь богаче выразительными средствами речи письменной. В силу этого, в частности, существует искусство художественного чтения.

Таким образом, связи и зависимости между элементами вторичных материальных систем устанавливаются в зависимости от двух типов свойств этих элементов: 1) приписанных им свойств быть указателем или знаком некоторой идеи или понятия и 2) их субстанциональных, физических свойств, дифференцирующих понятия или идеи. Так, например, в русском языке слова *дом* и *книга* различны, поскольку выражают разные понятия; различие же понятий в субстанциональном отношении представлено разными звуками.

материи. Всякая идея есть функция материи. В нашем изложении идея, идеальное есть функция первичной материальной системы — мозга. Вторичная материальная система лишь объективирует и как бы выявляет внешнее идеальное.

Звуки любого языка, представляющие собой материальную субстанцию языка, используются для образования физического разнообразия элементов языка, т. е. используются как дифференциаторы элементов языка. Различие элементов используется для различения выражаемых этими элементами идей, образующих некоторую систему. В то же время звуки языка, являясь элементами материальной субстанции языка, находятся в системных отношениях между собой в рамках данного языка.

Так, в звуковой системе языка имеются различного рода объединения и противопоставления звуков, обусловленные как функциями звуков, так и их физическими и физиологическими (акустико-артикуляционными) свойствами.

Таким образом, во вторичных материальных системах элемент выступает как единство материальных и функциональных свойств или как единство его субстанциональных свойств и приписанных ему свойств выражать какую-либо идею (сигнализировать о какой-либо идее). Без этих приобретенных свойств материальные элементы являются не связанными между собой физическими объектами.

Наделение материальных элементов свойством нести информацию означает выбор различных материальных объектов для выражения разных идей. Иначе говоря, разные идеи соответствуют разным материальным элементам. Красный свет — запрет, зеленый — разрешение. Отсутствие окончания в слове *дом* означает именительный падеж; окончания в словах *дома*, *дому* и т. д. имеют значения косвенных падежей. В семиотических системах материальные объекты характеризуются двумя важными моментами: 1) различием, позволяющим чувственно различать эти объекты; 2) значимостью этих различий. Последнее означает, что различия важны не сами по себе, но для различения идей или понятий.

В силу своих различий материальные элементы образуют систему. Эта система создается не за счет физических различий вообще, но за счет семантических значимых физических различий.

Так, в естественных языках звонкие и глухие взрывные, например *б* — *п*, *г* — *к*, образуют коррелятивные пары только при условии, что физическое различие звонкость—глухость используется для дифференциации идей (смысла), например, *год* — *код*; *пег* — *бег* («бык дней пег» — В. Маяковский). В тех языках, где дифференциация смысла происходит за счет аспирированности—неаспирированности, как, например, в китайском языке: *п*ао* — *пао*, звонкость и глухость не противопоставляются, *б* и *п* не образуют коррелятивной пары и безразлично употребляются в одном и том же слове как вариант его материального облика *пао/бао* 'обнимать', 'заворачивать'.

Этот пример показывает, что системные отношения между

звуками в языке, как это установлено в фонологии, образуются не между звуками, как таковыми, а между звуками, отягченными выполнением различной роли с точки зрения дифференциации смысла.

Смысловое, информационное, иначе, идеальное начало выступает как организующий момент семиотической системы. Оно в виде закодированной информации «вносится» в материю этих систем людьми. Семиотические системы — всегда результат деятельности людей.

Было бы неверным, однако, считать, что семиотические системы существуют лишь в связи с непосредственно воспринимаемыми их субъектами. А. А. Ветров пишет: «Если я, выходя из комнаты, забыл выключить радиоприемник и слова лекции, читаемой по радио, разносятся по пустой квартире, то они не функционируют в качестве знаков, а находятся на уровне чисто физических событий, связанных с другими событиями цепью физических причин: например, при включении приемника на полную мощность с потолка могут сыпаться тоненькие пластинки штукатурки. Точно так же то, что напечатано в книге или написано в рукописи, взятое само по себе, вне отношения к лицу, читающему текст, не обозначает предметов, не выполняет знаковой функции. Это лишь физические явления, определенные конфигурации, начертания, следы типографской краски или чернил. Они оживают, приобретают смысловое и предметное значение, когда их воспринимает человек, знающий язык» [38, с. 59—60].

Однако далеко не всякие физические события могут «ожить», приобрести смысловое и предметное значение, когда их кто-либо воспринимает. Если, выйдя из дома, мы «воспримем» дождь, то дождь останется обычным физическим событием. Следовательно, существуют физические события, которые могут «семиотически ожить», и такие, которые не могут «семиотически ожить». В семиотическом смысле «ожить» могут только такие физические события, в которые ранее была внесена человеком семантическая информация, закрепленная в этих физических событиях в виде их особой организации (или структуры). Иначе говоря, семиотически могут «ожить» только вторичные материальные системы и не могут «ожить» обычные физические события, образующие первичные материальные системы. Но это значит, что вторичные материальные, или семиотические, системы потенциально несут семантическую информацию независимо от того, воспринимает ли кто-нибудь ее в данный момент или нет.

В этом нет «знакового фетишизма», о котором пишет А. А. Ветров, ссылаясь на польского философа А. Шаффа и его «Введение в семантику» (М., 1963). Другое дело, что семиотические системы не могут возникать самопроизвольно, без человеческой деятельности. Но, раз возникнув, семиотические

системы становятся внешними по отношению к отдельным людям. Семиотическая система в своем существовании зависит от человеческого коллектива (общества) и не зависит от отдельного человека.

Семиотические системы существуют объективно в том смысле, что связи, установленные человеком между материальными элементами семиотической системы и тем, что они выражают, объективируются для данного общества и каждый новый член этого общества воспринимает их как нечто данное ему извне. Так, каждый обучающийся водить автомобиль изучает систему светового регулирования движения как существующую до него и вне его. Функционирование семиотических систем¹⁶ невозможно само по себе, без участия человека. Таким образом, семиотическая система не только возникает в силу деятельности человека, но и функционирует благодаря деятельности человека.

Материальная субстанция семиотической системы является материальным носителем информации, закодированной с помощью разнообразия материальных элементов. Соотношение материальной субстанции и системы семантической информации не есть отношение резервуара и содержимого, но есть соотношение кода и сообщения или носителя информации и самой информации. Закодирование информации производится людьми, раскодирование (понимание) также производится людьми.

Кодирование и раскодирование семантической информации осуществляется с целью общения, т. е. передачи этой информации, а именно передачи тех или иных мыслей от одного лица к другому. Кодирова средствами некоторой материальной субстанции свои мысли (семантическую информацию) и тем самым, как принято говорить, внешне выражая свои мысли, передающий информацию (говорящий или пишущий) вовсе не извлекает мысли из своей головы и не прикрепляет их к материальному коду. Этого сделать вообще невозможно. Передающий информацию при помощи элементов вторичных материальных систем, т. е. вполне материальных знаков, указывает воспринимателю информацию на мысли, имеющиеся в его голове. Поскольку же восприниматель информации владеет тем же кодом и знает, какой материальный знак соответствует какой идее, а также знает, какой мысли соответствует та или иная

¹⁶ Под функционированием семиотической системы понимается ее применение в практической деятельности людей. Так, язык используется как средство общения, светофор регулирует движение автомобилей и пешеходов и т. д. Следует отметить, что семиотическая система выступает как несущая информацию, только когда она взята в своем функциональном аспекте. Как набор элементов, находящихся в определенных взаимоотношениях, семиотическая система никогда связной информации не несет. Используя здесь понятие семиотической системы, я фактически имею в виду то, что называют «речью» или «текстом». Ниже будет показано, что *речь* или *текст* есть система, несущая информацию.

конфигурация знаков, постольку данные материальные знаки и их конфигурации как бы резонансно возбуждают в голове воспринимающего информацию мысли, аналогичные тем, которые имелись в голове передающего информацию и которые передающий собственно и хотел «передать» или «сообщить». В этом состоит суть акта «передачи» семантической информации (мысли), или акта коммуникации. Материальная субстанция в виде какой-либо семиотической системы выступает в этом акте необходимым посредником между передающим и воспринимающим информацию. Не всякая материальная субстанция может служить посредником при передаче информации. Только определенным образом организованная материальная субстанция, наделенная свойством указывать на какую-либо информацию и состоящая из дискретных материальных элементов, комбинирующихся друг с другом по определенным правилам, которые известны всем участникам акта коммуникации, может быть таким посредником.

В качестве посредника семиотическая система и является «хранителем» семантической информации. Таким хранителем семантической информации, например, является любая книга, стоящая на полке. Автор книги использовал материальные знаки языка для закодирования своих мыслей. Конфигурации знаков языка (в книге — письменных или печатных изображений этих знаков) у знающих данный язык людей при чтении книги вызовет мысли, аналогичные мыслям автора книги. Книга может стоять на полке неопределенно долго без того, чтобы ее кто-либо читал. В этом случае книга является потенциальным возбудителем соответствующих мыслей у всех, кто знает язык, на котором написана книга. В этом смысле книга, стоящая на полке, и является хранителем семантической информации, хотя в буквальном смысле слова она не содержит и не может содержать в себе никаких нематериальных сущностей.

Информация, сохраняющаяся в материальной субстанции, выступает как некоторое свойство этой субстанции, проявляющееся в организации, или упорядоченности, данной материальной субстанции¹⁷.

Системные отношения, которые существуют между элементами семиотических систем, формируются, таким образом, при ведущей роли содержательной (смысловой), или информационной, стороны. Однако материально-субстанциональные свойства элементов накладывают ограничения на использование эле-

¹⁷ Оценка информации как некоторого свойства материи содержится во многих работах, посвященных философскому осмыслению понятия информации. См., например, работу В. С. Тюттина «Отражение и информация» [202]. Л. А. Петрушенко «Принцип обратной связи», где читаем: «Информация и организация, подобно двуликому Янусу, могут являться то в одном, то в другом обличье в зависимости от условий» [139, с. 62]. См. также обзор литературы по вопросам теории информации [40, с. 117].

ментов в системе и тем самым влияют на характер реализации самих системных отношений.

Для выражения идеи запрета могут быть использованы разные оттенки красного цвета. Однако вариативность возможна лишь в некоторых пределах, а именно в тех пределах, в каких физическая субстанция красного света контрастирует с желтым и зеленым. Выход за пределы этих субстанциональных свойств ведет к нарушению системных связей.

Аналогично в языке. Звуковые единицы лишь в определенных пределах могут варьировать, оставаясь в рамках одной и той же фонемы. Выход за некоторые субстанционально-физические параметры разрушает данный элемент как единицу некоторой семиотической системы¹⁸.

Можно сказать, что в семиотических системах сетка отношений между идеальными (понятийными, информационными, смысловыми) элементами всегда отягчена материальной субстанцией. Иначе говоря, семиотические системы, и в том числе язык, не есть сетка чистых отношений нематериальных сущностей. Такая сетка отношений может быть абстрагирована от объекта как целостной системы, но она не равна объекту в целом. Она есть атрибут, или свойство, вторичной материальной системы.

В семиотических системах представлены отношения между знаками, которые не существуют вне материальной субстанции. Тем самым материальная субстанция семиотических систем включается в системные отношения.

В свете сказанного становится, по-видимому, ясным, что изучение семиотических систем вне их материальной субстанции возможно в ограниченных пределах, лишь при абстрактном рассмотрении отношений между элементами. Для некоторых целей это необходимо.

Изучение же семиотических систем как целостного явления возможно лишь при учете и материального аспекта этих систем, и их идеального аспекта, взятых в неразрывной связи.

§ 4. СТРУКТУРА

Каждая система, понимаемая как некоторый материальный или идеальный объект, имеет определенное устройство, организацию, упорядоченность. Устройство, организация, упорядоченность системы представляют собой *структуру* этой системы¹⁹. Структурой обладают первичные материальные системы (различные вещества, организмы, сооружения, машины), структурой

¹⁸ Кроме случаев так называемой нейтрализации различий или просто опущения звука из состава звуковой оболочки, как, например, в жаргоне школьников *физра* вместо *физкультура*.

¹⁹ См., например, характеристику понятия структуры в работе В. С. Тютютина [202, с. 43]. Аналогичное понимание структуры имеется и во многих других философских работах.

обладают идеальные системы (системы семантической информации, системы понятий науки и т. д.), структурой обладают и вторичные материальные системы (семиотические системы). Язык как вторичная материальная система обладает структурой, понимаемой как его внутренняя организация.

Устройство, организация или упорядоченность системы, т. е. структура системы, определяются характером взаимоотношений элементарных объектов, или элементов системы. Структуру системы можно иначе определить как совокупность внутрисистемных связей. Если понятие системы относится к некоторому объекту как целостному образованию и включает в себя и элементы системы, и их взаимоотношения, то понятие структуры данной системы включает только внутрисистемные отношения в отвлечении от объектов, составляющих систему²⁰.

Структура тем самым есть понятие, противопоставленное материальным объектам, или элементам системы (если берется материальная система), или идеальным объектам системы (если берется идеальная система). Структура существует объективно как внутреннее устройство, организация или упорядоченность объекта (системы) и может быть объектом изучения в отвлечении от субстанции данной системы. Структура есть атрибут некоторой системы. Структура не может существовать вне субстанции или элементов системы. Но структура может быть тем не менее искусственно абстрагирована от субстанции и как бы выделена.

Объективность существования структуры в системе подтверждается опытами, показывающими, что при воздействии на живой организм какими-либо раздражителями организм реагирует не столько на субстанциональную их сторону, сколько на организацию, т. е. на структуру²¹. Опыт показывает относительную самостоятельность структуры. Эта относительная самостоятельность структуры позволяет мысленно абстрагировать структуру от субстанции и изучать ее как некоторое относительно самостоятельное явление.

Поскольку мы определили систему как некоторый объект в целом, включающий в себя элементы и взаимосвязи элементов, а структуру — как совокупность внутрисистемных связей, или, что то же самое, как внутреннюю организацию, упорядоченность объекта, постольку между системой (объектом) и структурой следует проводить различие. Структура не равна объекту в целом. Структура есть объект минус составляющие его элементы, или

²⁰ Применительно к языку такого же понимания структуры придерживается Г. П. Мельников [119, с. 98].

²¹ См. работу В. С. Тухтина [202, с. 43—44]. В ней описан следующий опыт. У собаки выработали условный рефлекс на определенный ритм ударов метронома. Затем убрали метроном и стали воздействовать на собаку световыми импульсами того же ритма, что и удары метронома. Реакция собаки осталась прежней. Это показывает, что собака реагировала не столько на звук или свет, сколько на организацию (ритм) звуков и световых импульсов.

система минус элементы системы. Такое понимание структуры отличается от понимания структуры, принятого в ряде работ по языкознанию, что нетрудно видеть, обратившись к определениям понятия структуры, приведенным выше.

Различное понимание категорий «система» и «структура» ведет к различному «рассечению» изучаемых объектов даже при сходном понимании того, что такое объект. Так, Г. С. Щур пишет: «Общим для объектов материального мира является то, что они построены из отдельных элементов (единиц), определенным образом связанных и находящихся в определенных отношениях, что обуславливает целостность этих объектов, независимо от размеров, качества и сложности их элементов. Это делает необходимым двойное рассмотрение объектов: а) элементов, их составляющих, и б) связей, существующих между этими элементами. Совокупность элементов (единиц) данного объекта называется структурой. Совокупность связей, существующих между элементами данной структуры, называется системой» [233, с. 16].

Сопоставление приведенных высказываний с тем пониманием системы и структуры, которое принимается в настоящей работе, показывает, что категоризация сторон и свойств объекта как целого оказывается различной.

В настоящей работе: 1) элементы и их связи составляют категорию — систему, или объект как целое; 2) совокупность связей составляет категорию — структуру как атрибут системы, или целого.

У Г. С. Щура: 1) элементы в совокупности составляют категорию — структуру; 2) совокупность связей составляет категорию — систему. При такой категоризации объект как целое отличен и от системы, и от структуры. Но в объекте нет ничего сверх элементов и их связей, которые в совокупности и составляют объект как целостность.

У Г. С. Щура в отдельную категорию выделена совокупность связей, которая названа системой. В настоящей работе совокупность связей выделена также в отдельную категорию и названа структурой. Можно считать, что здесь расхождения чисто терминологические. Однако Г. С. Щур выделяет в отдельную категорию элементы без указания на их взаимосвязи²². Это последовательно с точки зрения проведения различий между понятиями объекта как целого и категориями системы и структуры. Но оправданно ли это само по себе? Элементы как некоторые объекты вне их взаимных связей не являются элементами какого-либо объекта как целого. Элементы сами по себе как некоторые объекты могут вступать в различные связи, об-

²² Ср. у Ю. С. Степанова: «Структура языка — это его фонемы, морфемы и конструкции и отношения между ними» [194, с. 8], где под структурой понимаются элементы плюс их взаимосвязи, что в настоящей работе определено как система.

разуя разные целостности, или разные объекты. (Об этом подробнее будет сказано ниже.) Следовательно, признание элементов (элементарных объектов) элементами определенного объекта, а не какого-либо другого объекта, с неизбежностью предполагает указание на их взаимосвязи в данном объекте, что, впрочем, сделано у Г. С. Щура, когда он говорит о целом объекте. Поэтому объединение элементов данного объекта в некоторую категорию без указания на их взаимосвязи в составе данного объекта вряд ли целесообразно. Можно указать еще на одно соображение, в силу которого нецелесообразно выделять элементы в некоторую категорию — структуру. Если, как пишет Г. С. Щур, «объекты материального мира построены из элементов» (что само по себе верно), то это значит, что элементы могут быть только материальными элементами. Если их совокупность есть структура, то это значит, что структура есть нечто материальное. Получается, что структура не есть упорядоченность или организация материальной субстанции, а сама материальная субстанция в дискретном состоянии (в виде элементов).

В более поздних работах Г. С. Щур несколько уточнил свои представления о понятиях системы, структуры и объекта: «...*структура* — это совокупность иерархических элементов и отношений между ними... *Система* — это иерархическая сеть связей между элементами или группами элементов данного объекта. *Объект* — это полифункциональная совокупность элементов или групп элементов, находящихся в отношениях и связях» [234, с. 6]. Различие между категориями *структура* и *система* Г. С. Щур увязывает с разграничением понятий «связь» и «отношение». Увязывая понятие структуры с понятием отношений, автор по-прежнему называет структуру совокупностью элементов, хотя и вводит теперь в определение структуры не только указание на элементы, но и на отношения между ними. Определение структуры тем самым теперь полностью совпадает с общенаучным определением системы как некоторого целостного объекта, состоящего из элементов, находящихся во взаимных отношениях или связях. Система, по Г. С. Щуру, по-прежнему соответствует общенаучному понятию структуры как сетке связей.

Что касается различия понятий *связь* и *отношение*, то хотя в некоторых случаях различия между этими понятиями, может быть, проводить нужно, однако в целом это однопорядковые понятия. Всякое отношение есть тот или иной вид связи, и всякая связь может быть рассмотрена как тот или иной вид отношения. Однопорядковость этих понятий не позволяет разграничивать категории системы и структуры путем характеристики системы через связи, а структуры через отношения.

Как и раньше, Г. С. Щур ограничивает категорию объекта как от системы, так и от структуры: «...любой объект обладает двойкой природой и имеет структуру и систему...» [234, с. 7].

В этом отношении скорее прав Ю. С. Степанов, который (как это видно из приведенной цитаты) указывает одновременно и на элементы, и на их взаимосвязи. Но указание на элементы и на их взаимосвязи имплицитно подразумевает понятие о целостном объекте. Это и есть указание на объект в целом. Другое дело, как назвать эту целостность — структурой или системой. В соответствии с общенаучным пониманием системы мне представляется целесообразным целое именовать системой (элементы плюс связи), а сетку связей — структурой.

Определение понятия структуры как совокупности элементов данного объекта существенно отличается от понимания структуры как внутренней организации и упорядоченности объекта. Такое определение, как мне кажется, препятствует противопоставлению структуры субстанциональной стороне объекта.

Фактическое приравнивание структуры к совокупности элементов входит в противоречие с возможностью абстрагировать структуру как внутреннюю организацию объекта и мысленно выделить ее. Описанный выше опыт с метрономом и световыми сигналами доказывает возможность существования аналогичных²³ структур в разных объектах. Включение в понятие структуры элементов данного объекта не допускает возможности существования аналогичных структур в разных объектах.

Что касается языка, то он не только не требует применения к нему особого понятия структуры, отличного от того, какое применяется к другим явлениям, но, наоборот, сам подтверждает правомерность того общенаучного понимания структуры, которое принято в данной работе. При перекодировании звуковой речи в электрические посылки (телефон или телеграф), как известно, происходит перенос структуры языка как звукового явления. При этом переносится именно принцип организации, упорядочения (структура), а не элементы или единицы звукового языка. В новой субстанции создаются новые единицы.

§ 5. СТРУКТУРА И СУБСТАНЦИЯ СИСТЕМ

(Роль элементов и структур в системе)

1. Соотношение структуры и субстанции в целом

Согласно приведенному выше определению, элементы системы и структура системы в совокупности составляют систему. Элементы воплощают в себе субстанциональное начало систе-

²³ Ниже будет показано, что, если быть точным, можно говорить лишь об аналогичных структурах в разных объектах, различающихся как угодно мало (а не об одной и той же реальной структуре разных объектов), или же об одной и той же идеализированной структуре — инварианте реальных структур.

мы, а структура есть внутренняя организация, упорядоченность системы. Структура тем самым есть внутренняя форма данной системы²⁴.

Какова роль субстанции и какова роль структуры в образовании и существовании данной системы? Можно этот вопрос поставить иначе: какова роль элементов и какова роль их взаимоотношений (структуры) в данной системе?

Элементы и их системные связи (структура) зависят друг от друга и обуславливают друг друга. Тот или иной объект становится элементом системы лишь благодаря системным связям, в которых он находится, т. е. благодаря структуре.

Внутрисистемные связи (структура) существуют лишь постольку, поскольку существуют элементы, между которыми может устанавливаться связь.

Выше отмечалась относительная независимость структуры от субстанции и соответственно от элементов (опыт с метрономом и светом). В известном смысле можно констатировать также относительную независимость элементов от системных связей (структуры). Эта относительная независимость обнаруживается в том, что элементы могут быть использованы для организации иной системы с иной структурой. Так, одни и те же атомы, вступая в различные отношения, образуют молекулы разных веществ. Из одних и тех же кирпичей можно построить различные сооружения. Одни и те же слова могут образовывать разные типы предложений²⁵.

Итак, одна и та же структура как будто бы может быть об-

²⁴ «Структура...— стрбение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых закономерных взаимосвязей между ее элементами» [212, с. 345]. Если сопоставить это общее определение структуры с определением понятия формы, то станет еще яснее правомерность признания понятий формы и структуры однопорядковыми категориями: «Категория формы выражает внутреннюю связь и способ организации, взаимодействия элементов и процессов как между собой, так и с внешними условиями» [212, с. 382].

²⁵ В последующем изложении я буду пользоваться терминами *фонема*, *морфема*, *слово*, *предложение*. В третьей части работы такие единицы, как *фонема*, *морфема* и *слово*, будут подвергнуты специальному рассмотрению. В первой и второй частях работы эти понятия используются без специального их анализа в следующем значении:

1. *Фонема* — односторонняя единица звуковой системы языка, представляющая собой класс функционально тождественных и физически сходных звуков. Фонема обладает смысловозначительной и смысловыразительной функциями, поскольку, не выражая смысла сама, участвует в его выражении, входя в состав звуковых оболочек слов и морфем.

2. *Морфема* — кратчайшая двусторонняя единица языка, являющаяся частью слова. Характеризуется наличием некоторого значения и синтаксической несамостоятельностью.

3. *Слово* — двусторонняя единица языка. Обладает определенным значением и синтаксической самостоятельностью.

4. *Предложение* — образованная из слов (частный случай — из одного слова) речевая единица, представляющая собой речевую (функциональную) систему, выражающую относительно законченную семантическую информацию (сообщение).

наружена в разных объектах, а одни и те же элементы могут образовывать разные системы (объекты). По-видимому, и первый и второй случаи требуют уточнения и детализации. Пока же мы констатируем факт относительной независимости структуры от элементов и субстанции, а также относительной независимости элементов (субстанционального начала) от структуры.

Целесообразно рассмотреть теперь, в какой мере элементы не зависят от структуры и в какой мере структура не зависит от элементов (и субстанции) и может быть повторена в разных субстанциях.

По-видимому, теперь следует провести различие между понятиями *субстанция* и *элемент*. Отражая субстанциональные свойства, элемент системы структурно обусловлен. Одна и та же субстанция может быть структурирована разными способами, т. е. на основе одной и той же субстанции могут быть образованы разные системы²⁶. В этом смысле субстанция относительно независима от структуры, и в этом же смысле субстанция первична по отношению к структуре.

Что касается элементов, то в одних случаях они могут вступать в новые комбинации, образуя новую сетку отношений (новую структуру), в других случаях не могут, поскольку элементы сами структурно обусловлены и являются тем, что они есть, в силу своих внутрисистемных связей. Так, в рамках одного и того же языка одни и те же слова образуют разные типы предложений, которые можно рассматривать как некоторые системы, несущие информацию. Внутри этих предложений-систем слова вступают в разные связи. Поэтому мы можем сказать, что такие предложения имеют разную структуру (например, *Рабочие строят дом* и *Дом построен рабочими*).

Образовать же из слов языка А предложения в языке В невозможно, поскольку слова языка А структурно обусловлены всей системой этого языка, но в то же время они сами, как это будет показано ниже, обуславливают структуру этого языка.

В любом случае (слова языка структурно обусловлены или сами обуславливают структуру) слова данного языка, являясь элементами системы данного языка, неразрывно связаны с данной структурой. Аналогично морфема изолирующего языка отлична от морфемы флективного языка. И в том и в другом случае это элементы разных систем и характеризуются разными системно-структурными свойствами.

²⁶ Субстанция как абсолютно аморфное начало не существует. Всякая субстанция обладает той или иной структурой. Если рассматривать субстанцию как содержание какого-либо материального объекта, то следует говорить о структурированной субстанции. Структурированная субстанция, а не аморфная субстанция, есть содержание объекта и, как таковая, противопоставлена его форме, образуемой за счет структуры. Ср. замечание Г. П. Щедровицкого о том, что «любой материал, который мы выделяем в каком-либо объекте при „нисхождении“, всегда структурирован, всегда имеет определенное строение...» [228, с. 112—113].

Однако все языки имеют одну и ту же материальную субстанцию — звуковые волны. Очевидно, что субстанция системы не одно и то же, что элементы системы. Субстанция, понимаемая в смысле материала или вещества, не зависит от данной системы или от данной структуры, в то время как элемент сам есть неотрывная часть системы и структурно обусловлен. Именно поэтому каждая система обладает своими элементами, и лишь в ограниченных пределах и при соблюдении некоторых обязательных условий из одних и тех же элементов могут быть образованы разные системы, например, разные типы предложений-систем в рамках одного и того же языка.

Относительная независимость структуры от субстанции как будто проявляется в том, что одну и ту же структуру можно обнаружить (реализовать, воплотить) в разных субстанциях, например в свете и звуке (как в опыте с метрономом).

Наличие одинаковых структур у разных объектов отражено в понятии *изоморфизма*, которое в «Философском словаре» определяется таким образом: «Две системы, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой системы соответствует лишь один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в другой, и обратно. Такое взаимоднозначное соответствие называется изоморфизм» [212, с. 127]. Там же подчеркивается, что «полный изоморфизм может быть лишь между абстрактными идеализированными объектами...». Это положение представляется весьма важным в теоретическом плане.

Строго говоря, нельзя говорить об одной и той же структуре, или об *абсолютном тождестве* структур, двух разных материальных объектов. Это, как мне кажется, можно подтвердить теоретическим рассуждением и проиллюстрировать конкретными примерами.

Приведенные выше (см. прим. 24) определения понятий *структура* и *форма* показывают, что оба эти понятия, или категории, характеризуют организацию, упорядоченность объекта, внутреннюю связь и взаимодействие элементов в объекте. Из этих определений следует если не тождественность, то по крайней мере *однопорядковость* этих категорий²⁷.

²⁷ В. С. Тюхтин в статье «Системно-структурный подход и специфика философского знания» критикует определение формы как «организации, структуры содержания» [203, с. 57]. Эта критика нам кажется оправданной в той мере, в какой определение формы как структуры содержания допускает понимание «содержания» как некоторого бесструктурного начала. Проведение же резкого разграничения между формой и структурой, характеристика формы только как «способа существования и выражения содержания объекта», как «модификации содержания объекта» [203, с. 58] (в онтологическом аспекте), вне связи с внутренней и внешней организацией упорядоченного объекта, мне представляется неоправданным.

Понятие формы, однако, как мне представляется, можно трактовать шире, чем понятие структуры. Форма характеризует и внутреннее устройство, и внешний облик. Структура есть внутреннее устройство объекта и, как таковая, входит в общую категорию формы.

Форма всякой вещи уникальна и неповторима. Структура данного объекта (вещи) есть структура именно этого объекта. В этом смысле структура уникальна и неповторима. В новом объекте может быть обнаружена подобная, аналогичная, как угодно близкая и т. п. структура, но это будет другая структура другого объекта. В этом, в частности, проявляется зависимость структуры от субстанции.

Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин в «Философских тетрадах» отмечает его слова: «Материи нельзя видеть, осязать и т. д., — то, что видят, осязают, есть уже *определенная материя*, т. е. единство материи и формы» [6, с. 130]. Несколько выше В. И. Ленин пишет: «Форма существенна. Сущность формирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...» [6, с. 129].

Вне формы или же вне структуры материя не существует вообще, как не существует ни один объект вне своей формы и вне своей структуры (имеется в виду упорядоченный объект, а не хаотическое скопление предметов вроде кучи или свалки).

Признание полной одинаковости структуры и формы у двух объектов, сделанных из одного и того же материала (вещества), например двух гвоздей, сделанных из «одного и того же» металла, требует признания тождественности всех свойств этих объектов, если, конечно, допустить и полную одинаковость свойств вещественной, материальной стороны этих объектов. Признание тождественности всех свойств двух или более объектов делает их неразличимыми, т. е. они должны быть признаны одной вещью, а между тем они одновременно существуют в разных местах пространства. Такой парадокс есть следствие признания полной тождественности структур и субстанций двух «телесно» разных объектов²⁸.

Но в том-то все и дело, что полной тождественности струк-

²⁸ По мнению А. И. Уёмова, подобные парадоксы возникают при «телесном» понимании вещи. В подтверждение он приводит парадокс Гоббса о корабле Тезея: «Если в этом корабле все доски будут постепенно заменены новыми, то корабль останется численно тем же самым, но если кто-нибудь сохранил бы вынутые старые доски и, соединив их наконец в прежнем порядке, построил бы из них корабль, то и этот корабль был бы, несомненно, количественно тем же самым, что и первоначальный. Мы имели бы в этом случае два численно идентичных корабля, что является абсурдом» [204, с. 11]. Приводя эти слова Гоббса, А. И. Уёмов пишет: «Построенный вновь корабль по своему материалу и по своей форме будет тем же, что и прежний, но, с другой стороны, тем же будет и тот корабль, с которым произошли изменения» [204, 11]. Подобные парадоксы, однако, устранимы, если предположить, что каждый предмет или вещь, понимаемые в данном случае в «телесном» смысле, имеют свою форму и свою структуру.

туры и субстанции двух разных объектов, даже сделанных из «одного и того же» материала (вещества), не бывает. Говоря, что два объекта сделаны из одного и того же материала (вещества), мы отвлекаемся от того, что этот материал в каждом объекте представлен в структурированном виде, иначе «есть уже определенная материя» и имеет свою структуру и форму и, следовательно, есть уже другая материя, хотя и принадлежащая к одному и тому же «веществу» (воде, железу, дереву, воздуху и т. п.).

Греческая статуя может быть повторена в десятках копий, сделанных из «одного и того же» материала, но это будут копии, обладающие аналогичной формой и структурой. Сами же эти форма и структура уникальны и неповторимы для данной субстанции и находятся с формой и структурой оригинала в отношении подобия, сходства. Различия между двумя структурами может быть как угодно мало, практически это различие может быть близким к нулю, но оно не может исчезнуть совсем. В противном случае сотрется различие оригинала и копии и мы попадем в парадоксальную ситуацию: одна и та же вещь окажется существующей в разных точках пространства.

Неповторимость структуры данной материальной субстанции связана с явлением энтропии информации, носителем которой может быть или является данная материальная субстанция. Понятия структуры и информации связаны, как известно, между собой через понятие упорядоченности. Структура есть упорядоченность данной системы (объекта), информация (согласно Шенону) есть мера упорядоченности данного объекта (системы). Следовательно, чем сложнее структура объекта, тем большее количество и разнообразие информации объект может нести и сохранять.

Со временем объект может подвергаться различным разрушительным воздействиям. Это затрагивает и его структуру. Например, надписи или рисунки на скалах стираются под воздействием сил природы, при этом теряются их структурные особенности и в силу этого происходит ослабление их информативности. Возникает утрата части информации (энтропия информации). При перекодировании речи из одной материальной субстанции в другую (звука — в электрические послышки или в электромагнитные волны и опять в звуки) происходит фактически образование в новой субстанции структуры, изоморфной или подобной структуре первой субстанции. Поскольку же новая структура есть лишь копия первой и в чем-то от нее отличается, постольку за счет этого различия возникает утечка или утрата части информации, т. е. происходит энтропия информации, которая тем значительнее, чем больше расхождения в структурах соответствующих субстанций.

Материя и структура неразрывно связаны и предполагают друг друга. В то же время это разные категории. Их различие проявляется, в частности, в том, что материя подчиняется законам сохранения (сохранение массы, энергии), структура же, как и форма объекта, этим законам не подчиняется и исчезает бесследно с уничтожением данного объекта. Единственный способ «сохранить» структуру — это скопировать ее в другом объекте, структура которого окажется изоморфной структуре исходного объекта.

Структура не может существовать в «чистом виде» вне материи и в этом смысле зависит от материи. В то же время, как уже говорилось, материальная субстанция не существует вне структуры, так же как не существует материя вне времени и пространства. Структура есть форма (способ) существования материальной субстанции, так же как время и пространство суть формы существования материи.

Проблема *полного изоморфизма*, или проблема тождества структур различных объектов, имеет важное теоретическое значение для обоснования принципа инвариантности. Полный изоморфизм «может быть лишь между абстрактными, идеализированными объектами...» [212, с. 127]. В качестве примера такого изоморфизма приводится соответствие между геометрической фигурой и ее аналитическим выражением в виде формулы.

Если два здания, построенные по одному проекту, суть два разных материальных объекта, а проект представляет собой изображение схемы или сетки отношений между элементами (кирпичами, блоками, балками и т. п.), то в какой мере правомерно говорить о тождестве структур этих объектов, или о том, что они имеют одну и ту же структуру?

Если говорить о реальной структуре каждого из зданий, т. е. о той структуре, которая воплощена в строительном материале, то в силу принципа уникальности и неповторимости реальных структур каждое из зданий имеет свою структуру. Эти структуры могут быть как угодно близки, но они нетождественны, и в силу этого даже при «одинаковости» материала нетождественны по некоторым свойствам и два рассматриваемых здания. Аналогично никогда не бывают тождественны по своим свойствам два автомобиля одной марки и модели, сошедшие с одного и того же конвейера. Это эмпирический факт, в правильности которого люди убеждаются на собственном опыте.

Что же касается проекта, на основании которого строятся дома, или чертежа, по которому создают автомобили, то они (проект или чертеж) представляют *идеализированные объекты*, обладающие соответственно *идеализированными структурами*, которые «воплощены» в реальных объектах.

Идеализированная структура может быть выделена и зафиксирована в виде чертежа или на языке математических формул из каждого объекта (дома или автомобиля).

Эти идеализированные структуры могут находиться в отношениях полного изоморфизма, т. е. быть тождественными друг другу.

Общая идеализированная структура есть некоторое инвариантное начало, вокруг которого как бы колеблются реальные структуры — варианты данного *инварианта*²⁹. Размер колеба-

²⁹ Я использую термин *инвариант* для обозначения некоторого идеализированного объекта, соответствующего классу однородных реальных объек-

ний или отклонений не может превышать некоторых пределов. Сами эти колебания, т. е. отклонения от идеализированного инварианта, обусловлены тем, что каждый конкретный объект обладает своей субстанцией и своими элементами, создающими свою неповторимую структуру. В случае выхода за допустимый предел образуется новая структура и соответственно новый объект. Таким образом, серия автомобилей одной марки и одной модели или ряд домов, построенных по одному проекту, имеют общую инвариантную структуру, которая воплощается в чертеже или плане. Каждый конкретный автомобиль или дом имеет свою собственную структуру, которая воплощена в строительном материале и представляет собой вариант идеализированной структуры-инварианта.

Мы рассматривали проблему полного изоморфизма в первичных материальных системах, причем в той их разновидности, которая относится к числу возникших в результате человеческой деятельности, т. е. в искусственных системах. Такие первичные материальные системы можно рассматривать как реализацию некоторых идеальных систем, возникающих в результате мыслительной деятельности³⁰. *Идеальный объект* и его *идеальная структура* представляют собой инвариант, на основе которого создаются реальные объекты со своими структурами.

Что касается первичных материальных объектов (систем), возникающих вне деятельности людей, т. е. естественных систем, то также можно говорить о соответствующих им идеальных объектах и идеальных структурах.

Идеальный объект и идеальная структура отображают то общее, что присуще ряду однородных материальных объектов. Выделение идеальных объектов возможно лишь мысленно благодаря абстрагирующей деятельности людей. А сама эта абстрагирующая деятельность возможна лишь в силу того, что в реальных материальных объектах наряду с индивидуальными свойствами имеются и общие для них всех и в этом смысле абстрактные свойства. В. И. Ленин отмечает в «Философских тетрадах»: «Природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение» [6, с. 190]. Абстрактное, или общее, в ряде объектов и выделяется как некоторый инвариант, как идеализированный объект.

Различие естественных и искусственных первичных матери-

тов. Так, «лошадь вообще» есть инвариант класса лошадей. Подробнее вопрос о лингвистических инвариантах будет рассмотрен в разделе, посвященном единицам языка.

³⁰ Ср. известное замечание К. Маркса относительно пчелы и архитектора, который до построения реального объекта создает в своей голове этот объект в идеализированном виде: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [1, с. 189].

альных систем состоит в том, что из первых путем операции абстрагирования выделяют идеализированные объекты и идеализированные структуры. Что же касается вторых, то в них благодаря человеческой деятельности осуществляется идеальный объект и идеальная структура, возникшие в силу творческой мыслительной деятельности человека, в конечном итоге являющейся результатом отражательной деятельности мозга.

2. Структура и субстанция в семиотических системах

Вторичные материальные системы, как говорилось, всегда являются результатом деятельности людей. Это объединяет их с первичными материальными системами второго рода, т. е. с искусственными системами.

Так же как и искусственные первичные системы, вторичные материальные системы, по крайней мере простейшие, можно рассматривать как овеществление некоторых идеальных объектов и идеальных структур, возникающих в голове человека.

Это достаточно ясно видно на примере элементарных семиотических систем. Например, система светофора овеществляет идеи запрета и разрешения движения. Бытовое словопотребление отражает в известной мере соотношение идеального объекта (и соответственно идеальной структуры) и его материального воплощения; так, например, говорят, что в картине воплощен замысел художника, и т. д.

Иначе обстоит дело в таких сложнейших семиотических системах, какой является язык.

Язык возникает и развивается лишь благодаря деятельности людей. Сам по себе язык развиваться не может. Об этом свидетельствуют так называемые мертвые языки, т. е. языки, которыми не пользуются для общения. Развитие языка происходит в целом благодаря стихийному и неосознанному творчеству людей, и это создает впечатление, что язык, подобно органическим системам, способен развиваться сам. Некоторые авторы считают возможным говорить о том, что язык является «органическим» (т. е. развивающимся) объектом» [233, с. 22]. Язык, конечно, развивается, но он развивается не сам, а его носителями — людьми. Язык можно назвать «развиваемым» объектом, поскольку его развивают люди, пользующиеся им. В этом принципиальное отличие развития языка от развития органических систем. Органическую систему никто не развивает извне, она развивается сама, взаимодействуя с внешними условиями, которые оказывают известное влияние на ход развития системы.

Язык развивается и изменяется людьми, хотя в самом языке заложены предпосылки его изменений. Правда, люди не могут изменять язык по своему произволу. Люди развивают язык,

стремясь к более удобному и совершенному способу общения, при этом они, как правило, не осознают тех изменений, которые вносят в язык. Если предельно упростить процесс изменения языка людьми, то можно сказать, что в ходе общения такие-то и такие-то звуки произносятся несколько иначе, чем раньше, такие-то и такие-то значимые элементы языка употребляются несколько иначе, значению таких-то и таких-то слов придается несколько новый оттенок, для выражения нового понятия создается новое слово, и т. д. Внося в систему языка все эти изменения, люди связаны устройством системы языка, которая во многом определяет характер и направление развития и изменений. Самое важное, что надо здесь подчеркнуть, это то, что в язык, как и во всякую семиотическую систему, изменения вносятся извне теми, кто пользуется этой системой.

Процесс создания системы языка (а процесс изменения и развития системы языка можно в известном смысле расценивать как продолжающийся процесс создания) может быть в некотором смысле охарактеризован в целом как стихийный процесс овеществления некоторых идей (идеальных объектов) в материальной (звуковой) субстанции³¹. Иначе говоря, это процесс наделяния материальных объектов несвойственной им самим по их природе функцией — служить обозначением чего-то существующего (реально или в фантазии людей) вне этих объектов.

Являясь системой колоссальной сложности, язык, как это уже не раз подчеркивалось, представляет собой систему систем, а также набор своего рода планов или чертежей (шаблонов или клише), по которым в речи создаются конкретные речевые образования, несущие информацию. Эти речевые образования — предложения — также суть системы (см. ниже, гл. II, § 5). Таковыми системами, например, будут два предложения: *Птица летит* и *Змея ползет*.

Если рассматривать эти два предложения как две реальные системы, то, согласно принципу уникальности и неповторимости структур конкретных систем, мы должны сказать, что каждое из этих предложений обладает своей структурой. Языковеды считают, что два эти предложения обладают тождественной структурой, или, иначе, у этих предложений одна и та же структура.

Это утверждение совершенно верно и не противоречит нашему утверждению о том, что каждая конкретная система обладает своей структурой, поскольку оба эти предложения являются реализацией одной и той же схемы П — С, которая представляет идеализированный объект с идеализированной

³¹ Сказанное нельзя понимать как воплощение в звуках уже готовых идей. Возникающие в голове человека идеи в самом своем оформлении требуют опоры в материальной субстанции «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка» [3, с. 29].

структурой. Общая (тождественная) структура этих предложений есть инвариант, вариантами которого выступают структуры конкретных предложений: *Птица летит* и *Змея ползет*.

Лингвист, анализируя два таких предложения, рассматривает обычно конкретные слова как представители некоторых классов, а само это предложение — как результат сочетания классов слов. Классы слов представляют собой фактически уже абстрактные объекты, соединение которых образует абстрактную структуру. Конкретность предложений и соответственно конкретность структур создаются за счет конкретных слов. Поскольку же лингвистический анализ касается данного типа предложений как абстрактных объектов, а не изолированных конкретных предложений, постольку утверждение о собственной структуре каждого конкретного объекта — предложения становится излишним.

В действительности не всегда это утверждение бывает излишним. Конкретные предложения выступают как варианты некоторого предложения-инварианта, обладающего инвариантной структурой, лишь до тех пор, пока их конкретные структуры суть варианты идеализированной структуры-инварианта. Последнее имеет место до тех пор, пока на места идеализированных элементов предложения-инварианта ставятся такие слова, которые могут рассматриваться как принадлежащие к определенному классу слов, инвариантом которых являются элементы абстрактного предложения-инварианта. Слова данного класса и образуют конкретную структуру — вариант абстрактной общей структуры. Если же выйти за пределы данного класса слов и употребить другие слова, которые в сочетании образуют свою особую структуру или просто не образуют структуры (не сочетаются друг с другом), то мы не получим структуры, вариантной исходному инварианту.

Сказанное можно пояснить на примере А. А. Шахматова [71, с. 96]. Русское предложение *Дети причесываются няней* является вариантом некоторого предложения-инварианта, реализующегося в конкретных предложениях типа *Дети причесываются тетей (мамой), Мальчики умываются няней (тетей, бабушкой)* и т. д. Конкретные структуры этих предложений суть варианты соответствующей структуры-инварианта.

Если же мы выйдем за предел допустимых для данной структуры-инварианта элементов (в данном случае слов), то мы либо разрушим исходный объект-предложение, либо создадим новый объект-предложение с новой своей структурой, которая будет вариантом другой абстрактной структуры-инварианта, присущей другому абстрактному предложению.

В случае с приведенным примером (*Дети причесываются няней*) замена третьего конкретного элемента — слова из подкласса одушевленных существительных на слово из подкласса неодушевленных существительных — ведет к выходу за допусти-

мые пределы и к образованию предложения новой структуры, например: *Дети причесываются гребенкой*. Как известно, в грамматике русского языка первое предложение относится к категории страдательного залога, а второе — к категории возвратного залога. Их структурное различие легко проверяется трансформациями.

Таким образом, существующие в системе языка схемы, по которым образуются конкретные предложения (это касается не только предложений, но и словосочетаний и слов), выступают как инварианты для конкретных образований — вариантов, конструируемых лишь в пределах некоторого допустимого для данной схемы круга слов. Такой круг слов определяет предел реализуемости данной схемы-инварианта, или предел истинности данной схемы³².

3. Некоторые итоги

1. *Субстанция* системы представлена элементами системы. Однако между понятием субстанции и понятием элемента следует проводить различие. Элементы структурно обусловлены и являются формой существования данной субстанции в данной системе. Все естественные языки имеют одну и ту же материальную субстанцию — звуковые волны, однако элементы — звуки одного языка — по своим структурно-системным свойствам отличаются от элементов всех других языков, т. е. в каждой системе (в каждом языке) обладают особыми системно-структурными свойствами.

2. *Структура* системы относительно независима от элементов и от субстанции. Сходные структуры могут быть обнаружены в субстанционально различных системах. Сходные структуры находятся в отношении изоморфизма.

3. *Элементы* системы и *субстанция* системы относительно независимы от структуры системы. Из одних и тех же слов (элементов) могут быть образованы предложения (системы) разной структуры, как из одних и тех же кирпичей — здания разной формы. Одна и та же субстанция может быть основой разных систем, где она соответственно представлена разными элементами. В этом, и только в этом, смысле субстанция относительно независима от структуры и первична по отношению к ней.

4. Вместо понятия *структура* иногда употребляют понятие *форма*, сводящееся к характеристике ее как внутренней связи и способа организации элементов системы [212].

5. Структура или форма конкретной материальной системы уникальна и неповторима. Структуры двух материальных объ-

³² Подробно о пределе истинности грамматической конструкции см. в статье В. М. Солнцева «Взаимодействие лексикки и грамматики и предел истинности грамматической конструкции» [181].

ектов могут быть как угодно близко сходными, но они не бывают тождественны. В уникальности и неповторимости структуры, как и формы вообще, проявляются, во-первых, зависимость структуры и формы от своей материальной субстанции и, во-вторых, обязательность наличия у каждой субстанции своей структуры и формы. Структура есть способ существования субстанции.

6. Различие структуры и материальной субстанции проявляется в том, что материя подчиняется законам сохранения (законы сохранения вещества и энергии), структура же не подчиняется законам сохранения и исчезает бесследно с уничтожением данного объекта. Единственный способ «сохранить» данную структуру — это скопировать ее в другой субстанции, т. е. создать другой объект, структура которого окажется изоморфной структуре исходного объекта.

7. Два (или больше) материальных объекта не могут иметь полностью *изоморфные структуры*. Общефилософское положение о том, что полный изоморфизм «может быть лишь между абстрактными, идеализированными объектами», можно интерпретировать с помощью понятия инварианта как того общего, которое заключено в различных конкретных объектах-вариантах, составляющих один класс. Два здания, построенные по одному проекту (чертежу), имеют каждый свою уникальную и неповторимую структуру. В то же время эти два здания являются вариантами некоторого идеализированного объекта (идеального здания), воплощенного в проекте (чертеже). Соответственно конкретные структуры конкретных домов являются вариантами общей для них идеализированной структуры инварианта. В каждой реальной системе (объекте) одного и того же класса систем (объектов) различаются конкретная структура и идеализированная структура, которая полностью изоморфна идеализированной структуре других систем (объектов) этого класса.

8. Идеализированная структура отображает то общее, что объединяет ряд конкретных объектов в один класс. Идеальный объект и его идеальная структура есть «инвариант», который может быть реализован в виде своих вариантов — реальных объектов со своими структурами.

9. Искусственные первичные материальные системы (здания, машины и т. п.) создаются как реализация идеализированных объектов-инвариантов, возникших в голове людей и воплощенных в планах, схемах, чертежах. Искусственные первичные материальные системы, например серию автомобилей одной марки и модели, можно рассматривать как реализацию в виде вариантов некоторого идеального автомобиля-инварианта, зафиксированного в виде чертежей, расчетов, формул и т. д.

10. Вторичные материальные (семиотические) системы создаются людьми наподобие искусственных первичных материальных систем. Некоторые семиотические системы создаются со-

знательно как реализация некоторых идей или замыслов, как, например, система светофора, искусственные языки и т. д., другие складываются постепенно благодаря неосознанной стихийной деятельности людей. Одако во втором случае в сильно огрубленном и упрощенном виде также можно говорить об овеществлении некоторых идей в материальной субстанции. Иначе невозможно представить процесс наделения элементарных материальных объектов вторичных материальных систем несвойственной им самим по их природе функцией — служить обозначением существующего чего-то вне их.

11. Два однотипных предложения одного языка можно рассматривать как две конкретные системы, в которых имеются элементы (слова) и структуры (связи и взаимные отношения). Эти два конкретных предложения являются реализацией некоторого идеального предложения инварианта. Они обладают общей инвариантной структурой, которую можно рассматривать как идеальную структуру идеального предложения. Идеальное предложение и его структуру можно изображать в виде буквенных схем, например: П—С, П—С—Д и т. п. Конкретные предложения выступают как варианты данного инварианта.

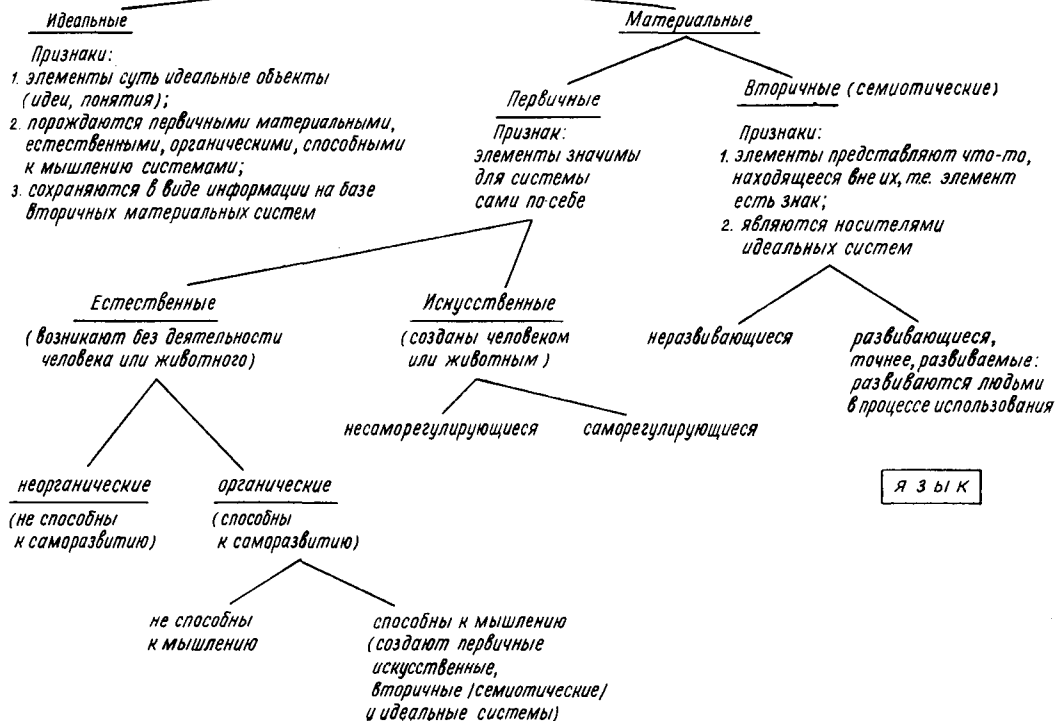
12. Взаимоотношение структуры и субстанции в материальных системах фактически есть взаимоотношение структуры системы и элементов системы, поскольку субстанция существует в виде элементов.

Различные виды систем (системно-структурных образований) можно в суммарном виде представить в виде схемы. Предложенная схема не исчерпывает всех видов систем. Она намечает возможный способ классификации систем и указывает место языка среди различных системно-структурных образований (см. схему на стр. 46).

4. Структура и субстанция в языке **(О природе языковой субстанции)**

Материальная субстанция языка как вторичной материальной системы представлена звуковой материей. Однако свести понятие субстанции в языке только к звуковой материи нельзя. Как было показано в предыдущих разделах, звуковая материя языка и материальные элементы языка важны для системы языка не столько в силу своих субстанциональных свойств (хотя эти свойства также играют роль в формировании системных отношений, т. е. структуры, по крайней мере на низшем — фонетико-фонологическом уровне), сколько благодаря тому, что они (материальные элементы) служат средством закрепления некоторых идей и понятий, образующих идеальную систему. Эта идеальная система оказывает организующее влияние на формирование системных связей во вторичной материальной системе.

Системы (объект, состоящий из элементов, + структура)

Идеи и понятия, закрепленные в материальных элементах, называются *значениями*³³. Единство звукового (материального) элемента и значения (идеального элемента) образует специфическую единицу, или элемент, языковой системы. Такой элемент воплощает в себе два начала — материальное и идеальное. Звуковой элемент сам по себе вне значения и вне некоторой функции не есть единица языка, или элемент языка. Ниже мы увидим, что звуковые элементы языка, используемые для выражения определенных значений, в отвлечении от этих значений представляют собой специфические единицы выражения, но не общезыковые единицы. (См. «Единицы выражения», ч. III, гл. II, § 2, разд. 5.) Элементарное значение также не есть общезыковая единица, или элемент языка, хотя эти элементарные значения могут рассматриваться как элементы, или единицы «системы содержания» языка. Сами по себе они не имеют статуса общезыковых единиц. (См. «Единицы значения», ч. III, гл. II, § 2, разд. 4.) Только единство звучания и значения представляет элемент языка, или единицу языка³⁴.

Когда мы говорим, что определенная структура такой системы, как предложение, связана с определенными наборами элементов (слов) и может быть изменена, если мы введем в эту систему элементы (слова) из других наборов, т. е. указываем на взаимосвязь структуры и элементов, то мы имеем в виду не физические свойства элементов (количество и качество звуков), а те свойства, которыми обладает этот элемент как носитель значения. Например, различие приводившихся выше структур предложений *Дети причесываются няней* и *Дети причесываются гребенкой* обусловлено тем, что в качестве третьего элемента (дополнения) в них употреблены слова разных подклассов (подкласс одушевленных и подкласс неодушевленных существительных). Одушевленность и неодушевленность не имеют ни малейшего отношения к свойствам звуковой субстанции. Они суть характеристики значений, приписанных звуковым отрезкам.

Во вторичных материальных системах понятие субстанции не может быть сведено только к чисто физической, материальной субстанции, вне ее роли как выразителя и дифференциатора элементов значения. Субстанция вторичных материальных систем не может быть сведена и к значениям, или к идеальной стороне, которая относится к сфере человеческого сознания и не имеет самостоятельного «субстанционального» существования.

³³ Ниже этот термин будет использоваться вместо термина *идея* или *смысл*. О природе и характере значений см. ч. II, гл. I.

³⁴ К числу единиц языка, однако, относятся также и звуки, взятые в определенных функциях и в этом качестве называемые *фонемами*. Не выражая самостоятельно значения, фонемы различают значения слов и морфем, а также участвуют в выражении тех или иных значений. В этом смысле фонемы значимы в семиотическом плане.

Субстанция в языке есть определенным образом организованная звуковая материя, социально наделенная свойством выражения и дифференциации значений. Субстанция в языке всегда отягчена смыслом и неотделима от смысловой стороны, которая выступает как организующее начало в системе языка, поскольку вторичные материальные системы, как уже говорилось, являются овеществлением систем идей и понятий. Именно поэтому *единицами языка* являются не звуки и значения, рассмотренные порознь, вне их взаимной связи, а единства звуков и значений.

Может быть, констатация организующей роли смыслового или идеального начала позволяет вообще снять с рассмотрения физическое начало языковой субстанции? Рассматривая единицы языка высших уровней (например, морфемы и слова) и их связи и отношения, лингвисты фактически отвлекаются от их чисто физических звуковых свойств. Звуки важны здесь только как внешние различители соответствующих единиц.

Как уже говорилось, на структуру предложения оказывает влияние не факт звукового несходства слов *няня* и *гребенка*, а факт их семантического различия (одушевленность—неодушевленность). Слова *няня* и *мать* в звуковом отношении не менее различны, чем *няня* и *гребенка*, но они принадлежат в силу своих семантико-грамматических свойств к одному подклассу одушевленных существительных. Следовательно, в ряде случаев звуковая материя может быть (и даже должна быть) снята с рассмотрения как нерелевантная для анализа данного круга явлений.

В других же случаях, как, например, в фонетике, фонологии, морфонологии, морфологии (в учении о морфологическом строении слова)³⁵, при рассмотрении различного рода изменений в языке, в учении о вариантности языковых единиц и т. д. обойтись без учета звуковой материи языка невозможно.

Рассмотрение звуковой материи в языке важно во всех тех случаях, когда рассматривается выразительная и дифференцирующая функция звуковой материи. Наконец, звуковая материя является объектом рассмотрения при анализе знаковой природы и знаковой функции языковых элементов.

Характер внутрисистемных отношений в языке во многом зависит от способа организации данной звуковой субстанции: чем больше звуковых разнообразий в языке, тем более специализировано значение звуковых элементов языка, и, наоборот, чем меньше звуковых разнообразий, тем большая смысловая нагрузка ложится на звуковые элементы языка. Примером могут служить флективные языки, в которых большинство значений

³⁵ Ср., например, определение понятия корня у А. А. Потебни: «Корень есть знаменательное сочетание звуков, которое остается по выделении из слова всех остальных знаменательных сочетаний и по устранении звуковых случайностей» [147, с. 170].

получает отдельное выражение, и изолирующие языки, где каждый звуковой отрезок обычно несет ряд смысловых нагрузок³⁶.

Само воздействие языковых образований (речевых произведений) на воспринимающего речь осуществляется за счет материальной стороны языка.

При этом звуковые сигналы (материальные элементы) и их конфигурации возбуждают в голове слушающего идеи и мысли (семантическую информацию), подобные тем, которые были закодированы говорящим в конфигурациях звуков. Тем самым из вторичной материальной системы (в данном случае речь идет о конкретном предложении) как бы «извлекается» закодированная в ней информация, а физическое, материальное, отбрасывается как шелуха³⁷.

На разных этапах анализа языка, при анализе разных сторон языка приходится в разной мере учитывать роль физического и идеального начал в элементах языка.

Теория языка, которая заранее стремится исключить из рассмотрения одно из этих начал, а то и оба начала и свести анализ языка только к анализу внутрисистемных отношений и зависимостей (т. е. к анализу структуры в нашем понимании), заранее ограничивает себя изучением только одной стороны языка и тем самым лишает себя возможности объяснить язык как целостное явление, хотя и стремится к этому.

§ 6. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ, СИСТЕМОПРИБРЕТЕННЫЕ И СИСТЕМНОНЕЙТРАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЭЛЕМЕНТОВ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Поскольку язык есть система систем, постольку его элементы, по-видимому, должны быть охарактеризованы в пределах тех составляющих систем (подсистем), в которых они выпол-

³⁶ Например, в современном китайском языке, согласно полному толковому словарю «Гюй цыцзянь» (Пекин, 1948), насчитывается 414 слогов разного звукового состава. Если учесть все возможные тоновые характеристики слогов (слоги, обладающие разным тоном, являются разными слогами, поскольку тоны в китайском языке дифференцируют смысл), то общая сумма разнообразящих слогов равна 1324. Слоги имеют фиксированный звуковой состав. Количество их ограничено указанным числом. Слогоделение морфологически значимо, т. е. каждый слог есть звуковая оболочка слова или морфемы. В силу этого на каждый слог приходится, как правило, выражение целого ряда значений. Поэтому в китайском языке существует очень высокая степень омонимии для односложных слов и морфем. Эта омонимия не приобретает, однако, катастрофического характера на словесном уровне, поскольку подавляющее количество слов в этом языке двусложно (и соответственно двуморфемно). Звуковые разнообразия, создаваемые за счет двусложности слов, устраняют в значительной мере омонимию на уровне слов.

³⁷ Ср. у В. С. Тюттина: «Для форм отражения в живой природе существены, как указывалось, функциональные способы выделения информации (структуры) из результатов взаимодействия объектов и исключения роли вещественной, энергетической стороны носителей отражения» [202, с. 46].

няют роль неделимых элементов. В то же время у элементов любых систем, в том числе и у элементов первичных материальных систем, имеются некоторые предельно общие характеристики, в которых отражаются взаимоотношения систем и их элементов безотносительно к природе самих систем и их элементов³⁸.

К числу этих характеристик относится оценка роли элемента в системе с точки зрения формирования системных связей и приобретения элементами некоторых свойств благодаря их качеству составных частей системы.

Для простоты изложения проанализируем элементарный пример, использованный в одном из докладов проф. Т. П. Ломтевым³⁹, и сделаем из него нужные нам выводы.

Если нормальную семью из двух человек рассматривать как некоторую систему, а членов семьи как элементы этой системы, то можно констатировать следующее.

Для того чтобы семья могла образоваться, необходимо, чтобы две человеческие особи обладали свойствами *быть женщиной* и *быть мужчиной*. Вне семьи ни мужчина, ни женщина не являются ни мужем, ни женой. Вступив в брак, они приобретают свойства *быть мужем* и *быть женой*. Свойство *быть женщиной* и *быть мужчиной* является *системообразующим* свойством элементов данной системы. Без этих свойств две человеческие особи не могут образовать нормальную семью. Эти свойства определяются самой природой элементов. Свойство принадлежать к мужскому или женскому полу не создается семейным отношением, но реализуется (обнаруживается) в нем.

Иначе обстоит дело со свойством *быть супругом* (мужем или женой). Это свойство приобретается элементом в системе благодаря установившимся между этими элементами отношениям (брачные отношения) и характеризует эти элементы только как члены данного отношения или как члены данной системы. Элемент, взятый вне данной системы, не обладает указанным свойством. Такого рода свойства элементов называются *системоприобретенными*, или, иначе, структурно-обусловленными.

Наконец, каждая из двух человеческих особей характеризуется цветом волос, глаз, ростом и т. п. Такого рода свойства с точки зрения данной системы — семьи — совершенно нерелевантны (хотя при образовании семьи в реальной жизни иногда играют решающую роль). Они могут быть названы *системно-нейтральными*.

Эти три группы свойств могут быть обнаружены у элементов

³⁸ Изучение свойств элементов важно и для раскрытия свойств системы в целом. Ср. замечание В. Н. Ярцевой о том, что «для вскрытия объективно существующих противопоставлений между элементами языка необходимо внимательное изучение свойств и признаков этих элементов» [238, с. 12].

³⁹ Я привожу этот пример по памяти.

самых различных систем, а не только у первичных материальных систем, к которым относится семья.

Так, в шахматной игре свойство коня ходить буквой «Г», свойство слона ходить по диагонали и в любых направлениях свойство ферзя и т. д.—представляют собой системообразующие свойства⁴⁰; большая значимость пешки в конце игры, разная значимость открытой и закрытой фигурами ладьи и т. п. относятся к числу системоприобретенных свойств; и наконец, материал, из которого сделаны фигуры, их форма и размеры совершенно нерелевантны для систем игры и являются системнонейтральными.

В целом эти три вида свойств можно охарактеризовать так.

1. Системообразующие свойства — это присущие элементам свойства независимо от их участия в системе, формирующие внутрисистемные связи и отношения. Эти свойства являются проявлением качественной определенности объектов (элементов) данной системы и отражают их природу. Именно об этих свойствах Маркс говорил, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [1, с. 67]. Системообразующие свойства присущи элементам до вхождения в данную систему. Это их свойства, которые присущи им как системам более низкого порядка.

У элементов первичных материальных систем системообразующие свойства суть проявления их собственных материальных, субстанциональных свойств.

У элементов вторичных материальных систем (семиотических систем) системообразующие свойства суть проявления не столько материально-субстанциональных свойств, сколько привнесенных извне качеств или свойств. Материально-субстанциональные свойства могут оказаться системнонейтральными. Так, в шахматах способность ходить буквой «Г» приписана коню теми, кто создавал шахматную игру. Субстанциональные свойства фигур — системнонейтральны.

2. Системоприобретенные свойства — это те свойства, которыми система и системные отношения наделяют элемен-

⁴⁰ Согласно Ф. де Соссюру, элементы шахматной игры — фигуры — обладают значимостью, которой они наделены по своим местам в системе и своим системным связям. С этой точки зрения ходить буквой «Г» не есть системообразующее свойство. Рассмотрение шахматной игры в изолированном виде не позволит ответить, на конник, к какому виду свойств относится свойство ходить буквой «Г». Для того чтобы решить этот вопрос, следует учесть, что система шахмат как вторичная материальная система есть своего рода модель реального войска и реального сражения. В первичной материальной системе и пеший воин, и боевая колесница являются элементами, функционирующими так или иначе в силу их собственных свойств. Пеший воин передвигается иначе, чем боевая колесница, в силу своих собственных реальных качеств, которые выступают как системообразующие свойства. Эти свойства, приписанные шахматным фигурам в качестве их «значений», выступают также как системообразующие свойства.

ты (объекты). Это те свойства, которых нет у объекта вне системы. Объект приобретает их, становясь элементом системы.⁴¹

3. Системнонейтральные свойства объектов несущественны для их отношений с другими объектами в данной системе. Эти свойства могут, однако, оказаться системообразующими в иных отношениях по отношению к другим системам.

Далеко не всегда легко четко разграничить три указанные группы свойств, в особенности в таких сложнейших образованиях, каким является язык. Тем не менее разграничение этих трех групп весьма важно для правильного понимания устройства как системы языка в целом, так и всех составляющих его подсистем и частных систем.

Так, если мы будем рассматривать конкретное предложение как некоторую систему, а слова — как элементы, то мы можем констатировать, что в предложении *Дети причесываются няней* системообразующими являются свойства слов как частей речи (принадлежность слов к классам и подклассам); системоприобретенными являются свойства быть подлежащим, сказуемым или дополнением и т. д., т. е. быть членом предложения; системнонейтральными являются конкретные звуковые облики слов и конкретные значения слов ('дети', 'мальчики' и т. д.; 'причесываются', 'умываются' и т. д.; 'няней', 'матерью' и т. д.). Эти конкретные значения не могут, однако, выходить за пределы данного класса и подкласса. Как мы знаем, употребление в данном предложении вместо одушевленного существительного *няней* (подкласс одушевленных существительных) неодушевленного *гребенкой* меняет структурно-грамматические связи.

Элементы каждой из частных систем и подсистем языка характеризуются своим и системообразующими, системоприобретенными и системнонейтральными свойствами и должны рассматриваться в пределах соответствующих частных систем и подсистем.

Существует одно общее для всех элементов свойство, которое присуще любому элементу и относится к числу фундаментальных свойств единиц языка. Таким свойством является *неоднородность*, к рассмотрению которой мы переходим.

⁴¹ В работе В. С. Тютина «Системно-структурный подход и специфика философского знания» дается развернутая (из восьми пунктов) характеристика понятия системы. В третьем пункте, в частности, указывается наличие системообразующих свойств у объектов, которые могут стать элементами данной системы: «Системы характеризуются наличием системообразующих, т. е. вполне определенных (а не любых), связей и свойств объектов, которые могут стать элементами данной системы» [203, с. 48]. В пятом пункте указывается свойство внутренней целостности системы, которая характеризуется наличием «новых свойств, отсутствующих у компонентов...» [203, с. 48—49]. В. С. Тютин в этом пункте говорит о системе в целом. Но новые свойства появляются и у компонентов в той мере, в какой они становятся именно компонентами. Эти свойства и являются системоприобретенными.

§ 7. ПОСТУЛАТ НЕОДНОРОДНОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА

1. Неоднородность — свойство элементов функциональных систем

Специалисты, разрабатывающие общую теорию систем, ус-танавливают, что «свойства исходных элементов как бы про-граммируют некоторые признаки общего результата — возни-кающей системы более высокого уровня» [92, с. 57]. В. И. Кре-мянский, автор приведенного высказывания, далее отмечает, что «специфичность возникающих образований более высокого уровня чаще всего лишь косвенно и опосредованно связана со свойствами элементов. Тем не менее именно анизотропность или вообще неоднородность элементов, а не что-либо иное пред-определяет направленность „микродвижений“ во всей данной группе, способной к самоорганизации» [92, с. 57].

Таким образом, по мнению В. И. Кремянского, анизотроп-ность или вообще неоднородность элементов определяет в ко-нечном исходе возникновение образований более высокого уровня.

Неоднородность, по-видимому, является фундаментальным свойством элементов некоторых систем и лежит в основе уст-ройства этих систем вообще.

Прежде всего сказанное относится к таким системам, функ-ционирование которых заключается в образовании множества конкретных систем из элементов исходной системы. Именно здесь свойство неоднородности элементов проявляется в полную меру.

Такой системой является, например, система естественного языка, функционирование которой состоит в образовании бес-конечного множества конкретных систем, несущих информацию (предложений). Образование этих конкретных систем происхо-дит за счет комбинирования элементов системы языка.

Фундаментальным свойством элементов язы-ка является свойство неоднородности.

Неоднородность элементов языковой системы относится к числу наиболее глубоких свойств элементов языка, определяю-щих многие другие свойства языковой системы. Образование классов элементов⁴² (с их сложной иерархической зависи-мостью), иначе, вся *парадигматика* языка, покоится на этом свойстве. Неоднородность элементов обуславливает образова-ние разных по свойствам классов. Иными словами, неоднород-ность элементов обуславливает неоднородность образуемых из этих элементов классов.

Неоднородность элементов и неоднородность образованных из них классов обуславливают возможность построения слож-

⁴² Следует, конечно, помнить, что в классы объединяются однопорядко-вые и, следовательно, относительно однородные элементы.

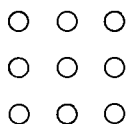
ных речевых цепей, создают благоприятные возможности для комбинаторики и построения различных речевых образований. Тем самым вся *синтагматика*, или синтагматический аспект, системы языка также покоится на свойстве неоднородности.

Свойство неоднородности элементов языка должно быть отнесено к числу основных системообразующих свойств⁴³ элементов языка и поставлено в один ряд со свойством дискретности элементов языка, которую иногда определяют как членораздельность.

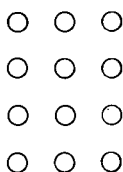
Дискретность элементов определяет потенциальную возможность комбинирования элементов между собой как в плане парадигматики, так и в плане синтагматики.

Неоднородность реализует эту возможность, служа основой образования различных парадигматических рядов или классов, а также различных линейных систем в синтагматике (речи или тексте).

Сказанное можно проиллюстрировать с помощью элементарного графического изображения. Допустим, мы имеем дискретные элементы, не отличающиеся или мало отличающиеся друг от друга.

Если мы будем группировать их в классы, то получим слабо различающиеся или совсем не различающиеся классы элементов:

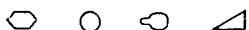

Если мы построим из этих элементов линию, то их перестановки не дадут нам сколько-нибудь выразительных и отличающихся друг от друга конфигураций:

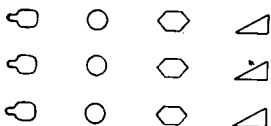

⁴³ В некоторых отношениях свойство неоднородности элементов может оказаться и системнонейтральным. Например, во многих случаях оказывается системнонейтральной неоднородность слов, создающаяся за счет разного количества фонем, и т. д.

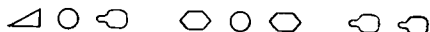
Иное дело, если нам даны неоднородные, сильно отличающиеся друг от друга элементы:

Такие элементы, во-первых, группируются в четко различающиеся классы:

и, во-вторых, дают возможность образовывать в синтагматике множество несходных (различающихся) комбинаций:

Неоднородность элементов языка является основанием разнообразия элементарных и производных единиц языка. Поэтому понятие неоднородности нужно ввести в характеристику единиц языка.

При этом оказывается, что в пределах разных уровней⁴⁴ неоднородность, будучи общим свойством, проявляется различно. Так, неоднородность звуков есть их физическая (акустико-артикуляционная) неоднородность. На уровне морфем и на уровне слов звуковая неоднородность используется дифференциально как средство различения разных по смыслу морфем и слов, но не имеет никакого значения сама по себе как физическое свойство звуков и поэтому относится к числу системнонейтральных свойств⁴⁵.

Для слова, например, свойство неоднородности реализуется в плане неоднородности лексико-грамматических свойств слова, проявляющихся, в частности, в комбинаторных возможностях слова (в разной валентности слов) и т. д.

⁴⁴ Уровнями, или ярусами, языка обычно называют либо какой-нибудь «участок» системы языка, характеризуемый специфическими единицами и представляющий собой некоторую частную систему или подсистему в общей системе языка, либо один из этапов или фаз анализа языка (см. «Словарь лингвистических терминов» [22, с. 487—488]). Иными словами, термин *уровень* используют и как обозначение некоторой реальности языка, и как характеристику этапа систематизации и описания языкового материала.

В последующем изложении термин *уровень* будет употребляться для характеристики устройства языка как некоторого сложного объекта.

⁴⁵ Ср. замечание М. В. Панова в книге «Русская фонетика»: «Может ли существовать язык, в котором был бы всего один звук? Очевидно, нет... Необходимо, чтобы в языке было достаточное число звуков, иначе нельзя создать большего числа различающихся слов» [137, с. 4].

Дискретность и неоднородность — это фундаментальные и наиболее общие свойства элементов языка. Это системообразующие свойства, сохраняющиеся за все время существования системы. Это максимально общие характеристики элементов всех уровней. Они проявляются на разных уровнях различно.

Неоднородность элементов языка имеет два основных проявления, или две основные стороны.

2. Первая сторона неоднородности

Элементы разных уровней языка, выступающие как единицы этих уровней, принципиально неоднородны (абсолютно неоднородны). Известно, что каждый уровень языка характеризуется своими наборами единиц, или элементов. Связь между уровнями языка, как это установлено в лингвистике, состоит в том, что единица одного уровня входит как конститутивная часть в единицу более высокого уровня. С. Д. Кацнельсон пишет: «Каждый „этаж“ характеризуется специфическими для него структурными единицами, составленными из единиц предшествующего „этажа“» [80, с. 5]. Так, из фонем составляются звуковые оболочки морфем, из морфем — слова, из слов — предложения⁴⁶. Каждая из этих единиц имеет свои свойства, присущие ей как элементу именно этой частной системы (уровня), а не другой. В различии свойств и проявляется неоднородность единиц.

Степень неоднородности возрастает при переходе от низших единиц к высшим. Различие в степени неоднородности настолько глубоко, что каждая единица может «обращаться», функционировать только в пределах своего уровня и в пределах своего уровня является неделимой. Связь между уровнями состоит не только в том, что, как уже отмечалось, единицы низших уровней являются составляющими единиц более высоких уровней. Эта связь, по-видимому, имеет и более глубокий характер. Целостность языковой структуры в целом обеспечивается, в частности, тем, что единица низшего уровня может быть представлена как предельный, вырожденный случай единицы более высокого уровня.

Говоря о вырожденном случае, я имею в виду максимальную редукцию свойств единицы более высокого уровня, что, в свою очередь, означает уменьшение свойств неоднородности единиц. Так, в русском языке предельно упрощенное слово, т. е. слово с «нулем» суффиксов и флексий (слово, у которого суффиксы

⁴⁶ Так представляется дело с точки зрения данного состояния языка и его синхронного функционирования. Что касается генезиса элементов языка, то картина была иной. Не из простых единиц образуются сложные, а, наоборот, из нерасчлененных комплексов, которые нельзя было назвать ни простыми, ни сложными, выделились более простые элементы, благодаря чему произошло разделение ранее не расчлененных комплексов на сложные и простые.

и флексии редуцированы до «нуля»), совпадает с морфемой, например: *дом* — *дом-* (морфема); *печь* — *печь-* (морфема) и т. д.

В китайском языке всякое простое слово, взятое в словарной форме, т. е. без суффиксов, совпадает с морфемой: *жэнь* 'человек' — *жэнь-* (морфема); *цзоу* 'идти' — *цзоу-* (морфема) и т. п.⁴⁷

Слово можно рассматривать как минимум предложения как предельно краткое предложение, у которого все остальные слова представлены «нулями»: *Вечер. Поле. Огоньки. Дальняя дорога.*

Фонема может выступать как минимально краткое слово или морфема. В русском языке предлоги и союзы *у, и, в, с* и т. п., являясь служебными словами, представлены каждой одной фонемой. Фонема, в нашем понимании, есть не только смысловозначитель, но и смысловыразитель, хотя и не самостоятельный. В составе наиболее типичной и массовидной морфемы или слова, т. е. морфемы или слова, звуковая оболочка которого состоит из ряда фонем, фонема обычно наряду с другими фонемами участвует в выражении смысла. В том случае, когда количество окружающих фонем сводится к нулю, фонема становится единственным выразителем смысла⁴⁸ и совпадает с морфемой или словом.

Следует, однако, заметить, что внешнее совпадение в одном каком-то элементе единиц ряда, а то и всех уровней⁴⁹ возможно лишь при сведении к нулю характерных особенностей единиц вышестоящего уровня.

Вместе с тем качественное различие единиц сохраняется. Слово, совпадающее внешне с морфемой, отягчено такими свойствами, как принадлежность к классу (часть речи), наличие частных грамматических категорий и т. д. Это различие слова и морфемы при внешнем совпадении проявляется в так называемом нулевом оформлении. Предложение, совпадающее со словом, несет на себе свойства предикативности и модальности. Морфема, совпавшая с фонемой, отличается от нее тем, что сама несет во всех случаях смысл, а не только различает смысл

⁴⁷ Следует, однако, оговорить, что совпадение слова с морфемой в русском и китайском языках — типологически разные явления. См. раздел «Фонема, морфема, слово» (ч. III, гл. II, § 1).

⁴⁸ О способности фонемы ассоциироваться со смыслом см. Л. В. Щерба [231, с. 129]. Ср. также высказывание А. А. и Е. А. Драгуновых: «В отличие от русского языка в китайском языке минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение, т. е. функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), является не отдельный звук речи (фонема), а-tonированный слог, силлабема» [58, с. 58].

⁴⁹ Как в примере А. А. Реформатского: *Ео гис* 'я еду в деревню', *!!* 'поезжай!', где *!* — фонема, морфема, слово и предложение [156, с. 21]. Ср. замечание А. А. Реформатского: «...каждая низшая ступень является потенциально (в возможности) следующей вышней, и, наоборот, каждая высшая как минимум состоит из одной низшей...» [156, с. 24].

или участвует в его выражении, как фонема в нормальных случаях своего употребления.

Итак, полная реализация (развертывание) свойств неоднородности единиц разных уровней делает их несводимыми и принципиально неоднородными (абсолютно неоднородными). Свертывание и редукция свойств неоднородности, т. е. сведение к нулю, или переход свойств, присущих единицам в силу их принадлежности к данному уровню, в потенциальное состояние ведут к возможности «сведения» единиц высших уровней к низшим, как, например, в лат. / 'Поезжай' предложение «сведено» к фонеме.

Выше фактически речь шла об *иерархичности* единиц языка, рассмотренной с точки зрения неоднородности. Иерархичность⁵⁰, которую также относят к числу фундаментальных свойств языковых единиц, следует считать производной от неоднородности.

3. Вторая сторона неоднородности

Единицы в пределах одного и того же уровня составляют множество относительно однородных между собой элементов. Относительная однородность единиц одного уровня вытекает из их принадлежности к данному уровню как некоторых элементов некоторой системы.

Достаточно очевидно, что фонемы — множество относительно однородных элементов, морфемы — также множество относительно однородных элементов и т. д. Именно поэтому каждый из этих элементов подводится под общее понятие *фонема, морфема, слово* и т. д.

Вместе с тем каждый из элементов каждого данного множества чем-то отличается от другого элемента. Иначе говоря, конкретные единицы (фонема, морфема, слово) в пределах данного уровня обнаруживают внутреннюю неоднородность, позволяющую объединять их в классы (в парадигматике) и комбинировать их в линию (в синтагматике).

Каждая из фонем отличается по ряду признаков от любой из фонем данного языка. В пределах фонемного уровня это различие, являясь функциональным различием (разные фонемы имеют разные функции), связано с физическими (акустико-артикуляторными) различиями⁵¹. Неоднородность фонем,

⁵⁰ Относительно свойства иерархичности единиц языка существует большая литература. Много важных сведений о понятии иерархичности содержится в сборнике «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие» [60]. Ниже проблема иерархических отношений в языке будет рассмотрена дополнительно.

⁵¹ Так называемые дифференциальные признаки фонем, как подробнее будет показано ниже, это физические или физиологические признаки, рассмотренные в функциональном аспекте.

обусловленная свойствами «природной» звуковой материи языка, служит основой для образования звуковых разнообразий, необходимых для дифференциации смыслов, т. е. идей, понятий, или, что более точно применительно к естественному языку, значений. Образование звуковых разнообразий⁵², т. е. различных звуковых оболочек, есть реализация неоднородности фонем в синтагматике. Этот аспект реализации неоднородности имеет место в реальности функционирования языка, т. е. в реальности речи.

Что касается реализации неоднородности с точки зрения образования классов (парадигматика), то здесь имеет место объединение элементов в различные классы на основе их сходств и различий.

Каждая из морфем языка по ряду свойств отличается от любой другой морфемы данного языка. Это различие внешне проявляется в звуковых различиях морфем (*красн-, зелен-, дом-, печь-* и т. д.). Однако звуковые различия выступают здесь лишь как средство дифференциации смысловых различий (различий в значении). Различия в значении проявляются в том, что разным звуковым отрезкам (звуковым комплексам) приписаны разные значения⁵³. Неоднородность морфем, иначе говоря, проявляется в неоднородности их значений и неодинаковости свойств, вытекающих из неоднородности значений.

Ведущая роль значений в реализации неоднородности у морфем видна на примере омонимии: одинаково звучащие отрезки оказываются разными по своим свойствам, если им приписать разное значение; ср. в русском языке морфемы, внешне совпадающие со словами: *печь* — *печь-*, *ключ* — *ключ-*; в китайском языке омонимия морфем и односложных слов весьма высока — одна и та же звуковая оболочка обычно принадлежит нескольким разным морфемам (и совпадающим с ними односложным словам):

- 1) *цзун* 'предок, клан, род';
- 2) *цзун* 'объединять, соединять, постоянный, главный';
- 3) *цзун* 'след ноги';
- 4) *цзун* — название дерева;
- 5) *цзун* 'щетина' (конская, свиная) и т. д.

Соответственно каждая из этих морфем, совпадающих с од-

⁵² По сути дела, утверждение об образовании звуковых комплексов из звуков, как и слов из морфем, есть констатация процессов в данном состоянии языка. Применительно к происхождению, истории и развитию языка, как мы уже указывали, такие утверждения оказываются неточными, ошибочными, так как комплекс звуков (ср. комплекс звуков в «языке» человекообразной обезьяны) предшествовал выделению членораздельного звука, а слово исторически предшествовало морфеме и т. д.

⁵³ Морфемы в отличие от слов обладают ассоциативным значением, т. е. каждая морфема соотносена с группой понятий. Слово обладает понятийным значением, т. е. выражает понятие (или может выразить). Подробнее об этом см. в разделе «Морфема и слово» (ч. III, гл. II, § 5).

носложными словами, в китайском языке записывается «своим» иероглифом.

Как и на фонемном уровне, неоднородность является основой образования классов морфем и их комбинирования в слове (в синтагматическом плане).

Что касается звуковых различий или звуковой неоднородности морфем, то, как уже говорилось, звуковое (материальное) различие есть основа дифференциации смысла, но не больше. На морфемном уровне системные отношения создаются не за счет физических свойств звуковых оболочек, а за счет значений. Поэтому физические звуковые различия морфем системнонейтральны. Разное количество звуков в оболочке морфемы не препятствует им входить в один класс, и, наоборот, одинаковое количество звуков или даже совпадение звуков (как при омонимии) не мешает морфемам оказаться в разных классах.

Каждое слово языка также отлично от всех других слов языка. Это различие обусловлено, как и у морфем, не звуковым различием, которое служит лишь для распознавания разных значений, а различием самих значений. Внешне слова различаются звуковым физическим обликом. Их системные различия проявляются в разном морфемном составе и в различной способности к вхождению в те или иные классы (парадигматика) и в те или иные линейные комбинации (синтагматика).

Эта способность есть результат отягощения индивидуального лексического значения слова общим грамматическим значением, а также значениями сопутствующих (частных) грамматических категорий, которые обычно выражаются в так называемой формальной части слова (т. е. с помощью служебных, или формальных, морфем).

Если сравнить морфему и слово с точки зрения их неоднородности, то можно констатировать, что неоднородность слов выше, чем неоднородность морфем, поскольку в отличие от морфем значения слова отягчены значениями частей речи, частных грамматических категорий и т. д.

В структурно-грамматическом отношении слова отличаются от морфем наличием грамматической структуры, поскольку всякое изменяемое слово минимально состоит из двух морфем, одна из которых может быть нулевой. Лишь часть слов в том или ином языке может быть определена как «одноморфемные», или, иначе, как «неморфемные» слова. Это неизменяемые слова, не выделившие из своего состава морфем. (Подробнее см. ч. III, гл. II, § 5, разд. «Морфема и слово». См. также статью В. М. Солнцева «Морфема и слово» [183].)

Более высокая неоднородность слов есть результат более сложной организации слов. Более сложная организация единицы проявляется в ее более высокой специализации как по линии значения (слово в отличие от морфемы имеет не ассоциативное, а понятийное значение), так и по линии функций.

В отличие от знаменательных слов знаменательные морфемы не имеют специализированных (как у слов) функций, кроме, быть может, частичной семантико-грамматической специализации части морфем: глагольные морфемы, именные морфемы и т. д.

Если далее сравнить слова типологически разных языков, то окажется, что во флективно-синтетических языках, где слово отличается высокой сложностью строения (значительной усложненностью), функции слов более специализированы, чем, например, в языках изолирующих, где слово обладает сравнительно простой структурой.

Отсюда следует, что, чем проще устройство единиц, чем они единообразнее, тем большее число функций присуще им, тем менее специализировано их употребление. Наоборот, чем сложнее единицы и в силу этого чем выше их неоднородность, тем более специализировано их употребление и тем меньшее количество функций они могут выполнять.

Синтаксические особенности языков находятся, по выражению Э. Сепира, в «зависимости от степени усложненности» [163, с. 85] единиц языка (слов). Эта зависимость формулируется им так: «Чем синтетичнее язык, иначе говоря, чем явственнее роль каждого слова в предложении указывается его собственными ресурсами, тем меньше надобности обращаться, минуя слово, к предложению в целом» ([163, с. 85—86]; см. также [178, с. 132]). Подтверждения сказанному мы легко находим в самых разных языках. Так, более простое устройство английских и китайских слов обуславливает их гораздо большую функциональную гибкость, чем, например, русских или латинских слов. Слова древнекитайского языка, более простые по строению, имеют более высокую полифункциональность, чем слова современного китайского языка, и т. д.

4. Неоднородность и линейность

Сформулированный Ф. де Соссюром принцип «линейного характера означающего» заключается в том, что звуковые комплексы, несущие смысл, представляют собой протяженность и эта протяженность лежит в одном измерении: это линия. Ф. де Соссюр подчеркивает, что «это принцип основной и последствия его неисчислимы. От него зависит весь механизм языка» [192, с. 81].

Мы уже говорили, что функционирование языка есть образование из элементов системы языка множества конкретных систем (предложений), несущих семантическую информацию. Эти конкретные системы (предложения) обладают линейным характером и представляют собой образованные по определенным правилам цепи из элементов (слов). Сами слова также харак-

теризуются линейным расположением фонем, составляющих их звуковые оболочки. Только фонемы можно рассматривать как точечные элементы, хотя звучание фонемы⁵⁴ фактически развертывается во времени, т. е. тоже имеет линейный характер. Таким образом, *линейность* — это форма существования всех элементов языка и форма функционирования языка. В этом смысле Соссюр совершенно прав, утверждая, что на линейности покоится весь механизм языка.

Образование линейных построений происходит путем последовательного размещения элементов в линию. Если элементы не отличаются друг от друга или мало отличаются друг от друга, то образуются однообразные последовательности, мало чем отличающиеся друг от друга (см. графические примеры расположения однообразных и разнообразных фигур на стр. 54—55). Однородность расположения элементов требует высокой степени неоднородности элементов для образования четко отличающихся друг от друга конфигураций. Поэтому принцип линейности в языке оправдан лишь постольку, поскольку элементы языка характеризуются свойством неоднородности.

Линейность расположения элементов при функционировании языка есть фактически синтагматика языка. Поэтому характеристика свойств линейности перекрещивается с характеристикой синтагматики.

5. Неоднородность и другие общие свойства элементов языка в целом

Выше свойство неоднородности рассматривалось в связи с такими свойствами элементов, как дискретность (членораздельность), иерархичность и линейность. Связи между этими свойствами можно себе представить так:

Дискретность есть всеобщее свойство элементов языка, обеспечивающее возможность функционирования языка (образование различных конкретных систем, несущих информацию).

Линейность есть форма существования элементов языка и форма функционирования языка (образование конкретных систем из дискретных элементов).

Неоднородность есть всеобщее свойство элементов, реализующее возможную в силу свойства дискретности комбинаторику элементов в линейных построениях.

Иерархичность элементов есть общее свойство элементов, характеризующее отношение единиц разной сложности в языке: 1) менее сложные единицы входят в состав более сложных как

⁵⁴ Говоря о звучании фонемы, я имею в виду звучание тех вариантов, в виде которых существует фонема (см. ч. III, гл. II, § 5. разд. «Фонема»).

составные части⁵⁵; 2) каждая менее сложная единица потенциально может выступить как предельно простой случай единицы более сложной.

Сложные единицы в любом развитом языке состоят из более простых единиц, расположенных в линию согласно принципу линейности. Здесь следует, однако, ввести некоторые ограничения. Иерархические отношения — это всегда отношения по степени сложности. В этом смысле к ним может быть применен квантор всеобщности. (Все иерархические отношения — отношения по степени сложности.) Отношения сложности не всегда являются отношениями иерархическими (например, отношения слов разного морфемного состава). К ним можно в этом смысле применить квантор существования (существуют отношения по степени сложности, которые являются иерархическими).

Иерархичность единиц есть проявление неоднородности единиц, рассмотренных с точки зрения их сложности, т. е. отношения более простых и более сложных единиц (с указанной выше оговоркой).

Таким образом, четыре фундаментальных свойства элементов языка являются внутренне связанными и взаимно обуславливают и предполагают друг друга.

Свойство неоднородности элементов языка оказывается связанным с каждым из трех остальных названных выше свойств и объединяет их вместе.

Глава II

СИСТЕМА ЯЗЫКА, ПАРАДИГМАТИКА, СИНТАГМАТИКА, ОТНОШЕНИЯ ИЕРАРХИЧНОСТИ

§ 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В современных лингвистических работах, как правило, принимается введенное Ф. де Соссюром деление на язык и речь. Это разделение, которое принимается в принципе и в настоящей работе, нередко истолковывается как деление на форму и суб-

⁵⁵ При этом сохраняется качественное своеобразие вхождения менее сложных единиц в более сложные. Фонемы в комбинации образуют звуковые оболочки морфем, а не сами морфемы, комбинации морфем образуют слова, обладающие иным качеством, чем сами морфемы, и т. п.

Критикуя теорию «уровней» в том виде, как она представлена у дескриптивистов, С. Д. Кацнельсон отмечает, что «слово „состоит“ из морфем совсем не так, как предложение „состоит“ из слов...» [81, с. 39]. Иными словами, фонема входит в состав морфемы не так, как морфема входит в слово, и т. п.

станцию¹. Ср. тезис Ф. де Соссюра: «...язык есть форма, а не субстанция» [192, с. 120]. Речь же рассматривается как «манифестация», воплощение формы в субстанции. Деление «язык — речь» истолковывается также как противопоставление системы и текста².

Противопоставление языка речи как системы тексту имеет очень широкое распространение и обычно приводится в работах как некоторое исходное бесспорное положение, не требующее анализа.

Однако отождествление языка с системой, а речи с текстом, что как будто бы предполагает, что текст не есть система (это вытекает из смысла противопоставления «система — текст»), вызывает возражения в силу следующих соображений.

Речь, точнее, речевые произведения представляют собой некоторые образования, несущие информацию (речь передает так называемую семантическую информацию). Теория информации устанавливает, что носителем информации может быть только особым образом организованная система. Поэтому речевые произведения, несущие информацию, должны являться системами с определенной организацией. С другой стороны, язык, понимаемый как средство, с помощью которого образуется речь, как таковой, сам по себе не несет никакой семантической информации, хотя с его помощью или посредством его может быть выражена любая семантическая информация³. В этом смысле язык является особой системой, такой системой, из которой делается, как это уже отмечалось, бесчисленное количество разнообразных, конкретных систем.

Точно так же вызывает возражение истолкование противопоставления «язык — речь» как формы и субстанции. При таком понимании соотношения «язык — речь» язык полностью дематериализуется и сводится к некоторой «чистой структуре», которая вносится в «субстанцию» — речь. Между тем язык есть, как я стремлюсь обосновать в этой работе, вторичная материальная система, обладающая как формой (структурой), так и субстанцией. Язык реализует свою коммуникативную функцию именно в силу своей материальности.

¹ См., например, высказывание А. П. Евдошенко: «Первое наиболее существенное раздвоение языка как единого целого — это язык (*langue*) и речь (*parole*), или, что то же самое, форма и субстанция» [59, с. 9].

² «В языке выявляется также, с одной стороны, текст (процесс), а с другой — система. Текст подвергается синтагматическому анализу, система — парадигматическому» [59, с. 9—10].

³ Ср. это с утверждением Ф. Р. Данеша и К. Гаузенбласа о том, что «конкретное сообщение как актуальное высказывание обладает общим смыслом, иногда даже несколькими (см. явление, называемое подсмыслом, иногда даже подтекстом), в то время как система средств и правил как целое не имеет смысла, т. е. актуального семантического содержания: потенциальным семантическим содержанием обладают лишь некоторые его элементы» [56, с. 13].

Изложенные соображения побуждают еще раз рассмотреть вопрос о системе языка, в частности с точки зрения дихотомии «язык — речь».

§ 2. ОТЛИЧИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА ОТ ДРУГИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Ко многим видам систем, в том числе и к языку, применимо понятие функционирования. К числу функциональных систем относятся, например, живые организмы (первичные естественные органические системы), различного рода механизмы: автомобили, станки, локомотивы и т. д. (первичные неорганические искусственные системы), кибернетические устройства и т. д. Функционирование таких систем заключается в возбуждении, напряжении, взаимодействии элементов, в различного вида движениях элементов или систем в целом.

В процесс функционирования такие системы вовлекаются целиком, хотя интенсивность функционирования их частей неодинакова. Примером могут служить жизнедеятельность живого организма, работа двигателя, перемещение локомотива и т. д.

Совершенно иначе функционирует язык. Как уже отмечалось, функционирование языка заключается в образовании из его элементов различного рода конкретных систем, выражающих, хранящих и несущих информацию. При функционировании языка в «движение» приходит отнюдь не вся система языка, а только какая-то ее часть. Так, для выражения и сообщения некоторой информации требуется и соответственно отбирается только часть правил данного языка и незначительная часть слов, имеющих в данном языке. Остальные правила и слова остаются вне функционирования.

После того как информация выражена и передана (сообщена), звуковые волны угасают и данная конкретная система перестает существовать, если только она не зафиксирована в графических знаках письма или не записана на магнитную пленку. «Отбор» правил и конкретных слов не ведет к обеднению языка, поскольку правила суть идеальные шаблоны или модели, в соответствии с которыми «делают» и аранжируют *единицы* языка, а сами единицы либо «производятся» по правилу, либо «воспроизводятся» в готовом виде бесчисленное количество раз.

Владение языком — это навык, умение «делать», т. е. с помощью органов речи в определенном порядке производить звуки (и звуковые комплексы), соответствующие определенным смыслам. Свойство звуковой материи быстро организовываться в системы, несущие информацию, и так же быстро исчезать, по-

добно волнам, расходящимся на воде от брошенного камня, дает неизмеримое преимущество звуковой материи перед всякой другой⁴.

Речь, таким образом, есть множество конкретных систем, построенных по определенным правилам из определенных элементов. Речь — это язык в действии, в работе. Говоря о функционировании языка, мы, по сути дела, говорим о речи или речевых произведениях. Множество предложений, выражающих информацию, или, как говорят в школьных грамматиках, «относительно законченные мысли», в свою очередь, за счет своего содержания образуют систему. Это есть система идей, взглядов, концепций и т. п. Иначе, это некоторая идеальная система, выраженная в речи с помощью (или посредством) языка. Совокупность речевых произведений — конкретных систем (предложений) — не образует общей системы — язык, но образует какую-то концептуальную систему. Язык как система не есть сумма речевых произведений, но нечто иное.

Язык — это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением. единиц, которые используются в соответствии с правилами. Язык есть система, но это система иного рода и иного порядка, чем те системы, которые в речи делаются из элементов языка. Система языка — это своего рода «кладовая», где сложены (не в прямом смысле, конечно) правила и элементы (или единицы).

Правила языка — это совокупность потенциальных отношений между элементами (единицами) языка, которые можно обнаружить в речевой цепи. Иначе говоря, правила языка — это совокупность всех тех возможных взаимосвязей и зависимостей, которые служат программой построения реальных речевых произведений и в которые могут вступить элементы языка при образовании речевых произведений. В конечном счете правила являются проявлением свойств элементов языка, поскольку эти свойства лежат в основе возможных связей и зависимостей между элементами. Иными словами, правила языка сводятся к свойствам его элементов.

В соответствии с принятыми в нашей работе определениями правила языка как совокупность потенциальных отношений между элементами языка входят в структуру языка (структура — совокупность отношений между элементами). Однако правила языка не исчерпывают всех отношений, которые существуют между элементами: правила языка, о которых шла речь, — это линейные, синтагматические отношения. Однако, как мы знаем, элементы языка образуют некоторые классы сходных

⁴ Записывается графическими знаками лишь ничтожно малая часть речевых произведений, тем не менее книги и другая печатная продукция растут как снежный ком и заполняют все большее пространство.

элементов, отношения между которыми (элементами) называются парадигматическими.

Отношения элементов, или единиц, внутри классов не подходят под понятие правил в приведенном выше смысле, однако эти отношения (внутриклассные, или парадигматические) также входят в общую совокупность отношений между элементами и тем самым — в структуру языка.

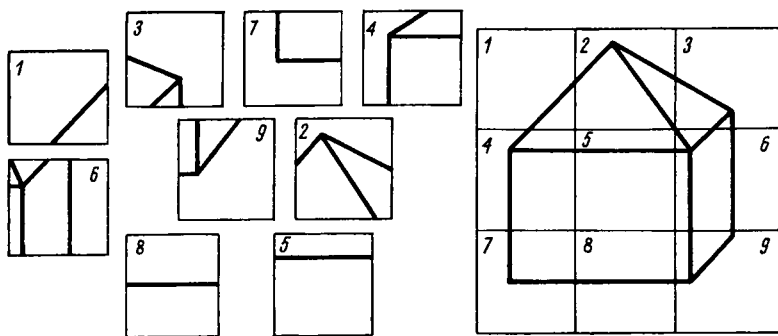
Можно расширить понятие правила в языке и включить в него и внутриклассные отношения. (Отражением в описании языка этого объективного правила как объективного отношения окажется правило вывода классов, например классов слов, морфем, фонем и т. д.)

Итак, мы определяем систему языка как набор элементов и правил. Этот набор не есть хаотическое скопление элементов именно благодаря наличию правил, которые мы определили как совокупность возможных в данном языке (но не любых) отношений между элементами языка.

Правила как бы накладывают ограничения на возможные отношения элементов, являясь в то же время перечнем или набором этих отношений.

Систему языка с изрядной долей упрощения можно сравнить с набором детских кубиков, на боковые поверхности каждого из которых нанесены части изображения животных, или зданий, или пейзажей. Каждый кубик, вернее, каждая сторона кубика несет какую-то часть общего изображения. Чтобы получить общее изображение, надо соединить эти части, составив кубики. Произвольно составлять кубики нельзя. Их можно складывать только по правилу. Иначе не получится изображения, т. е. системы, несущей информацию, или получится искаженное изображение. Тем самым одновременно с элементами (частями изображения) нам даны правила. Эти правила суть ограничения, наложенные на комбинацию элементов. Именно в силу этих ограничений кубики в разобранном виде по-прежнему сохраняют системные отношения и составляют некоторую систему в «разобранном» виде. Отличие системы от скопления или простого объединения объектов, собственно, заключается в наличии ограничений в отношениях между элементами⁵, которые представлены правилами соединения элементов. Отношение «язык — речь» можно представить как отношение набора разрозненных, но вполне определенных кубиков, на которые нанесены части изображения, и целого изображения, составленного из этих кубиков:

⁵ Ср. замечание А. А. Ветрова: «Поскольку в нашем повседневном языке... одни комбинации элементов (монем и фонем) допускаются, а другие исключаются, мы можем говорить о его системности» [38, с. 90—91].

Разница между языком и детскими кубиками состоит, во-первых, в степени сложности и разном назначении сопоставленных явлений и, во-вторых, в том, что элементы языка в отличие от кубиков «делаются» по мере надобности, кубики же сделаны раз и навсегда.

§ 3. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ, ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Понятия *синтагматические* и *парадигматические* отношения и соответственно понятия *синтагматика* и *парадигматика* связаны с именем Ф. де Соссюра, который сформулировал два основных вида отношений, существующих между элементами языка. Отношения элементов в линейной последовательности Соссюр назвал синтагматическими, отношения, существующие между элементами как членами различных классов,— ассоциативными [192, с. 121—123].

Эти отношения рассматривались и в дососсюровской лингвистике. Соссюр дал им четкую формулировку, т. е. подверг категоризации, и тем самым придал им всеобщность. Анализ системы языка в современных лингвистических работах, как правило, ведется в терминах этих отношений либо с учетом этих двух видов отношений. Понятие парадигматических отношений обычно связывают с характеристикой собственно языка, а понятие синтагматических отношений — с характеристикой речи. Между тем оба эти вида отношений присущи элементам языка и, следовательно, характеризуют язык в целом. Правда, эти два вида отношений характеризуют язык в разных аспектах: язык как средство — вне функционирования — характеризуется прежде всего ассоциативными, т. е. парадигматическими, отношениями между элементами. При таком взгляде на язык синтагматические отношения выступают в качестве нереализованной способности элементов сочетаться между собой в

линейных последовательностях. Язык как функционирующее средство — в форме речи — переводит присущую элементам способность к линейной сочетаемости в актуальные синтагматические отношения. При этом элементы языка несут в себе потенциальную способность образовывать классы, или парадигмы.

Синтагматические отношения, когда они представляют собой именно отношения, а не некоторую способность, всегда характеризуются моментом реального взаимодействия.

Парадигматические отношения не характеризуются моментом взаимодействия, поскольку по своему существу они представляют отношения между членами различных групп, «образуемых по умственной ассоциации» [192, с. 123].

Парадигматические отношения можно назвать внутриклассными отношениями между элементами, составляющими один класс. Синтагматические отношения как отношения элементов в речевых произведениях могут существовать между элементами одного и того же класса и между элементами разных классов. Первый вид отношений обычно соответствует в грамматике сочинительным отношениям, второй вид обычно соответствует подчинительным, хотя между близкими по свойствам классами возможны сочинительные отношения, а между элементами одного класса — подчинительные.

Оба эти вида отношений, будучи противопоставлены, в то же время предполагают и обуславливают друг друга⁶.

Между элементами языка, как уже говорилось, существует еще один вид отношений — *иерархические отношения*. Эти отношения характеризуют отношения между элементами, или, вернее, единицами, языка по степени их сложности (хотя, как я уже отмечал, не все отношения между единицами разной сложности могут быть охарактеризованы как иерархические). Эти отношения лежат вне плоскости синтагматических и парадигматических отношений. Однако при характеристике их приходится пользоваться понятием парадигматических и синтагматических отношений в силу противопоставленности их этим отношениям.

Таким образом, каждый элемент, или каждая единица, языка потенциально может вступить в три вида отношений: *парадигматические* (или ассоциативные), *синтагматические* (отношения актуального взаимодействия или в абстрактной форме — отношения классов) и *иерархические* (отношения вхождения в более сложную единицу).

Рассмотрим эти три вида отношений каждый отдельно.

⁶ Из работ, исследующих парадигматические и синтагматические отношения в целом, можно указать работу Б. Н. Головина [45, с. 73—87].

1. Синтагматические отношения и понятие позиции

Этимологически слова *синтагматика* и *синтагматический* связаны с понятием *синтагма* — некоторого двучленного соположения каких-либо элементов языка в линейной последовательности. Сейчас значение этих слов более не связано так же тесно с понятием синтагмы, как понятие парадигматических отношений с понятием парадигмы. Синтагматическими отношениями называют все виды отношений между элементами в линейной последовательности, т. е. в речевой цепи. Понятие «синтагма», породив термины «синтагматика» и «синтагматический», само не стало обязательным в анализе, как понятие «парадигма» при парадигматическом анализе.

Общая характеристика синтагматических отношений может быть дана в следующем виде.

1. Синтагматические отношения реализуют главную функцию языка — коммуникативную функцию. Благодаря реализации синтагматических отношений из элементов языка образуются речевые произведения — предложения, несущие информацию. Синтагматические отношения — это те отношения, благодаря которым язык функционирует как средство общения. Они являются, следовательно, функциональными отношениями языка. Коммуникативная функция реализуется в синтагматических отношениях и тем самым опирается на синтагматические отношения.

2. Синтагматические отношения, как это устанавливается лингвистикой, исторически предшествуют парадигматическим. Ф. де Соссюр настойчиво подчеркивал, что факт речи предшествует факту языка [192, с. 42]. Синтагматические отношения порождают парадигматические. Образование классов всех видов (парадигм) и соответственно парадигматических внутриклассных отношений происходит путем постановки на одни и те же места речевой цепи разных элементов. «Пригоняясь» к данному месту, элемент по функции и по другим свойствам уподобляется тому элементу, который занимал это место раньше, и образует с ним некоторый общий класс (т. е. вступает с ним в парадигматические отношения). Элементы, заменяющие друг друга в одной и той же *позиции* (см. ниже), считаются членами этой парадигмы⁷. Возникновение и развитие парадигм (классов всех видов) ведут к «обогащению» синтагматических отношений в том смысле, что в рамках одних и тех же синтагматических отношений появляется возможность выражать все большее количество разных смыслов. Например:

⁷ См., например, замечание Л. Ельмслева: «...можно составить инвентарь сущностей, обладающих одними и теми же отношениями, т. е. способными занимать одно и то же „место“ в цепи» [62, с. 300].

	покупаю	газету	
Я	читаю	книгу	и т. д.
	беру	брошюру	

В данном случае выражение «рамки одних и тех же синтагматических отношений» означает некоторую модель, или конструкцию, в которую подставляются слова, выражающие вещественно разный, но грамматически тождественный смысл.

Чем богаче парадигма, т. е. чем больше элементов включает в себя парадигма, тем более емкими становятся синтагматические отношения, поскольку в рамках одних и тех же синтагматических отношений (в рамках одной и той же модели) можно выразить столько разных смыслов, сколько членов в каждой из парадигм, используемых для заполнения мест в данной модели (в рамках данных синтагматических отношений).

3. Отношения между элементами в синтагматике так, как они даны исследователю, представляют собой конкретные отношения единичных конкретных элементов. Каждый из этих конкретных элементов является фактически представителем того класса (парадигмы), в который он входит. Следовательно, отношения в синтагматике могут быть рассмотрены не как отношения конкретных элементов (конкретных слов), а как отношения классов. При синтаксических исследованиях фактически так и поступают. Говорят не об отношениях слов *я, читаю, брошюру*, а об отношении местоимения, глагола и существительного. Структура предложения (модель, или конструкция), лежащая в основе конкретного предложения, выводится всегда на основе рассмотрения отношений классов слов (глагол, существительное и т. д.). Понятие *член предложения* следует определять не столько как функцию конкретного слова (хотя в конкретном предложении конкретным членом предложения является именно конкретное слово), сколько как функцию класса или классов слов. Частным случаем является определение члена предложения как функции слова в предложении.

Конкретное отношение конкретных слов, с одной стороны, есть частный случай классного отношения, т. е. отношения парадигм; с другой стороны, это исходный пункт и, добавим, единственная реальная возможность рассмотрения отношений классов.

Такого рода характер синтагматических отношений имеет место не только в синтаксисе, но и на всех уровнях языка (и в фонологии, и в морфологии).

Фонемы языка представляют собой классы звуков. Элементы этих классов суть конкретные звуки (аллофоны, варианты, вариации). В линейной цепи реально представлены конкретные звуки, которые могут быть и должны быть рассмотрены как представители классов, т. е. фонем. Реальная звуковая оболочка конкретной морфемы состоит из конкретных звуков. Однако,

поскольку конкретные звуки представляют некоторые классы-фонемы, допустимо и иногда необходимо говорить, что звуковая оболочка морфемы состоит из фонем и распадается на фонемы. В синтагматике, следовательно, можно и нужно говорить об отношении фонем.

Морфема есть класс некоторого количества своих конкретных вариантов — морфов. В синтагматической цепи (например, в слове *учи-тель-ниц-а*) реально представлены конкретные морфы. Поскольку же они суть представители классов-морфем, мы можем говорить в синтагматике о морфемах и об отношении морфем в синтагматическом ряду.

4. Каждый элемент в речевой цепи (в синтагматике) занимает определенное место, или *позицию*. Понятие *позиция* крайне важно как для характеристики роли элемента в синтагматической цепи, так и для характеристики элемента как члена той или иной парадигмы.

Определение позиции элемента и установление тождественности позиций в разных предложениях при кажущейся самоочевидности этого понятия в действительности сопряжены с большими трудностями. Объясняется это тем, что понятие позиции несводимо к порядковому номеру элемента в конкретном отрезке цепи и поэтому в речевой цепи невозможно установить фиксированную точку начала отсчета позиций.

Понятие позиции элемента неразрывно связано с понятием *функция*⁸ элемента и его отношений с другими элементами. *Тождественность* позиций связывается с тождественностью функций. И наоборот, *различия* позиций обусловлено различием функций элементов.

Поясним сказанное примерами. Поскольку в структурно различных предложениях роль элементов, определяющаяся их отношениями с другими элементами, совершенно различна, постольку в одинаковых по количественному составу, но структурно различных предложениях нельзя считать тождественными позиции элементов, обладающих одинаковым порядковым номером (считая с начала данного предложения). Так, в китайских предложениях:

1	2	3	4	
хао	хайцзы	майла	шу	'Хороший ребенок купил книгу';

1	2	3	4	
вомэнь	цзотянь	майла	шу	'Мы вчера купили книгу' —

в позиции 1 и в позиции 2 стоят элементы в функциональном отношении несопоставимые (соответственно: в первом предло-

⁸ Под *функцией* в узком смысле понимается использование элемента для выражения или различения некоторого значения. В более широком смысле функция, по «Словарю лингвистических терминов», — «назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при его воспроизведении в речи» [22, с. 506].

жении элементы 1 и 2 — определение и подлежащее, во втором предложении — подлежащее и обстоятельство), позиции которых не могут быть признаны тождественными.

Даже в одинаковых с точки зрения классов слов предложениях (правда, различающихся подклассами слов) при одинаковом количественном составе и расположении элементов роль (функция) элементов относительно друг друга может не совпасть, и их позиции окажутся нетождественными. Например:

1	2	3	
<i>тамэнь</i>	<i>майла</i>	<i>шу</i>	'Они купили книгу';

1	2	3	
<i>тамэнь</i>	<i>лайла</i>	<i>кэжэнь</i>	'К ним пришли гости'.

	1	2	3	
Букв.		<i>они</i>	<i>купить</i>	<i>книга</i> ;

	1	2	3	
		<i>они</i>	<i>прийти</i>	<i>гости</i> .

В позиции 3 оказываются в первом предложении — дополнение, во втором — так называемое послеглагольное подлежащее.

Наоборот, позиции двух слов разных предложений могут оказаться тождественными, несмотря на различие их порядковых номеров. Ср. в русском:

1	2	3	
<i>Охотник</i>	<i>убил</i>	<i>медведя</i> ;	

1	2	3	
<i>Волка</i>	<i>подстрелил</i>	<i>охотник</i> .	

где позиции 1 и 3 первого предложения соответственно тождественны позициям 3 и 1 второго предложения.

Возьмем далее морфемный уровень. Позиции морфем в двух разных словах могут быть нетождественны, несмотря на совпадение их порядковых номеров, и, наоборот, тождественны при несовпадении порядковых номеров. Ср. в китайском:

1	2	
<i>хо</i> + <i>чэ</i>	'поезд'	(букв. 'огонь' + 'телега');

1	2	
<i>чэ</i> + <i>цзы</i>	'повозка'	(букв. 'повозка' + суффикс).

Позиции под номером 2 в приведенных словах не являются тождественными.

Наоборот, в паре слов:

1	2	3	
<i>шу</i> + <i>линь</i> + <i>цзы</i>	'лес'	(букв. 'дерево' + 'лес' + суффикс);	

1	2	
<i>чэ</i> + <i>цзы</i>	'повозка'	(букв. 'повозка' + суффикс) —

тождественными оказываются позиция 3 в первом слове и позиция 2 во втором, а позиция 1 во втором слове соответствует позициям 1 и 2, взятым вместе, в первом слове.

В области фонетики (фонологии) понятие позиции элемента также не сводится к его порядковому номеру. Оно обусловлено особенностями окружения элемента и его функцией.

Так, интерконсонантная позиция звука (фонемы) должна быть оценена и охарактеризована различно в зависимости от того, в каких условиях или окружении она рассматривается.

В ряду разных слов (или морфем) позиции гласного между согласными: *дом* — *дым* — *дум* — *дам*⁹ являются тождественными с точки зрения фонетического окружения и нетождественными с точки зрения смысловозначительной функции соответствующих гласных. Последние являются разными фонемами и служат для различения слов (и морфем). Наоборот, позиции гласного между двумя согласными в разных вариантах (или разновидностях) одной и той же морфемы: *посадка*, *сяду* и т. п. — нетождественны с точки зрения фонетического окружения, но тождественны с функциональной точки зрения. Соответствующие гласные, занимающие эту позицию, являются вариантами одной и той же фонемы.

Одно и то же «место» в зависимости от условий может быть одной и той же позицией или разными позициями.

Приведенные примеры тождественности и различия позиций элементов разных уровней языка указывают на невозможность сведения понятия позиции к порядковому номеру элемента в речевой цепи. Позиция элемента в речевой цепи определяется выполняемой им в данной речевой цепи функцией. Последняя же зависит:

1) от собственных (системообразующих) свойств данного элемента; например, тождественность позиций одного и того же суффикса в разных словах определяется не порядковым номером, а тем, что суффиксам свойственно выполнять одни и те же функции;

2) от взаимодействия с окружающими элементами, иначе говоря, от роли в конкретной системе, каковой является данное речевое образование. Тем самым выполняемая элементом функция является проявлением также и его системоприобретенных свойств.

При определении позиции, или места, элемента важнейшую роль играет свойство неоднородности. Именно отличие данного элемента от другого (других) позволяет ему установить те или иные отношения с окружающими, или соседними, элементами, что, в свою очередь, позволяет дать определенную характеристику данной позиции. Если бы все элементы были однородны,

⁹ Этот и следующие примеры взяты из книги М. В. Панова [137, с. 5—6].

то в этом случае имелись бы «нулевые» синтагматические и «нулевые» парадигматические отношения. Чем выше неоднородность, тем более многообразными и усложненными становятся отношения этого элемента с окружающими, тем богаче характеристика данной позиции.

В свете всего сказанного понятие позиции элемента в речевой цепи можно определить в соответствии с представлениями, утвердившимися в современной лингвистике, следующим образом.

Позиция, или место, элемента в речевой цепи есть его относительное расположение в данном речевом образовании. Позиция элемента характеризуется функцией элемента в данном речевом образовании и определяется только относительно позиций (и функций) других элементов.

Таким образом, понятие *позиция* есть понятие не абсолютное, а реляционное.

Если верно, что элементы объединяются в классы, или парадигмы, по их способности занимать одни и те же позиции (каждый класс одну или ряд определенных позиций) в речевой цепи, то становится ясным, что выведение всех парадигм в данном случае целиком зависит от правильного нахождения позиции.

Ошибочность определения позиции неизбежно ведет к ошибочному объединению элементов в парадигмах.

2. Парадигма и парадигматические отношения

Как уже было сказано, понятие *парадигма* связано с понятием *позиция*. В книге М. В. Панова «Русская фонетика» указываются два толкования слова *парадигма*: «*Парадигма*, следовательно, это ряд языковых единиц, различие между которыми определяется позицией» и «Иногда термин *парадигма* употребляют в ином значении: парадигмой называют языковые единицы, встречающиеся в одной позиции (т. е. употребляют в значении, прямо противоположном тому, какое указано выше)» [137, с. 6].

Первое определение разъясняется так: «...ряд позиционно чередующихся звуков составляют парадигму». Поскольку звуки $a^1 - a^2 - a^3$ в русском языке невозможны в одной позиции, они, по М. В. Панову, объединяются в парадигматический ряд. Здесь берутся в рассмотрение разные позиции, создаваемые за счет разного фонетического окружения в одной и той же морфеме (*посадка, сяду* и т. п.). Функционально это одна и та же позиция.

Во втором случае для иллюстрации привлекаются разные слова (морфемы) *дам — дом — дум — дым*, в которых парадигма образуется за счет фонем *а — о — у — ы*. В этом случае речь

идет о фонетически тождественных, но функционально разных позициях. М. В. Панов отмечает, что во втором случае «термин *парадигма* используется нерационально, „бесхозяйственно“: он служит для демонстрации законов сочетаемости, которые уже обслуживаются термином *синтагма*» [137, с. 6].

С нашей точки зрения, во втором случае демонстрируются не только и не столько законы сочетаемости, сколько объединение элементов в более широкий класс, или более широкую парадигму.

Выше, в предыдущем разделе, на примерах М. В. Панова было показано различие позиций для ряда, состоящего из разных слов (морфем), и для ряда, состоящего из вариантов одной морфемы.

Соответственно с помощью этих разных позиций можно построить разные парадигмы. Но и в том и в другом случае образуются некоторые классы, т. е. *парадигмы*. И в том и в другом случае правомерен термин *парадигма*, как обозначающий класс элементов.

Ряд *а — о — у — ы* образует парадигму гласных звуков русского языка. Это весьма широкая парадигма, членами которой являются все звуки, встречающиеся в позиции между согласными в разных словах. Поскольку данная позиция рассматривается в отвлечении от какого-либо определенного смысла (разные гласные в этой позиции служат для различения самых различных значений), можно утверждать, что в этой позиции гласные звуки независимы друг от друга, т. е. свободно чередуются. Такое чередование есть чередование разных фонем, и оно принципиально отлично от чередований звуков в одной и той же морфеме, где чередующиеся звуки объединены тем, что они участвуют в выражении (различении) одного и того же смысла, и где, следовательно, они связаны общей функцией по отношению к данному смыслу. Они чередуются вследствие изменения окружающих звуков. Звуки *а — о — у — ы* чередуются вследствие изменения смысла слов (морфем) независимо от фонетического окружения.

В словах *посадка, сяду* и т. п. чередование происходит в рамках одной и той же морфемы, а чередующиеся звуки не выходят за пределы одной и той же фонемы. Различные фонетические условия требуют, чтобы в интерконсонантной позиции в одной и той же морфеме выступали то звук *а*¹, то *а*², то *а*³. Все это варианты фонемы *а*, которая есть класс, или парадигма, чередующихся в этой позиции звуков. В этой позиции невозможно неограниченно и свободно заменять один гласный звук другим, не разрушив данную морфему. Фонема в данной позиции незаменима на другие фонемы, но может быть представлена своими чередующимися вариантами.

Таким образом, парадигматический ряд *а — о — у — ы* (и т. п.) сам состоит из парадигм, поскольку *а* есть класс, или

парадигма, ряда вариантов $a = a^1, a^2, a^3, a^4 \dots$; o есть класс, или парадигма, ряда вариантов $o = o^1, o^2, o^3 \dots$; $ы = ы^1, ы^2, ы^3 \dots$ и т. д.¹⁰.

Образуется своего рода иерархия¹¹ парадигм, которую можно изобразить в виде схемы:

Парадигма большая	a	a^1 a^2 a^3	парадигма малая
	o	o^1 o^2 o^3	парадигма малая
	$ы$	$ы^1$ $ы^2$ $ы^3$	парадигма малая
	y	y^1 y^2 y^3	парадигма малая

Соответственно мы имеем большую парадигму, которая состоит из малых парадигм. Большую парадигму, которая состоит из гласных фонем, можно обозначить символом V (гласные). Позиция членов этой парадигмы есть позиция, определяемая относительно согласных (C) в разных морфемах (словах) и, следовательно, безотносительно к выражению конкретного смысла. Например, CVC (интерконсонантная позиция) в словах: *дом, дым, дам* и т. п.

Малые парадигмы суть отдельные фонемы и обозначаются соответствующими символами a, o, y и т. д. Позиции членов этих парадигм суть позиции в составе вариантов (алломорфов) одной и той же морфемы: *посадка — сяду*.

Рассмотрим теперь парадигмы и парадигматические отношения на словесном уровне.

Если мы возьмем ряд предложений:

¹⁰ Чтобы не усложнять изложение, я отвлекаюсь от рассмотрения случаев, когда вариантом, например, фонемы $ы$ выступает $и$ (или наоборот). Или в числе вариантов (вариаций) фонемы o мы находим a и т. д. Последнее явление связано с нейтрализацией функций фонем (см. ниже, стр. 89—94).

¹¹ В данном случае термин *иерархия* употреблен в ином, чем применительно к отношению единиц разных уровней, смысле. Здесь этот термин характеризует отношение класса и его элемента или множества и члена этого множества. В классы объединяются относительно однородные элементы, т. е. элементы одной степени сложности.

1 2 3
Я читаю книгу;

1 2 3
Ты покупаешь брошюру;

1 2 3
Он листает газету,

то позиции всех слов, помеченных одинаковыми номерами во всех предложениях, являются тождественными. В частности, тождественными являются позиции слов: *книгу*, *брошюру*, *газету*. Данная позиция (позиция прямого дополнения) дает возможность выделить класс имен, взятых в форме винительного падежа. Если расширить содержание этой позиции и толковать ее как вообще позицию имени после глагола, то в этой позиции могут встретиться имена и в форме других падежей. Например: *Я люблюсь книгой*; *Я мечтаю о книге* и т. п. и т. д.

В зависимости от содержания и характеристик данной позиции мы можем выделить большую парадигму, например общую парадигму имен, и малую парадигму, например парадигму форм одного и того же слова.

Разные формы одного и того же слова в русском языке могут быть «претендентами» на одно и то же место в речевой цепи при условии наличия разных окружений, т. е. при сочетании с глаголами разных подклассов и форм. Ср.: *Я читаю книгу*; *Я увлекаюсь книгой*; *Я думаю о книге*; *Я не вижу книги* и т. д.

Так же как для фонем, можно показать на схеме соотношение большой и малой парадигм имен в русском языке.

В русском языке формы одного и того же слова встречаются во взаимоотноключающих окружениях (с точки зрения формы и классных свойств соседних слов) и поэтому находятся в отношении дополнительной дистрибуции, так же как так называемые обязательные варианты одной фонемы или разные варианты одной морфемы.

Парадигма большая	<i>книга</i>	<i>книгой</i> <i>книгу</i> <i>книги</i> и т. п.	парадигма малая
	<i>брошюра</i>	<i>брошюрой</i> <i>брошюру</i> <i>брошюры</i> и т. п.	парадигма малая
	<i>газета</i>	<i>газетой</i> <i>газету</i> <i>газеты</i> и т. п.	парадигма малая

В изолирующем китайском языке, в котором слова морфологически гораздо менее осложнены по сравнению с русским языком, система видовых форм глагола (единственная часть речи, у которой имеется относительно развитая система форм), или малая парадигма, состоит из компонентов (словоформ), также находящихся в отношении дополнительной дистрибуции. Правда, условия дополнительной дистрибуции в китайском языке менее жестки, чем в русском. Словоформы могут встречаться и в тождественном окружении. Однако и здесь имеются ограничения употребления, накладываемые окружением, что свидетельствует об отношениях дополнительной дистрибуции между формами. А это характерно для системы форм одного слова. Последнее говорит о том, что китайские глаголы не только имеют разные формы, но эти формы образуют парадигму, или систему форм¹².

Так, предложения состояния¹³, в которых подлежащее имеет объектное значение, допускают глаголы в форме совершенного вида (глагол + *ла*) и не допускают глаголов в форме многократного вида (глагол + *го*). Наиболее типичные примеры: *туфэй сяомела* 'бандиты уничтожены'; *фань чила* 'пища съедена'; *вань дапола* 'чашка разбита' и т. д.

Некоторые разновидности предложений состояния в качестве сказуемых допускают только глаголы в форме на *-чжэ*: *мэнь кайчжэ* 'дверь открыта', и не допускают использования других форм.

Эти ограничения, связанные с характером окружения глагола-сказуемого (подлежащее с объектным значением, отсутствие дополнения), позволяют говорить, что разные формы китайского глагола находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что подтверждает их парадигматический и, следовательно, системный характер.

Во всяком языке элементы представлены рядом вариантов, составляющих некоторый класс, или парадигму. В силу линейного характера языка в конкретном употреблении выступает всегда один какой-либо вариант как представитель класса. *Элемент*, или *единица, языка*, рассмотренный как класс, представляет собой *абстрактную единицу*, например слово вообще, фонема вообще, морфема вообще. Переход от слова вообще к конкретной словоформе или, говоря шире, от единицы вообще к конкретной единице называется *актуализацией* виртуальной единицы. Явление актуализации, широко разработанное Шар-

¹² Н. Н. Коротков, критикуя мое утверждение о слове китайского языка как о системе форм, выдвигает положение о том, что китайское слово приобретает систему форм только в речи и не является системой форм вне речи [90, с. 372].

¹³ Подробнее о предложениях этого типа в китайском языке см. в работе Н. В. Солнцевой [191, с. 7].

лем Балли [24], иногда расценивают как переход от языка к речи.

Элементы языка, таким образом, объединяются в более крупные классы, или парадигмы. Эти парадигмы обладают разным объемом, т. е. включают разное количество элементов.

Элементы языка образуют *сверхпарадигмы*, или максимально широкие парадигмы, парадигмы, подпарадигмы, малые парадигмы. Малые, или низшие, парадигмы входят в высшие парадигмы в качестве элементов. Поэтому всякая высшая парадигма есть объединение парадигм более низкой ступени. Сверхпарадигмы, как мы увидим ниже, не входят более ни в какие другие парадигмы.

Объединение элементов в парадигмы зависит, как мы видели, от тех позиций, в которых они встречаются. В зависимости от характера позиций выделяются разные парадигмы. Чем меньше ограничений имеет данная позиция, тем большее количество разных элементов может быть употреблено в ней, тем обширнее оказывается выделяемая парадигма. Чем больше ограничений на данную позицию, тем меньше разнообразных элементов может встретиться в ней, тем уже окажется парадигма.

Можно сформулировать общее соотношение позиции и парадигмы: минимальное ограничение (окружением или другими условиями) позиции дает максимально широкую парадигму, и, наоборот, максимальное ограничение (окружением или другими условиями) позиции дает минимально или предельно узкую парадигму.

Элементом, входящим в большую парадигму, свойственно большее число мест, или позиций. Элементом, составляющим меньшую парадигму, свойственно употребляться в меньшем количестве мест, или позиций.

Так, большая парадигма, образуемая всеми гласными, характеризуется всеми возможными позициями гласных в данном языке. Эта позиция отбрасывается от учета смысловозначительной роли того или иного гласного. Передние гласные, которые можно рассматривать также как парадигму или часть общей парадигмы гласных, могут встретиться уже в меньшем количестве позиций. Позиции, по которым выделяются малые парадигмы — фонемы, являются фонетически разными позициями в одной и той же морфеме.

В известном смысле позицию можно определить как дистрибуцию элемента (в дескриптивистском смысле). В таком случае можно сказать, что парадигма, или класс, характеризуется более широкой и менее ограниченной условиями дистрибуцией, чем любой элемент данного класса. Сверхпарадигма характеризуется суммой дистрибуций всех составляющих ее элементов.

3. Иерархические отношения и понятие уровня языковой системы¹⁴

Выше я уже пользовался понятием иерархичности, понимая иерархичность как всеобщее свойство элементов, характеризующее отношение единиц разной сложности в языке (см. с. 62). Поскольку относительно однородные единицы, или единицы одинаковой степени сложности¹⁵, объединяются в классы, или парадигмы, постольку отношения между такими классами, если сравнивать эти классы по степени сложности составляющих их единиц, также носят характер *иерархических отношений*.

Так, если отношение между морфемой и словом с точки зрения их сложности есть иерархическое отношение, то отношение между всеми морфемами, образующими сверхпарадигму, или сверхкласс морфем, и всеми словами, образующими сверхпарадигму, или сверхкласс слов, также есть иерархическое отношение. Такое отношение между большими классами (сверхклассами) не есть отношение линейное и, следовательно, не есть отношение синтагматическое. Более того, такие классы (или их представители) вообще не могут вступить в синтагматические отношения. Морфема (как представитель сверхкласса морфем) не может вступить в линейные, или синтагматические, отношения со словом как представителем сверхкласса слов. Иными словами, морфемы не сочетаются со словами, но только между собой в составе слов¹⁶.

Точно так же знаменательные слова не сочетаются с предложениями, но только между собой в составе предложений¹⁷.

¹⁴ Излагаемые в этом разделе идеи получили более подробную разработку в моей статье «О понятии уровня языковой системы», к которой я отсылаю интересующихся этой проблемой [185].

¹⁵ Слова разного морфемного состава, т. е. в известном смысле обладающие различной сложностью, определяются как единицы одной степени сложности, поскольку их степень сложности не меняет их качеств как слов. По всем своим грамматическим свойствам слова *стол* и *стол-ик* тождественны и объединяются в один общий функциональный класс. Иначе говоря, слова в отношении друг друга характеризуются относительной неоднородностью (см. с. 58), которой при рассмотрении свойств иерархичности можно пренебречь.

¹⁶ Так, например, в производном слове *стол+ик* обнаруживается не слово *стол*+суффикс *-ик*, а две морфемы. Точно так же, например, в китайском языке в глагольной форме совершенного вида *цзоу+ла* 'ушел' обнаруживается не слово *цзоу* 'идти'+ суффикс *-ла*, а две морфемы, несмотря на то что без суффикса *цзоу* неотличимо от синтаксически самостоятельного слова.

¹⁷ Это утверждение как будто бы противоречит некоторым явлениям, наблюдаемым, например, в изолирующих языках (китайском, вьетнамском, тайском и др.). Я имею в виду случаи так называемых членных предложений (см. В. М. Солнцев [174, с. 185] и М. К. Румянцев [160]). В китайском и других языках в некоторых предложениях один из членов может быть выражен, в свою очередь, предложением, например: *Во тоу тэн* 'У меня болит голова' (букв. 'Я голова болит'). Но, во-первых, такого рода предложения не являются собственно простыми. В них обнаруживаются два предикативных центра, и они представляют собой разновидность сложных. Соответ-

Выше я утверждал (с. 71), что синтагматические отношения представляют собой отношение классов, а в конкретном виде — представителей классов. Теперь следует сделать уточнение: синтагматические отношения представляют собой отношение не любых устанавливаемых в языке классов, но только классов элементов одинаковой степени сложности, т. е. таких элементов, которые не находятся между собой в иерархическом отношении.

Так, мы обнаруживаем в синтагматическом ряду отношения между разными классами слов (например, имен, глаголов, прилагательных и т. д.), разными классами морфем (например, знаменательными и служебными), разными классами фонем (например, согласными и гласными). Но мы не можем обнаружить аналогичного отношения класса морфем и класса слов и т. д.

Сверхпарадигмы, как будет показано ниже, не обнаруживают в отношении друг друга и парадигматических отношений.

С другой стороны, именно в речевой цепи, разбирая строение любой сложной единицы, мы обнаруживаем иерархические отношения между этой единицей и составляющими ее элементами. Рассматривая любое слово, состоящее из ряда морфем, и задаваясь вопросом, каково отношение между словом и его компонентами — морфемами, мы констатируем иерархическое отношение. По сути дела, все иерархические отношения, которые существуют в языковой системе, даны нам, т. е. могут быть обнаружены в речевой цепи, если эта речевая цепь представляет собой достаточно «длинное» образование, например предложение полного состава. В этом случае неоднородность единиц разной степени сложности бывает представлена или выявлена в полной мере и нам остается констатировать, что звуковые оболочки морфем и слов состоят из фонем, слова состоят из морфем, словосочетания и предложения состоят из слов, т. е. нам

ственно их называют «усложненными», или предложениями с «включенной частью». Во-вторых, само «членное», или «включенное», предложение лишено важнейших качеств предложения — предикативности и модальности, что проявляется в отсутствии у них завершенной интонации предложения, и с функциональной точки зрения «членные» предложения уподобляются отдельному слову (выполняя функцию отдельного члена предложения и замещаясь при известных условиях в этой функции отдельным словом). В силу всего этого можно утверждать, что названные явления не противоречат общему правилу несочетаемости слова и самостоятельного предложения в линейной последовательности.

Единственная разновидность слов, которая «сочетается» с предложениями, — это различного рода служебные слова типа союзов (частицы речи, которые являются средством связи простых предложений в сложные). Но это совершенно особый случай. Здесь служебные элементы, если считать их разновидностью слов, играют не номинативную роль, а реляционную, связующую. Эти элементы не сами соединяются с предложениями, а соединяют предложения, служа посредниками между ними.

остается констатировать отношение иерархичности¹⁸, которое может быть определено как понятие «состоит из...». В конкретной речевой цепи иерархические отношения представлены конкретными единицами, которые являются представителями своих сверхпарадигм, или сверхклассов. Но отсюда следует, что в речевой цепи в свернутом виде нам даны иерархические отношения соответствующих больших парадигм.

Большие парадигмы, или сверхпарадигмы, представляют собой совокупности, или множества, всех обнаруживаемых в языке единиц одной степени сложности, или относительно однородных единиц. Такие совокупности, или множества, соответствуют тому, что в языкознании обычно называют уровнями, или ярусами, языковой системы.

Понятие *уровень*, или *ярус* (*level*), введенное в лингвистику дескриптивистами и воспринятое представителями разных школ, получило широкое хождение, не имея само по себе более или менее четкого определения. Понятие уровня относят и к онтологии языка, и к способу систематизации и описания языка. Что такое уровень, или ярус, в онтологическом смысле? Чаще всего понятие уровня связывают с наличием некоторого набора единиц¹⁹. Поэтому признание некоторых языковых величин единицами влечет за собой выделение соответствующего уровня. Так, говорят о фонологическом уровне, поскольку выделяются такие единицы, как фонемы, и говорят о словообразовательном уровне, поскольку выделяют «единицы словообразовательного уровня» [105, с. 121].

Связь понятия уровня с понятием набора некоторых единиц несомненна. Вопрос заключается в определении того, на какие единицы базировать понятие уровня. Совокупность, например, производных слов в языке составляет некоторый набор единиц, отличный от набора единиц, образованного сложными словами. Набор единиц, образованный корневыми морфемами, отличен от набора единиц, образованного морфемами-аффиксами. Значит ли это, что следует выделять «уровень производных слов», «уровень сложных слов», «уровень корневых морфем», «аффиксальный уровень» и т. д.? Видимо, по этому пути идти нельзя, поскольку придется выделять в языке столько уровней, сколько группировок (самых различных) языковых величин можно выделить. Объединение языковых величин в некоторые наборы

¹⁸ В случае, когда, как в латинском предложении *Ille* 'Поезжай!', свойства неоднородности единиц «свернуты» и мы устанавливаем иерархическое строение этого предложения не путем прямого анализа, а косвенным образом, сопоставляя такое предложение с предложениями полного состава.

¹⁹ См., например, замечание В. В. Лопатина и И. С. Улукханова: «Исходный пункт выделения уровней обычно один и тот же: уровни выделяются соответственно основным единицам языковой системы. Различия между школами и исследователями определяются тем, какие из этих единиц считаются основными» [105, с. 120].

можно производить по самым различным признакам. Соответственно понятие уровня становится относительным и превращается в простое наименование некоторой совокупности единиц, выделенных по тем или иным признакам.

Понятие уровня следует связывать с таким свойством или признаком единиц, который позволит выделить достаточно стабильные уровни и установить их место относительно других уровней. Таким свойством является свойство иерархичности единиц. Именно оно определяет понятие уровня (хотя и не всегда эксплицитно и не всегда последовательно) в трудах дескриптивистов и во многих работах представителей других школ.

Уровнем языка, по-видимому, следует называть совокупность относительно однородных единиц, не находящихся в иерархических отношениях между собой и обнаруживающих иерархические отношения (либо как величины более крупные, либо как величины более мелкие) с другими единицами, также составляющими некоторую совокупность.

Совокупности таких единиц представляют собой сверхпарадигмы относительно однородных единиц (например, все фонемы данного языка, все морфемы данного языка, все слова данного языка). Единицы, составляющие сверхпарадигму, или уровень, обнаруживают парадигматические и синтагматические свойства относительно друг друга: они группируются в классы, или парадигмы (например, разные классы фонем, разные классы морфем, разные классы слов), и сочетаются между собой в линейных (синтагматических) цепях²⁰ (цепочки фонем, цепочки морфем, цепочки слов).

Единицы разных сверхпарадигм, или разных уровней, не вступают между собой ни в парадигматические, ни в синтагматические отношения. Так, не может быть класса, составленного из фонем и морфем, из морфем и слов и т. п., так же как нет линейных последовательностей, состоящих из расположенных друг за другом фонем, морфем и слов.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. В результате происхождения морфем из знаменательных слов (об этом речь пойдет в ч. III) в некоторых языках наблюдается известная близость свойств простого слова и морфемы. В связи с этим некоторые элементы занимают промежуточное положение между словами и морфемами. При таких условиях как будто бывает трудно решить, с чем соединено данное слово в линейной последовательности — со словом или с морфемой, а также трудно решить, остается ли данное слово словом или превращается в морфему. Характеризуя видо-временные показатели глагола в тайском языке и отмечая их отделенность от основного слова другими знаменательными словами, Ю. Я. Плам называет их аффиксами-частичками [143, с. 107—119]. В этом названии отражается двойственная

²⁰ Разумеется, речь идет о принципиальной линейной сочетаемости единиц в отвлечении от всевозможных ограничений. Так, в принципе слова образуют в силу своей сочетаемости синтагматическую цепь, но не всякий класс слов сочетается со всяким классом слов. То же самое относится к фонемам и морфемам.

природа этих элементов. Они уже не самостоятельные слова, но еще не морфемы. (Попутно отмечу, что сказанное не означает, что эти элементы обязательно превратятся в чистые морфемы. Сказанное есть лишь констатация их статуса в языке.)

Однако при рассмотрении соответствующих глагольных комплексов возможны два решения: в той мере, в какой это видо-временные показатели слова, мы имеем сочетание двух слов — служебного и знаменательного; в той мере, в какой они морфемы, мы имеем сложный комплекс, в котором знаменательный компонент превращается в морфему, а комплекс в целом предстает как слово.

Объективно противоречивую картину обнаруживают и так называемые аналитические формы слов, в которых функции формообразовательных морфем выполняют морфологические отдельные слова, ср. *has gone*, *будем петь и смеяться* и т. д. Названные явления, а также так называемое групповое оформление слов в агглютинирующих языках и «отделяемые приставки», например в немецком языке, усложняют общую картину, лишают ее схематичной стройности, но не отрицают общего правила: в линейной последовательности слова сочетаются со словами, а не с морфемами. На этом правиле, кстати сказать, основан известный критерий слова А. И. Смирницкого: если в образовании АВ либо А, либо В является морфемой, то все образование в целом есть слово.

Единицы разных уровней обнаруживают, таким образом, только иерархические отношения, которые можно определить в терминах «состоит из...» или «входит в...»²¹ [112].

Соответственно уровни, рассмотренные или взятые как большие классы (сверхклассы, и сверхпарадигмы), не образуют никаких более крупных классов (например, сверхкласс фонем и сверхкласс морфем не образуют совместно никакого более крупного класса) и не могут вступать в межклассные линейные, или синтагматические, отношения. Сверхклассы в отношении друг к другу обнаруживают только иерархические отношения.

Из изложенного, между прочим, следует, что иерархические отношения между величинами исключают как парадигматические, так и синтагматические отношения между ними. Наоборот, наличие парадигматических и синтагматических отношений между величинами свидетельствует об отсутствии иерархических отношений между ними и в силу этого о принадлежности их к одному уровню. Из сказанного также следует, что «уровневые»

²¹ Эти отношения могут быть также названы *отношениями порядка*. Термин «отношения порядка» использует Т. П. Ломтев, связывая его с понятием уровня: «Уровнем мы будем называть место данного объекта в множестве других объектов, связанных отношением порядка» [104, с. 143]. Однако Т. П. Ломтев вкладывает в понятие отношения порядка иной смысл по сравнению с предложенным мною, поясняя его выражениями «больше или меньше», «старше или моложе», «длиннее или короче» и т. п. Последовательность уровней Т. П. Ломтев строит на основе «принципа деривационности» [104, с. 145]. В результате Т. П. Ломтев приходит к распределению ряда предложений, связанных «деривационными отношениями», по разным уровням. В соответствии же с излагаемой в настоящем разделе концепцией все предложения независимо от степени их сложности принадлежат одному уровню. Понятие отношения порядка, по-видимому, целесообразно интерпретировать только в смысле «состоит из...» или «входит в...», сопоставляя эти отношения с парадигматическими и синтагматическими.

объединения единиц являются предельно широкими классами единиц в данном языке.

Уровень языка как сверхпарадигма образуется (имеется в виду синхронное устройство, а не генезис в историческом смысле) в результате объединения малых парадигм во все более крупные парадигмы. Тем самым уровень можно считать результатом «исчерпывания» парадигматических свойств определенного набора единиц. Более широкой парадигмы единицы этого набора образовать не могут. Парадигматические свойства данного набора единиц, проявляющиеся в способности образовывать все более широкие классы, оказываются реализованными полностью. В результате происходит «перелом качества». В отношении единиц других уровней единицы данного уровня более не реализуют парадигматических свойств. В пределах уровня также исчерпываются и синтагматические свойства единиц. Иными словами, все возможные линейные комбинации единиц оказываются реализованными в пределах данного уровня. По отношению к единицам другого уровня единицы более не реализуют своих синтагматических свойств. Уровень в соответствии со сказанным можно определить как замкнутый набор относительно однородных единиц, в пределах которого полностью реализуются парадигматические и синтагматические свойства этих единиц. Иными словами, парадигматические (внутри-классные) и синтагматические, или комбинаторные (меж-классные), отношения реализуются только в пределах уровней. Уровни представляют собой относительно автономные системы, обладающие набором единиц и сеткой связей (структурой).

Единицы этих систем обладают парадигматическими и синтагматическими свойствами, но не обладают иерархическими свойствами относительно друг друга. Они неделимы в пределах своего уровня. Именно в силу этого слова независимо от степени их собственной усложненности в пределах своего уровня выступают в отношении единиц других уровней как однопорядковые с точки зрения сложности величины. Деление любого слова ведет к выходу на другой уровень.

Сложные слова, даже если их компоненты по отдельности неотличимы от самостоятельных слов, например *мореплавание*, состоят из морфем, а не слов. Два слова, связанные отношением деривации, например *стол* и *столик*, не относятся к разным уровням, поскольку их отношение не есть отношение иерархичности, определяемое в терминах «состоит из...» или «входит в...». В состав слова *столик* входит, как уже говорилось, не слово *стол*, а морфема *стол-*. Отсутствие иерархических отношений между словами *стол* и *столик* подтверждается наличием у этой пары слов парадигматических и синтагматических отношений.

Уровни можно определить как подсистемы общей системы языка. Уровневые подсистемы не являются элементами по отношению к общей системе языка, но представляют собой ча-

сти общей системы, связанные иерархическими отношениями через свои единицы. Уровни как бы входят друг в друга, они не наложены друг на друга, а переплетены. При функционировании языка в движение вовлекаются одновременно все уровни, точнее, единицы всех уровней, поскольку эти единицы являются составными частями, из которых путем ступенчатого соединения образованы в конечном счете коммуникативные речевые единицы — предложения. Поэтому в предложении представлены своими единицами все уровни языка.

Единицы высших уровней представляют собой сложные образования по отношению к единицам более низких уровней. Эти сложные образования являются системами, в которых единицы низших уровней выступают элементами. Так, предложение есть система, элементами которой являются слова; слова суть системы, элементами которых являются *морфемы*. В известном смысле звуковые оболочки морфем также могут быть определены как системы, элементами которых являются *фонемы*. При этом нас не должно смущать, что звуковая оболочка морфемы выражает смысл, а фонема не выражает. Ведь переход от элементов к системе, образованной этими элементами, всегда влечет за собой появление нового качества. Слово всегда обладает иным качеством, чем входящие в него морфемы, а предложение совершенно иным качеством, чем входящие в него слова (в частности, качеством предикативности и коммуникативности).

Таким образом, относительно однородные элементы, составляющие один уровень, с одной стороны, в пределах своего уровня реализуют свои парадигматические свойства, образуя различные классы (парадигмы), с другой стороны, сочетаясь в линейной цепи, реализуют свои синтагматические свойства. Синтагматические комбинации элементов уровня служат для образования некоторых систем, которые представляют собой единицы, или элементы, других уровней.

Если вся совокупность единиц одного уровня образует некоторую частную систему (подсистему) на основе реализации парадигматических свойств этих единиц, причем такая система существует потенциально, то линейные комбинации отдельных единиц или групп единиц образуют конкретные системы, представляющие выход на соседний уровень и существующие в речевой цепи актуально.

Но если, как это утверждалось выше, все иерархические отношения даны в речевой цепи, а уровни представлены в предложении, то они могут быть обнаружены в речевой цепи, или в синтагматике. Критикуя теорию уровней в том виде, в каком она представлена в лингвистических работах, С. Д. Кацнельсон упрекает дескриптивистов за то, что они добывают единицы и соответственно уровни в синтагматике. Он пишет: «Добывая языковые единицы непосредственно из фразы и располагая их по уровням в зависимости от последовательности их

вычленения из фразы, теория уровней явно упрощает дело. Из двух типов отношений, характеризующих речевую деятельность, — парадигматических и комбинаторных — она, в сущности говоря, учитывает только комбинаторные» [81, с. 37]. Этот упрек вред ли справедлив.

Во-первых, помимо названных двух типов отношений существует третий тип отношений — иерархические отношения, которые, очевидно, в первую очередь берутся в расчет при распределении единиц по уровням. Во-вторых, в синтагматике, как уже говорилось, в скрытом виде (в виде представителей классов) даны отношения классов — как синтагматические, так и иерархические (последние несводимы ни к парадигматическим, ни к синтагматическим). В-третьих, учитывая комбинаторные отношения, вообще нельзя выделить единицы разных уровней, поскольку, например, отношения предложения и слова, слова и морфемы, морфемы и фонемы есть не комбинаторное отношение, а отношение иерархическое.

При бесконечном разветвлении синтагматической цепи в ней рано или поздно оказываются использованными все элементы (единицы) языка, составляющие парадигмы и сверхпарадигмы. Если в каждом речевом акте парадигма и сверхпарадигма представлены одним представителем, то в совокупности всех теоретически возможных актов речи оказывается представленной вся парадигма или сверхпарадигма, которая выше была определена как уровень.

В речи дано все, что есть в языке. Если в речи после извлечения языка может быть обнаружен некоторый *сверхязыковой остаток*, о котором речь пойдет ниже (с. 148), то язык дан в речи полностью, без всякого остатка. Свойство линейности единиц языка реализуется в пределах уровней. В речи «линейности» уровней оказываются включенными друг в друга. В любом речевом образовании обнаруживается несколько уровней. Если взять из речи любое слово, состоящее из ряда морфем, например слово *стол-ик-у*, то в нем обнаруживается: а) линейность самого слова, вступающего в линейные же отношения с другими словами, б) линейность морфем и в) линейность фонем, образующих звуковую оболочку слова и составляющих его морфем.

В составе слова и линейность морфем, и линейность фонем заключены в линейности слова и подчинены ей. В составе предложения линейные последовательности единиц всех уровней включены в линейность предложения. Многоуровневость, или многоярусность, строения языка во всяком речевом акте представлена не в виде возвышающихся друг над другом этажей, а в виде линейной последовательности. В синтагматике языка — в реальной речи — представлены актуально отношения синтагматические (в виде отношений представителей классов) и потенциально — отношения парадигматические (отношения внутри

классов) и отношения иерархические (отношения между сверхклассами).

Подытоживая изложенное выше, можно констатировать, что уровневые свойства единиц языка определяются совокупностью трех наиболее общих видов отношений, в которые могут вступить единицы языка: синтагматические, парадигматические и иерархические. В наиболее общем виде уровень языка есть предельно широкая упорядоченная совокупность относительно однородных единиц (сверхкласс, или сверхпарадигма), не находящихся в иерархических отношениях друг с другом и способных вступать между собой в синтагматические и парадигматические отношения.

§ 4. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

При объединении каких-либо элементов в класс приходится отвлекаться от различий, разграничивающих данные элементы друг от друга, и учитывать прежде всего те общие свойства, которые позволяют относить элементы к одному классу. Эта особенность классообразования дает возможность объяснить явление нейтрализации парадигматических различий, широко наблюдаемое в языках.

Различия, разграничивающие в определенных позициях языковые единицы (элементы), принадлежащие какой-либо парадигме (и соответственно сверхпарадигме), нейтрализуются в других позициях, свойственных всем элементам данной парадигмы (и соответственно сверхпарадигмы). Для объединения единиц (представляющих собой, как говорилось выше, малые парадигмы) в парадигмы, а последние в большие парадигмы, или сверхпарадигмы, должны существовать позиции, в которых различия между единицами (малыми парадигмами) и парадигмами нейтрализуются. Так, позиция, определяемая как послеглагольная (без учета отнесенности глагола к подклассу — переходность, косвенная переходность или формы глагола), является позицией, в которой нейтрализуются различия между частными парадигмами имени, т. е. системами форм именных слов. Такая позиция характерна для общей парадигмы имен.

В позиции между согласными в разных словах или морфемах (CVC), где можно отвлечься от смысловозначительной и смысловыразительной функции фонем, нейтрализуются фонемные различия, и эта позиция является характерной для гласных фонем вообще.

Существуют позиции, в которых происходит нейтрализация различий больших парадигм. Так, в позиции подлежащего (П) в разных языках (и в позициях других членов предложения) нейтрализуются различия между разными классами слов, по-

ско́лько в роли подлежащего, как правило, используется не один какой-то класс слов, а несколько классов слов²².

В позиции между согласными может оказаться не гласная фонема (CVC), а согласная (CCC), что свидетельствует о нейтрализации в данной позиции различий больших классов (парадигм) — гласных и согласных.

Понятие нейтрализации различий, выработанное первоначально в фонологии (см. Н. С. Трубецкой [201, с. 256—272]), где единица, в которой «сняты» различия между фонемами, получила название архифонемы, постепенно проникает в другие разделы лингвистики и начинает все шире применяться к разным сферам языка²³. По-видимому, понятие нейтрализации относится к числу важнейших понятий во всем механизме языка. Само явление нейтрализации обусловлено парадигматическим устройством языка, т. е. существованием всех его единиц в виде классов.

Нейтрализации подвергаются несущественные или малосущественные в данный момент или для данных условий различия элементов, иными словами, различия, не существенные для реализации данной функции.

Парадигмы, подпарадигмы, элементы, или, говоря шире, вообще языковые явления, обладающие меньшими различиями или различиями в каком-либо одном признаке, легче и чаще подвергаются нейтрализации. Например, нейтрализация чаще имеет место для согласных, обладающих большим числом сходных признаков, и реже имеет место для согласных, различающихся большим числом признаков. Так, во многих языках (например, в русском) нейтрализуются звонкие и глухие взрывные, но нелегко найти язык, где аналогичным образом нейтрализовались бы, например, шумные и сонорные.

Чем большими различиями обладают явления, тем меньше позиций и условий, в которых они могут быть нейтрализованы. Тем не менее даже такие, казалось бы, взаимоисключающие

²² Именно поэтому между понятием класса слов (часть речи) и понятием члена предложения нет однозначного соответствия. Выведение понятия члена предложения требует учета функций ряда классов слов, а не одного какого-либо класса.

²³ В 1957 г. в Париже под редакцией А. Мартине был выпущен сборник, содержащий ответы различных ученых на вопросы, касающиеся применения понятия нейтрализации к области морфологии и лексики [107]. Вопросы, а также характеристика общего понятия нейтрализации были сформулированы А. Мартине.

Из ответов лингвистов, представляющих разные школы и направления, следует, что понятие нейтрализации в принципе применимо к указанным областям, однако многие конкретные случаи применения этого понятия остаются спорными. К таким случаям относится, в частности, применение понятия нейтрализации к сфере значений. В своем ответе на вопросы Ч. Базелл (С. Е. Bazell) пишет: «Остается дискуссионным вопрос, может ли термин *нейтрализация* быть с пользой использован в области семантики. Несомненно, однако, что его прежнее использование безнадежно запутано» [107, с. 25].

категории, как категории единственности и множественности в языках, последовательно сохраняющих эти различия, при известных условиях могут быть нейтрализованы. Ср. употребление форм единственного и множественного числа у А. С. Пушкина: «Сквозь огонь окопов рвутся шведы...» и «Глубокий сон во стане шведа» («Полтава»). Ср. также у А. Т. Твардовского: «Слева наши, справа наши, не отстать бы на ходу. Немец кухни с теплой кашей второпях забыл в саду» («Василий Теркин») и т. д.

Явление *нейтрализации* различий каких-либо объектов по своему существу представляет собой использование одного объекта в той роли или функции, в которой используется или может быть использован другой объект. Функция, в которой происходит нейтрализация различий, является или оказывается в силу ряда причин общей для двух данных объектов. Поэтому в известном смысле безразлично, какой из двух объектов выполнит данную функцию.

В тех случаях, когда безразлично, с помощью левой или правой руки совершено действие, по сути дела, происходит нейтрализация различий левой и правой рук для данного действия или относительно данного действия.

В тех случаях, когда безразлично, с помощью какого звука будет передан данный смысл, происходит нейтрализация различия звуков для передачи данного смысла.

Явление нейтрализации присуще, по-видимому, всем системам функционального характера. Среди функциональных систем это явление особенно характерно для системы языка, элементы которого широко используются в разных функциях, причем функции малоразличаемых элементов, например различаемых одним признаком, при определенных условиях нередко оказываются сходными и даже тождественными.

Нейтрализация различий в языке, как это установлено в лингвистике, подчиняется определенным закономерностям. В языке при нейтрализации общую функцию берет на себя, как правило, так называемый слабый член из двух нейтрализующих элементов²⁴.

Так называемый слабый член, или «немаркированный» член,— это элемент, у которого отсутствует тот признак, который отличается от него другой или другие элементы.

Как известно, при нейтрализации различий единственного и множественного числа обычно используется форма единственного числа. При нейтрализации звонкости—глухости используется элемент, лишенный признака звонкости, и т. п. и т. д.

С точки зрения понятий однородности — неоднородности «слабый», или «немаркированный», элемент является более одно-

²⁴ Н. С. Трубейко́й отмечает, что при нейтрализации, обусловленной контекстом, «все сводится, как правило, к утрате определенного фонологического признака...» [201, с. 257].

родным и, как таковой, способен употребляться в большем количестве функций. Наоборот, «сильный», или «маркированный», элемент обладает большей неоднородностью и соответственно большей специализацией. Он как бы сильнее привязан к определенной функции (функциям) и позиции (позициям).

Если сравнить языки по степени неоднородности (усложненности) их элементов, например слов, то окажется, что во флективно-синтетических языках (русском, латинском и т. п.) явление нейтрализации представлено, по крайней мере на словесном уровне, более ограниченно, чем, например, в языках изолирующих, где морфемно-грамматические различия между словами намного ниже и где нейтрализация представлена весьма широко. Так, в китайском языке широко представлено явление «временной» субстантивации и «временной» вербализации соответственно глаголов и существительных. Это явление, при котором слово определенного класса (например, глагол) временно, для нужд данного предложения, используется в функции слова другого класса (например, существительного). В языках с развитой морфологией в этих случаях происходит обычно создание «отглагольного существительного» и в силу этого не имеет места нейтрализация парадигматических (классных) различий.

Явление нейтрализации не только не отрицает различий между элементами, вступающими в отношение нейтрализации, но, наоборот, предполагает их. Собственно, само понятие нейтрализации возможно лишь при условии, что существуют различия, которые надо нейтрализовать. Поэтому даже высокая степень нейтрализации функций некоторых классов, или парадигм, не может свидетельствовать об отсутствии самих этих классов (парадигм). Разумеется, для выделения классов (парадигм) должны существовать позиции, в которых данные классы (парадигмы) различаются. Отсутствие таких позиций не позволяет выделить и сами эти классы.

По-видимому, в известном смысле можно говорить и о нейтрализации иерархических различий между единицами языка. Это имеет место, например, при редукции свойств единицы высшего уровня до нуля, т. е. в так называемых предельных, вырожденных случаях, когда, например, слово совпадает с морфемой (*дом* — *дом-*), а морфема совпадает с одной фонемой.

§ 5. ЕЩЕ РАЗ О ДИХОТОМИИ «ЯЗЫК — РЕЧЬ», «СИСТЕМА — ТЕКСТ», «ПАРАДИГМАТИКА — СИНТАГМАТИКА»

Очевидно, что выделение в языке парадигматических и синтагматических отношений связано с дихотомией «язык — речь». Но это не совпадающее деление. Язык не есть только парадигматика, а речь — только синтагматика.

Речь, конечно, есть реализация синтагматических отношений элементов, но она есть в то же время реализация отношений классов. Эти классы потенциально даны в совокупности речевых произведений. Например, в предложениях *Ручей впадает в реку*, *Река течет в море*, между словами *ручей* и *река*, *впадает* и *течет* и т. д. существуют внутриклассные, т. е. парадигматические, отношения. В каждом конкретном речевом произведении класс (парадигма) представлен одним своим представителем.

В языке потенциально даны и парадигматические, и синтагматические отношения, поскольку и те и другие представляют проявление свойств элементов языка.

Синтагматические отношения даны в речи актуально, как конкретное взаимодействие конкретных единиц. Синтагматические отношения утрачивают конкретный характер, когда даются в виде отношений классов. Парадигматические отношения всегда потенциальны в том смысле, что они не характеризуются моментом взаимодействия, как, например, реальные звуки в реальной звуковой цепи (то, что называют, например, комбинаторными изменениями). На основе парадигматических отношений образуются группировки, представляющие собой объединения по некоторым признакам сходных элементов в классы или классы в более крупные классы.

В этом принципиальное различие синтагматических и парадигматических отношений.

Выше мы показали, что речь есть последовательность, набор конкретных систем, несущих информацию. Здесь можно несколько с иной точки зрения охарактеризовать системный характер речи. Речь сама есть система, образуемая в результате реализации синтагматических отношений, потенциально присущих элементам системы языка. Если система языка в целом имеет парадигматический и синтагматический аспекты, то речь — синтагматический аспект языковой системы, в которой потенциально даны парадигматические отношения.

В тексте актуально дана часть общей языковой системы — синтагматика. По этой части лингвисты восстанавливают всю систему языка, т. е. надстраивают над синтагматикой парадигматику.

Синтагматика (как совокупность линейных отношений) дана в бесконечных речевых цепях актуально. Парадигматика (внутриклассные отношения) дана в речи в скрытом виде, а именно:

1) в виде последовательностей представителей парадигм в речевых произведениях;

2) в виде повторения этих представителей парадигм в разных речевых произведениях.

При бесконечном развертывании синтагматической цепи в ней окажется реализованной вся парадигматика языка. Синтаг-

матика языка есть форма существования и проявления парадигматики языка²⁵. Если сравнить эту характеристику синтагматики с характеристикой линейности (см. разд. «Постулат неоднородности»), то нетрудно заметить, что, по существу, синтагматика языка и линейное расположение элементов языка представляют собой проявление общего свойства существования единиц языка во времени, которое было определено Ф. де Соссюром как «линейный характер означающего».

От принципа линейности, по словам Ф. де Соссюра, «зависит весь механизм языка» [192, 81].

²⁵ Ср. замечание М. В. Панова: «В конкретной речевой цепи воплощены и законы парадигматические, и законы синтагматические» [137, с. 14].

ЗНАК

Глава I

ЗНАКОВОСТЬ ЯЗЫКА И ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗНАКОВОЙ ТЕОРИИ¹

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Материальные системы, к которым принадлежит система языка, в ч. I, гл. I были определены как *вторичные материальные*, или *семиотические, системы*. В отличие от первичных материальных систем в этих системах элементы значимы не в силу своих собственных «природных» свойств, а в силу того, что им приписано некоторым человеческим коллективом свойство обозначать нечто находящееся вне их.

Элементы систем (вообще любые объекты, или предметы, или вещи), наделенные свойством обозначать нечто, находящееся вне их, и используемые не в соответствии со своими «природными» свойствами, а как средство указания на что-то вне их самих лежащее, представляют собой различного рода знаки.

Понимание языка как системы знаков, а единиц языка и их комбинаций как различного рода знаков получило за последние десятилетия широкое распространение в теоретическом языкознании. При таком подходе к языку и его единицам понятия знака и единицы языка (исключая фонему), по сути дела, совпадают. В частности, тождественными оказываются понятия знака и слова. Несмотря на довольно обширные исследования этой проблемы, целый ряд моментов остается не вполне ясным. Так, в частности, при признании слова знаком остается непоясненным соотношение таких свойств знака, как конвенциональность и немотивированность с отражательным характером значения и понятия, выражаемых словом. Это требует дальнейшего анализа проблемы знаковости языка и понимания слова как знака в гносеологическом плане.

¹ В основу этого раздела положена статья автора «Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания» [184]. Дальнейшее развитие излагаемые здесь положения и получили в моих статьях «К вопросу о семантике, или языковом значении» и «Языковой знак и его свойства» [186; 188].

Ядром марксистской гносеологии является ленинская теория отражения. Рассмотрение проблемы знаковости в языке в свете теории отражения предполагает анализ понятия знака вообще и основных единиц языка (слово, морфема, фонема) с точки зрения этой теории с последующим сопоставлением свойств знака вообще и свойств единиц языка. Это позволит оценить единицы языка исходя из понятия знаковости и охватить всю проблему знаковости языка с гносеологической точки зрения.

Теория отражения, органически связанная с материалистическим пониманием мира, является основой теории познания диалектического материализма, поскольку, как подчеркивал В. И. Ленин, «в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове» [5, с. 5].

Неоднократно обращаясь к проблеме отражения внешнего мира в понятиях и представлениях людей и применяя принцип отражения к анализу всех форм познания и человеческого знания вообще, В. И. Ленин подробно обосновал и развил теорию отражения в своих работах, и прежде всего в таких, как «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради».

Согласно ленинской теории отражения, ощущения, восприятия и представления субъекта являются результатом воздействия материи на органы чувств и представляют, как говорил В. И. Ленин, «субъективный образ объективного мира» [5, с. 120]. В соответствии с этим понятия и представления людей, как и все мышление, суть приблизительные копии, снимки, образы объективной реальности. «Познание,— пишет В. И. Ленин,— есть отражение человеком природы» [6, с. 163].

Подчеркивая, что сущностью отражения является образование в мозгу человека копий, снимков, образов и т. п., В. И. Ленин никогда не сводил отражение к буквальному зеркальному отображению. Он отмечал, что «предметы наших представлений отличаются от наших представлений...» [5, с. 119] и что «подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни...» [6, с. 330].

Итак, согласно В. И. Ленину, образование общих идей, во-первых, есть отражение и, во-вторых, не сводится целиком к «зеркально-мертвому» отражению, «ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусок фантазии» [6, с. 330].

Главное, с нашей точки зрения, в ленинском понимании принципа отражения заключается в признании: а) детерминированности отображения отображаемым и б) вытекающего от-

сюда соответствия отображения отображаемому или причинной связи отображения с отображаемым.

В. И. Ленин четко противопоставлял отражательные категории: ощущение, образ, представление, изображение и т. п. — знакам или символам. В. И. Ленин отмечал, что «Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей» [5, с. 244—245]. В другом месте он подчеркивал: «Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравниться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*» [5, с. 248]. Критикуя «теорию символов» (или иероглифов) Гельмгольца за уступки агностицизму, В. И. Ленин писал: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие „никакого сходства“ с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается...» [5, с. 247].

Знаки или символы для В. И. Ленина, таким образом, не имеют «никакого сходства» с соответствующими вещами, являются именно *условными знаками*, но не копиями, снимками, отображениями и т. п.

Таковы, как мне кажется, некоторые основные положения теории отражения, с учетом которых ниже будет рассмотрена проблема значимости языка.

Вопрос о знаке теснейшим образом связан с проблемой значения, которую здесь следует кратко рассмотреть в свете принципов теории отражения.

В соответствии с теорией отражения следует считать, что в значениях слов закреплены итоги, результаты познания людьми внешнего мира, а сами значения представляют собой обобщенные отражения в сознании людей предметов, свойств, качеств, признаков, действий и т. п. Тем самым в значениях слов отображены определенные знания людей о мире.

Известно, что значительная часть наших знаний не является непосредственным обобщением чувственных или опытных данных, а представляет собой так называемое выводное знание, т. е. знание, полученное путем рассуждений (умозаключений). Известно также, что значения некоторых слов представляют собой различного рода порождения творческого воображения или фантазии (русалки, кентавры, ведьмы и пр.) и, следовательно, не могут быть отображением реальных предметов. Известно, наконец, что многие слова имеют метафорические или переносные значения (*заяц* — о безбилетном пассажире, *дубина* — о тупом человеке) и т. д. и т. п.

Противники теории отражения обычно ссылаются именно на такого рода факты, как, якобы, противоречащие принципам отражения. При этом сам принцип отражения сознательно или бессознательно низводится до «зеркально-мертвого акта», до буквального фотографического отображения: гляжу на дерево и отражаю его в своей голове. Теория отражения, однако, не всту-

пает в противоречие с подобными фактами. Более того, она дает им объяснение, именно исходя из принципов отражения внешнего мира в голове человека. Выводное знание есть творческая переработка сознанием человека некоторых исходных эмпирических или чувственных данных, отображенных в сознании людей в процессе их познавательной деятельности.

Конструктор или архитектор, приступая к работе, строит в своей голове в идеальной форме будущий результат своего труда. Такой идеальный предмет не есть отображение каких-либо реальных предметов, но он конструируется из ранее отображенных в сознании опытных или чувственных данных. Следовательно, и в основе всего выводного знания и, в частности, в основе конструируемых в сознании «умственных вещей» (если употребить термин Ф. Энгельса) лежат ранее отображенные в сознании опытные или чувственные данные.

Что касается фантастических или мифических значений², а также переносных значений, то здесь надо сказать следующее.

Русалки, кентавры, ведьмы и пр. представляют собой не что иное, как «умственные вещи». Они являются только значениями слов. В реальном мире им ничто не соответствует. Однако эти «умственные вещи» своими составными частями, разумеется мысленными, отображают вполне реальные вещи. «Хвост» русалки есть не что иное, как отображение вполне реального рыбьего хвоста, а голова, волосы и грудь — отображение частей тела молодой женщины. Подобные плоды фантазии, не имея как целое прототипа в действительности, сконструированы в сознании из образов, имеющих совершенно определённые соответствия в реальности. В силу этого в случаях русалок, кентавров и пр. нужно говорить не о прямом и адекватном, а о косвенном и искаженном фантазией человека отражении действительности. Фантастические значения — этого своего рода творческая переработка ранее отображенных в сознании опытных или чувственных данных. Самые фантастические порождения самой изощренной фантазии всегда включают части, непосредственно детерминированные явлениями и фактами внешнего мира.

Переносные, метафорические значения также не противостоят принципам отражения. Всякое переносное значение в источке является прямым. Слово *заяц* в прямом своем значении отображает класс вполне реальных животных. При переносном употреблении слова, когда слово «наделяется» переносным значением, мы фактически мысленно включаем в класс предметов одного рода предмет, принадлежащий другому классу, и тем

² По мнению противников теории отражения, вопрос о подобных значениях относится к числу «трудных» для теории отражения. Так, Вернер Лефельд в рецензии на 1-е издание настоящей книги пишет: «Как, однако, обстоит дело с выражениями типа, например, Одиссей, Зевс, Гулливер, Единорог...? Где здесь внешняя действительность, которая, согласно Солнцеву, детерминирует каждое значение?» [101, с. 110].

самым как бы наделяем этот предмет свойствами предметов другого класса. Этим достигается определенный выразительный и эмоциональный эффект.

Итак, в соответствии с изложенным значения слов ниже будут рассматриваться как отражательные категории, в которых прямо или опосредствованно отображается внешняя действительность.

Рассмотрение знаковости языка требует анализа с позиций теории отражения ряда основных идей о знаковости языка Ф. де Соссюра, основателя современной теории знаковости языка, на которую ссылаются почти все авторы, касающиеся проблемы знаковости.

§ 2. ЗНАКИ И «ЗНАКОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ» НЕЗНАКОВ

В лингвистической литературе широко распространено пирсовское определение знака, согласно которому знак есть «нечто, заменяющее для кого-либо что-либо в некотором отношении или качестве» [142, с. 135], т. е. знаком является все, «по чему можно судить о чем-либо другом». Определение Пирса включает в число знаков широкий круг объектов, которые делятся на три группы: 1) знаки-изображения (icon); 2) знаки-индикаторы (index) и 3) знаки-символы (symbol) [142, с. 156—173].

Д. П. Горский эти три группы знаков объединяет в две: 1) знаки, связанные с тем, что они обозначают, причинными отношениями или отношениями детерминации, и 2) знаки, не связанные с тем, что они обозначают, причинными отношениями или отношениями детерминации [50, с. 14—15]. (Деление знаков на эти две группы покрывает разнообразные классификации знаков; см. А. Шафф [225, гл. «Знак, его анализ и типология»].) К числу первых относят различного рода признаки, или симптомы, каких-либо явлений (дым в лесу как признак костра и т. п.), а также различного рода изображения предметов — фотографии, отпечатки пальцев и т. п.³.

С нашей точки зрения, понятие *знак* в научной литературе употребляется слишком широко. Термин *знак* используют для обозначения как собственно «условных знаков», так и «безусловных знаков», т. е. различного рода признаков и свойств предметов, по которым мы судим о предметах.

Знаками в терминологическом смысле слова, по-видимому,

³ В недавно вышедшей работе В. В. Левицкого объекты, относимые к знакам, сведены в четыре группы и представлены в виде таблицы. Это: 1) симптомы или признаки; 2) копии, отпечатки, изображения; 3) различного рода символы (гербы, эмблемы и т. д.); 4) собственно знаки, или условные знаки. В этом ряду объекты, относимые к знакам, расположены, так сказать, в порядке убывающей мотивированности знака «предметом обозначения» [96, с. 5—8].

целесообразно называть предметы, которые обозначают другие предметы не в силу своих природных свойств, а в силу того, что они, эти предметы, наделены людьми свойством обозначать какие-то другие предметы. Такие знаки являются условными знаками, поскольку кто-то уславливается (сознательно или стихийно) об их знаковом использовании. Знак вообще можно определить как некоторый «кусочек материи», отвечающий двум требованиям: во-первых, он обозначает нечто, находящееся вне его, и, во-вторых, он не связан с обозначаемым естественной или причинной связью. Тем самым знак обладает: а) знаковой функцией (указание на что-либо) и б) свойством конвенциональности.

Что касается «безусловных знаков», то они, по сути дела, являются различными признаками, свойствами и симптомами каких-либо предметов или явлений. Такого рода предметы являются не знаками, а именно признаками или изображениями (близко или отдаленно сходными) других предметов. Поэтому они и связаны с этими предметами причинными отношениями или отношениями сходства. Поскольку же они позволяют судить о чем-либо находящемся вне их, постольку можно говорить об их «знаковом использовании».

Однако «знаковое использование» отнюдь не превращает предмет в знак. Во всех тех случаях, когда мы по следствию судим о недоступной прямому наблюдению или восприятию причине, по-видимому, возникает ситуация, сходная со знаковой ситуацией, что, однако, не дает оснований называть следствие знаком причины. Признак или свойство предмета уподобляется знаку лишь в том случае, когда воспринятыми могут быть лишь данный признак или свойство, а сам предмет в целом находится вне прямого восприятия. Так, дым от непосредственно воспринимаемого костра не является знаком костра, поскольку костер воспринимается не через дым. Когда же дым свидетельствует о невидимом костре, он выступает как указатель костра (безусловный знак). В этом случае имеет место «знаковое использование» дыма, который выступает как знак костра не в силу того, что ему приписано свойство быть указателем костра, а именно благодаря своему качеству дыма как атрибута костра. При этом дым остается естественным признаком костра, является следствием горения.

Можно сказать, что всякий признак, отделенный от предмета и позволяющий судить о предмете заочно, или признак, позволяющий судить о скрытых свойствах предмета, приобретает знаковое использование, оставаясь признаком и не превращаясь в условный знак, или собственно знак.

Что касается условных знаков, или собственно знаков, то предметы, используемые в качестве знаков, не имеют, как уже говорилось, причинных отношений или отношений сходства с тем, что они обозначают. По этим предметам (по их собствен-

ным свойствам) мы не можем судить о чем-то находящемся вне их. Однако с помощью этих предметов мы можем *обозначить* другие предметы, не будучи в состоянии судить о свойствах этих предметов. Функцией *обозначения* обладают, в частности, названия — звуковые комплексы, которые состоят в чисто конвенциональных отношениях с тем, что они обозначают. К. Маркс говорил: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [1, с. 110]. Название есть условный знак, который сам по себе, не раскрывая свойств обозначаемой вещи, вызывает образ или представление об этой вещи и тем самым выполняет важную познавательную функцию.

Весь круг предметов, относимых на основании пирсовского определения знака к знакам, видимо, следует разделить на *незнаки*, имеющие знаковое использование, и *собственно знаки*. Такое распределение находится, как представляется, в соответствии с теорией отражения.

Анализируя знаки и их функции, обычно имеют в виду знаки второго рода (условные знаки, или собственно знаки). Именно эти знаки обладают свойством *произвольности*, или немотивированности. Произвольность знака предполагает, что отношения между предметом, используемым в качестве знака, и тем, что он обозначает, являются чисто конвенциональными⁴ в том смысле, что любой предмет может служить обозначением любого другого предмета (ср.: кашель как «знак» первого вида

⁴ Говоря, что связь между знаком и тем, что он обозначает, является конвенциональной, или, что то же самое, условной, я имею в виду отсутствие природной, естественной связи между знаком и обозначаемым, а также отсутствие детерминированности знака тем, что он обозначает. Эта условная связь может быть результатом сознательной договоренности, как это имеет место в так называемых искусственных знаковых системах. Условная связь может сложиться без какой бы то ни было сознательной или преднамеренной договоренности, как это имеет место в естественных языках, где условные связи между звуками и значениями образовались исторически при становлении языка в процессе совместной практической деятельности людей. Стихийно-исторически сложившееся социальное закрепление некоторых звуков за некоторыми значениями приобрело характер социального императива, от которого люди не могут отклониться по своему произволу. Связи между звучаниями и значениями в любом языке имеют объективный характер в том смысле, что каждое новое поколение людей усваивает систему языка как нечто объективно данное. Но от этого связи звуков и значений в системе языка не становятся безусловными. Они остаются условными. Если значения, о чем подробнее речь пойдет ниже, детерминированы внешним миром, то выражающие их знаки (=звучания) не детерминированы ни внешним миром, ни самими значениями.

Утверждение об условном, или конвенциональном, характере знака как в искусственных семиотических системах, так и в естественных языках есть констатация реального положения вещей и ничего не имеет общего с *конвенционализмом*, настаивающим, как пишут А. Полторацкий и В. Швырев, «на условности, произвольности как человеческих понятий, так и знаков» [145, с. 25]. Я настаиваю только на условности знака, понимаемого как материальный указатель на что-либо, лежащее вне его.

сам по себе является признаком не хорошего аппетита, а простуды или другой болезни. Можно, однако, условиться, что покашливание будет свидетельствовать о хорошем аппетите. В этом случае кашель превращается в настоящий знак).

Совокупности знаков могут образовывать знаковые системы. Семиотическими, или знаковыми, системами⁵ являются системы, элементы которых суть знаки в собственном смысле слова, а не системы, элементы которых, не являясь знаками, обнаруживают знаковое использование.

Язык является типичной семиотической, или знаковой, системой, поскольку звуковые отрезки, являющиеся оболочками морфем и слов, выражают некоторые смыслы (или значения) не в силу своих природных свойств, а в силу того, что им социально приписано свойство выражать эти смыслы, или значения.

Звуковые оболочки морфем и слов, следовательно, являются знаками. Они отвечают двум условиям знака. Однако звуковая оболочка слова (морфемы) не равна слову (морфеме). Слово, как это установлено и принято в языкознании, является *двусторонней единицей*, состоящей из звучания и некоторого смысла (значения). Как двусторонняя сущность слово является единицей языка. Но является ли слово знаком?

Когда говорят о *знаках языка* и когда говорят о *единицах языка*, то часто имеют в виду один и тот же объект — элементы системы языка. Вопрос, с моей точки зрения, сводится в таком случае к выяснению, можно ли считать единицы языка знаками.

Сама проблема знаковости в языке возникла, по сути дела, при рассмотрении природы единиц языка вообще.

Решение проблемы знаковости в языке должно идти, как уже говорилось, по линии выяснения характерных признаков знака вообще и характерных признаков единиц языка с последующим наложением, или совмещением, этих признаков. Иначе говоря, надо установить, совместимы ли понятия *знак* и *единица языка*.

В силу того что единицы языка (фонема, морфема, слово и т. д.) весьма сильно различаются, обладают разными свойствами и разным назначением в языке, природу этих единиц с точки зрения их знаковости, по-видимому, следует анализировать дифференцированно.

⁵ Определение семиотики только как науки о знаках, по-видимому, узко. Семиотика интересуется знаками и знаковым использованием предметов, не являющихся знаками. Ср. по этому поводу замечания Ф. де Соссюра: «Когда организуется семиология, она должна будет поставить вопрос, относятся ли к ее компетенции способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере естественных, как, например, пантомима. Даже если она их включит в область своего исследования, все же главным объектом ее рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знака» [192, с. 79].

Слово как центральная и относительно автономная единица языка прежде всего должно быть использовано в анализе при выяснении знаковости в языке. Поэтому в последующем изложении мы будем использовать понятие слова чаще, чем понятия других единиц языка.

Проблема знака в языке, по сути дела, есть проблема природы единиц языка. Решить эту проблему — значит дать ответ на вопрос, каковы фундаментальные свойства единиц языка.

Вся эта проблема сосредоточена вокруг трех понятий: вещь, смысл (или значение), звуки. Решить эту проблему — значит выяснить соотношение звука, смысла и вещи.

§ 3. Знак вообще и знак в языке

Соотношение вещи, мысли (смысла) и звука интересовало еще античных философов⁶, ибо это, видимо, один из основных онтологических вопросов языка. Проблема эта получила разнообразное решение. Тем не менее она остается одной из центральных проблем теории языка и в современном языкознании.

Три компонента: вещь — мысль — звук свидетельствуют о наличии «знаковой ситуации» примерно в том виде, как она понимается в современной семиотике.

Мысль предполагает некое мыслящее существо, а вещь и звук обозначают два предмета, из которых второй (звук) используется как обозначение первого (вещи). Это обозначение производится мыслящим существом. Звук в этой ситуации выступает как знак.

Знак вообще есть, как уже говорилось, указатель, условное (конвенциональное) обозначение чего-либо. Между знаком и тем, что он обозначает, не существует необходимой естественной связи. Иначе говоря, природа знака не предопределена природой обозначаемого предмета⁷. Связь между ними устанавливается на основе сознательного или бессознательного «соглашения». Человека, которому объяснили, что предмет А обозначает предмет В, можно считать присоединившимся к некоторому «общественному соглашению».

Чтобы обозначать что-либо, знак должен быть чувственно воспринимаем, т. е. материален. Материальность есть *обязатель-*

⁶ «Античная языковая теория возникает не в процессе рассмотрения каких-либо частных, мелочных проблем, а как одна из сторон основной философской проблемы, как вопрос о взаимоотношении между вещью, мыслью и словом» [200, с. 8].

⁷ Обозначаемый предмет понимается в широком смысле и как физический предмет, и как класс предметов, и как «предмет мысли», включая различного рода порождения фантазии: русалки, ведьмы и т. п.

ная черта знака⁸. Не будучи чувственно воспринимаем, знак не может выполнять своей основной функции — указания на что-либо, или обозначения чего-либо. Вне материи знак не существует⁹.

Однако тот или иной «кусочек материи» становится знаком только после того, как он наделяется свойством указывать на что-то или обозначать что-то. Субстанциональная природа этого «кусочка» в принципе безразлична для использования его в качестве знака [существенно лишь, удобен ли тот или иной вид материи (конкретный материал) для использования в качестве знака при данных условиях, в данной ситуации]. Итак, для знака безразлично, из какого материала он «сделан». Но для знака совершенно не безразлично само наличие материальной субстанции. Иногда же нерелевантность вида материи (материала) знака принимают за нерелевантность материальности знака вообще¹⁰.

Мы утверждали, что «кусочек материи» становится значим лишь после того, как ему припишут свойство что-либо обозначать. Тем самым у «кусочка материи» появляется *значение*. Но свойство обозначения и значение не одно и то же.

Многие, если не большинство лингвистов, определяют знак как некоторое единство звучания и значения¹¹. Такое понимание знака, как мне представляется, восходит к соссюрианскому определению знака как двусторонней сущности, включающей

⁸ В статье Ю. К. Лекомцева «О семиотическом аспекте изобразительного искусства» к числу знаковых систем отнесены «системы восприятий»: «Важнейшей группой знаковых систем являются знаковые системы восприятия. Так, ощущение цвета замещает для наблюдателя определенное явление (которое может быть описано как электромагнитное колебание определенной длины волны)» [97, с. 122]. Это утверждение подкрепляется ссылкой на то место у Гельмгольца, где говорится, что ощущения суть знаки или символы вещей. Ошибочность этого положения Гельмгольца показана В. И. Лениным (см. выше, с. 97). Отнесение восприятий и ощущений к знакам ошибочно и в том отношении, что восприятия, ощущения, являясь отражательными категориями, не могут быть отнесены к числу материальных предметов.

⁹ В некоторых случаях выраженная с помощью слова идея служит как бы указанием на какую-либо другую идею. Первая идея в этом случае выступает как своего рода знак другой. Однако вне материальных оболочек идеи не выражаются. В этом случае, по-видимому, следует говорить о вторичной роли материального знака — звуковой материи, с помощью которой закреплена данная идея для указания на другую идею.

¹⁰ Так, Л. Ельмслев, признавая вслед за Соссюром язык чистой формой, а элементы языка — пучками отношений, выводит так называемую субстанцию (т. е. звуковую материю языка) за пределы языка, считая эту субстанцию «внеязыковым материалом». Тем самым языковой знак полностью дематериализуется [62, с. 334, 337].

¹¹ Из свода ответов на первые три вопроса Симпозиума по проблемам знака и системы в языке, состоявшегося в Эрфурте в 1959 г., следует, что большинство лингвистов определяют языковой знак следующим образом: «Das Zeichen ist die Einheit aus einem Lautkomplex und einer Bedeutung». Многие отечественные авторы считают, что знак есть единство звучания и значения. См., например, работу Л. А. Абрамяна [7].

означающее и означаемое. Под означаемым, собственно, и понимается значение. (У Соссюра, как известно, означающее — не сам звук, а его образ в мозгу, а означаемое — образ предмета в мозгу. Тем самым знак, по Соссюру, есть двусторонняя психическая сущность.) Понимание знака как двусторонней сущности возникло, как мне кажется, в результате анализа слова, которое как раз и является (это общепризнано) двусторонней сущностью — соединением звучания и значения.

Правомерно ли считать, что знак вообще включает в себя значение или что знак есть и означающее и означаемое? Не вернее ли считать, что знак есть только указатель, а означаемое есть то, на что указывает знак, поскольку, по принятому выше определению, знак указывает на что-то лежащее вне его самого?

При решении проблемы знака определились два полемизирующих лагеря: те, кто считает знак двусторонней сущностью, и те, кто считает знак односторонней сущностью¹².

Признание знака односторонней сущностью, а слова двусторонней сущностью ведет к тому, что знаком в языке признается не слово в целом, а лишь его звуковая оболочка. Отстаивая эту точку зрения, в свое время я отмечал, что тезис *знаковости* слова в целом как единства звучания и значения вступает в противоречие с фактом включения в слово значения, если в соответствии с теорией отражения рассматривать значение как отражательную категорию, однородную с понятием, хотя и не тождественную понятию [172, с. 203—208]. Если считать, что значение есть отражательная категория, то, следовательно, оно мотивировано отображаемым явлением (или явлениями). В силу своей мотивированности значение не позволяет слову в целом быть немотивированным, или произвольным, явлением. Произвольным, или немотивированным, в слове остается только его звучание, связь которого со значением слова произвольна¹³.

По этой причине, с моей точки зрения, такая характеристика знака, как произвольность, неприменима к слову в целом.

Рассмотрим теперь ближе проблему *двусторонности* и *односторонности* знака вообще и слова в частности в связи с проблемой значения знака и слова, а также в связи с проблемой произвольности.

Защита концепции двусторонности знака, Л. А. Абрамян пишет, что «под произвольностью основатель женевской школы

¹² Критику концепции двусторонности знака см. в работах Л. О. Резникова [153], А. А. Ветрова [38], Т. П. Ломтева [103, с. 61—69], В. М. Солнцева [176]. Критику концепции односторонности см. в работе Л. А. Абрамяна [7].

¹³ Произвольность (немотивированность) связи звучания с обозначаемым им значением не противоречит факту исторической мотивированности использования данного звукового комплекса для выражения того или иного значения (подробнее см. § 8 настоящей главы).

подразумевал не произвольность знака „в целом“ с двумя его сторонами, а немотивированность *связи* между „означающим“ и „означаемым“, отсутствие между ними естественной связи, что, однако, не исключает ни исторической обусловленности „означающего“ „означаемыми“, ни мотивированности компонентов знака в других отношениях» [7, с. 8].

Сам Ф. де Соссюр по этому поводу говорит следующее: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: языковой знак произволен» [192, с. 79].

В этом высказывании явно имеет место экстраполяция понятия произвольности связи означающего и означаемого на знак в целом («поскольку под знаком мы разумеем целое...»), который, как явствует из цитаты, понимается в целом как нечто произвольное.

Любопытно отметить, что, иллюстрируя принцип произвольности знака в языке, Ф. де Соссюр фактически иллюстрирует произвольность означающего (звуков): «идея „сестра“ никаким внутренним отношением не связана со сменой звуков *s-ö-r* (*soeur*), служащей во французском яз. ее „означающим“; она могла бы быть выражена любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое „бык“ выражается означающим *b-ö-f* (фр. *boeuf*) по одну сторону лингвистической границы и *o-k-s* (нем. *Ochs*) по другую сторону» [192, с. 79].

У Соссюра даже проскальзывает вообще сведение знака в языке только к означающему: «Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом *символ*» [192, с. 79]¹⁴.

Здесь уже совершенно определенно видна мысль, что знак — это то, что обозначает, а не обозначающее и обозначаемое, взятые вместе. Это положение расходится с утверждением Соссюра о двусторонности языкового знака. Означаемое, по Соссюру, понятие, однако, он нигде не разбирает вопроса, что такое понятие, его отражательную природу и т. п.

Приведенные высказывания Соссюра дают основания и для трактовки знака, как односторонней сущности. Но Соссюр все же сам придерживался двусторонней концепции знака и всячески ее пропагандировал.

Если в высказываниях Соссюра можно видеть некоторую непоследовательность в отношении того, что считать знаком, то в последующих работах, ссылающихся на соссюрианское понима-

¹⁴ У Соссюра, кроме того, можно найти определение понятия знака как отношения: «...сам этот знак, т. е. связывающее оба его элемента отношения...» [192, с. 114].

ние знака, знак понимается только как двусторонняя сущность¹⁵.

Признавая двусторонний характер знака, Л. А. Абрамян говорит о произвольности знака, понимая под произвольностью знака только произвольность связи двух его сторон. При этом он допускает, что отдельные стороны знака (например, значение, если им считать понятие)¹⁶ не являются чем-то условным, или произвольным. Согласно Л. А. Абрамян, «если даже принять распространенную в литературе точку зрения, согласно которой значением слова является понятие и, следовательно, понятие составляет „внутреннюю“ сторону слова и, таким образом, входит в состав слова, то и в этом случае объявление слова знаком само по себе не превращает понятие в условный знак, произвольный символ. Ведь компоненты знака сами не являются знаками, условностями» [7, с. 8].

Получается, что слово есть знак, знак есть условность (см. последнюю фразу приведенной цитаты), значит, слово есть условность, а важнейшая сторона слова — понятие — не есть условность. Для нас это значит, что слово в целом как включающее в себя понятие не есть знак. Но, может быть, это всего лишь спор о терминах, поскольку Л. А. Абрамян, так же как и мы, считает, что понятие не есть условность или что-то произвольное.

Дело, однако, заключается в том, что, согласно Л. А. Абрамян, значение знака вообще и значение слова в частности не есть понятие или что-то однородное с понятием, а есть «отношение знака к предмету обозначения» [7, с. 10].

Выдвигая этот тезис, Л. А. Абрамян на иной основе, чем Соссюр, устанавливает «изоморфность» понятия знака и понятия слова и признает слово в целом знаком.

Определяя значение слова как отношение или отнесенность, Л. А. Абрамян солидаризируется со взглядами ряда отечественных лингвистов (Е. М. Галкина-Федорук, Г. П. Щедровицкий, Р. А. Будагов, А. С. Чикобава, А. С. Мельничук), из которых в качестве примера укажем формулировку Р. А. Будагова: «Слова называют предметы и явления, но предметы и явления существуют независимо от слов. В значении слов лишь отражаются те предметы и явления, которые обозначаются данными словами. Поэтому значением слова можно назвать исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании и находит свое выражение в системе языка» [33, с. 13].

¹⁵ В работах советских и ряда зарубежных исследователей отбрасывается соссюровская «психичность знака» в результате признания означаемого материальным явлением (в языке — звучанием). См., например, критику «психичности знака» в работе А. И. Смирницкого [168, с. 8—12].

¹⁶ Сам Л. А. Абрамян не признает понятие значением знака.

С нашей точки зрения, позиция Р. А. Будагова не дает достаточно оснований рассматривать значение слова лишь как «связь слова с понятием» («Ведь с этой точки зрения значение воплощает в себе связь слова с понятием» [7, с. 14].) Р. А. Будагов, дав неточную, с нашей точки зрения, формулировку, определив значение слова как связь звучания слова с отображением предметов в сознании (т. е. с понятием), в то же время говорит об отражении предметов в значении слов. Иначе говоря, по Р. А. Будагову, значение есть некоторое отражение.

В последующем изложении Р. А. Будагов фактически везде говорит об отражательном характере значения. Например, он пишет: «Так, значение слова *книга* отражает признаки книги вообще, разных книг, подобно тому как значение слова *наука* отражает особенности различных явлений, связанных со сложным понятием науки... В этом же плане становится очевидным, как отражаются в значении слова реальные предметы и явления окружающего нас мира» [33, с. 14].

Но именно против такого понимания значения выступает Л. А. Абрамян: «Представление о значении слова как об идеальном отражении служит ныне, пожалуй, наиболее серьезным препятствием к выяснению природы языкового знака» [7, с. 13]. Согласно Л. А. Абрамян, признание за значением отражательного характера приводит к отождествлению значения с понятием, а включение понятия в слово «утверждает не единство слова и понятия, а их тождество» [7, с. 12]. По его мнению, «принятие значения слова за идеальное отражение» неизбежно ведет к признанию тезиса о том, что «язык и есть сознание». «В самом деле, если в слове имеется компонент, представляющий собой идеальное, психическое отражение действительности, то почему же язык (по крайней мере частично) не есть сознание?» [7, с. 12].

Признание значения слова «идеальным, психическим отражением действительности», с моей точки зрения, не дает никаких оснований признавать язык ни полностью, ни частично сознанием. Значения, как отражательные категории, конечно, принадлежат сознанию и представляют собой своего рода константы сознания, в которых зафиксированы некоторые прежде всего практические, бытовые знания людей о внешнем мире — как правильные, так и ложные. Эти константы сознания, составляя смысловую сторону слов — их значения, принадлежат не только сознанию, но и языку. Именно этим обеспечивается неразрывная, внутренняя, а не внешняя, механическая связь сознания и языка. Поэтому признание значения отражательной категорией есть констатация факта связи языка и сознания. Вряд ли нужно специально доказывать, что значения как некоторые результаты познания мира относятся к области знания и отличаются от сознания или мышления так же, как всякое знание отличается от сознания или мышления, в процессе ко-

торого оно было получено. При этом и знание и мышление принадлежат сфере идеального. Идеальное, чем является значение, существует в мыслящем мозгу. Звучание же, существуя объективно вне субъекта, есть средство указания на это идеальное и тем самым есть средство его сохранения и передачи.

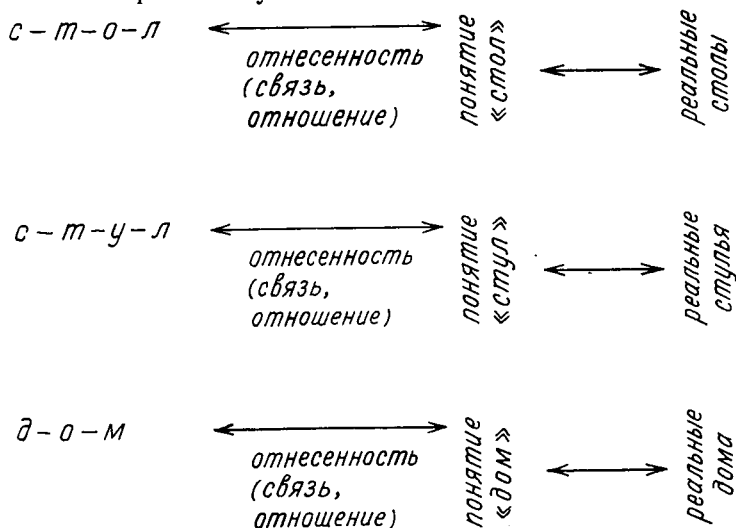
Можно констатировать, что тезис о двусторонности знака и соответственно о знаковости слова в целом (а не только его звучания, как утверждаем мы) обосновывается путем признания знакового значения отношением знака к предмету обозначения.

В свете этого тезиса отпадает необходимость говорить о том, что если знак в целом произволен, то его стороны могут быть произвольны. Все как будто бы встает на свои места, поскольку значение знака есть отношение, или связь, обозначающего и предмета обозначения, а эта связь, собственно, является произвольной.

§ 4. КРИТИКА ТЕЗИСА ДВУСТОРОННОСТИ ЗНАКА И КРИТИКА ПОНИМАНИЯ ЗНАКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК ОТНОШЕНИЯ

Предположим, что мы согласимся с положением, что значение знака вообще и слова как знака в частности есть отношение, связь или отнесенность к предмету обозначения.

В таком случае возникает вопрос: чем различаются отношения звуков *с-т-о-л*, *с-т-у-л*, *д-о-м* и т. п. к соответствующим предметам обозначения (будь то понятия о предметах или сами предметы)? Вряд ли возможно указать, чем характер отношений этих звуковых комплексов к предметам обозначения различен. Рассмотрим схему:

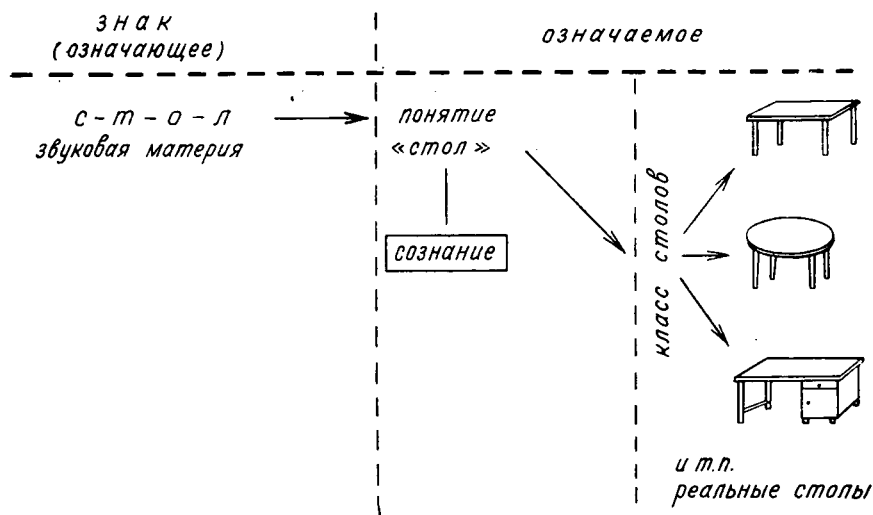
В трех приведенных в схеме примерах, по-видимому, следует говорить о том, что характер отнесенности соответствующих звуковых комплексов к предмету обозначения принципиально одинаков. Во всех трех случаях мы имеем одни и те же компоненты: звуки, понятия, реальные предметы. Структура, т. е. схема зависимостей, во всех трех случаях изоморфна, что наглядно иллюстрируется нашим рисунком. Чем же различаются эти три случая? Они различаются своими компонентами:

- а) набором звуков (*с-т-о-л, с-т-у-л, д-о-м*);
- б) выражаемыми понятиями («стол», «стул», «дом»);
- в) обозначаемыми реальными предметами (класс столов, класс стульев, класс домов).

Различие знаков определяется не тем, что у них разные отношения с предметами обозначения (в широком смысле с означаемыми), а тем, что разные знаки представлены разными комплексами звуков, иначе говоря, они различаются своим материальным обликом и тем, что у них имеются различные обозначающие. Ведущая роль в различении знаков принадлежит *означаемому*.

Нужно более подробно рассмотреть строение и состав означаемого, поскольку «значение» знака связывается именно с означаемым.

В общей форме отношение между знаком и означаемым можно изобразить в виде следующей схемы:

В конечном итоге знаки используются для обозначения тех или иных конкретных предметов (на схеме: реальные столы), если только они не обозначают «умственных вещей» или порождений фантазии.

Связь между знаком, который представляет собой конкретный материальный предмет (на схеме: звуки *с-т-о-л*), и предметом обозначения устанавливается сознанием (человека или совокупности людей), которое вырабатывает понятие или представление об обозначаемом предмете. Это понятие или представление опосредствует связь между двумя предметами — знаком и предметом обозначения. Понятие само входит в обозначаемое знака. Благодаря наличию понятия, в котором отражен «стол вообще» или класс конкретных столов, знак может быть указателем любого конкретного стола. Понятие есть продукт сознания, который служит посредником между конкретным знаком и конкретным предметом¹⁷. Общественная практика закрепляет понятие за знаком, придает знаку обобщающий характер (т. е. делает его приложимым к любому предмету данного класса, отраженного в понятии), и тем самым понятие становится значением знака.

В нашем рассуждении простоты ради понятие было приравнено к значению (или, наоборот, значение приравнено к понятию). Между категорией *понятие* и категорией *значение* тем не менее следует проводить различие.

Общим для этих двух категорий является то, что обе эти категории суть отражательные категории. Собственно это и позволило нам временно приравнять их.

Различие между понятием и значением в том, что значение есть «упрощенное понятие», есть стабильное в понятии, тот минимум признаков понятия, который закрепляется за знаком языка и который необходим, чтобы данный знак приобрел общественную значимость.

Значение в слове есть тот минимум признаков понятия, который делает слово понятным и позволяет ему функционировать в речи. С учетом этих ограничений значение можно определять как категорию однородную¹⁸ с понятием.

Что касается термина *понятие*, то это есть логическая кате-

¹⁷ Ср. в связи с этим замечание С. Ульмана: «Между словом *стол* и множеством объектов, к которым мы прилагаем это слово, лежит промежуточное родовое понятие стола, абстрагированное от бесчисленного количества непосредственных опытных данных и позволяющее нам опознавать и классифицировать индивидуальные столы как принадлежащие к одной и той же категории» [205, с. 15]. Это рассуждение С. Ульмана весьма близко к излагаемой здесь концепции значения как отражательной категории, однородной с понятием. Мы сказали бы, однако, что понятие о столе входит в слово, а не лежит между словом и реальностью. Понятие лежит между звукорядом *с-т-о-л* и реальностью, или, иначе, между знаком и реальными предметами.

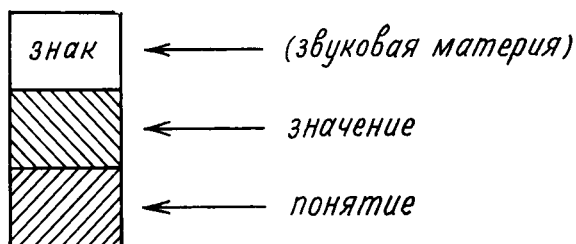
¹⁸ Понимание значения слова как отражательной категории, однородной с понятием, распространено довольно широко. Ср., например, высказывание Г. В. Колшанского: «С точки зрения теории отражения значение слова представляет собой субъективный образ предметов и явлений, закрепляющий какое-либо познанное их качество, свойство. В этом плане семантика слова, по существу, совпадает с понятием как логической формой, выражаемой в слове» [86, с. 195].

гория, обозначающая одну из форм мышления, в которой осуществляется обобщенное отражение того или иного класса предметов. Содержание и объем понятия все время меняются по мере углубления знания людей о внешнем мире.

Так, содержание понятия «движение» изменяется по мере углубления знаний людей об этом явлении. Для существования слова *движение* вполне достаточен какой-то минимум более или менее постоянных признаков понятия «движение», который закрепляется за данным звуковым комплексом в виде его значения. Разумеется, значения также меняются, хотя и не так быстро, как понятия.

Благодаря наличию значения у слова *движение* этим словом могут пользоваться люди, которые отнюдь не представляют себе ясно научного содержания понятия «движение».

Схематически соотношение значения и понятия можно изобразить следующим образом:

Характеристика значения как отражательной категории, однородной с понятием, как будто бы противоречит таким случаям, когда, по выражению В. А. Звегинцева, невозможно докопаться до понятийной основы слова. Отметив интерес лингвистов и философов к проблеме связи лексического значения с понятием, В. А. Звегинцев пишет: «Ведь даже не вооруженному никакими лингвистическими знаниями глазу ясно, что эти отношения (т. е. значений и понятий.— В. С.) строятся далеко не равнотипным образом у таких слов, как *душенька*, у которого до понятийной основы и не докопаешься, и *монада*, „значение“ которого полностью растворяется в научном понятии» [68, с. 56]. Случаи типа *душенька* относятся к случаям переносного, метафорического употребления слов.

В первом параграфе настоящей главы я уже касался вопроса о вымышленных или фантастических, а также переносных значениях. По поводу последних здесь можно добавить, что эти случаи всегда производны, вторичны (а то и «третичны») по отношению к «нормальным» случаям, составляющим основу всякого языка. Независимо от происхождения слова *душенька* и его значения можно считать, что в значении этого слова отражается совокупность признаков определенного класса или груп-

пы людей. Обобщенный характер значения этого слова позволяет использовать его для обозначения любого человека, обладающего этими признаками и входящего в данный класс.

С этой точки зрения значение слова *душенька* можно считать однородным значению слова *монада*. Конечно, однородность понимается только в смысле свойств отражательности. Нельзя, однако, не согласиться с В. А. Звегинцевым, что в случае *душенька* и *монада* надо говорить о разных типах значений слов.

Итак, значение есть общественно приписанное данному знаку означаемое. Значение (как и понятие) есть отражательная категория. Значение (как и понятие) опосредует (будучи само означаемым) связь знака (кусочка материи) с обозначаемым предметом (классом предметов).

В этом, и только в этом, смысле значение выступает как форма связи знака и обозначаемого предмета. При таком понимании связи знака и означаемого мы можем говорить о том, что знаки различаются своими значениями, или формой связи с обозначаемыми предметами.

§ 5. ОДНОСТОРОННОСТЬ ИЛИ ДВУСТОРОННОСТЬ ЗНАКА?

Всякий знак односторонен в смысле противоположности тому, что обозначается этим знаком. То, что обозначается знаком, находится вне его и имеет, как было показано выше, сложное строение. *Означаемое* состоит из мыслительного содержания, приписываемого знаку, и может состоять также из класса реальных предметов, которые знаком обозначаются. Включение в знак всего того, что входит в понятие «обозначаемое», заставляет нас говорить уже не о знаке, а о знаковой ситуации (или о какой-либо разновидности знаковой ситуации).

Значение знака есть именно то, что обозначается или выражается с помощью знака¹⁹. Красный свет (знак) светофора обозначает идею запрета, но сама эта идея в состав этого знака не входит. Именно для обозначения этой идеи используется знак «красный свет», но мог бы быть использован и любой другой знак.

В известном смысле, по-видимому, мы можем все же гово-

¹⁹ А. А. Ветров в книге «Семиотика и ее основные проблемы», высказываясь в пользу концепции односторонности знака, излагает точку зрения польского ученого Л. Завадовского: «Посылка, из которой исходят защитники двусторонней природы знака, говорит он (Л. Завадовский.— В. С.), верна: знак действительно является знаком потому, что он обладает значением. Но из этого отнюдь не следует, что знак есть комбинация, есть целое, состоящее из двух элементов. Разве из того, что, например, владелец сада есть человек, обладающий садом, следует, что владелец сада представляет собой двустороннюю сущность, а именно человек плюс сад?» [38, с. 47].

речь о двусторонности знака, если понимать под второй стороной знака свойство, которое приписывается материальному предмету, обозначать что-то существующее вне данного материального предмета. Знак тем самым отличается от материальных предметов, не являющихся знаками, общественно значимым свойством — быть указателем на что-либо (т. е. на некоторое мыслительное содержание и в силу этого на некоторую предметную область). В этом смысле знак двусторонен.

Социально закрепленное и общезначимое для данного коллектива свойство «быть указателем» может быть оценено как благоприобретенный атрибут «кусочка материи». Благодаря этому свойству при восприятии знака сразу же «всплывает» то мыслительное содержание, на которое указывает знак и которое социально закреплено за данным знаком. Это мыслительное содержание называют *значением* знака.

Воспринять «кусочек материи» как знак — это значит сразу же воспринять и его значение. Воспринять значение знака — это значит вызвать в своем сознании ассоциируемое с этим знаком значение. Знак («кусочек материи») является опорой для данного значения.

В языке такой опорой служат звуковые отрезки, за которыми общественная практика закрепляет определенные значения. Для лиц, владеющих одним и тем же языком, ассоциации звуков и значений представляют собой прочные единства, которые и являются единицами языка.

Концепция двусторонности знака именно эти единства рассматривает как знаки. Соответственно слово, представляющее собой единство звучания и значения, оценивается как знак. Если согласиться с тем, что знак есть единство звучания и значения, то следует отказаться от таких характеристик знака, как условность (знак есть условный указатель) и произвольность (знак не связан необходимой связью с тем, что он обозначает). Ведь слово в целом (как единство звучания и значения) связано через свое значение (отражательную категорию) обязательной связью с тем или иным классом предметов или явлений (действительных или мнимых). Свойством *условности* и *произвольности* обладает только звучание в слове, но не вторая сторона слова — значение — и не слово в целом.

Значение как идеальное отражение выражается в знаке, или, как говорят, в *знаковой форме*. От этого оно не становится стороной или частью знака. Знак указывает, на некоторое значение именно в силу того, что за ним общественной практикой закреплено данное значение. В единстве звучания и значения знак всегда сохраняет свойство быть указателем этого значения. Поэтому в слове как единстве звучания и значения знаком является только звуковая сторона слова, которая есть некоторое физическое явление («кусочек материи»), наделенная свойством выражать какое-либо значение.

Сопоставление знака и слова, таким образом, показывает, что слово в целом не есть знак. Но слово как целое, как единство звучания и значения есть единица языка. Как некоторая целостность слово используется для обозначения каких-либо предметов. В этом своем качестве слово противостоит той предметной области, на которую оно указывает. По-видимому, в свойстве слова как некоторой целостности указывать на какую-либо предметную область следует искать причину признания слова в целом знаком, а знака — двусторонней сущностью (единством звучания и значения). При указании на какую-либо внеязыковую область звуковой отрезок одновременно указывает на закрепленное за ним значение, являющееся идеальным отражением этой внеязыковой области в сознании людей. Никакой предмет сам не указывает на другой предмет. Это делает человек, соотнося эти два предмета. Такое соотнесение всегда проходит через сознание, т. е. через идеальное отражение²⁰. Иными словами, указание с помощью какого-либо предмета (знака) на другой предмет обязательно проходит через идеальное отражение этого другого предмета в голове человека, т. е. проходит через значение. Языковые знаки (звучания), взятые сами по себе, не указывают непосредственно на предметы внешнего мира, но только на значения, которые тем самым выступают как значения самих этих знаков. Благодаря обобщенному характеру значений, закрепленных за языковыми знаками, знаки могут быть указателями не одного конкретного предмета, а любого предмета из класса предметов, отраженных в значении.

Поэтому слово как единство звучания и значения обладает свойством виртуальности (о виртуальном и актуальном см. Ш. Балли [24]). При указании (назывании) конкретного предмета происходит его актуализация.

Знак как односторонняя сущность противопоставлен обоим сторонам означающего — и своему значению, и предметам внешнего мира.

Слово как двусторонняя сущность (языковой знак плюс значение) противопоставлено «предметной части» означаемого.

Знак произволен (не мотивирован) по отношению к своему обозначаемому в целом (и по отношению к значению, и по отношению к предметной части).

Слово не произвольно, оно мотивировано закрепленным за ним значением по отношению к предметной части означаемого, отражением которого является это значение.

²⁰ При соотнесении знака и предмета в сознании возникает и образ (отражение) знака, которое Соссюр назвал акустическим образом. Соединение (комбинацию) акустического образа и понятия Соссюр и назвал языковым знаком, который в его концепции есть двусторонняя психическая сущность. Но в этом смысле знак не есть указатель, и поэтому для нас не есть знак. То, что Соссюр назвал знаком, есть, скорее, процесс соотнесения знака с тем, что он обозначает.

Таким образом, знак определяется как односторонняя сущность. Знак двусторонен лишь в том смысле, что в отличие от незнака он обладает социально признанным и закрепленным за ним свойством быть указателем на что-либо находящееся вне его самого.

Называя знаком комбинацию понятия и акустического образа, Ф. де Соссюр говорил, что определение знака как односторонней сущности есть «ходячее употребление этого термина». Выше мы видели, что некоторые его высказывания позволяют сделать вывод о том, что он сам отдавал дань этому «ходячему употреблению». Мы считаем, что это «ходячее употребление» отражает реальное положение дел и, по-существу, есть факт науки. Скорее «ходячим употреблением» надо считать утверждение о двусторонности знака.

§ 6. ЗВУЧАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

(Единицы языка с точки зрения знаковости)

Рассматривая слово в языке вне функционирования, мы берем его в виртуальном аспекте и отвлекаемся от его актуализации.

Такое отвлечение позволяет при рассмотрении слова с точки зрения знаковой теории отвлечься от проблемы обозначения конкретных предметов (реальных или воображаемых) и тем самым упростить состав означаемого до *значения* и рассматривать единицы языка, оперируя лишь понятиями *звучание* и *значение*.

Из трех основных единиц языка — *фонемы, морфемы и слова* — две последние характеризуются как двусторонние единицы обладающие звучанием и значением. Фонема рассматривается обычно как единица, не имеющая значения, но используемая для дифференциации единиц, обладающих значением (морфем и слов). С точки зрения тезиса двусторонности знака морфема и слово признаются знаками, фонема не признается знаком²¹.

Здесь, однако, следует сделать некоторые уточнения. Единственным способом «проверки» единиц языка на знаковость является сопоставление их с некоторым общим понятием *знака*. Выше знак был определен как «кусочек материи», отвечающий двум условиям: а) обозначение чего-то находящегося вне его; б) общественная «наделенность» свойством этого обозначения.

Наложение этих критериев на соответствующие единицы языка показывает, что свойством обозначения обладают звуко-

²¹ Фонемы, например, определяются как части знаков, входящие в знаковую систему. Так, Л. Ельмслев называет их частями знаков или фигурами [62, с. 300—305].

вые оболочки морфемы и слова и как будто бы не обладает фонема как единица системы языка.

Указанные критерии показывают, что звуковые оболочки морфем и слов следует признать знаками. Знаковая роль звуковой оболочки морфем и слова принципиально одинакова. Между морфемой и словом имеется существенное различие с точки зрения характера означаемого. Значение слова понятийно, т. е. слова выражают те или иные отдельные понятия. *Значения морфем* ассоциативны, т. е. морфемы не выражают отдельных понятий, но указывают на некоторую значимую или понятийную область. Для лиц, владеющих русским языком, звуковой отрезок *красн-* сигнализирует о чем-то «красном»: это может быть «краснота», «краснеть», «красный» и т. п. Все эти понятия ассоциируются со звуковым отрезком *красн-* (оболочка морфемы), но ни одно из них не выражается с его помощью. Каждое из этих понятий выражается в слове, включающем эту морфему: *краснота, краснеть, красный*. Различие между морфемой и словом с формально-грамматической точки зрения состоит в том, что слово грамматически оформлено, т. е. состоит из знаменательной и служебной морфемы, которая, впрочем, может быть нулевой²², и обладает синтаксической самостоятельностью; морфема же не обладает ни грамматической оформленностью, ни синтаксической самостоятельностью. В семиотическом отношении различие этих единиц состоит в различии их означаемых (отдельное понятие или указание на понятийную область).

Ассоциативная многозначность морфемы ликвидируется путем соединения данной морфемы с какой-либо служебной морфемой, например:

красн- { -ота
 -еть
 -ый, ая, ое

Это характерно прежде всего для флективных языков. В языках изолирующего строя, где морфема и простое слово внешне не различаются, снятие ассоциативной многозначности морфемы происходит либо также путем соединения ее с другими морфемами, либо же путем постановки морфемы в речи в позицию слова. Например, взятые отдельно морфема *жэнь* (что-то связанное с человеком) и *жэнь* 'человек' неразличимы. Употребление *жэнь* в словесном окружении *ю жэнь шо...* букв. 'есть люди говорят...' снимает ассоциативную многозначность морфемы и превращает ее в слово.

²² В случае неизменяемых слов типа русских наречий, не распадающихся на части и не выделивших из своего состава морфем, грамматическая оформленность слова сводится к его синтаксической самостоятельности. Заметим здесь попутно, что противопоставляемые определения формы слова у Ф. Ф. Фортунатова как способности распадаться на знаменательные части и у Л. В. Щербы как видоизменений слова, не меняющих его лексического значения, не противоречат, а дополняют друг друга.

Если говорить в терминах знаковой теории, то следует охарактеризовать переход от морфемы к слову как изменение характера означаемого. Это изменение достигается с помощью того или иного вида комбинаторики²³ и является своего рода актуализацией (переход от ассоциации понятий к отдельному понятию).

Предельный случай, т. е. случай как бы совпадения морфемы и слова, в терминах знаковой теории может быть охарактеризован как случай, когда ассоциация понятий, обозначаемых морфемой, сведена к одному понятию, закрепленному за данным звучанием. Говоря иначе, в силу тех или иных причин означаемое морфемы становится аналогичным означаемому слова.

Теперь следует рассмотреть фонему с точки зрения проблемы знаковости языка.

В отличие от тех, кто определяет фонему только как дифференциальный элемент, мы считаем, что фонема обладает также функцией выражения смысла как часть *звуковой оболочки* морфемы или слова. В качестве предельного случая фонема совпадает в границах с морфемой (русские предлоги *к, в, с, о*).

Абсолютизация дифференциальной роли звуков вообще, по-видимому, восходит к соссюрианской традиции. В своем «Курсе» Соссюр писал: «Подобно концептуальной стороне, и материальная сторона значимости образуется исключительно из отношений и различий с прочими элементами языка. Важен в слове не звук сам по себе, но те звуковые различия, которые позволяют отличать это слово от всех прочих, так как они-то и являются носителем значения» [192, с. 117].

Это утверждение Ф. де Соссюра содержит и верное зерно, и ошибочное. Здесь переоценена реляционная сторона (как, впрочем, и при оценке значения. См. ниже). Для предположного значения «нахождения внутри», собственно, безразлично, чем оно выражается — звуком *в* или каким-либо другим (англ. *in*; фр. *dans*; кит. *цзай*; вьет. *ở* или *trong* и т. д.). Необходимо, чтобы имелся некоторый звук (или сочетание звуков) и чтобы этот звук (звуки) отличался от других звуков. Звук *в* отличается от *к*, от *с*, от *о*, от *у* и т. п. Однако само это различие возможно лишь потому, что каждый из этих звуков является тем, чем он является, и обладает качественной определенностью. Значение выражается не различием предметов, обладающих качеством знака, т. е. различием *в, к* и т. д., а самими этими предметами (звуками). Но без различий, дифференцирующих предметы (в языке — звуки), невозможно различать предметы и соответственно те значения, которые они выражают.

Применительно к языку, очевидно, следует сказать, что в языке важен каждый звук и сам по себе (иначе он не имел бы

²³ С точки зрения генезиса и истории языка процесс обратен: не из морфем создавались слова, а из слов создавались морфемы. Исторически слово предшествовало морфеме (см. ч. III, гл. II, § 5, разд. «Морфема и слово»).

отличительных признаков), и то, что его отличает от всех других звуков.

Звук *в* в русском языке является носителем значения предлога («внутри») до тех пор, пока он сохраняет качественную определенность именно как губно-зубной, взрывной, звонкий. Если он перейдет, например, в звук *у*, то отличие *у* от других звуков-предлогов окажется не меньшим, чем отличие *в*. Однако в системе русского языка этот звук окажется уже носителем иного значения.

Сказанное, как нам кажется, позволяет, возвращаясь к фонеме, утверждать, что фонема и дифференцирует звуковые оболочки слов и морфем, и сама участвует в выражении значений в качестве компонента, или части, звуковой оболочки слова или морфемы.

В тех случаях, когда фонема берет на себя функцию выражения значения уже не как часть звукового отрезка, а целиком (предельный случай), она фигурирует как знак, поскольку отвечает сформулированным выше признакам знака. При этом, собственно, надо уже говорить не о фонеме, а о морфеме или о слове. В тех же случаях, когда фонема входит в состав звуковой оболочки, она не имеет сама значения, хотя и участвует в его выражении. Здесь фонема не является знаком, но лишь строительным материалом знака или элементом знака. Причем таким элементом, который, являясь частью звукового отрезка (знака), не выражает какой-либо «части» значения, выражаемого знаком в целом.

Являясь материальной основой для выражения языковых значений, т. е. строительным материалом для знаков языка, сами по себе фонемы (если исключить предельные случаи, где они совпадают с морфемами) не являются знаками, поскольку не отвечают двум условиям знака.

§ 7. ЗВУЧАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И ТЕОРИЯ ЗНАЧИМОСТЕЙ (ЦЕННОСТЕЙ)

Ф. де Соссюр с большой силой подчеркнул роль отношений, различий, противопоставлений и т. п. в языке и в языковом знаке. Это касается в полной мере материальной стороны языка. Различия у Соссюра вытесняют то, что различается посредством этих различий.

Знак языка становится «бестелесным». «Тело», или «субстрат», знака — звуки исключаются из языка. Соссюр пишет: «Ведь ясно, что звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать к языку. Он для языка нечто вторичное, лишь используемый им материал. Все вообще условные ценности (значимости) характеризуются именно этим свойством не смешиваться с осязаемым элементом, служащим им в каче-

стве субстрата. Так, не металл монеты определяет ее ценность... В еще большей степени это можно сказать о лингвистическом „означающем“, которое по-своей сущности отнюдь не есть нечто звучащее, но нечто бестелесное, образуемое не своей материальной субстанцией, а исключительно теми различиями, которые отделяют его акустический образ от прочих» [192, с. 117]²⁴.

Но если знак «бестелесен», то как с его помощью общаться? Очевидно, надо говорить, что в качестве средства общения выступают не знаки, как таковые, а их субстраты. Субстраты же знаков, по Соссюру (и Л. Ельмслеву), появляются в речи, где происходит материальная манифестация единиц языка²⁵.

Если взять сферу денег, на которую ссылается Соссюр, то, конечно, следует согласиться, что не в металле монеты и не в бумаге банкноты их ценность. Вместе с тем, чтобы деньги имели хождение, они должны иметь материальный субстрат. Денежный знак есть именно знак (бумажный или металлический) в силу того, что реально обращающаяся денежная единица есть «кусочек материи», наделенный функцией обозначения некоторой реальной ценности (золота), вместо которой этот знак обращается. Известно, что первоначально роль средств обмена (денег) выполняли различного рода реально ценные предметы, ценность которых определялась их собственными свойствами (скот, меха, слитки золота и т. п.).

Развивая дальше идею реляционности и дифференциальности элементов языка и их свойство быть значимостями, Ф. де Соссюр обращается к знакам письма, по поводу которых он пишет следующее:

«1) знаки письма произвольны; нет никакой связи между начертанием, например, буквы *t* и звуком, ею изображаемым;

2) значимость букв чисто отрицательная и дифференциальная; одно и то же лицо может писать *t* примерно в следующих вариантах:

t *f* *т*

²⁴ Именно эти идеи получили широкое развитие у Л. Ельмслева и его последователей (по крайней мере в области общих принципов).

²⁵ Мысль о том, что язык есть лишь некоторая система классификации, а не система материальных единиц и реальное средство общения, проскальзывает у авторов, как будто бы далеких от прямых последователей Соссюра и Ельмслева. Так, В. А. Звегинцев пишет: «Совершенно очевидно, что язык не является средством общения. Средством общения является речь, и когда мы приписываем языку качества речи, это происходит в силу указанного нежелания сделать логические выводы из разграничения данных явлений. Что же касается языка, то на основании тех данных, которые находятся в нашем распоряжении, мы должны определить его в первую очередь как орудие осуществления дискретности, как систему классификации, которая образуется в процессе речевой деятельности человека...» [68, с. 42].

Требуется только, чтобы этот знак не смешивался в его почерке с начертанием *i*, *d* и прочих букв» [192, с. 118].

Утверждение, что знаки письма произвольны и только условно связаны с изображаемыми звуками, верно. Однако на этом же примере можно уяснить роль «материального субстрата» знака и истолковать ее отлично от Соссюра.

То, что для изображения звука [t] избран знак *t*, это конечно, произвол и условность. Но, раз выбрав его и наделив его свойством «быть *t*», мы уже оказываемся привязанными к его материальному облику. Чтобы проявить свое отличие от всех других букв, этот знак письма должен сохранить во всех своих вариантах написания некоторое материальное тождество. Выход за пределы этого материального тождества ведет к утрате дифференцирующей силы. Материальная определенность знака, сохраняющаяся во всех его вариантах, является основой его дифференцирующей способности.

В свете сказанного можно следующим образом характеризовать роль звуковой физической субстанции в языке: дифференцирующая способность языковых единиц зависит от качественной определенности их материальной субстанции.

Материальная определенность языкового знака играет важную роль в самом существовании языкового знака. Так же как и знаки письма, фонемы обладают качественной определенностью²⁶, связанной с физическими свойствами класса звуков, обозначением которых фонема является. Соответственно так называемые дифференциальные признаки фонем зависят от физических свойств класса реальных звуков. Так, признаками глухость/звонкость могут характеризоваться только определенного вида согласные и не могут характеризоваться, например, гласные и т. д. (проблемы фонемы с фонетико-фонологической точки зрения будут рассмотрены ниже). Исследователи языка, преследуя определенные (например, классификационные) цели, могут отвлечься от собственно физических или «интегральных» (в смысле Реформатского) свойств фонемы, но именно они дают базу для того, чтобы данная фонема обладала именно этими, а не другими дифференциальными признаками.

В ч. I, гл. I мы уже упоминали о том, что в системе сигналов светофора возможны колебания в оттенках красного (или зеленого или желтого) света. Но стоит этому колебанию перейти некоторый предел, как данный свет перестанет выражать приписанное ему в данной системе значение («запрет», «разрешение» и т. п.).

²⁶ Отрицая за фонемой знаковую функцию в ее развитом виде, мы не только не отрицаем, но и настаиваем на наличии у фонемы знаковых свойств в неразвитом виде, поскольку: 1) именно из фонем образуются знаки; 2) фонемы не только дифференцируют смысл, но и участвуют в его выражении как часть знаков.

Введение в характеристику единиц языка понятия *значимость* явилось большим достижением Ф. де Соссюра. Надо, однако, не отрицать этого понятия, без которого вряд ли возможно исследовать особенности языковой системы, но раскрыть зависимость понятия *значимость* не только от всей системы, от соотношения данного элемента (данной единицы) с другими единицами, но и от собственных свойств этих элементов, которые являются системообразующими и определяющими во многом саму значимость. Иначе говоря, следует показать, что ограничиться характеристикой единиц языка только как чистых значимостей (ценностей), выделяемых чисто дифференциально, невозможно.

Фонема обладает значимостью (ценностью), зависящей от ее места в системе фонем, но эта значимость находится в зависимости и от физических свойств соответствующего класса звуков, репрезентируемого данной фонемой. Эти свойства определяют возможность варьирования в известных пределах, наличие именно этих, а не других дифференциальных признаков и т. д.

Рассмотрим теперь проблему значения и значимости в свете теории отражения. Согласно Соссюру, «язык есть система чистых ценностей (значимостей), ничем не определяемая, кроме как наличным состоянием входящих в ее состав элементов» [192, с. 88]²⁷.

Выше это утверждение было рассмотрено применительно к звуковой стороне языка. Теперь обратимся к проблеме значения. В соответствии с этим тезисом Ф. де Соссюр и его последователи определяют *значение* единиц языка как нечто зависящее от места данной единицы в системе единиц языка, как результат отношения к другим единицам языка. (Характеристика значения с помощью понятия *отношения* здесь отличается, естественно, от разбиравшегося выше определения значения через отношение у Л. А. Абрамiana.)

Ф. де Соссюр пишет: «Значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения, и весьма трудно выяснить, чем это последнее от нее отличается, находясь вместе с тем в зависимости от нее» [192, с. 114].

Как следует из приведенного высказывания, по Соссюру, значение единицы: а) с трудом отличается от значимости и б) находится в зависимости от значимости.

Трудность отличия значения от значимости свидетельст-

²⁷ Это положение Соссюра стало основанием одного из наиболее распространенных утверждений о языке, повторяемых в огромном количестве работ, а именно утверждения о том, что все элементы языка зависят от системы и, наоборот, система зависит от элементов. Изменение хотя бы одного элемента меняет всю систему. Однако уже способ функционирования языка — приведение в действие лишь части языковых средств — свидетельствует о «чрезмерности» этого утверждения.

вует о том, что эти две категории связаны друг с другом. Соссюр полагал, что место слова в системе, его соотносительная ценность определяют и то, что называется значением. Подтверждение своей мысли он иллюстрировал разбором слов *mouton* и *баран*. «Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще — главным образом — значимостью, а это уже совсем другое. Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. Французское слово *mouton* может совпадать по значению с русским словом *баран*, но оно не имеет одинаковой с ним значимости, и это, по многим основаниям, между прочим, потому, что, говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, русский скажет *баранина*, а не *баран*. Различие в значимости между *баран* и *mouton* связано с тем, что у русского слова есть наряду с ним другой термин, соответствующего которому нет во французском языке» [192, с. 115].

Нельзя не согласиться с Ф. де Соссюром, что значимости (ценности) слов *баран* в русском языке и *mouton* во французском разные. Но чем определяется это различие? Для Соссюра это различие определяется отнюдь не различием значений самих слов (Соссюр даже говорит о совпадении значений этих слов), а местом слова в системе. «Если бы,— пишет Соссюр,— слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них встречало бы точные смысловые соответствия в любом языке» [192, с. 116]. И далее: «...мы, следовательно, наблюдаем вместо заранее данных идей значимости, вытекающие из самой системы. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что эти последние чисто дифференциальны, т. е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы» [192, с. 116].

Утверждение о том, что в русском языке наличие дополнительного термина изменяет значимость слова *баран* по сравнению с французским *mouton*, а также утверждение о совпадении значений этих слов не очевидно.

С точки зрения признания значения и понятия отражательными категориями можно сделать иное предположение: более узкое значение слова *баран* (по сравнению с *mouton*) требует наличия еще одного слова в русском языке для передачи значения «баранина». Во французском языке это значение покрывается словом *mouton*. В связи с этим следует констатировать лишь частичное совпадение значений слов *mouton* и *баран*. Действительно внутрисистемные отношения слова *баран* благодаря наличию слова *баранина* отличаются от внутрисистемных связей слова *mouton*. Но тот факт, что слово *баран* (или, вернее, звукоряд *б-а-р-а-н*) обозначает именно четвероногое парнокопытное животное, а не чернильницу или паровоз, зависит отнюдь не от места этого слова в системе, а от того понятия, которое этим словом выражается. Тезису Соссюра о том, что значение

зависит от значимости, можно противопоставить прямо противоположный тезис: значимость зависит в первую очередь от значения и лишь в силу соотношения данного значения с другими значениями — от системы.

Именно здесь можно показать наличие двух видов свойств у единиц языка — системообразующих и системоприобретенных. Значение слова есть, как уже говорилось, отражательная категория. В силу этого значение слова мотивировано внеязыковой реальностью и зависит от внеязыковой реальности. Попадая в систему языка, слово благодаря наличию у него значения и в силу особенностей этого значения (например, в русском языке в значении слова *баран* отражены только признаки животного, но не кушанья из этого животного) вступает в определенные отношения с другими словами и наделяется системным свойством, которое и есть его значимость (ценность). Для системы языка значение единицы выступает, как ее системообразующее свойство, значимость — как системоприобретенное свойство. (Звуковой состав соответственно является в данном случае системнейтральным свойством.) По Соссюру, понятия (значения) формируются системой, для нас они результат отражательной (познавательной) деятельности людей. От этого они не становятся ни заранее данными, ни полностью совпадающими в разных языках. Такой вывод следует из применения принципов теории отражения к анализу значения.

Несовпадение значений слов в разных языках, что для Соссюра и его многих последователей служит подтверждением их дифференциального и целиком зависящего от системы характера, с нашей точки зрения, объясняется тем, что объем и содержание сходных значений в разных языках оказываются разными. Объясняется это, в свою очередь, тем, что значения, закрепленные в словах национальных языков, являются, как это установлено в языкознании, результатом не точного научного отражения и познания мира, а отражения и познания приближительного, «бытового», достаточного для того, чтобы правильно ориентироваться в реальном мире. Следует заметить, что значения интернациональных научных терминов в разных языках, как правило, совпадают. Как правило, они однозначны, их объем и содержание выражаемых ими понятий более или менее близки, и применительно к таким терминам как раз и можно говорить о «точном смысловом соответствии в любом языке».

Что же касается значений обычных слов, то даже их несовпадение в разных языках относительно. В подавляющем большинстве случаев наблюдается хотя бы частично совпадение значений слов.

Во всех языках и словах закреплены представления людей

об окружающих их предметах и явлениях. Нет языков, в которых не было бы слов, означающих воду, землю, воздух, солнце, звезды и т. п. В языках всех народов, сталкивающихся с деревьями, есть слова, обозначающие деревья. Но в разных языках значения слов, связанных с обозначением деревьев, могут не совпадать. В некоторых языках вода неподвижная называется иначе, чем вода текущая.

Мышление людей по своей природе интернационально. «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления» [2, с. 461]. Общие законы человеческого мышления, его отражательный характер одинаковы для всех людей, говорящих на разных языках под разными широтами земного шара.

Языковые же значения, если исключить какое-то количество терминов науки и интернациональные слова, имеют национальный характер²⁸. Если все говорящие на любом языке имеют понятие о верхних конечностях человека, то в разных языках используются слова с разными значениями для выражения этого понятия. Например, русский язык использует слово *рука*, имея в виду верхнюю конечность в целом, в то же время английский и другие языки различают *hand* и *arm*. Значение русского слова *дом* не полностью совпадает со значением английского слова *house*. (Последнее слово обозначает строение не менее чем из двух этажей.)

Таким образом, следует констатировать, что значения слов разных языков хотя и нетождественны, но обязательно частично (а иногда и полностью) совпадают. Объясняется это единством процесса мышления и детерминированностью внеязыковой реальностью. Значение, как и понятие (о различении этих категорий говорилось выше), есть обобщенное представление или отражение некоторого класса сходных предметов, свойств, при-

²⁸ В. М. Солнцев [176, с. 203—204]. Ср. также высказывания В. А. Звегинцева: «...значения есть национальные категории, а понятия — вненациональные. А это значит, что, рассматривая вопрос о структуре значений и структуре мира действительности, мы должны считаться с наличием трех величин: мира действительности, мира понятий и мира значений. Эти величины следующим образом соотносятся друг с другом... мир действительности есть исходная величина; мир понятий обуславливается процессом познания мира действительности и стремится быть адекватным ему, воспроизвести его структуру; мир значений есть тот конкретный способ, которым фиксируется в языке мир понятий, он видоизменяется от языка к языку, вследствие чего структура значений не только никогда не повторяется в различных языках, но и никогда не тождественна структуре понятий, стоящей вне языка и образующей логическую основу всех языков» [68, с. 63]. Не разбирая в целом эту позицию, мы хотели бы отметить, что расхождение структуры значений в разных языках никогда не заходит чрезмерно далеко и всегда допускает перевод с языка на язык и межъязыковое общение.

знаков, действий и т. п. (о фантастических или вымышленных значениях речь шла выше):

В разных языках могут оказаться разные слова для падающего снега и лежащего снега, значение слова одного языка может оказаться приложимым к большему числу предметов, чем значение аналогичного по значению слова другого языка, но нет ни одного языка, где с помощью одного и того же слова (исключая омонимы, разумеется) обозначались бы, например, крокодилы и апельсины. Значение слова *крокодил* детерминировано объективным наличием класса крокодилов в природе, а не внутрисистемными связями.

Разумеется, свойства слова в языке определяются не только его значением (хотя значение и является определяющим), но и тем, что Ф. де Соссюр назвал значимостью. Последняя зависит и от значения, и от связей с другими элементами языка, и в силу этого от места слова в системе языка и т. д.

Трактовку проблемы значения и значимости (ценности), близкую изложенной выше, мы находим в работе Н. А. Слюсаревой «Теория ценностей единиц языка и проблема смысла»: «Содержательную сторону слова, его план содержания составляют значение и ценность. Но в слове ценность является вторичной по отношению к значению, последнее же создается в процессе номинации. Ценность как часть плана содержания вводит слово в систему и определяет его положение в этой системе» [165, с. 68]²⁹.

Я сказал бы только, что ценность (значимость) есть то, что определяется местом слова в системе, а не определяет положение слова в системе, как говорит Н. А. Слюсарева. Ценность (значимость) есть, как уже говорилось, системоприобретенное свойство единицы языка. Утверждение же о вторичности ценности по отношению к значению представляется совершенно верным.

§ 8. ГИПОТЕЗА «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ»

Разбор проблемы знаковости с позиции теории отражения подводит к рассмотрению гипотезы «лингвистической относительности» Бенджамена Ли Уорфа [206; 207; 208], связанной с проблемой значения в языке. Из того факта, что, например, английское слово *house* обозначает только часть предметов, обозначаемых русским словом *дом*, как будто бы следует, что реальный мир отображен в значениях этих слов по-разному. Отсюда напрашивается вывод, лежащий в основе гипотезы *лингвистической относительности*, что разные языки по-разному членят

²⁹ Надо заметить, что, соглашаясь с рядом центральных идей этой интересной работы (вторичность ценности по отношению к значению), я не могу согласиться, однако, с трактовкой слов в целом как знака.

мир. То, что для русского — класс предметов, для англичанина — часть класса. Получается, как будто объективных классов предметов нет, ибо границы и объем классов устанавливаются с помощью языка для каждой общности людей по-разному. Отсюда, собственно, и следует положение, что не внешний мир и его структура детерминируют язык и его структуру, а, наоборот, язык и его структура детерминируют для данного сообщества людей структуру мира (ср. известный пример с цветами спектра). Вследствие этого разные сообщества людей по-разному видят мир, язык определяет различие в поведении людей и т. п.

Расхождение значений слов в разных языках, несовпадение объемов этих значений и т. п. есть объективный факт. Система значений конкретного языка, особенно в области обиходных слов, отражает не научное познание мира, выявление объективных классов и категорий, а примерное, приблизительное познание, пригодное для практических нужд данного общества. Значения слов в целом отражают степень использования тех или иных предметов в жизни общества, их роль для данного общества. Отсюда — либо чрезмерно обобщенный (с точки зрения другого языка) характер значений, либо, наоборот, чрезмерно подробный. (Множество названий для видов снега у эскимосов, множество названий для видов верблюдов у бедуинов и т. п.) Значения слов отражают народное, стихийное познание мира.

При этом, однако, и сами значения языка, и объем этих значений все равно в той или иной форме детерминируются внешним миром. Это проявляется, в частности, в том, что расхождения в содержании и объеме значений слов (различия в «категоризации мира») никогда не достигают критической точки, препятствующей переводу с языка на язык и общению людей, говорящих на разных языках. Расхождения в «структурировании предметов внешнего мира» касаются, в общем, сравнительно маловажных деталей.

Каждая предметная область, с которой люди имеют дело, получает свои обозначения в языке. Суммы значений, выражаемых языками таких обществ, которые находятся примерно на одинаковой ступени развития, в целом (хотя и не в деталях) совпадают.

Порознь значения слов *arm* и *hand* не равны значению слова *рука*, но в сумме они покрывают тот же класс предметов (верхняя конечность человека). *House* и *дом*, не совпадая по объему, обозначают объективно один и тот же класс предметов (помещение для жилья или других нужд).

В том случае, если невозможно для слова языка *A* подобрать прямой эквивалент в виде слова языка *B*, всегда можно его значение передать описательно, т. е. с помощью ряда слов. Это свидетельствует о том, что сумма некоторых значений языка *A* оказывается равна сумме значений языка *B*.

Существенные, кардинальные различия объективных классов предметов никогда не бывают спутаны ни у одного народа. Невозможно найти ни одного языка, в котором огурцы и дома покрывались бы значением одного слова, но можно указать языки, где огурцы, дыни и тыквы и т. п. покрываются значением одного слова. Таков, например, китайский язык, где есть родовое слово *гуа*. Иначе говоря, в значениях слов разных языков отражается лишь то, что обладает реальной общностью в реальном мире, и никогда не отражаются предметы, относящиеся к несводимым реальным классам. В любом языке *вода* отлична от *земли*, *земля* — от *огня* и т. д. Здесь в области важнейших категорий наблюдается совпадение значений. Расхождения значений и их несовпадения возникают не при отражении в значениях слов этих важнейших категорий мира, которые сходным образом отражаются в значениях всех языков, ибо мышление людей едино под всеми широтами, а лишь в силу различных условий жизни разных сообществ людей и обусловленного этим разного использования тех или иных предметов в их общественной практике. Все это говорит о том, что не язык «структурирует» мир и дает категории миру, а, наоборот, категории и структура мира прямо или косвенно детерминируют значения языка и их систему.

У нас нет серьезных оснований полагать, что огурец, дыня и тыква, которые китаец может обозначить с помощью родового слова *гуа*, представляются ему иначе, чем русскому, у которого нет одного слова для обозначения этих предметов.

Все это связано с интернациональным характером мышления людей, которое, согласно ленинской теории отражения, есть копия, слепок объективного мира и, следовательно, отражает этот мир и определяется этим миром. Именно на основе знаний о внешнем мире, отраженных в мышлении, возможна творческая деятельность мышления, конструирование идеальных предметов, «умственных вещей», порождение фантастических образов и представлений, в которых косвенно и опосредованно, а иногда искаженно и ложно отражается мир.

Все рассмотренное выше подтверждает, что значения слов языка представляют собой отражательную категорию. Значения, с нашей точки зрения, неправомерно определять ни как отношение означающего к означаемому, ни как отношение означаемого к другим означаемым, т. е. сводить к значимости (ценности).

В значениях языка отражено представление данного народа о внешнем мире, детерминированное этим внешним миром.

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОЛЬНОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА, ОТНОШЕНИЕ ЗНАКА И ОЗНАЧАЕМОГО

§ 1. ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОЛЬНОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА. ДВА ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ

Под знаком языка, как уже говорилось, понимаются звуковые отрезки, указывающие на некоторые значения. Будучи взяты в единстве с теми значениями, на которые они указывают, звуковые отрезки представляют собой уже не знаки, а различного рода языковые единицы (этим термином я пока обобщенно обозначаю и так называемые единицы языка, и так называемые единицы речи). Сцепление¹ звукового отрезка-знака и того значения, на которое этот знак указывает, в составе некоторой языковой единицы настолько прочно, что рассуждение о языковых знаках обычно выливается в рассуждение о двусторонних сущностях, т. е. языковых единицах. О языковых единицах можно говорить (что и делается сплошь и рядом в лингвистических работах), не прибегая к понятию знака. В то же время говорить о знаках в отвлечении от тех значений, которые им приписаны, во многих отношениях малополезно, поскольку «кусочек материи» (в языке звуковой комплекс) становится знаком лишь после того, как ему припишут некоторое мыслительное содержание — значение.

В составе языковой единицы ее звуковая часть образует знаковую сторону, с которой прочно связана (хотя и не смешивается с ней, говоря словами Соссюра) концептуальная сторона — значение, или означаемое. Поскольку же речь идет о знаковой стороне языковых единиц и сами эти единицы рассматриваются с точки зрения знаковой теории, целесообразно остаться в пределах терминологии знаковой теории. В соответствии с этим далее будет использоваться термин *знак* для обозначения звуковых оболочек языковых единиц и термин *знаковый комплекс*² — для обозначения единства знака и его обозначаемого (значения). Тем самым *знаковый комплекс* обозначает языковую единицу, интерпретированную в терминах знаковой теории.

¹ Механизм «сцепления» звучания и значения подробно разобран в книге П. Сотникяна [193, с. 77 и далее].

² Термин *знаковый комплекс* заимствован из работы Н. В. Гяча и В. М. Павлова «О мотивированности аббревиатур». В этой работе знаковый комплекс определен как «знак+обозначаемое». «Обозначаемое», в свою очередь, определяется как субъективное отражение объекта, что соответствует моему пониманию *значения*. Однако для авторов «обозначаемое» не есть значение знака. Для них «значение единичного знака есть его связь с определенным обозначаемым» [55, с. 35].

В обозначаемое знака выше мы включили как мыслительное содержание (значение), так и те объекты (реально существующие или мнимые), отражением которых является значение и которые в процессе общения обозначаются соответствующими знаками. В лингвистическом анализе от второй части обозначаемого (тех или иных объектов) можно и нужно отвлечься. Тем самым для лингвиста *обозначаемое* есть только некоторое мыслительное содержание-значение, хотя без учета второй части (предметной) обозначаемого иногда, как мы увидим ниже, невозможно объяснить механизм использования знаков.

В предыдущих разделах мы исходили из тезиса о конвенциональности, или условности, связи знака и того, что он обозначает (*обозначаемого*). Теперь нам предстоит более подробно рассмотреть связь знака и его обозначаемого, т. е. связь внутри знакового комплекса, с точки зрения проблемы произвольности—мотивированности самого знака, связи знака с обозначаемым и знакового комплекса в целом.

Условность (произвольность, конвенциональность) знака и его связи с обозначаемым следует из самого определения понятия знака (см. с. 99). Однако практика лингвистических исследований приводит многих лингвистов к убеждению, что тот или иной звукокомплекс (знак) «не случайно» используется для выражения того или иного значения. В частности, проблема *мотивированности* использования того или иного знака для выражения некоторого значения получила отражение в учении Гумбольдта — Поттебни о внутренней форме слова [148, с. 83].

Проблема *мотивированности* языкового знака продолжает привлекать лингвистов, о чем свидетельствуют, например, материалы ленинградского семинара по проблеме мотивированности языкового знака. По мнению А. П. Журавлева, «утверждение о том, что связь языкового знака с означаемым абсолютно условна, произвольна, что языковой знак в этом смысле не мотивирован, стало общим местом» [66, с. 64]. Это «общее место», по его мнению, должно быть пересмотрено.

Рассмотрение специальной литературы по этой проблеме показывает, что можно выделить два подхода при констатации мотивированности языкового знака. Один подход обусловлен неразличением понятий *знака* и *знакового комплекса*, т. е. пониманием знака как двусторонней величины, включающей в себя обозначаемое. В этом случае при рассмотрении проблемы мотивированности с неизбежностью учитывается обозначаемое — значение знака, которое в соответствии с теорией отражения обязательно мотивировано внешним миром³. Обратной сторо-

³ Ср. замечание И. Н. Горелова о том, что «носитель языка считает некоторый знак удовлетворительно мотивированным, если удастся вскрыть его производность от других знаков, семантическая структура которых была известна раньше. Так, например, *durchsichtig* может считаться мотивированным образованием, поскольку его форма и содержание легко сводимы к форме и

ной этого подхода, опирающегося на двусторонность знака, является признание значения знака также некоей знаковой величиной, с помощью которой обозначаются предметы внешнего мира (реальные или мнимые). В этом случае, правда, говорят о мотивированности таких знаков. Так, Н. Д. Арутюнова пишет: «План выражения (звуковая сторона.— В. С.) создает систему обозначения для плана содержания языка, означаемых, а план содержания образует систему обозначения для элементов опыта, включаемых в сообщение» [17, с. 45]. И далее: «Язык можно себе представить как двойную знаковую систему, одна из которых произвольна, а другая мотивирована» [17, с. 45].

Но, во-первых, означаемые (по выражению Н. Д. Арутюновой — «система понятий, в которой выделены и обобщены некоторые существенные признаки элементов опыта» [17, с. 44]), будучи отражением (копией, слепком и т. д.) предметов, не могут служить обозначением этих предметов, поскольку образ предмета или представление (понятие) о предмете не есть его обозначение, и, во-вторых, мотивированные знаки перестают быть знаками по определению в силу детерминированности тем, что они должны обозначать.

В действительности значение знака (обозначаемое) не указывает на тот или иной предмет, а является лишь его отражением. Будучи обобщенным отражением некоторого класса предметов, закрепленным за данным знаком в качестве означаемого, значение позволяет отнести этот знак к любому предмету соответствующего класса предметов и тем самым обозначить тот или иной предмет с помощью знака.

Иначе говоря, мы не своими понятиями обозначаем элементы опыта, опираясь на звуковые комплексы, а наоборот, обозначаем элементы опыта звуковыми комплексами (собственно знаками) благодаря тому, что за звукокомплексами закреплены обобщенные образы, представления, понятия о предметах.

Второй подход⁴ при констатации мотивированности языкового знака исходит из сомнения в произвольности изначальной связи внутри знакового комплекса и утверждает неслучайность «примарного» выбора того или иного звукового отрезка для указания на некоторое означаемое. Сторонники этого подхода опираются прежде всего на *ономатопозитическую* теорию происхождения языка и на явления так называемого *звукового сим-*

содержанию составляющих *durch, sicht, ig*» [48, с. 18]. Как видно из цитаты, автор рассматривает языковой знак как двустороннюю сущность и фактически говорит о мотивированности единицы языка в смысле потебнианской внутренней формы. Называя такой вид мотивированности секундарным, автор далее ставит вопрос о возможности примарной мотивированности знака языка, имея в виду теперь уже изначальную неслучайность связи некоторого звучания с некоторым означаемым. Эту точку зрения мы разберем ниже.

⁴ Этот подход отражен в ряде докладов ленинградского семинара по проблеме мотивированности языкового знака, в частности в докладах И. Н. Горелова, А. П. Журавлева и некоторых других.

волизма, а также на экспериментальные данные. В частности, И. Н. Горелов описывает опыт, в котором «19 испытуемым (детям 3—5 лет) предлагалось соотнести около 20 „слов“ типа *куздра*, *хломкать* с изображением неизвестных детям животных и насекомых и с некоторыми действиями. Более чем в 65% случаев были получены однозначные ответы» [48].

Введя понятие «специфического натурального фонетического значения», Журавлев произвел «психометрическое измерение натуральных значений всех русских регулярных звуков в тридцатибальных признаковых шкалах» [66, с. 65] и пришел к выводу, «что гласные и согласные имеют разные измерения признаков семантического пространства. Для пространства гласных выделяются измерения: оценка, сила, мягкость. Измерения пространства согласных (по предварительным данным) — оценка, сила, активность» [66, с. 65]. Прделанная работа привела его к следующему выводу: «Выявленная обусловленность признакового значения слова фонетическим значением образующих его звуков позволяет предположить, что в эпоху возникновения языка постепенное закрепление определенного понятийного значения за отдельным звуковым комплексом происходило под влиянием свойственных этому комплексу сил тяготения, создаваемых соответствующим натуральным, отприродным значением, тогда еще общим для всех людей» [66, с. 67].

Вряд ли есть необходимость повторять аргументы против оноματοпоэтической теории происхождения языка и тем более против положения об оноματοпоэтическом характере языковых знаков в любом современном языке. Эти аргументы известны. *Звукоподражания* в той или иной форме обнаруживаются во всяком языке. Однако хорошо известно, что звукоподражания, во-первых, занимают ничтожно малое место в арсенале средств любого языка, во-вторых, они специфичны для каждого языка и лишь с большой натяжкой могут быть признаны сходными в разных языках. Чаще всего сходства между звукоподражательными словами разных языков нет. Так, слова, характеризующиеся как изобразительные, звукоподражательные в одном языке, например, как иногда считают, русские *колокол*, *громыхать*, совершенно непохожи на соответствующие им по значению слова, например, в китайском слове, где «колокол» обозначается звукокомплексом *лин*, а «гром», от которого произведен глагол *громыхать*, — звукокомплексом *лэй*.

Попытки опытным путем установить отношения детерминации между звучанием и значением имеют ту слабую сторону, что производятся в условиях развитых языков, где те или иные комбинации звуков для лиц, владеющих данным языком (в том числе и для детей от 3 до 5 лет), сложнейшими ассоциациями уже связаны с определенными значениями в знаковых комплексах и поэтому через опосредствованные и отдаленные ассоциации могут вызывать сходные представления. Если бы звуко-ряд

куздра у детей, говорящих на разных языках, вызывал сходные представления, то в этом случае подобный опыт мог бы действительно свидетельствовать о какой-то мотивированной связи звукового комплекса (знака, в моем понимании) с некоторым значением.

И. Н. Горелов в работе «Проблема функционального базиса речи» [49] приводит результаты ряда опытов по соотнесению псевдослов с рисунками или фигурами. Один из таких опытов, в котором испытуемыми были «носители нескольких африканских, арабского, вьетнамского, монгольского, французского и других языков (всего 18 испытуемых)», по мнению И. Н. Горелова, «снимают, видимо, возражения, изложенные В. М. Солнцевым» [49, с. 37 и далее]. (Речь идет о возражениях против утверждений об интернациональном характере звукового символизма, т. е. отношений детерминации между звучанием и значением или звучанием и рисунком. См. выше.)

С моей точки зрения, для проверки, носит ли звуковой символизм интернациональный характер или представляет собой национальное, характерное для данного языка, явление, следовало бы опрашивать не отдельных носителей разных языков, а группы носителей от каждого языка и затем сопоставлять результаты, полученные при опросе групп носителей одного языка, с результатами, полученными на группах носителей другого языка. При этом необходимо исключить возможности родства сопоставляемых языков. Для осуществления такой проверки оказался удобным один из опытов И. Н. Горелова (с русскими информантами) по соотнесению ряда псевдослов с абстрактными рисунками, поскольку в книге были указаны и псевдослова, и рисунки.

По моей просьбе аспирант Института языкознания АН СССР Ли Тоан Тханг повторил этот опыт, но не с русскими, а с вьетнамскими информантами. (В опыте И. Н. Горелова было опрошено 60 человек обоего пола, разного возраста; в контрольном опыте — 11 человек обоего пола с высшим образованием.)

Ниже, в табл. 1 и 2 приводятся результаты обоих опытов.

Сопоставление результатов двух опытов показывает, что русские преимущественно соотносят псевдослово *мого-бого-того* с фигурой *А* (84% совпадений), а вьетнамцы — с фигурой *Б* (64%); псевдослово *муома-куома-луома* русские чаще соотносят с фигурой *Б* (76%), а вьетнамцы — с фигурой *В* (46%); наконец, псевдослово *типо-рини-липи* русские преимущественно связывают с фигурой *В* (74%), а вьетнамцы — с фигурой *А* (64%).

Даже если сделать поправку на разное количество испытуемых в каждом из опытов, то все равно, видимо, можно говорить о разных тенденциях соотнесения звуковых комплексов и рисунков (фигур), т. е. каких-то представлений, в русском и вьетнамском языках.

Таблица 1

Опыт И. Н. Горелова (с русскими)

Псевдослова	Объект номинации	Средний % совпадений
<i>Мого-бого-того</i>	<i>А</i>	84%
<i>Муома-куома-луома</i>	<i>Б</i>	76%
<i>Типи-рипи-липи</i>	<i>В</i>	74%

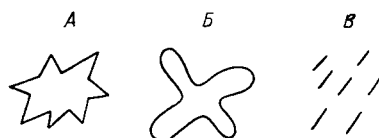

Таблица 2

Контрольный опыт (с вьетнамцами)

Псевдослова	Объект номинации		
	Б	А	В
<i>Мого-бого-того</i>	7 человек (64%)	1 человек	3 человека
<i>Типи-рипи-липи</i>	1 человек	7 человек (64%)	3 человека
<i>Муома-куома-луома</i>	3 человека	3 человека	5 человек (46%)

Данные контрольного опыта не опровергают наличия явлений звуко-символизма (определенных ассоциативных связей между звуковыми комплексами и теми или иными представлениями). В то же время они подтверждают национальный характер наблюдаемых проявлений звуко-символизма. Проявления звуко-символизма, очевидно, должны быть сходными в близкородственных языках и могут быть сходными в отдаленно родствен-ных. Если верны утверждения «ностратической теории», в ко-торой, согласно аннотации книги В. М. Иллича-Свитыча, «впер-вые в науке строго доказывается генетическое родство шести больших языковых семей Старого Света: семитохамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской и ал-тайской (ностратическая макросемья)» [73, с. 2], то сходные звуко-символические явления, отнюдь не обусловленные «нату-ральным, отприродным значением» звуков языка, могут быть обнаружены в весьма различных языках.

Вряд ли звуко-символизм можно объяснить «натуральным, отприродным значением» звуков. Объяснение явлений звуко-символизма следует искать в другом — прежде всего в «при-вычных» (традиционных) для данного языка звуко-смысловых

ассоциациях и в корневом родстве (иногда отдаленном и явно не прослеживаемом) группы слов, которое обуславливают звуко-смысловые ассоциации в данном языке.

И звукоподражания, и звуковой символизм имеют место в языках, но не они определяют характер языка как вторичной материальной, или семиотической, системы, имеющей принципиальное сходство с любой другой семиотической системой. Это явление вторичное, используемое языками для большей выразительности при передаче мыслей. Следует также иметь в виду, что явления звукового символизма, из которого исходит А. П. Журавлев в своих экспериментах, всегда связаны со звуковой системой именно данного языка и обусловлены всей совокупностью звуко-смысловых ассоциаций данного языка.

Несколько выше я уже отмечал несходство звуковых комплексов, признаваемых в одном языке «изобразительными», с соответствующими звукокомплексами других языков. Если для русского звуко сочетания *г-р-м*, *г-р-х*, видимо, действительно вызывают ассоциацию с чем-то громким, грубым, грохочущим, то у китайца таких ассоциаций, видимо, эти звуки не вызывают, поскольку, во-первых, в китайском языке нет подобных звуко сочетаний и, во-вторых, соответствующие значения передаются с участием совсем других звуков (ср. *лэй* 'гром'). Кстати сказать, латеральный *л* у русского вызывает иные ассоциации. Ср. строчку из Бальмонта: «Ласточки, люттики, ласки любовные, лепет, лобзание лучей». И, по-видимому, не случайно в опыте А. П. Журавлева при оценке звуков русского языка в школе «хороший» — «плохой» поляки высоко оценивают именно шипящие.

Представляется совершенно правильной мысль, изложенная на ленинградском семинаре В. В. Левицким: «В принципе звучание слова не имеет и не может иметь ничего общего с природой обозначаемого словом предмета или явления, ибо в противном случае не было бы возможным ни существование различных языков, ни изменение звуковой стороны языка в процессе его развития» [95, с. 23]. Автор приведенной цитаты связывает кажущуюся корреляцию звучания и значения слова с явлениями народной этимологии и утверждает, что «фонетическая мотивированность представляет собой в большинстве случаев так называемый вторичный звуко-символизм» [95, с. 23].

§ 2. ОТНОШЕНИЕ ЗНАКА И ОЗНАЧАЕМОГО.

ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ

Как конкретно происходило образование языковых знаковых комплексов на ранних этапах языкотворчества, достоверно установить вряд ли возможно в настоящее время. Этот процесс восстанавливается гипотетически и отражен в разных теориях происхождения языка. Образование новых знаковых комплексов

в существующих языках происходит в условиях развитых языковых систем колоссальной сложности, даже если иметь в виду языки народов, находящихся на сравнительно низких ступенях общественного развития⁵. Поэтому языкотворческие процессы, доступные наблюдению и изучению, не могут быть тождественными первоначальному процессу создания знаковых комплексов.

Тем не менее, стремясь решить проблему происхождения языка и разгадать тайну создания знаковых комплексов, лингвисты опираются на анализ свойств и явлений современных языков, на анализ детской речи, речи больных различными расстройствами речи и т. д., экстраполируя полученные выводы на ранние этапы глоттогонии. Серьезной попыткой осветить вопрос о происхождении языка и тем самым пролить свет на его природу является работа Чарльза Хоккета «Происхождение речи». Хоккет строит свою концепцию на основании изучения и сопоставления систем коммуникаций животных и человека с целью выделения чисто человеческих особенностей коммуникации. В числе 13 отличительных черт человеческой речи он выделяет «произвольность» (*arbitrariness*) человеческих звуковых сигналов. «*Кит*, — пишет Хоккет, — маленькое слово для большого объекта, а слово *микроорганизм* используется прямо противоположным образом» [217, с. 90].

По-видимому, именно, в тот период, когда выкрики древнейших антропоидов приобрели символический, условный характер, произошел переход от животной коммуникации к человеческой.

В современных языковых системах наблюдаются не столько создание новых звуковых отрезков (знаков) для выражения того или иного значения, сколько осложнение уже существующих знаковых комплексов новыми значениями⁶ либо создание знаковых комплексов, выражающих новые значения, путем комбинации уже существующих знаковых комплексов. Последние имеют место при различных процессах словообразования.

Именно такого рода процессы ведут к «ощущению» мотивированности знаков. Осложнение знаковых комплексов новыми значениями происходит обычно не путем резкой и полной смены означаемого, а путем либо расширения объема и содержания означаемого, либо появления нового означаемого, связанного с исходными промежуточными, «дочерними» значениями или той или иной смысловой связью. Так, в китайском языке

⁵ Э. Сепир в 1921 г. отмечал, что «самый культурно отсталый южноафриканский бушмен говорит при помощи богатой формами символической системы, которую, по сути дела, вполне можно сравнить с речью образованного француза» [163, с. 18].

⁶ Ср. замечание В. В. Виноградова: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...» [39, с. 15].

значение «спина» и значение «рассказывать наизусть» обозначаются одним и тем же знаком *бэй*. С древнейших времен ученик в китайской школе должен был рассказывать текст канонической книги наизусть, повернувшись спиной к книге. Отсюда прослеживается связь значений: *бэй* 'спина' → *бэй* 'вернуться спиной' → *бэй* 'рассказывать наизусть'. (Переходы и развитие значений подробно описаны в книгах по семасиологии и этимологии.) Различного рода метафоры и переносы значений по сходству, по функции и т. д. ведут к тому, что во многих случаях в непроемных словах путем этимологического анализа удается установить, почему именно этот звуковой комплекс используется для выражения данного значения. Ср. *нос* (человека) и *нос* (лодки), *журавль* (птица) и *журавль* (приспособление для доставания воды из колодца) и т. д. и т. п. Такого рода мотивированность использования знака для обозначения некоторого значения исторически обусловлена в каждом языке и всегда является вторичной.

Смысловые и звуковые ассоциации специфичны для каждого языка. Так, если в русском комбинация звуков *с-т-л* встречается в словах *стол*, *стать*, *постель*, *подстилка* и т. д., то во всех этих случаях использование звукокомплекса *с-т-л* обусловлено связью значений перечисленных слов и общей идеей чего-то «расстеленного». В китайском языке соответствующий круг ассоциирующихся значений оказывается иным. Так, звукокомплекс *чжо*, обозначающий идею «стол», используется не для обозначения значений с общей идеей «расстеленного», но значений, отображающих возвышающиеся над землей предметы [172].

Историческая (вторичная) мотивированность использования одного и того же звучания для указания на разные значения в пределах какого-то «семантического поля»⁷ отнюдь не свидетельствует об изначальной мотивированности связи звучания и значения в знаковом комплексе. Вне связи со «смысловым полем» в данном языке невозможно объяснить, почему именно звукокомплекс *с-т-л* в русском языке является носителем корневого значения глагола «стлать».

Еще более рельефно вторичная мотивированность данного звукового комплекса выступает в сложных и производных словах. Ср. приведенный в прим. 3 пример И. Н. Горелова с немецким словом *durchsichtig*, выводимым из комплексов *durch*, *sicht*, *ig*. Вторичная (или, по определению И. Н. Горелова, секундарная) мотивированность и в этих случаях представляет собой исторически обусловленное явление, связанное с изменением и развитием языка.

Выше речь шла об изменениях и развитии означаемых и об использовании одних и тех же звукокомплексов в их простом

⁷ Под «семантическим полем» здесь понимается круг корнеродственных слов

и усложненном виде для указания на новые обозначаемые. Именно этот процесс дает картину *исторической обусловленности* (вторичной мотивированности) использования определенных знаков для выражения определенных значений.

Однако изменению и развитию подвержена и собственно знаковая — звуковая сторона языка.

Процессы фонетической эволюции языков ведут к сильной трансформации знаковых комплексов в их собственно знаковой части. Из истории языков хорошо известны случаи, когда звучание какой-либо морфемы или слова в течение тысячелетий, меняется до полной неузнаваемости. Один и тот же знаковый комплекс, поскольку он сохраняет (или, говоря точнее, относительно сохраняет) означаемое, в течение определенного срока как бы полностью меняет свой звуковой облик. Однако в этом случае говорят не о создании нового звукового отрезка, а о видоизменении его звукового состава, поскольку удастся проследить постепенные изменения первоначально зафиксированного звучания.

Такая трансформация собственно знаковой стороны языковых единиц относительно хорошо изучена исторической фонетикой применительно к индоевропейской семье языков и сравнительно мало изучена в других языковых семьях. Однако данные, имеющиеся по отдельным языкам других семей, например данные исторической фонетики китайского языка, свидетельствуют о том, что и в других языках знаковые комплексы в фонетическом отношении претерпевают гигантские изменения, модифицируясь так, что в ряде случаев полностью меняется их собственно знаковая сторона. Так, например, согласно Б. Карлгрену, означаемое «выходить», которое в современном китайском языке произносится *ch'u*, в древнекитайском звучало *t'ixwat*, а значение «вести», «руководить», выражаемое в современном языке звукокомплексом *shuai*, в древнекитайском звучало *sl'ixwat*¹ и т. д. [76, с. 251—252]. (Приведенные реконструкции звучаний относятся приблизительно к VIII—IV вв. до н. э.)

Подобные изменения звуковой стороны при сохранении (или приблизительном сохранении) значений свидетельствуют в пользу немотивированности связи между двумя сторонами знакового комплекса и необусловленности использования определенных знаков для выражения определенных значений. Таким образом, различного рода изменения в сфере обозначаемых (=значений) ведут к феномену исторической (вторичной) мотивированности использования знаков для обозначения некоторых значений, и, наоборот, изменения в сфере знаковой (=звуковой) стороны говорят об отсутствии природной, естественной, «*примарной*» *мотивированности* знаков и их связи с обозначаемыми в знаковых комплексах.

Факт несинхронного изменения звуковой стороны (плана выражения) и смысловой стороны (плана содержания), хорошо

известный в лингвистике, возможен лишь в силу отсутствия природной связи между звуковой и смысловой сторонами знакового комплекса. В противном случае следовало бы ожидать известной одновременности изменений знака и его означаемого.

Несинхронность изменений знаковой и смысловой сторон в знаковых комплексах ведет, как это установлено в лингвистике, к отсутствию однозначных соответствий между единицами плана выражения и плана содержания. Один и тот же знак может оказаться средством выражения ряда значений, и, наоборот, одно и то же значение может быть выражено в разной знаковой форме.

Такая асимметрия, говоря словами С. Карцевского [77], отношений между знаком и его означаемым привела к значительным трудностям в вычленении и определении единиц языка, и в частности минимальной единицы грамматической системы, что хорошо показано Н. Д. Арутюновой⁸. Многообразие средств выражения некоторых значений, как, например, выражения значения множественного числа в английском языке [17, 36]: [s], [z], [iz], [ən], [ø], равно как и синкретизм флексивных окончаний, выражающих, например, в русской системе склонений в одной звуковой форме (=знаке) и значение падежа, и значение числа, является следствием немотивированности языковых знаков и произвольности их связи с обозначаемыми (=значениями). Правда, языки нефлексивного строя, например агглютинативные [88], а также изолирующие, которые обладают специфическими агглютинативными формами, не нарушающими принципа изоляции⁹, характеризуются тенденцией к выражению каждого грамматического значения отдельным знаком. Это в известной мере упрощает выделение в этих языках служебных морфем как звуковых отрезков, характеризующихся слабой вариативностью и известной симметрией отношения знака и означаемого знака.

Однако произвольность связи между знаком и означаемым создает, по крайней мере в изолирующих языках (китайском, вьетнамском, тайском и т. д.), специфическое и широко распространенное явление использования одних и тех же знаков для выражения то знаменательного, то служебного (грамматического) значения [189; 180]. Так, в китайском и вьетнамском

⁸ См. статью Н. Д. Арутюновой «О минимальной единице грамматической системы» [17]. См. также ее работу «О значимых единицах языка», где, в частности, суммированы основные типы отношений между означаемым и означающим [16, с. 93—95].

⁹ См. также работу Н. В. Солнцевой и В. М. Солнцева «К вопросу об агглютинации в современном китайском языке», в которой обосновывается специфический характер агглютинации в китайском языке, не нарушающей общего принципа изоляции в силу того, что агглютинативные аффиксы в этом языке не служат выражению синтаксических связей [120].

языках большинство элементов, используемых в качестве предлогов, могут быть использованы как знаменательные глаголы¹⁰. Ср. кит. *та цзай цзя-ли* 'Он находится дома', где *цзай* является полнозначным глаголом со значением 'быть', 'находиться в', и *та цзай хэйбань-шан се цзы* 'Он пишет иероглифы на доске', где *цзай* выполняет чисто служебную, предложную функцию ориентации в пространстве, поскольку контекст предложения исключает здесь знаменательное значение 'быть' или 'находиться в'.

Данное явление создает исследователям этих языков большие трудности в разграничении знаменательных и служебных элементов (за исключением, разумеется, случаев выделения чисто грамматических элементов, т. е. элементов, не соотнесенных ни с какими знаменательными элементами).

Произвольность знака и произвольность связи знака и означаемого, таким образом, по-разному реализуются в языках различных типов и ставят разные проблемы при исследовании грамматического строя этих языков. Если высокая степень вариативности знаковой (звуковой) формы во флективных языках привела к разработке, прежде всего в работах дескриптивистов, учения о варьировании морфемы (проблема морфов и алломорфов), то сравнительно низкая степень вариативности знаковой формы в языках изолирующего типа, где звуковой состав организован в замкнутое количество слогов фиксированного состава, а границы морфологического деления совпадают со слогоделением¹¹, фактически отодвигает вопрос о фонетических альтернативах морфем (морфах и алломорфах) на второй план, хотя совсем этот вопрос снят быть не может.

Иначе говоря, проблема отношения «морфема — морф» должна ставиться по-разному для флективных и изолирующих языков и, по-видимому, для классических агглютинирующих языков.

Языковые знаки — звуковые оболочки слов и морфем — состоят из фонем, или звуков. Языковые знаки могут быть разложены на составляющие их звуки. В этом смысле знаки состоят из *дискретных* единиц. Что касается означаемых (= значений), то они (это касается простейших означаемых) по своей природе глобальны. *Глобальность* есть важнейшее свойство простейших означаемых. Это вытекает из природы означаемого как некоторого обобщенного отражения. Если простой знак может быть расчленен на реально составляющие его элементы, то простое означаемое не может быть расчленено на реально составляющие его элементы значения. Попытки расчленить простое

¹⁰ Строго говоря, знаменательные (глагольные) значения являются исходными для служебных. Эти языки как бы приспособили ряд своих знаменательных единиц для выражения служебных значений.

¹¹ В изолирующих языках (китайский, вьетнамский и др.) каждый слог актуально является или потенциально может быть звуковой оболочкой односложного слова или морфемы.

означаемое на какие-то элементы значения — фигуры в ельм-слевском смысле слова¹², по сути дела, представляют собой истолкование исследователем содержания данного означаемого (= значения) с помощью более или менее адекватно выбранных признаков. Однако такое «расчленение» означаемого отнюдь не есть выделение реально составляющих его элементов. Это только способ описания данного значения в иных терминах. Можно привести пример такого описания. Н. Д. Арутюнова пишет: «Так, для значения слова *отец* релевантны признаки: предок (1) первого колена (2) по прямой линии (3) мужского пола (4). Изменение любого из этих признаков побуждает говорящих изменить означающее. Замена признака „мужской пол“ на „женский пол“ ведет к замене слова *отец* на слово *мать*, отражаясь тем самым на структуре противоположного плана» [17, с. 40].

Здесь мы имеем дело фактически с экспликацией понятий *отец* и *мать*, но не с выделением мельчайших компонентов значений. Точно так же раскрытие значения слова *дом* с помощью признаков: сооружение (1), используемое для жилья (2), и т. п. — не есть вычленение элементарных значений, составляющих значение слова *дом*.

Признаки, с помощью которых может быть раскрыто содержание того или иного понятия (значения), представляют собой признаки класса предметов, отражаемого в данном понятии. Разные понятия обладают разными наборами признаков. Некоторые понятия, как, например, *отец* и *мать*, могут быть представлены как различающиеся каким-либо одним признаком (см. пример Н. Д. Арутюновой). Однако признаки понятий как отражений некоторых классов предметов или явлений сами не образуют элементов или компонентов значений, поскольку они могут быть, во-первых, выбраны в любом количестве (в зависимости от степени детализации) и, во-вторых, не получают никакого отдельного выражения в знаковой форме, выражающей данное значение (например, *отец* или *мать*). Разумеется, любой признак, взятый сам по себе, получает звуковое (знаковое) выражение в совершенно другой единице языка (в другом знаковом комплексе). Так, признак «предок» есть сам по себе знаковый комплекс, отличный от знакового комплекса «отец» и

¹² Деление знака на фигуры в глоссематике исходит из представления о двусторонности знака [62, с. 305]. См. также статью Ю. К. Лекомцева «Основные положения глоссематики», где читаем: «...в то время как де Соссюр в основном рассматривал знак с глобальными, нерасчлененными, сторонами, глоссематика имеет дело со знаком, стороны которого расчленены на элементы различных уровней, не являющиеся знаками. Эти элементы обозначаются термином „фигура“. Фигурами плана выражения являются, например, фонемы и фонологические слоги; фигурами плана содержания — элементы, представляющие минимальные семантические различия, а также планы содержания морфем, слов, предложений и т. д.» [98, с. 93].

связанный с ним лишь через общее «семантическое поле» в смысле Йоста Трира¹³.

Кстати сказать, утверждение о том, что «изменение любого из этих признаков побуждает говорящих изменить означающее», следует понимать лишь фигурально. Буквальный смысл этих слов переносит аналитическую деятельность исследователя на практическое использование знаковых комплексов говорящими, которые используют разные знаки (означающие) не на основе анализа признаков значения (означаемых), а в силу того, что значения, например *отец* и *мать*, отражают разные классы предметов.

Рассматривая отношения означающего и означаемого (в рамках концепции двустороннего знака), Н. Д. Арутюнова констатирует разную «глубину членимости языковых планов». Она пишет: «Если означающее знака допускает членение на симультанные единицы-фонемы, разложимые, в свою очередь, на дифференциальные признаки, то означаемые знаков, будучи сами симультанными единицами, делятся только на компоненты значений» [17, с. 40]. В этом высказывании отчетливо видна мысль о параллелизме членения фонем на дифференциальные признаки и означаемых (семем, по Н. Д. Арутюновой) — на компоненты значения. Это перекликается с разложением грамматического значения на «элементарные и собственно оппозитивные единицы» (с последующим сопоставлением этих единиц с фонологическими дифференциальными признаками), которое проводит Т. В. Булыгина [34, с. 81].

Если допущение возможности разложения простого означаемого (= значения) на «компоненты значения» вызывает возражение по изложенным выше причинам, то с последующей мыслью Н. Д. Арутюновой о «большей членимости означающих знака», что создает большие возможности для комбинирования элементов означающих для их различения и «обеспечивает экономность языковой системы, возможность выражения неисчерпаемого количества значения при помощи конечного числа составляющих» [17, с. 41], трудно не согласиться, поскольку представляется, что здесь правильно отображены отношения звучания и значения в языке.

Итак, знак (означающее) членится на составные компоненты — фонемы (звуки), которые по отдельности не соотносятся ни с какими элементами значений (кроме частных случаев морфем, «редуцированных» до одного звука: предлоги *у, с, в, о* и т. д.). Простое означаемое (значение) глобально и не членится на составные компоненты. Признаки, с помощью которых его можно описать, не являются мельчайшими компонентами значения, точно так же как дифференциальные признаки фонемы не явля-

¹³ Относительно «смыслового поля» Трира см. работу А. А. Уфимцевой «Теории „семантического поля“ и возможности их применения при изучении словарного состава языка» [210].

ются простейшими элементами фонемы, о чем более подробно будет сказано ниже.

Разный характер строения знака и его означаемого, а именно отсутствие соответствий в составе означаемого элемента знака (отдельным звукам), в свою очередь, подтверждает отсутствие мотивированной связи между знаком и означаемым¹⁴ и создает благоприятные условия для относительно независимого изменения и развития каждой из сторон знакового комплекса. Дискретное строение знака создает возможности для широкого варьирования его реального состава (ср. *гляж-у* — *гляд-ит*, *лоб* — *лба* и т. п.). Глобальное строение (цельность) означаемого не допускает подобного варьирования. Поэтому в сфере означаемого возможна лишь «аккумуляция» значений, которые как бы наслаиваются одно на другое, не вступая в отношения варьирования. Это проявляется в явлениях полисемии — как лексической, присущей всем языкам, так и грамматической, широко представленной во флективных языках. При этом разные значения, закрепленные за одной и той же знаковой формой, не замещают друг друга и не смешиваются друг с другом. Ср. значение окончания склонения *-ами* (*дом-ами*), одновременно выражающего и значение множественности, и значение творительного падежа¹⁵.

Что касается лексической полисемии, а также упомянутого выше «совмещения» в одной знаковой форме вещественного и грамматического значений (широко представленного в изолирующих, а также отчасти и в других языках), то эти значения реализуются (выражаются) не одновременно, а в разных случаях употребления соответствующего знака, т. е. в различных окружениях.

Таковы некоторые соображения, вытекающие из свойства произвольности языкового знака и немотивированности его связи с означаемым.

Мотивированность же использования того или иного звукового комплекса для выражения значения исторически обусловлена и вторична. Явление вторичной мотивированности позволяет объяснить, почему то или иное значение выражено данным звуковым комплексом. Так, мы можем объяснить, почему определенный вид цветов называют подснежниками, но подобная мотивированность не есть проявление какой-либо внутренней связи между звукорядом *п-о-д-с-н-е-ж-н-и-к* и самим цветком. Точно так же, будучи в состоянии объяснить, почему приспособление для доставания воды из колодца назы-

¹⁴ Ср.: вторичная, историческая мотивированность звуковой формы сложных и производных единиц связана с тем, что и звучание и значение этих единиц разлагаются на соответствующие друг другу части: *домик* = *дом* + *ик*.

¹⁵ Вопросы выражения элементарных единиц значения в одной знаковой форме подробно рассматриваются многими лингвистами. См., в частности, А. Мартине [113, с. 451 и далее].

вают *журавль* (по сходству с птицей), мы не можем установить никакой природной связи между звукорядом *ж-у-р-а-в-л-ь* и соответствующим колодезным приспособлением.

Таким образом, историческая мотивированность использования данного звукоряда для обозначения определенного значения не ведет к установлению естественной, природной связи между звукорядом (знаком) и выражаемым им значением. Будучи исторически обусловленной, эта связь не может быть объяснена из собственных свойств звуков, значения и обозначаемых предметов. Поэтому историческая мотивированность не противоречит утверждению о произвольности языкового знака.

Принцип *произвольности* языкового знака, понимаемого как односторонняя сущность, является важнейшим принципом строения системы языка как семиотической системы. Понимание языкового знака как двусторонней сущности, что с неизбежностью ведет к включению в знак значения, ни в коей мере не являющегося чем-то произвольным или условным, создает противоречия и ведет к путанице в решении проблемы произвольности и мотивированности языковых знаков.

ЕДИНИЦЫ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И ЕДИНИЦЫ РЕЧИ

В предыдущих главах я так или иначе касался единиц языка, поскольку нельзя говорить о языке, не оперируя понятием единиц языка. Единицы языка — это плоть языка, тот материал, который образует вторичную материальную систему — язык — и вне которого не существует структура языка. В процессе функционирования языка из единиц языка образуются речевые произведения — предложения (и соответственно их составные части), формирующие, выражающие и передающие семантическую информацию. При этом единицы языка претерпевают некоторые изменения, связанные с их употреблением. Единицы языка в речи комбинируются в различные образования, определяемые как единицы речи.

Говоря в разной связи о единицах языка, я пользовался терминами *элементы языка*, *знаковые комплексы* и собственно *единицы языка* (слово, морфема, фонема). Использование того или иного термина диктовалось тем аспектом, в котором затрагивалась и рассматривалась единица языка. Термины *элементы* и *знаковые комплексы* (единицы языка, интерпретированные в терминах знаковой теории) указывают на те общие свойства, которыми обладают различные системно-структурные образования вообще (элементы — необходимые компоненты любой системы) и вторичные материальные, или семиотические, системы в частности (знаковые комплексы, т. е. соединение знака и его означаемого, обнаруживаются во всякой семиотической системе). В силу этого названные термины не являются собственно лингвистическими, хотя и могут быть использованы в лингвистическом анализе. Термин *единицы языка* (и соответственно обозначения различных языковых единиц — слово¹, морфема, фонема) является собственно лингвистическим, поскольку обозначает элементы именно языка как некоторого целостного объекта, и поэтому должен употребляться при раскрытии свойств собственно языковых элементов или языковых

¹ Как будет показано ниже, слово может быть как единицей языка, так и единицей речи.

знаковых комплексов. При рассмотрении свойств единиц языка, как таковых, далее я буду преимущественно пользоваться собственно лингвистическими обозначениями языковых единиц (слово, морфема, фонема).

Вместе с тем рассмотрение единиц языка нельзя проводить, не касаясь вопроса о так называемых *единицах речи*, или *речевых произведениях*, которые образуются в речи из единиц языка и, как мы увидим, выполняют в речи функции, аналогичные функциям единиц языка. Речевые единицы разнообразны по своему строению и обладают рядом свойств и признаков, которые необходимо сформулировать для более глубокой характеристики собственно единиц языка, а также для характеристики механизма функционирования языка. Центральной проблемой данной части работы тем не менее остается вопрос о единицах языка, поскольку именно они своими связями и соотношениями формируют язык как системное образование.

Однако анализу единиц языка целесообразно предпослать рассмотрение единиц речи, поскольку в единицах речи проявляются важные свойства единиц языка. При рассмотрении единиц речи достаточно пользоваться некоторыми уже известными свойствами единиц языка, не углубляясь в подробный анализ этих свойств, что будет сделано в соответствующем месте.

Анализу единиц языка целесообразно предпослать также анализ проблемы изменения собственно единиц языка при их функционировании, иначе говоря, следует рассмотреть проблему вариативности единиц языка и связанную с ней проблему лингвистических инвариантов.

В последующем изложении в основном я буду касаться двусторонних единиц языка, таких, как слово и морфема. Именно об этих единицах пойдет речь при выяснении соотношения единиц языка и речи.

Освещение проблемы единиц языка было бы неполным без анализа общих свойств такой единицы языка, как фонема, которая, не выражая самостоятельно смысла, является, материальной основой всех двусторонних единиц (языка и речи), служа средством различения их и в сочетании с другими фонемами — средством выражения смысла.

Глава I

ЕДИНИЦЫ РЕЧИ

§ 1. РЕЧЬ И ЕЕ ЕДИНИЦЫ

Современная лингвистика стремится провести различие между *единицами языка* и *единицами речи*. Сама идея разграничения этих единиц возникла в языкознании после того, как Ф. де Сос-

сюр ввел резкое разделение понятий *язык* и *речь*. В дососсюр-овской лингвистике эта проблема не могла быть поставлена в явной форме в силу отсутствия четкого разграничения тех сфер, единицы которых стремятся выявить лингвистика². Несмотря на критику самого этого деления³ и на вызывающее лично у меня возражение истолкование противопоставления языка речи как противопоставления системы тексту (см. ч. I, гл. II), само это деление, подготовленное развитием научной мысли и характеризующее два явления — средство общения и его применение, является одним из основных положений современной лингвистики.

Если дососсюр-овская лингвистика молчаливо исходила из того, что единицы, обращающиеся в речи, собственно, и являются единицами языка, то введение дихотомии «язык — речь» побудило говорить о фактах языка и фактах речи и соответственно искать в речи наряду с единицами языка также и единицы речи.

Из утверждения, что речь есть функционирование языка, т. е. использование средств языка для передачи какой-либо информации, с неизбежностью следует, что в речи обнаруживается прежде всего то, из чего состоит язык как средство общения, — единицы языка всех видов и правила их комбинаторики. Вместе с тем в речи обнаруживается нечто помимо единиц языка и правил их соединения (комбинирования). Сюда относятся, во-первых, все те реальные комбинации единиц языка, которые составляют речь, как таковую, и, во-вторых, обширная «сверх-лингвистическая» информация о самом говорящем (информация о возрасте, образовании, грамотности, тембре голоса, состоянии здоровья, настроении и т. д. говорящего). Эту информацию, а также ряд других явлений, обнаруживаемых в речи (рифмы, аллитерации, звукопись и пр.) и не изучаемых лингвистикой, можно вслед за А. И. Смирницким определить как сверхязыковой остаток [168, с. 29—30]⁴.

² К идее разграничения языка и речи вплотную подошла, как известно, младограмматическая школа, виднейший теоретик которой Г. Пауль сформулировал различие между «нормой употребления, языковым узусом» и индивидуальной «речевой деятельностью» [138, с. 50—55]. По словам С. Д. Кацнельсона, в этих понятиях нельзя не заметить прообраза соссюр-овских «речи» (*parole*) и «языка» (*langue*) [79, с. 16].

³ По этому поводу см., например, статью В. Я. Мыркина [131], где приводятся суждения (например, А. Г. Волкова), полностью отвергающие указанную дихотомию.

⁴ Идея «остатка», обнаруживаемого в речи, кажется, впервые была ясно сформулирована Аланом Гардинером, который 40 лет назад писал: «Когда я говорю, что определенное явление в данном тексте (под текстом А. Гардинер понимает „речь“ в широком смысле как „обозначение всего, что написано или сказано“.— В. С.) принадлежит „речи“, но не „языку“, я разумею, что, если вы исключите из текста все традиционные элементы, которые следует называть элементами языка, получится остаток, за который говорящий несет полную ответственность, и этот остаток и является тем, что я понимаю под „фактами речи“» [42, с. 16].

Сверхъязыковой остаток есть, таким образом, нечто оставшееся после «извлечения» из речи собственно того, что составляет «язык». К характеристике сверхъязыкового остатка, по-видимому, можно подойти иначе, определив его как то, что можно «извлечь» из речи, оставив в речи только единицы языка и правила комбинаторики, т. е. то, что и составляет сам язык как средство общения. После «очищения» речи от сверхъязыкового остатка гипотетически «очищенная речь», не содержащая в себе ничего, помимо языковых средств, тем не менее обнаруживает ряд явлений, не входящих в язык. Это различные комбинации единиц языка, свободно образующиеся в речи и составляющие самоё речь как применение языка. Такие свободные комбинации единиц языка определяются как *речевые произведения*. Если сверхъязыковой остаток можно «извлечь» (хотя бы гипотетически⁵), сохранив речь, состоящую после этой операции только из компонентов языка, то «извлекать» речевые произведения, не извлекая одновременно и единиц языка, и правил их комбинирования, т. е. самого языка, невозможно, поскольку речевые произведения сами состоят из единиц языка. Они и являются действительным применением языка, представляют собой реальное функционирование языка. В силу сказанного можно утверждать, что, хотя речевые произведения не входят в язык как целые образования, к ним нельзя применять и понятие *сверхъязыковой остаток*. Речевые произведения — это язык в своем использовании, т. е. функционирование языка.

Раскрывая понятие *сверхъязыковой остаток*, А. И. Смирницкий пишет: «В основном этот „остаток“ состоит из: а) из индивидуальных особенностей воспроизведения языка (особенностей в произношении, неполном или ошибочном понимании значений отдельных слов и пр.); б) из общественно выработанных особенностей использования тех или других фактов языка для достижения определенного эффекта, непосредственно не относящихся к основной функции языка (в частности, использование известных элементов звучания, как такового, в литературных целях: рифма, аллитерация, звукопись и пр.); в) из тех произведений, которые создаются в речи путем применения языка и как целые выходят уже за пределы языка, будучи выражениями мыслей, относящихся к той или иной жизненной сфере, обслуживаемой языком: ведь язык, как таковой, сам не принадлежит ни к одной из обслуживаемых им сфер человеческой деятельности» [168, с. 29—30]. Если отнесение явлений, упомя-

⁵ В 1964 г., во время посещения фонетической лаборатории в Эдинбургском университете (Шотландия), мне довелось наблюдать работу электронной машины синтетической речи — PAT (Parametrical Artificial Talker), с помощью которой проводятся разнообразные опыты, в частности по «очищению» речи от избыточных частот и т. п. В известной мере это есть уже не гипотетическое, а реальное извлечение сверхъязыкового остатка из речи.

нутых в пунктах «а» и «б», к сверхъязыковому остатку, с моей точки зрения, оправданно, то описанные в пункте «в» речевые произведения в силу изложенных выше соображений не могут быть охарактеризованы как сверхъязыковой остаток, хотя речевых произведений, как таковых, в самом языке нет. Они создаются в процессе функционирования языка и принадлежат речи, которая и есть функционирование языка⁶. По-видимому, следует говорить о двойственной и противоречивой природе речевых произведений: в той мере, в какой они представляют язык в действии (в функционировании) и состоят из традиционных элементов (единиц языка), они принадлежат языку; в той мере, в какой они являются результатом свободного комбинирования элементов языка говорящим, который, хотя и связан правилами языка и имеющимся у него в распоряжении набором элементов языка, все же имеет большую свободу выбора правил и элементов и может неограниченно создавать ранее никогда не встречавшиеся комбинации элементов языка, речевые произведения принадлежат собственно речи.

Язык, как известно, непосредственно не дан исследователю *in concreto*, как, например, животный или иной организм или как любая другая материальная система (объект)⁷. Язык дан исследователю своими частями в виде речи или речевых произведений, из которых он извлекается и конструируется как некоторый целостный объект (система). Вместе с тем язык не есть продукт свободного творчества исследователя. Это сложный инструмент, части которого разбросаны в речевых произведениях. Задача исследователя — правильно собрать части языка в общую систему. Из русской речи можно извлечь только русский язык, из китайской — только китайский. Речь и речевые

⁶ Неправомерность отнесения к сверхъязыковому остатку «произведений, которые создаются в речи путем применения языка», справедливо отмечает В. Я. Мыркин [131, с. 104—105]. Вместе с тем В. Я. Мыркин необоснованно, с моей точки зрения, отбрасывает самое идею сверхъязыкового остатка, истолковывая ее как «идею о речи как о некоем „остатке“» [131, с. 104] и приписывая такое истолкование понятия «остатка» А. Гардинеру и А. И. Смирницкому. Между тем у А. Гардинера и А. И. Смирницкого говорится не о речи как о некоем остатке, а об остатке, обнаруживаемом в речи после «извлечения» из нее всего, что относится собственно к языку. Так, А. И. Смирницкий неоднократно [168, с. 15] говорит не о речи как о «сверхъязыковом остатке», а именно о «сверхъязыковом остатке речи», хотя в ряде формулировок допускает включение в «остаток» речевых произведений, т. е. самой речи. В критике этого последнего утверждения А. И. Смирницкого В. Я. Мыркин, с моей точки зрения, совершенно прав.

⁷ Ср. замечание Бодуэна де Куртенэ: «Лингвист не имеет перед глазами строя даже живых языков (хотя слышит их звуки) и должен только через сопоставление и разные научные соображения составить себе о нем понятие, между тем как натуралист даже строй мертвых отдельных организмов может иногда воссоздать по их рельефным следам (окаменелостям)» [29, с. 231]. В другом месте Бодуэн де Куртенэ пишет: «Организм всегда весь налицо; он существует беспрерывно со времени своего рождения по начало его разложения, называемое смертью. Язык как целое существует только *in potentia*» [29, с. 238].

произведения — объективная реальность, подвергаемая исследованию. Именно в силу того, что речь есть особая сфера — функционирование языка, можно и нужно говорить о единицах речи как о специфических явлениях, не забывая при этом, что единицы речи всегда состоят не из чего иного, как из единиц языка.

Главная особенность *единиц речи* состоит в том, что они являются результатом свободного комбинирования единиц языка. (Об ограничениях этой свободы говорилось выше.) В результате свободного комбинирования возникают разные типы сложных образований. Так, в речи эти комбинации могут составлять: а) относительно законченные речевые системы, несущие информацию (предложения), и б) комплексы, не составляющие относительно законченных речевых систем и используемые, так же как и собственно единицы языка, для выражения различных значений (для номинации). Комбинации, упомянутые в пункте «б», могут быть как словами⁸, так и словосочетаниями.

Единицы речи — всегда сложные единицы (результат комбинирования). Единицы языка могут быть как простыми, так и сложными, т. е. различного рода комбинациями простых. Сложные единицы языка (комбинации простых) несвободны, стабильны и, говоря словами А. Гардинера, традиционны. Они не создаются в речи, но повторяются вновь и вновь. Создаваемые в речи комбинации свободны, нестабильны и новы. Комбинации единиц языка, образующие относительно законченные речевые системы — предложения, А. И. Смирницкий назвал *речевыми произведениями*, определив их как «единицы речи» [168, с. 18]. Комбинации единиц языка, образующие словосочетания, А. И. Смирницкий называет «частичными» (или незаконченными) речевыми произведениями» [168, с. 22]⁹, а комбинации единиц языка, образующие в речи *ad hoc* производные и сложные слова, определяет как «потенциальные слова» или «потенциальные единицы языка» [168, с. 17, 21; 169, с. 17, 18].

С моей точки зрения, к любым единицам, свободно образующимся в процессе речи из единиц языка, целесообразно применять общий термин *единицы речи*. Соответственно единицами речи оказываются свободно образуемые в речи слова (как, например, русск. *стосабельный, тристасабельный, шестисотса-*

⁸ Л. В. Щерба, говоря в свое время о сложных словах немецкого языка и санскрита, писал: «...большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар „языка как системы“» [232, с. 9]. Л. В. Щерба отмечает в этой связи, что такие сложные слова соответствуют «тем простейшим единицам „речи“ (*parole*), которые он определяет как *синтагмы*» [232, с. 9].

⁹ Интересно отметить, что А. И. Смирницкий избегает употреблять термин «единицы речи» применительно к словосочетаниям. В другой работе он пишет: «Что касается словосочетаний, то они представляют собой единицы особого порядка — единицы в строении речи, известные куски речи, но не речь, как таковую» [170, с. 50].

бельный и т. д.), словосочетания (*большой дом, хорошая книга, читать брошюру*) и предложения (*Звезды меркнут и гаснут* — Никитин).

Общими свойствами всех единиц речи оказываются: во-первых, их *производимость* (термин А. И. Смирницкого), т. е. «деланье» в процессе речи; во-вторых, сложное строение, поскольку они образуются из единиц языка; в-третьих, способность входить в более крупные образования. Так, слова (единицы речи) могут входить в словосочетания (*стосабельный отряд*) и предложения; словосочетания (единицы речи) могут быть частями предложения. Предложения могут входить в сложные предложения или быть частями сложного синтаксического целого, или фразы¹⁰.

Тем самым оказывается возможным отметить ряд общих признаков у образующихся в речи комбинаций единиц языка и подвести их под общее понятие *единиц речи*. Главным отличительным признаком всех этих речевых единиц, отличающих их от единиц языка, является их *производимость* в процессе речи (деланье для нужд данного момента), в то время как единицы языка *воспроизводятся* (также термин А. И. Смирницкого) в готовом виде. Что касается признака сложности строения и способности входить в более крупные образования в качестве компонентов, то эти признаки, как уже говорилось, могут характеризовать и единицы языка.

Следует, однако, заметить, что если признак сложности строения является обязательным для всех единиц речи, то он не обязателен для всех единиц языка. Единицы языка могут быть, как говорилось, простыми (морфемы и часть слов) и сложными (часть слов и так называемые несвободные словосочетания). Ниже я вновь вернусь к этому вопросу.

Признак вхождения в более крупные образования в равной мере характеризует и единицы языка, и единицы речи. Однако не всякая единица языка или единица речи может непосредственно входить во всякую более крупную единицу. Так, знаменательные и служебные морфемы не могут непосредственно входить в состав словосочетаний и предложений. Они могут непосредственно входить только в слова. Слово и словосочетание не может непосредственно входить в состав «сложного синтаксического целого».

Сложность строения единиц речи проявляется в том, что в них могут быть выделены по крайней мере два компонента,

¹⁰ Понятием «сложного синтаксического целого», или «фразы», пользуется, в частности, А. А. Драгунов применительно к китайскому языку, понимая под этими терминами такие сочетания предложений, которые, не образуя сложных предложений в обычном смысле, тем не менее синтаксически обуславливают друг друга. Так, сложным синтаксическим целым А. А. Драгунов считает комбинации предложений *чжэбэнь шу хао, ни цюй май та лай* «эта книга хороша, пойдя купи ее» [57, с. 160]. Идея «сложного целого», имеющая корни в русской грамматической традиции, по-видимому, плодотворна. Термином «сложное целое» пользуется А. М. Пешковский [141, с. 403—408].

представляющие собой единицы языка. Выделимость двух компонентов отчетливо видна на примере слов и словосочетаний. Так, сложное или производное слово (единица речи) всегда состоит из комбинации знаменательных морфем или знаменательной и служебной морфем. Словосочетание минимально состоит из двух слов. Несколько отличную картину обнаруживают предложения (имеются в виду конкретные предложения, а не их модели). Практически во всех языках (по крайней мере известных мне) существуют однословные предложения (*Пожар! Молчать! Красиво!* и т. п.), что, кстати сказать, служит основанием для одного из определений знаменательного слова как потенциального минимума предложения¹¹.

В случае *однословных предложений* нельзя выделить двух компонентов — единиц языка в том же виде, как они выделяются в словах и словосочетаниях. Однако однословные предложения также имеют сложное строение. Однословное предложение отличается от слова, как известно, тем, что оно всегда отягощено категориями предикативности и модальности, материальным выражением которых является интонация. Без соответствующей интонации слово (будь то единица языка или единица речи) не может выступать в качестве предложения. Интонация относится к числу языковых средств и определяется обычно как просодическое средство. Во всяком случае, однословные предложения могут быть рассмотрены как соединения разных языковых элементов¹². Однословные предложения представляют собой частный и в известном смысле вырожденный случай предложения. Нормальное же предложение есть соединение конкретных единиц (слов и словосочетаний).

Предложение, вообще говоря, резко отличается как от всех видов слов, так и от словосочетаний тем, что оно является уже не средством, а продуктом, результатом речевой деятельности. Предложение есть цельная речевая система, несущая информацию. В грамматическом отношении оно всегда характеризуется категориями модальности и предикативности, которых нет ни у слов, ни у словосочетаний. Если конкретное предложение можно по признаку производимости и сложности сопоставлять с речевыми единицами, то по тому же признаку производимости и своему коммуникативному характеру оно резко противопостав-

¹¹ См., например, Э. Сепир: «Слово есть один из мельчайших, вполне самоудовлетворяющих кусочков изолированного „смысла“, к которому сводится предложение» [163, с. 28].

¹² Я не могу пока вдаваться в вопрос, можно ли считать интонацию единицей языка. Ясно, однако, что интонация, так же как и другие просодические явления (музыкальные тоны, различные виды силового ударения), принадлежит к числу языковых средств. А. И. Смирницкий считает возможным говорить об особом типе языковых единиц — «интонационных единицах языка», выделяя их наряду с конкретно-материальными (слова, морфемы, фразеологические единицы) и относительно-материальными единицами (формулы строения слов) [170, с. 16—17].

лено единицам языка. Поэтому далее я временно исключаю предложение из сопоставления единиц языка и речи и вернусь к нему в заключение раздела.

§ 2. СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И ЕДИНИЦ РЕЧИ

1. Производимость и воспроизводимость. Идиоматичность и неидиоматичность

Такие признаки единиц речи, как производимость и сложность строения, делают их несопоставимыми непосредственно с морфемами, которые всегда воспроизводимы и не обладают сложностью строения. Поэтому сходство и различие единиц языка и единиц речи, о котором уже частично говорилось выше, целесообразно более подробно рассмотреть на примере слов и словосочетаний, которые в качестве единиц речи всегда, а в качестве единиц языка во многих случаях характеризуются общим признаком — сложностью строения. Под сложностью строения понимается наличие внутренней организации, или структуры.

Как уже говорилось, некоторые слова образуются непосредственно в речи, т. е. являются производимыми, а некоторые типы словосочетаний (все виды так называемых фразеологизмов и ряд других типов устойчивых словосочетаний), как и любые единицы языка, повторяются в готовом виде, т. е. характеризуются воспроизводимостью.

Каковы условия воспроизводимости и производимости тех или иных единиц (подробнее см. [151]).

Поскольку свойства элементов (единиц) и языка и речи во многом определяются их значениями, постольку полезно сопоставить характер значения производимых и воспроизводимых единиц. В производимых единицах значение единицы выводится по стандартному правилу.

Наблюдения показывают, что в разных языках всякое воспроизводимое словосочетание с точки зрения выражаемого значения характеризуется особым свойством, которое можно назвать цельностью значения¹³. Поскольку воспроизводимые словосочетания состоят из слов, которые в других условиях могут выступать в свободных, производимых словосочетаниях¹⁴,

¹³ Во многих работах это свойство отмечается как один из ведущих признаков устойчивых словосочетаний. О. С. Ахманова признает это свойство основным признаком фразеологической единицы, определяя его как «цельность номинации» [21, с. 168—170].

¹⁴ Это не касается тех слов, которые В. В. Виноградов определяет как слова со «связанным значением» и употребление которых часто ограничено тем или иным устойчивым словосочетанием, например, *потупить (взор, взгляд, глаза)* [39, с. 26—27].

постольку необходимым и достаточным условием воспроизводимости является *цельность* значения данного словосочетания. Цельность значения проявляется либо в форме *идиоматичности значения* в обычном смысле (несводимость значения целого к простой сумме значений частей), либо в форме *терминологичности значения* (ср.: значение сочетания *социалистическая революция* отличается своей терминологичностью от значений сочетаний *близкая революция, внезапная революция, бескровная революция* и т. п.). *Терминологичность значения* атрибутивного словосочетания определяется тем, что поясняющий член такого словосочетания выражает какой-либо постоянный и существенный признак предмета или явления, обозначенного стержневым словом. В силу этого терминологическое словосочетание выделяет тот или иной предмет (явление) из некоторого более широкого класса в особый класс или подкласс. В нетерминологических сочетаниях поясняющий член обозначает случайный или переменный признак, реально присущий или приписанный предмету или явлению, выбор которого зависит от оценки или характеристики данного явления говорящим.

Различие терминологического и нетерминологического словосочетаний можно установить с помощью операции замены поясняющего члена. В первом случае замена поясняющего члена ликвидирует терминологичность (или создает другую терминологичность). Тем самым меняется характер означаемого. Сочетание более не указывает на тот класс (подкласс) предметов или явлений, на который оно указывало раньше. Если вместо слова *социалистическая (революция)* поставить *внезапная, скорая, радостная* (*Да здравствует революция, радостная и скорая!* — Маяковский), то сочетание больше не будет обозначать революцию особого типа, а будет обозначать революцию вообще. Замена поясняющего члена в нетерминологических сочетаниях не меняет соотношения стержневого слова с обозначаемым.

Если определить *идиоматичность значения* вообще как невозможность выведения значения по правилу, то значения терминологических словосочетаний (в частности, атрибутивных) можно определить как частный случай идиоматического значения. Значение терминологического словосочетания хотя и возможно иногда свести к сумме значений частей, однако его нельзя вывести по правилу. Согласно стандартному правилу образования атрибутивных словосочетаний, в речи создаются свободные сочетания, в которых поясняющий член обозначает случайный и переменный признак. Терминологичность создается не по стандартному правилу атрибуции, а вопреки ему как осуществление потребности назвать некоторый класс или подкласс предметов или явлений. Терминологическое сочетание выпадает из открытого ряда свободных сочетаний. Именно поэтому оно невыводимо по правилу и может быть рассмотрено как частный случай идиоматичности, понимаемой так, как мы его только что определили.

Таким образом, *цельность значения* сочетания может быть

определена как идиоматичность в широком смысле (невыводимость значения по правилу) ¹⁵.

Воспроизводимые словосочетания обладают идиоматичностью значения и в силу самого свойства воспроизводимости обязательно характеризуются *устойчивостью* независимо от того, являются они фразеологизмами в обычном смысле или терминологическими сочетаниями. Устойчивость есть признак всякого воспроизводимого словосочетания ¹⁶.

Наряду с воспроизводимыми словосочетаниями во всех языках имеются *производимые в речи слова*. В некоторых языках, например в китайском и других языках китайско-тибетской семьи, а также в типологически близких им языках Юго-Восточной Азии, производимость слов в речи — массовое и широко распространенное явление. Так, в бирманском языке путем прибавления к любому глаголу префикса *a-* можно образовать отглагольное существительное. Во вьетнамском языке с помощью служебного элемента *sái* можно достаточно свободно «делать» в речи существительные — названия свойств и качеств, соединяя данный элемент с прилагательным. В китайском языке некоторые знаменательные элементы ¹⁷ типа *шэн* 'звук', *фа* 'способ' и др., употребляясь в качестве вторых компонентов сложных слов, образуют, как я их называю, открытые «морфологические ряды», т. е. используются для свободного производства в речи сложных слов ¹⁸: *юйшэн* 'дождь' (букв. 'звук дождя'), *лэйшэн* 'гром' (букв. 'звук грома'), *цяньшэн* 'выстрел' (букв. 'звук

¹⁵ Специальной оговорки требуют устойчивые сочетания, один из компонентов которых является словом со «связанным значением» (*потупить взор, мертвецки пьян* и т. п.). Их устойчивость создается за счет «связанности значения» одного из компонентов, который либо не может быть вообще употреблен вне этого словосочетания, либо употребляется в ограниченном количестве также устойчивых сочетаний. «Связанность значения» одной из частей обуславливает связанность и тем самым цельность значения целого. Связанные слова не подчиняются стандартным правилам сочетания слов, предполагающим свободную или относительно свободную комбинаторику элементов. В силу этого можно считать, что связанность значения соответствующих сочетаний создается не по правилу комбинаторики, а вопреки ему.

¹⁶ Вряд ли можно согласиться с тенденцией рассматривать такие признаки фразеологических единиц, как, например, устойчивость, идиоматичность, цельность, слитность номинации и ряд других, как самостоятельные и не обуславливающие друг друга, что можно видеть в некоторых работах [133].

¹⁷ Речь здесь идет об односложных элементах, которые имели в древнем китайском языке качество слов, но в современном языке утратили способность употребляться самостоятельно и являются лишь компонентами сложных слов. По этому поводу см. [174, с. 53—54].

¹⁸ Отнесенность этих образований к словам доказывается синтаксической несамостоятельностью вторых компонентов в соответствии с известной формулой А. И. Смирницкого: если в сочетании *AB* либо *A*, либо *B* не есть слово, то *AB* в целом является словом. Некоторые разновидности слов этого типа в китайском языке описаны, в частности, в работе Б. С. Исаенко «К проблеме границ китайского слова» [74, с. 239—318]. Б. С. Исаенко для обозначения этих слов использует термин «слова-окказиональные» (со ссылкой на Н. И. Фельдман).

ружья'), *циншэн* 'звуки скрипки' и т. д., *лайфа* 'способ прихода', *чифа* 'способ принятия пищи', *чанфа* 'способ пения' и т. п. Модель второго ряда можно записать в виде «глагол+фа». Подобного рода слова можно «делать» свободно, и их нет смысла заносить в словари. Достаточно знать соответствующее правило.

В русском языке производимыми словами являются слова типа *стосабельный* и пр.; производимые слова могут также быть образованы посредством аффиксов. Как, например, отмечает М. В. Панов, «модель „основа префиксального переходного глагола+к(а)“ стала регулярной», а слова, образованные по этой модели, являются единицами чисто речевыми [136, с. 13]. (См. там же примеры: *прокрутка*, *отмерка*, *подсыпка*, *разливка* и т. д.).

Производимость слов не связана, как это видно из примеров, с характером морфологического строения слова. По своей грамматической организации слово может быть сложным или производным. Важно лишь, чтобы слово обладало той или иной морфологической структурой. Только непроеизводные (простые в морфологическом отношении) слова типа *дом*, *стол*, *бык* и т. д. никогда не обладают свойством производимости.

2. Идиоматичность — неидиоматичность и параметры единиц языка и единиц речи

Необходимым и достаточным условием производимости слов является наличие стандартного правила образования слов данного типа¹⁹. Свободно образуемые в речи слова характеризуются тем, что их значение выводится по правилу. В этом смысле их значение неидиоматично²⁰. Под *неидиоматичностью* производимых в речи слов понимается такой характер их значения, который не препятствует свободному пониманию данного слова в речи в момент его появления. Производимые слова понимаются так же свободно, как и свободные словосочетания, и для понимания не требуют пояснения. Производимость производных (в морфологическом смысле) слов обусловлена степенью продуктивности модели и соответственно словообразовательного аффикса. Аффиксы непродуктивные, малопродуктивные или огра-

¹⁹ Ср. у М. В. Панова, который, сославшись на А. И. Смирнишко, пишет: «Регулярная словообразовательная модель подобна формуле предложения: она существует как абстрактный закон образования массы конкретных речевых единиц» [136, с. 13].

²⁰ Если к свободным словосочетаниям, не обладающим идиоматичностью, применимо утверждение, что их значение равно сумме значений частей, то в отношении производимых в речи слов можно говорить только о выводимости значения по правилу. Вряд ли можно говорить, что значение слова *прокрутка* равно сумме значений *прокрут+ка* в силу невозможности точно определить значение этих частей.

ниченно продуктивные не могут быть использованы для свободного образования слов в речи. Например, в русском языке по образцу *учи-тель*, *проси-тель*, казалось бы, возможно образовать слово *грузи-тель*. Однако если его и «создать», то без разъяснения его значение непонятно.

Итак, можно констатировать, что воспроизводимые словосочетания обязательно обладают идиоматичностью (в том смысле, как мы ее выше определили), производимые слова, наоборот, не обладают идиоматичностью (в том же смысле).

Значение идиоматичного сочетания слов аналогично значению отдельного простого (непроизводного) слова, поскольку и то и другое в системе языка уникально, неповторимо и единично. И в том и в другом случае для понимания значения требуется специальное истолкование его с помощью других слов или словосочетаний, значение которых полагается известным.

Существуют разные степени идиоматичности сложных комплексов. Если значение сочетания *производить впечатление* в известной мере можно свести к сумме значений частей, то значение сочетания *втирать очки* совершенно несводимо к сумме значений частей и не соответствует правилу, по которому соединены эти слова. Значение этого комплекса обладает максимальной идиоматичностью²¹.

С точки зрения развиваемого здесь понимания идиоматичности (уникальность, неповторимость значения, невыводимость по стандартному правилу) значение простого слова, не являющегося результатом деривации, во-первых, идиоматично и, во-вторых, обладает максимумом идиоматичности²².

В сложном комплексе (слове или словосочетании) идиоматичность присутствует не всегда и не обязательно. Кроме того, такие комплексы могут обладать разной степенью идиоматично-

²¹ Идиоматичность значения сложных комплексов обычно является либо результатом развития и переосмысления ранее неидиоматичных значений, либо результатом переносных, образных и тому подобных употреблений слов. Она является проявлением противоречия между стандартным правилом, стремящимся дать неидиоматичное значение, и потребностями номинации, стремящейся к созданию новых единиц языка.

²² Следует различать понятие идиомы и идиоматичности. Понятие идиомы действительно связано с понятием словосочетания, как об этом пишет Р. А. Будагов [33, с. 117]. Понятие идиоматичности как уникальности, неповторимости значения может и должно быть применено и к отдельному слову. Поэтому вряд ли правомерно отрицать вообще возможность применения понятия идиоматичности к отдельному слову, как это делает Р. А. Будагов [33, с. 117], с которым солидаризируются А. С. и Н. А. Новаковичи [133, с. 149]. Р. А. Будагов совершенно прав, однако, в том, что идиоматичность значения слова абсолютно не связана с образным употреблением слова. Мне представляется, что утверждение об идиоматичности значения простого слова вполне согласуется с утверждением В. В. Виноградова о том, что «фразеологическое сращение (по В. В. Виноградову, один из типов фразеологических единиц.— В. С.) представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы» [39, с. 23].

сти. Простой (неразложимый) комплекс идиоматичен во всех случаях и безусловно²³.

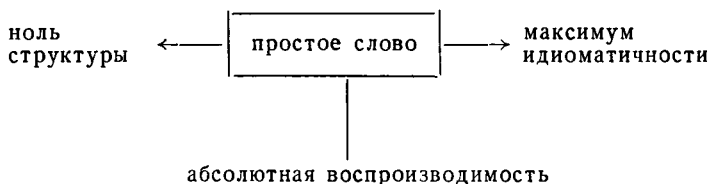
В отличие от идиоматичности неидиоматичность есть стандартность значения, т. е. оно образуется в соответствии с правилом. Идиоматичное значение не образуется по правилу. Оно повторяется в готовом виде, т. е. воспроизводится.

Неидиоматичное значение в силу его образуемости по правилу создается всякий раз заново и в этом смысле производится независимо от того, образуется данное сочетание один раз или несколько раз. Например, сочетание *высокая труба* может повториться сотни раз, оставаясь производимой единицей.

Отсюда следует, что простые слова, одним из параметров которых является максимум идиоматичности, могут обладать только свойством воспроизводимости. Поскольку производимость комплекса (слова или словосочетания) есть образование его по стандарту или правилу, постольку необходимым условием производимости является наличие определенной модели или схемы, которая всякий раз заново наполняется разными компонентами и обнаруживается в разных сложных комплексах в качестве их внутренней организации, или структуры.

Поэтому обязательным условием производимости является наличие у комплекса внутренней организации, или структуры. Наличие структуры проявляется в членимости комплекса на значимые части. Простое слово не обладает свойством членимости, поэтому можно считать, что оно обладает нулевой структурой (имеется в виду словообразовательная структура)²⁴.

Именно этим объясняется неспособность такого слова быть производимым и наличие у него свойства абсолютной воспроизводимости. (Сказанное в полной мере относится к таким единицам языка, как морфемы, не обладающим ни словообразовательной, ни формообразовательной структурой.) У простого слова, таким образом, можно установить три *параметра*:

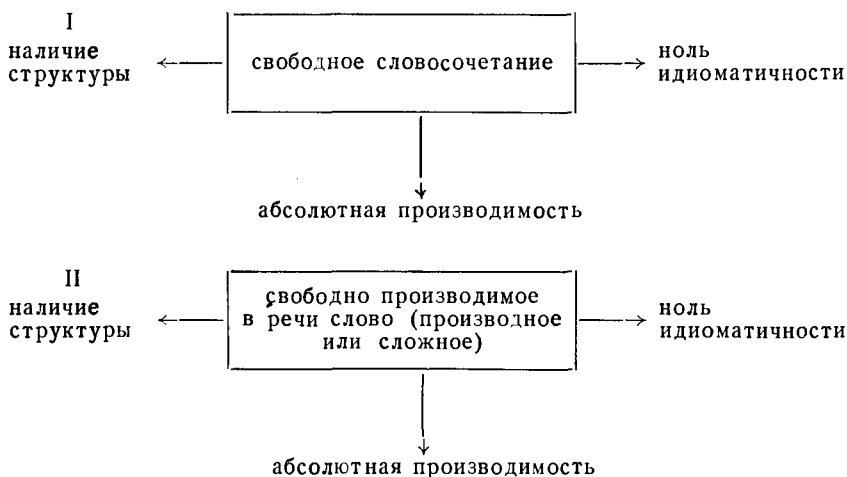

²³ Ср. удачную формулировку Н. Д. Арутюновой: «Под идиоматичностью подразумевается произвольность связи означаемого и означающего знака» [16, с. 91].

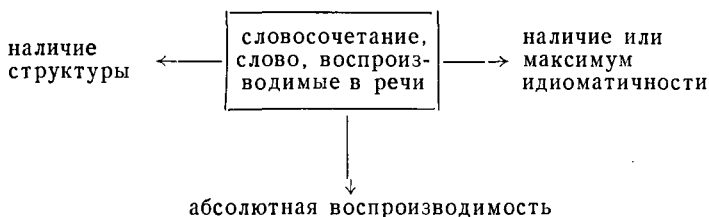
²⁴ В данном случае имеется в виду членимость в смысле выделения деривационных (словообразовательных) элементов. Простое слово может, однако, быть морфологически членимо в смысле выделения словоизменятельных (формообразовательных) элементов (флексии, нулевые морфемы), не влияющих, однако, на лексическое и грамматическое значение слова, которое полностью сохраняется при образовании разных форм одного и того же слова.

Словосочетание, сложное слово, производное слово обязательно обладают внутренней членимостью (структурой). Благодаря наличию структуры у них может не быть идиоматичности вообще, и они могут в соответствии с правилом свободно образовываться в речи для нужд данного момента.

В силу этого параметры свободного словосочетания (I) или любого свободно производимого в речи слова (II) оказываются противоположными параметрам слова как единицы языка:

Словосочетание, сложное слово, производное слово, которые не образуются в речи свободно, а воспроизводятся в готовом виде (как простые слова), характеризуются смещенными параметрами:

Из приведенных схем видно, что комплексное (сложное) образование уподобляется простому слову в силу совпадения у них параметра, или признака значения (идиоматичность значения). Именно характер значения определяет данную единицу либо как единицу языка, обладающую свойством воспроизводимости, либо как единицу речи, обладающую свойством производимости.

Параметр (признак) наличия внутренней организации (структуры) не является решающим для отнесения единицы к числу единиц языка или единиц речи.

Таким образом, единицами языка могут быть как слова (простые, производные, сложные), так и различные несвободные словосочетания. Единицами речи в равной мере могут быть и словосочетания (свободные), и слова разных типов (сложные и производные), за исключением слов простых.

3. Можно ли считать единицы речи «потенциальными единицами языка»?

Слова — единицы речи, производимые для нужд момента, являются не «потенциальными словами» [168, с. 17, 21], а реальными словами. Они выполняют те же функции (служат целям номинации, являются теми или иными членами предложения), что и слова — единицы языка. Грамматическая организация слова — единицы языка и слова — единицы речи одинакова. Поэтому грамматическая организация комплекса как морфологической единицы — слова не есть признак, позволяющий отнести комплекс к единицам языка или единицам речи. Этот признак позволяет только отграничить слово от словосочетания.

Грамматическая организация комплекса как словосочетания также не есть признак, позволяющий безусловно отнести комплекс к числу единиц речи или единиц языка.

Решающим и в том и в другом случае является характер значения (идиоматичность или, наоборот, неидиоматичность), определяющий свойство комплекса быть воспроизводимым или производимым.

Сказанное не отрицает того, что во всяком языке имеется достаточно большой стабильный запас слов — единиц языка, который фиксируется в словарях и составляет материальную основу всякого языка. Более того, количество слов — единиц языка на каждый данный отрезок текста заведомо превышает количество слов — единиц речи, встречающихся в данном тексте²⁵.

Соотношение в конкретном отрезке текста слов — единиц языка и единиц речи варьирует от языка к языку. Однако в любом языке можно найти отрезок текста, состоящий только из слов — единиц языка, и вряд ли возможно найти текст, который состоял бы исключительно из слов — единиц речи, если только не составить такой текст искусственно.

²⁵ Общее количество слов — единиц языка и слов — единиц речи принципиально не поддается сопоставлению, так как количество слов — единиц языка на выбранный момент времени является конечной величиной (считаемой), а количество слов — единиц речи вообще не поддается учету в силу их главного свойства — производимости для нужд данного момента. Заранее никогда невозможно предсказать, где, когда и в какой момент говорящий или пишущий создает то или иное производимое слово.

Если обратиться к словосочетаниям, то обнаружится противоположная картина. В любом данном отрезке текста количество свободных словосочетаний заведомо превышает количество несвободных словосочетаний — единиц языка. Количество последних в выбранный момент времени в любом языке конечно и поддается исчислению. Наоборот, количество свободных словосочетаний принципиально не поддается какому бы то ни было учету и исчислению.

Указанные количественные соотношения единиц языка и единиц речи в определенном отрезке текста не могут служить основанием отождествления сложных комплексов, грамматически организованных как слова, с единицами языка, а комплексов, грамматически организованных как словосочетания, — с единицами речи. Между тем в некоторых работах (например, в работе Ю. В. Рождественского [158, с. 179—180]) наблюдается тенденция говорить о грамматической организации того или иного комплекса как единицы языка или единицы речи.

А. И. Смирницкий называет слова, производимые в речи, «потенциальными словами» и «потенциальными единицами языка». Я уже отмечал, что производимые в речи слова — это реальные слова. Но можно ли их считать «потенциальными единицами языка»? У слова, свободно созданного в речи по стандартному правилу и не обладающего идиоматичностью значения, по-видимому, не больше шансов стать единицей языка, чем у свободного словосочетания. Единственный путь превращения в единицу языка — это изменение характера значения данного сложного образования.

В различных языках можно наблюдать, как отдельные члены «открытого морфологического ряда» выпадают из этого ряда и превращаются в слова — единицы языка. Так, в китайском языке из открытого ряда речевых единиц, образуемых по модели «глагол+фа» (фа 'способ' как самостоятельное слово не употребляется)²⁶, отдельные сочетания как бы выпадают и становятся воспроизводимыми единицами. При этом у них обязательно оказывается измененным характер значения. Это значение более не соответствует стандартному правилу, по которому выводится значение основной массы этих единиц.

Так, например, *шофа* означает 'формулировка', но не 'способ говорения', что следует из стандартного правила; *каньфа* означает 'точка зрения, взгляд, мнение', но не 'способ смотрения', что должно бы следовать из правила сочетания глаголов с элементом *фа*, и т. д.

Точно так же в теоретически бесконечном ряду атрибутивных словосочетаний, например, русского языка, образованных

²⁶ Этот ряд количественно ограничен числом глаголов в китайском языке. Ср. у Б. С. Исаенко: «Ряд слов подобного типа почти неисчерпаем. Теоретически он ограничивается только лишь количеством глаголов и их семантической сочетаемостью с понятием „прием, способ“» [74, с. 303].

путем соединения прилагательного и существительного, где, согласно правилу образования свободных словосочетаний, поясняющий член (прилагательное) обозначает случайный и переменный признак, обнаруживаются сочетания, значения которых возникают вопреки правилу свободной атрибутивной связи. Это, во-первых, терминологические сочетания, где поясняющий член обозначает постоянный и существенный признак, как, например, *социалистическая революция* или *реактивный двигатель* (ср. *большой, тяжелый, новый, грязный двигатель* и др.); во-вторых, идиоматические сочетания в традиционном смысле (невыводимость общего значения из суммы значений частей), например: *железная дорога, красный уголок* и т. п.; в-третьих, сочетания, одним из компонентов которых является слово со «связанным значением», как, например, *беспросыпное пьянство*. Эти разновидности атрибутивных сочетаний становятся единицами языка в силу несоответствия их значения типовому значению, получаемому по стандартному правилу.

Если признать производимые в речи слова «потенциальными единицами языка», то с таким же основанием следует признать и свободные словосочетания «потенциальными единицами языка».

В этом вряд ли имеется необходимость, тем более что заранее невозможно предугадать, где, когда и при каких условиях потребности номинации приведут к выпадению из «открытого морфологического ряда» (слов) или бесконечного ряда свободных словосочетаний устойчивых комплексов, обладающих идиоматичностью значения в указанном выше смысле.

4. Общее свойство единиц языка и речи — номинативная функция. Способы реализации номинации

Теоретически любой свободно образуемый в речи сложный комплекс (исключая предложение), являющийся единицей речи, может превратиться в единицу языка под воздействием потребности в номинации. Основой возможности превращения единицы речи в единицу языка является общность функций единиц языка и единиц речи, которая состоит в том, что оба вида этих единиц используются для целей номинации, а не для целей коммуникации, т. е. сообщения о чем-либо²⁷.

Общность номинативной функции слов — единиц речи и слов — единиц языка, видимо, достаточно очевидна. Общность

²⁷ Словосочетания, как и слова, обладают номинативной функцией, причем номинативной функцией обладают все виды словосочетаний: атрибутивные, глагольно-объектные и т. д. (так называемые предикативные словосочетания к собственно словосочетаниям не относятся [54, с. 11]), поскольку их логико-смысловая структура едина — по своей логической природе они являются антрибутивными сочетаниями; см. Н. М. Годер [44]).

номинативной функции словосочетания и слова подтверждается следующими моментами.

1. Синтаксическая функция словосочетания в предложении всегда сводима к функции главного («стержневого») слова данного словосочетания. Это касается как атрибутивных, так и других видов подчинительных словосочетаний, в том числе и глагольно-объектных, которые в предложении представляют так называемую группу сказуемого. Замена в этом случае словосочетания его главным членом (глаголом) приводит к свертыванию группы сказуемого до одного члена (собственно сказуемого).

2. Для многих свободных словосочетаний, особенно атрибутивных, можно подобрать смысловые эквиваленты в виде отдельных слов (например: русск. *храбрый человек* — *храбрец*, *трусливый человек* — *трус*; кит. *хутуды жэнь* 'глупый человек' — *шацзы* 'дурак' и т. д.)²⁸.

3. Во всех языках наблюдается явление «лексикализации словосочетаний» и превращение их в слова или по крайней мере в различные фразеологические комплексы, равноценные функционально словам²⁹.

Общее свойство любого слова и любого словосочетания, таким образом, состоит в том, что и те и другие обладают номинативной функцией, т. е. используются для наименования.

Различие при этом заключается в способе наименования: словосочетание, обозначая предмет (*высокий дом*), действие (*читать вслух*, *листать газету*) и т. д., указывает одновременно с помощью специального слова на тот или иной признак или свойство, присущее данному предмету или явлению.

Когда для номинации используется слово, то признаки и свойства предметов не получают отдельного словесного обозначения. В силу этого словосочетание обозначает не весь класс предметов или явлений, обозначением которых служит стержневое слово, а часть предметов этого класса, обладающих некоторым признаком или свойством. Так, *высокий дом* означает часть предметов, относящихся к классу *домов*, а *дом* означает любой предмет данного класса. Можно сказать, что словосочетание обозначает понятие расчлененно, слово обозначает понятие глобально.

Утверждение о «цельности номинации», характерной для устойчивых словосочетаний, не равно утверждению о «глобальности номинации». Так, устойчивые терминологические словосочетания (*реактивный двигатель*) обозначают соответствующее понятие расчлененно, хотя здесь имеется цельность номинации. В случае устойчивого терминологического словосочетания поясняющий

²⁸ В этих случаях оттенки коннотации несущественны. Важна принципиальная возможность соотнести данное словосочетание и данное слово с одним и тем же предметом обозначения.

²⁹ Лексикализации практически не подвержены предложения именно в силу того, что они обладают не номинативной, а коммуникативной функцией.

член, как уже говорилось, выражает постоянный и существенный признак данного понятия (соответственно класса предметов или явлений), что и создает цельность номинации. Расчлененность же обозначения сохраняется. Сказанное в полной мере относится к таким традиционно идиоматическим сочетаниям, как русск. *железная дорога*, кит. *хочэ* 'поезд' (букв. 'огненная телега') и т. д., значения которых не равны сумме частей и о которых говорят, что они выражают «единое понятие». Здесь также имеет место расчлененный способ выражения понятия. Тот факт, что поясняющий член обозначает фиктивный признак некоторого понятия (хотя и постоянно приписанный ему), создает эффект невыводимости значения из суммы частей, т. е. идиоматичности в традиционном смысле. Расчлененность обозначения понятия сохраняется и здесь. В последнем случае, так же как и в случае свободных сочетаний, поясняющий член сужает объем понятия, выражаемого стержневым словом при отдельном употреблении: *железная дорога* обозначает в отличие от просто *дорога* лишь один из видов дорог; *хочэ* 'поезд' обозначает один из видов средств передвижения в отличие от *чэ* — любого транспортного средства.

Общность функции — номинативная функция — у единиц языка и единиц речи позволяет считать все единицы речи (кроме предложения) потенциальными кандидатами в единицы языка. И именно в силу того, что они все потенциальные кандидаты в единицы языка, не имеет смысла именовать их «потенциальными единицами языка». Целесообразнее оставить за ними термин *единицы речи*, правомерность которого обусловлена набором общих свойств этих единиц.

5. Условия образования единиц речи и единиц языка

Известные утверждения Ф. де Соссюра о том, что «факт речи всегда предшествует языку» [192, с. 42] и что ничего нет в языке, чего раньше не было в речи, как будто бы согласуются с утверждением, что все единицы речи потенциально могут стать единицами языка. В то же время далеко не все единицы языка, в частности слова и некоторые виды устойчивых словосочетаний, проходят стадию единиц речи. Многие неологизмы, практически все термины-слова и терминологические словосочетания во всех языках создаются сразу как готовые единицы языка, обладающие идиоматичностью значения (в уточненном выше смысле) и свойством воспроизводимости. Так, вряд ли сочетание *Совет народных комиссаров* или сочетание *народный комиссар* имело хоть самое короткое время «статус» единицы речи. Точно так же китайское сложное слово *миньчжу* 'демократия' [букв. 'власть (главенство) народа'], являющееся калькой соответствующего интернационального слова, с момента своего создания выступает как единица языка. Слова — единицы языка, как производные, так и сложные, создаются по существующим в языках словообразовательным моделям, минуя стадию речевой единицы, при условии что данная модель не является неограниченно про-

дуктивной, т. е. не образует открытого ряда [типа кит. глагол + фа, имя + шэн (см. выше); бирм. а + глагол; русск. основа префиксального переходного глагола + к(а) или числительное + отнositельное прилагательное (типа *стосабельный, трехглазый, пятиглазый, стооконный* и пр.)].

По мере возрастания продуктивности словообразовательной модели обнаруживается тенденция к превращению слов, образуемых по данной модели, в единицы речи. Абсолютно продуктивная словообразовательная модель, таким образом, порождает слова — единицы речи, часть из которых может под влиянием различных причин получать параметр идиоматичности, переводящий их в число единиц языка. Абсолютно продуктивная модель не порождает непосредственно единиц языка. Единицы языка, отвечающие условиям такой модели, тем не менее могут возникать сразу же, минуя стадию единицы речи. Это имеет место, например, при возникновении терминов, когда потребности номинации вопреки стандартному правилу свободной комбинации элементов создают устойчивый комплекс, обладающий идиоматичностью (в широком смысле).

Так называемые непродуктивные модели вообще не порождают никаких единиц. Они обнаруживаются в уже существующих единицах языка и отражают ранее действовавшие в данном языке словообразовательные процессы.

Наиболее благоприятные условия для непосредственного порождения единиц языка создают модели, которые не являются ни абсолютно продуктивными, ни полностью непродуктивными. В грамматиках такие модели обычно называют продуктивными, не отграничивая их от регулярных или абсолютно продуктивных. При образовании слов по таким моделям в создаваемые слова вносится свойство неполной выводимости или вообще невыводимости значения по правилу (т. е. идиоматичность).

Так, в русском языке далеко не всякий неологизм, образованный с помощью суффикса *-щик/-чик* (признаваемого академической «Грамматикой русского языка» продуктивным типом словообразования), может входить в речь без пояснения. Именно это и превращает такой неологизм с момента его создания в единицу языка. Чаще всего модели делят в общей форме на непродуктивные, малопродуктивные и продуктивные. Видимо, следует говорить и об абсолютно продуктивных, или *открытых, моделях*.

Нельзя не видеть, таким образом, что степень продуктивности различных моделей весьма различна. Нельзя не видеть, с другой стороны, что в различных словосочетаниях обнаруживается разная степень идиоматичности (ср. *производить впечатление* и *ломать голову*, кит. *ци цзюан* 'играть роль', 'иметь значение', букв. 'выдвигать значение', и *чуй ню* 'бахвалиться', букв. 'надувать корову').

Разная степень продуктивности словообразовательных мо-

делей и вытекающая отсюда разная степень выводимости общего значения по правилу, равно как и разная степень идиоматичности словосочетаний (отсюда многообразие видов устойчивых сочетаний и степеней их устойчивости), создают большие трудности в разграничении собственно единиц языка и единиц речи «в чистом виде». Здесь, как, по-видимому, во всем механизме языка, различие явлений четко проявляется только в полярных случаях, между которыми лежит обширная полоса переходных явлений. К языку, может быть более чем к какой-либо другой области, относятся слова Энгельса о несовместимости с теорией развития *hard and fast lines* [4, с. 527], т. е. об отсутствии абсолютных граней, разделяющих явления, что, конечно, ни в малой мере не отрицает наличия у явлений качественной определенности, позволяющей определить данное явление, как таковое.

Языковым явлениям вообще свойственно обладать большей и меньшей степенью признака. Свойство иметь разную степень признака характеризует все уровни языка и соответственно все единицы языка³⁰.

Именно поэтому возможен постепенный переход от единицы языка к единице речи и наблюдаются колеблющиеся, переходные случаи. И в силу этого нельзя во всех случаях требовать однозначного ответа на вопрос, является ли данная единица (или данный комплекс), безусловно, единицей языка или единицей речи. Как уже отмечалось, сама идиоматичность сочетания может быть (и во многих случаях является) результатом исторического развития и переосмысления ранее неидиоматичного значения. Сочетание *хочэ* 'поезд' (букв. 'огненная повозка') в истоке могло пониматься и буквально. Разная степень или ступенчатость одного и того же признака есть проявление непрерывного изменения и развития языка и соответственно изменения и развития всех его единиц.

§ 3. ПРОБЛЕМА НЕРАЗЛИЧИМОСТИ СЛОЖНОГО СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В связи с проведенным различием (а установление различия предполагало и констатацию сходства) единиц языка и единиц речи возникает возможность осветить явление «неразличимости сложного слова и словосочетания» при определенных условиях. поскольку дихотомия «единицы речи — единицы языка» создает для этого необходимый фон (специально этот вопрос мною рассматривался ранее, см. [177]).

³⁰ В области фонологии Н. С. Трубешкой специально вводит понятие «градуальных (ступенчатых) оппозиций», «члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака» [201, с. 83].

Эта проблема имеет прямую связь с проблемой границ слова. Во многих языках образование сложных слов (словосложение) осуществляется путем простого «складывания» компонентов, которые в отдельности представляют собой самостоятельные слова и при сложении не претерпевают никаких фонетических изменений. Если при этом модель сложного слова является аналогом модели словосочетания, разграничение отдельного (сложного) слова и сочетания слов становится крайне затруднительным.

К числу таких языков относятся, в частности, китайско-тибетские языки и типологически близкие к ним языки Юго-Восточной Азии. Сходные явления наблюдаются и в языках иной типологии, например в таких индоевропейских языках, как санскрит (по свидетельству Л. В. Щербы), английский, немецкий, во многих языках Западного Кавказа и т. д.

В тех языках, где словосложение указанного типа является основным способом словообразования, а аффиксация и иные способы занимают подчиненное положение (китайский, вьетнамский и др.), проблема разграничения слова и словосочетания из частной проблемы превращается в важную теоретическую проблему. Впрочем, это касается и английского языка (см. О. С. Ахманова и А. И. Смирницкий [23]). Наиболее подробно вопрос о разграничении слова и словосочетания в китайско-тибетских языках разрабатывался на материалах китайского языка (см. Лу Чжи-вэй и др. [106]). Однако граница между словом и словосочетанием оставалась неуловимой.

Проверив действенность всех предлагаемых критериев разграничения применительно к комплексу *телу* 'железная дорога' (букв. 'железо' + 'дорога') и показав, что некоторые сложные комплексы отвечают одновременно и требованиям слова, и требованиям словосочетания, Н. Н. Коротков пришел к выводу, что в некоторых случаях в рамках двусложного комплекса «принципиально невозможно» разграничить сложное слово и словосочетание [89, с. 106]³¹. Факт неразличимости при некоторых условиях слова и словосочетания можно считать установленным.

Чем, однако, объясняется этот факт? Каков внутренний механизм неразличения? Иначе говоря, какие причины обуславливают самоё невозможность различения?

Мы констатировали общность функций слов и словосочетаний, исходя из их назначения в языке (функция номинации). Эта общая функция у слов и словосочетаний реализуется по-

³¹ См. также статью В. М. Солнцева «К вопросу о выражении понятий в китайском языке», где констатируется невозможность в некоторых случаях различить сложное слово и словосочетание: «В словах этой структуры (имелись в виду глагольно-объектные сочетания.— В. С.) в ряде случаев так же трудно решить вопрос, где имеется словосочетание и где налицо слово, как трудно установить, после скольких выдернутых или выпавших волос человек становится лысым» [172, с. 157].

разному с точки зрения способов номинации (расчлененная и глобальная номинация). Следует, однако, сделать некоторые уточнения. Строго говоря, глобальность номинации присуща не всем единицам, грамматически характеризваемым как слова, а только непроеизводным и производным словам и части сложных слов, этимология которых неясна или хотя бы один из компонентов которых семантически обесцвечен. Такие сложные слова составляют большую часть словарного запаса, например, китайского, тайского, вьетнамского и других языков. Так, например, глобальным характером обозначаемого обладает китайское слово *таолунь* 'обсуждение, обсуждать', элементы которого по отдельности обозначают: *тао* 'доискиваться, изучать' (в этом значении более не употребляется) и *лунь* 'рассуждать, обсуждать'. Глобальный характер обозначаемого производных слов обусловлен тем, что в их составе имеется только один элемент (одна корневая морфема), обладающий вещественным значением, и нет второго знаменательного элемента.

Что же касается значительного количества этимологически прозрачных сложных слов, то они независимо от идиоматичности или неидиоматичности их значения, так же как и словосочетания, обозначают понятия расчлененно. Так, в русском языке *мореплавание* есть один из видов плавания (ср. *воздухоплавание*); в английском — *blackbird* 'дрозд' обозначает один из видов птиц, в китайском *хочэ* 'поезд' (букв. 'огненная повозка') обозначает один из видов повозок и т. д. и т. п.

Расчлененный характер номинации, осуществляемой сложным словом, позволяет, например, в китайском языке использовать сложные слова для построения различных каламбуров, образных выражений и шуток, а также этимологизировать их путем «оживления» компонентов сложного слова и оперирования ими как словами. Например, слово *гэмин* 'революция' буквально может быть истолковано как 'лишить жизни'. Компонент *гэ* в современном языке самостоятельно в значении 'лишать' практически не употребляется. Тем не менее возможно построить такое сочетание: *гэ шуй ды мин?* 'Против кого совершать революцию?' (букв. 'Кого лишать жизни?').

Расчлененность номинации, осуществляемой сложным словом или устойчивым словосочетанием атрибутивного типа, допускается во многих случаях метонимический перенос значения целого на стержневой компонент, имеющий родовое значение по отношению к значению данного слова, которое выступает как видовое. Этот родовый компонент выступает «заместителем» всего данного комплекса. Данное явление реализуется только в контекстах, исключающих иное понимание стержневого компонента. Так, в контексте вместо *хочэ* 'поезд' можно употребить *чэ* 'повозка', имея в виду поезд; аналогично вместо *дяньчэ* 'трамвай' (*дянь* 'электричество') можно также употребить просто *чэ* и т. д.

Уже в этом проявляется сходство свойств сложных слов и словосочетаний. Выше мы отмечали, что сложные слова и словосочетания в равной мере могут быть как единицами языка, так и единицами речи. Это также свидетельствует о наличии у них общих свойств. Наконец, общность номинативной функции позволяет поставить в один ряд как сложные слова (единицы

речи и единицы языка), так и словосочетания (единицы речи и единицы языка). Как показывает материал различных языков, языку в принципе безразлично, с помощью какого средства осуществить номинацию: при помощи единицы, воспроизводимой в речи в готовом виде или сделанной в речи для потребности момента. Точно так же языку может оказаться безразличным, с помощью какой грамматической единицы осуществить номинацию: сложного слова или словосочетания.

Как было условлено, параметры простого слова (единицы языка) прямо противоположны параметрам свободного словосочетания (единицы речи). Это, если так можно выразиться, «чистые» случаи. Однако параметры многих образований не могут быть выявлены в «чистом» виде. Многие единицы обнаруживают известное смещение параметров, вследствие чего словосочетание может оказаться единицей языка, а слово — единицей речи.

Наличие в словах — единицах речи морфологической организации, характерной для слова (наличие аффиксов или знаменательных компонентов, не способных к самостоятельному употреблению), может удерживать эти образования в сфере слов, но не переводит их в число единиц языка.

Наоборот, грамматическая организация идиоматизированного комплекса (единицы языка) как словосочетания (морфологически выраженная раздельность компонентов) удерживает этот комплекс в сфере словосочетаний, но не может в случае идиоматизации значения удержать этот комплекс в числе единиц речи.

Если же имеется сложная единица, образованная путем прямого соположения самостоятельных слов по модели, которая является общей для сложных слов и для словосочетаний³², и при этом компоненты не подвергаются «морфемизации», т. е. компоненты не приобретают признаков, которые в составе сложной единицы отличали бы их от самостоятельных слов³³, то такую единицу принципиально невозможно отнести ни к сложным словам, ни к словосочетаниям. Она, как это выяснено, например в китаеведении, в равной мере отвечает и критериям сложного слова, и критериям словосочетания (см. Н. Н. Коротков [89, с. 106]).

³² «Общность модели» следует понимать как известный изоморфизм или аналогичность модели сложного слова и словосочетания. Так, при изоморфности моделей в соответствующих сложных словах и словосочетаниях обнаруживается подобие отношений между компонентами, например наличие поясняющего компонента и стержневого компонента с атрибутивным соотношением.

³³ Как, например, в русском языке: *кинó*, но *кинобúдка*, *кинотéатр*, *кинолéнта* и пр., где смещение ударения свидетельствует о «морфемном» характере компонента. Ср. также: *пять сабель* — *пятью саблями*, но *пятисабельный* — *пятисабельному*, где утрата способности компонента морфологически изменяться свидетельствует о его «морфемности».

При этом совершенно безразлично, является ли такая сложная единица единицей речи (например, в кит. *ян+жоу* 'баранина', букв. 'баран+мясо'; *ян+мао* 'шерсть барана', букв. 'баран+шерсть'; *лу+жоу* 'оленина', букв. 'олень+мясо'; *лу+мао* 'шерсть оленя', букв. 'олень+шерсть' и т. д.) или единицей языка (кит. *те+лу* 'железная дорога', букв. 'железо+дорога'; *хо+чэ* 'поезд'; букв. 'огонь+повозка'; *ци+чэ* 'автомобиль', букв. 'газ, пар+повозка' и т. п.).

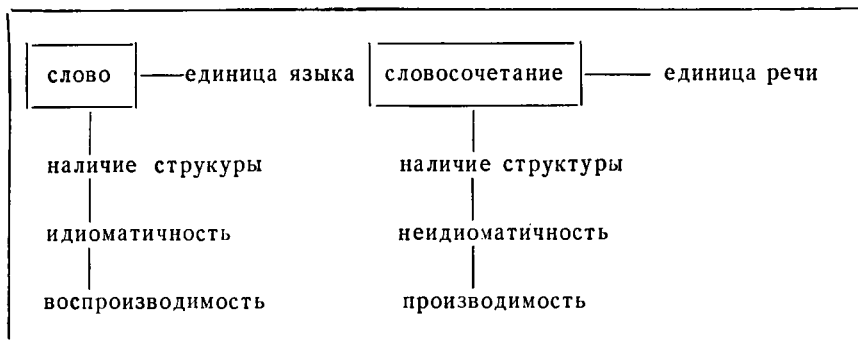
Таким образом, условия неразличимости слова и словосочетания создаются на фоне:

а) общего свойства слов и словосочетаний быть средством номинации и

б) способности слов и словосочетаний быть как единицами речи, так и единицами языка.

Этот фон можно изобразить схематически:

Общее свойство: номинация

Этот фон, по-видимому, имеется во всех языках. Явление неразличимости обнаруживается, однако, не во всех языках и лишь при наличии дополнительных условий, к числу которых относятся: а) образование сложного комплекса путем сложе-

ния синтаксически самостоятельных элементов языка; б) прямое соположение элементов без посредства служебных слов (что может иметь место в словосочетаниях) и без посредства соединительных морфологических элементов (что может иметь место в сложных словах, ср. русск. *о* и *е*); в) отсутствие фонетических и каких бы то ни было иных изменений компонентов после их сложения; г) отсутствие у слагаемых компонентов морфологических черт, характеризующих их как слова, т. е. компоненты не имеют выраженных морфологических границ, формально, по внешнему облику отличающих их от таких единиц, как морфемы.

Перечисленные дополнительные условия имеются не во всех языках. Их, например, нет в русском языке, где соответственно нет и проблемы неразличимости слов и словосочетаний. Чрезвычайно благоприятные условия для сближения и, следовательно, для неразличимости слов и словосочетаний имеются в упоминавшихся выше китайско-тибетских и типологически сходных с ними языках Юго-Восточной Азии. В этих языках знаменательная морфема не может быть выделена из односложного слова как величина меньшая, чем слово³⁴. По выделении же из многосложного слова морфема становится, как правило, неотличимой от самостоятельного слова. В силу этого в названных языках наблюдается явление неотличимости односложного слова (простого слова) от знаменательной морфемы (пока я не касаюсь проблемы «нулевого оформления» слова и вытекающих из этого явления последствий). Неотличимость односложного слова от знаменательной морфемы обуславливает принципиальное неразличение (при наличии перечисленных выше условий) сложного слова и словосочетания. Иначе говоря, наблюдается следующая зависимость. Если односложное слово не имеет ясно выраженной нижней границы (т. е. неотличимо от морфемы), то сложное слово в этом языке при определенных условиях (каждый из компонентов в отдельности может быть самостоятельным словом, а его структура аналогична структуре словосочетания) не имеет ясно выраженной верхней границы и принципиально неотличимо от словосочетания. В то же время в этих языках простое (односложное) слово явственно отличается от словосочетания, а сложное слово (в той мере, в какой оно является именно словом), безусловно, отличается от своих компонентов — морфем.

Слова, включающие аффиксы (производные слова), и сложные слова, не отвечающие требованиям словосочетания (например, такие, в которых хотя бы один компонент не может самостоятельно функционировать как слово), имеют явно выраженную границу — верхнюю и нижнюю, т. е. они отличаются и от

³⁴ Подробнее проблема «выделимости» морфемы из слова будет рассмотрена в последующих разделах.

морфем, и от словосочетаний (см. В. М. Солнцев [182, с. 11—19]).

Условия неразличимости слов (сложных) и словосочетаний имеются в тех языках, где в силу каких-либо причин наблюдается неразличимость (хотя бы внешняя) простых слов и морфем. Или по крайней мере наблюдается тенденция к нарастанию этой неразличимости, как, например, в английском языке, где сочетания типа *stone wall* или *brick wall* обнаруживают свойства неразличимости.

Сказанное не означает, что в китайском и типологически сходных с ним языках вообще нет границ между сложными словами и словосочетаниями. Сложные слова в этих языках имеют свои отличительные свойства и признаки. Количество стабильных и регулярно воспроизводимых слов в этих языках достаточно велико. Поскольку в условиях неразличимости теоретически безразлично, как именовать данную сложную единицу — «словом» или «словосочетанием», а именовать ее все же как-то надо³⁵, постольку целесообразно встать на практическую точку зрения и в соответствии с традицией считать сложными словами все терминологически используемые сложные комплексы, все этимологически сколько-нибудь неясные сложные образования, а также явно идиоматические сочетания типа *телу* 'железная дорога', *малу* 'улица' (букв. 'конная дорога') и т. д. Вряд ли кто поколеблется отнести английское слово *blackboard* к числу сложных слов, хотя оно отличается от образования *black wall* только идиоматичным характером своего значения. Идиоматичность значения, как установлено выше, относит комплекс к числу единиц языка, хотя и не позволяет без учета морфологических данных отнести его к словам или словосочетаниям. Если у компонентов сложного комплекса, являющегося единицей языка, нет каких-либо признаков, удерживающих комплекс на положении словосочетания, его целесообразно считать словом³⁶, по-

³⁵ Такая единица может быть сама по себе названа, например, термином Е. Д. Поливанова «инкорпорация». Е. Д. Поливанов употреблял этот термин применительно ко всем сложным словам китайского языка, в чем необходимости нет, поскольку в китайском, вьетнамском, тайском и других языках обнаруживаются собственно сложные слова (по признаку несамостоятельности обоих или одного из компонентов) [69, с. 7—8]. Впрочем, Е. Д. Поливанов допускал также возможность вместо термина «инкорпорация» пользоваться термином «слово» [69, с. 9]. Возможно также использование термина «сближение», которое ввел в своей работе, написанной на русском языке, вьетнамский лингвист Хоанг Чонг Фием [216, с. 9]. Понимая под сближениями «образования переходного типа», автор прежде всего относит к ним термины. По-видимому, можно предложить и другие названия, что, однако, не входит в мою задачу.

³⁶ Ср. замечание Л. В. Щербы: «...любая синтаксическая группа может сказаться сложным словом, которое должно отличаться от группы лишь тем, что оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов. Таким образом, словосочетания вроде *железная дорога*, *общая тетрадь*, *зубная паста*, *красное вино* (где со словом *красный* связывается целый ряд качеств

скольку единицами языка чаще бывают именно слова, а единицами речи — свободные словосочетания.

Принципиальная неразличимость в ряде случаев сложных слов и словосочетаний в некотором языке делает теоретически невозможным установление границ соответствующих сложных комплексов. Если в каком-либо языке выявляется наличие условий неразличимости сложных слов и словосочетаний, то следует прекратить бесплодные поиски границ, поскольку в самом языке этих границ не существует и попытки их определить заведомо обречены на неудачу.

Нельзя найти того, что не существует. Осуществлявшиеся поиски границ сложного слова не были, однако, напрасной тратой времени и сил. Подобно тому как в свое время поиски теплорода в физике и флогистона в химии дали много новых фактов науке, так и попытки найти границу сложного слова и словосочетания позволили выявить многие важные свойства слов и словосочетаний.

Поиски границ сложного слова и словосочетания становятся бессмысленными лишь по установлении факта, что во многих языках при определенных условиях сложное слово и словосочетание принципиально неразличимы в силу того, что в самом языке между этими единицами различия нет. Максимально, что можно сказать по поводу таких образований, — это являются ли они единицами языка или единицами речи.

§ 4. ЕЩЕ РАЗ О РЕЧИ И ЕЕ ЕДИНИЦАХ. СТРОЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ЦЕПИ

1. Речь как применение языка

Теперь можно попытаться сформулировать свойства речи и ее единиц в общем виде.

Речь есть функционирование системы языка, есть реальное использование языка как средства общения. Отношение языка и речи, таким образом, есть отношение средства и его применения.

Применение какого-либо средства сопровождается рядом эффектов, возникающих именно в процессе применения этого

вина) и т. д. следует считать сложными словами» [232, с. 18]. Нетрудно видеть, что Л. В. Щерба считал признак идиоматичности достаточным для отнесения к словам комплексов, компоненты которых морфологически выделяются как отдельные слова. Кроме того, именно принадлежность комплекса к единицам языка настойчиво побуждает исследователя ассоциировать его со словом, несмотря на морфологическую выделяемость частей. В условиях неразличимости принадлежность комплекса к единицам языка, видимо, дает достаточно оснований для определения его как слова.

средства, не присущих средству, как таковому, но обусловленных свойствами этого средства.

Применение языка в речи вызывает появление ряда эффектов, не имеющих в языке, как таковом, но обусловленных свойствами данного языка. Сюда относится вся внеязыковая информация, содержащаяся в речи и определенная выше вслед за А. И. Смирницким как *сверхязыковой остаток*.

Поскольку язык как средство есть набор неоднородных и дискретных единиц, обладающих определенными свойствами, каждый речевой акт представляет собой линейную комбинацию единиц языка, осуществляемую по определенным правилам. Правила являются проявлением свойств, объективно присущих единицам языка, и, как таковые, принадлежат языку. В каждом речевом акте воспроизводятся, следовательно, единицы языка и правила их соединения, при этом используется часть единиц языка и часть правил их соединения. Все единицы языка и все правила их комбинирования (соединения) воспроизводятся в совокупности всех осуществляемых в данном обществе речевых актов.

Цель каждого речевого акта состоит в сообщении некоторой семантической информации. Для осуществления этой цели из единиц языка в соответствии с правилами их комбинирования образуются предложения, которые можно охарактеризовать как функциональные речевые системы, несущие семантическую информацию³⁷. Чем сложнее и разнообразнее такая система, тем богаче и разнообразнее выражаемая ею информация³⁸.

Всякая речевая система-предложение наряду с собственно языковой информацией содержит, как уже говорилось, внеязыковую информацию, сверхязыковой остаток. За вычетом сверхязыкового остатка речевая система, или, кратко, речь, содержит: а) единицы языка и единицы речи; б) комбинации единиц языка (единиц речи); в) правила соединения единиц языка и единиц речи. Понятие правил соединения, или, как их еще можно назвать, правил поведения единиц языка и единиц речи, нуждается в некоторых комментариях и разъяснениях.

2. Морфологические и синтаксические правила

Поскольку правила являются проявлением свойств единиц, постольку правила, регулирующие поведение той или иной единицы, можно назвать правилами, приписанными данной еди-

³⁷ Определение предложения как «замкнутой, самостоятельно функционирующей системы» содержится, например, в кандидатской диссертации В. А. Хачатряна «Вопросы поведения именной структуры глагола при переводе» [215, с. 17].

³⁸ Имеется в виду количественный аспект информации, а не ее реальная ценность или полезность.

нице. Правила поведения слов — единиц речи в принципе аналогичны правилам поведения слов — единиц языка, поскольку слово — единица речи по своему грамматическому устройству не отличается от слова — единицы языка. Слово — единица речи выполняет в речи ту же функцию, которую может выполнить в аналогичной позиции слово — единица языка, и вступает в те же грамматические связи и отношения, в которые вступает в этой позиции слово — единица языка (например: русск. *большой отряд* и *стосабельный отряд*; кит. *во бу цзаньчэн ниды чжегэ лайфа* 'я не одобряю этого твоего способа прихода' и *во бу цзаньчэн ниды чжегэ ицзянь* 'я не одобряю этого твоего мнения', где слово — единица речи *лайфа* букв. 'приходить + способ' выполняет ту же функцию и находится в тех же грамматических отношениях, что и слово — единица языка '*ицзянь*' 'мнение', 'точка зрения'). Слову — единице речи приписываются те же свойства и соответственно правила поведения, которыми обладает грамматически тождественное ему слово — единица языка.

Поскольку такие единицы языка, как морфемы, могут быть только единицами языка, постольку приписанные им правила поведения характеризуют только единицы языка. Морфемы могут комбинироваться только в единицы, грамматически организованные как слова. Следовательно, потенциальная активность, или комбинационные возможности, морфем реализуются только в рамках слов. Поэтому правила поведения, приписанные морфемам, определяются как морфологические в отличие от правил поведения слов, которые определяются как синтаксические.

Говоря о морфологических правилах, я имею в виду все виды комбинаций морфем: и те, которые ведут к образованию новых слов, и те, которые служат целям образования форм слов. Образование нового слова и формы слова с точки зрения механизма самого образования идентично: и тут и там имеет место комбинация каких-либо элементов (ср. русск. *дом + ик*, *дом + а*). Однако в случае формообразования прибавление какой-либо морфемы не меняет вещественного и общеграмматического значения слова, а лишь придает слову некоторое добавочное грамматическое значение. В языках с развитым словоизменением (формообразованием) один и тот же знаменательный компонент (простой или сложный) соединяется с рядом формообразовательных (служебных) элементов. При этом образуется ограниченный (закрытый) ряд слов, объединенных общностью знаменательного компонента и различающихся добавочными грамматическими значениями. Такой соотносительный ряд, согласно концепции Щербы—Виноградова, определяется как система форм одного и того же слова. Слово рассматривается как единство всех своих форм и выступает в речи то в одной, то в другой форме.

Замена одной формы слова другой и называется традиционно словозменением, или просто изменением слова. В действительности изменения как процесса перехода явления из одного состояния в другое при изменении одного и того же слова не происходит. Отношение между разными формами одного слова, замещающими друг друга в условиях дополнительной дистрибуции, есть отношение замещения: форма *дом-у* используется вместо формы *дом-и* при окружении, исключающем использование формы *дом-у*. Поэтому термин «изменение слова» есть образное описание процесса замещения одних форм другими. Слово, строго говоря, не изменяется, а лишь выступает в той или иной форме.

Изменение в собственном смысле имеет место при образовании каждой отдельной формы данного слова. Отдельная форма, как и новое слово, есть нечто новое по сравнению с исходными компонентами.

Особую проблему составляет вопрос, всегда ли в речи воспроизводится уже готовая форма, которая есть единица языка, или же прибавление формального элемента (образование формы) есть процесс свободной комбинации элементов в речи. В. В. Виноградов как будто считает, что формы слов не образуются в речи, а только обнаруживаются в ней. Он пишет: «При пользовании языком как живой системой общения морфологические свойства слова не создаются его синтаксическим отношением к другим словам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [54, с. 7]. Н. Н. Коротков считает, что в китайском языке в отличие от русского слово «существует вне системы форм и характеризуется лишь способностью в определенных условиях образовывать их в речи» [90, с. 372].

По-видимому, утверждение В. В. Виноградова правильно в отношении флективных языков, а утверждение Н. Н. Короткова частично справедливо в отношении такого изолирующего языка, как китайский. Я говорю «частично», полагая, что китайское слово все же возможно рассматривать как систему соотносительных форм, и соглашаясь с тем, что процесс образования форм слов в китайском языке, видимо, можно рассматривать в известной мере как речевой процесс комбинации элементов, поскольку само явление формообразования в китайском языке есть явление новое, возникшее в исторически доступное наблюдению время.

Морфологические и синтаксические правила различаются тем, что первые действуют при соединении морфем, вторые — при соединении слов. Различие правил обусловлено различием свойств морфем и слов. В тех случаях, когда свойства морфемы и слова сближены, соответственно оказываются сближенными морфологические и синтаксические правила (ср. явление неразличимости сложных слов и словосочетаний).

У морфологических и синтаксических правил имеется общая черта, состоящая в том, что и тот и другой вид правил могут давать как свободные, так и несвободные комбинации единиц (морфемы могут комбинироваться в слова — единицы языка и в слова — единицы речи; слова могут комбинироваться в словосочетания — единицы речи и единицы языка).

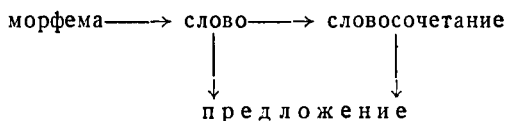
3. Иерархические и системные отношения в речи

Та иерархичность отношений, которая обычно приписывается единицам языка, является общей и для единиц языка, и для единиц речи. Иерархичность, определяемая как отношение единиц разной сложности и состоящая в том, что: а) менее сложные единицы входят в состав более сложных как составные части и б) каждая менее сложная единица потенциально может выступать как предельно простой случай более сложной (при отвлечении от качественного своеобразия каждой из единиц), проявляется и обнаруживается в речи.

Если пока оставить в стороне фонему как одностороннюю единицу и обратиться к двусторонним единицам, то можно констатировать следующую иерархическую зависимость единиц языка и единиц речи в речевой цепи.

Морфемы как единицы языка входят в состав слов как их компоненты (при этом слова могут быть как единицами языка, так и единицами речи). Слова (обоих видов) входят как компоненты в словосочетания (единицы речи и единицы языка), либо в предельно простом случае непосредственно комбинируются в предложении (типа *П — С*), не входя в словосочетания как более крупные номинативные единицы. Словосочетания (обоих видов) входят как компоненты в предложения. Предложения никогда не воспроизводятся в готовом виде³⁹, поскольку в предложении всегда представлены категории предикативности и модальности, придающие предложению коммуникативный, а не номинативный характер. Коммуникативная природа предложения препятствует превращению предложения в единицу языка. Поэтому так же как морфема может быть определена как абсолютно воспроизводимая единица языка, так и предложение может быть определено как абсолютно производимая единица речи. Предложение и морфема — это две крайние точки в речевой цепи, обладающие прямо противоположными параметрами. Между этими крайними точками располагаются единицы, которые могут обладать смещенными параметрами. Это слова и словосочетания. (Часть слов — простые слова могут, как и морфемы, быть только единицами языка. Все производные и сложные слова, а также словосочетания могут быть как единицами языка, так и единицами речи.)

Схематически систему иерархической зависимости, обнаруживаемой в относительно законченном отрезке речи, несущем семантическую информацию, т. е. в предложении, можно изобразить следующим образом (от простейшей единицы к максимально сложной):

Таким образом, предложение и морфема, будучи несводимыми единицами (из морфем нельзя непосредственно образовать предложение, предложение нельзя «свернуть» до морфемы), а также будучи противоположными единицами с точки зрения отнесенности к единицам языка и единицам речи (морфема — абсолютная единица языка, предложение — абсолютная единица речи), оказываются связанными в единой иерархической цепочке, являясь крайними точками этой цепочки.

³⁹ За исключением тех случаев, когда предложения используются как название картины, пьесы или кинофильма и т. д., например: «Грачи прилетели», «Они шли на Восток». Следует оговорить также различные пословицы, поговорки, крылатые высказывания и изречения, которые обычно используются для образной передачи какой-либо мысли (но не для номинации), и не столько воспроизводятся, сколько цитируются: «Хочешь быть красивым, поступи в гусары», «На всякого мудреца довольно простоты» и т. п.

Связь между предложением и морфемой осуществляется через слово (к этому вопросу я вернусь ниже, при разборе свойств морфемы и слова). Словосочетания являются факультативными компонентами иерархической цепи, поскольку в простых случаях слова могут комбинироваться в предложения, не входя предварительно в состав словосочетаний. Если учесть только обязательные компоненты иерархической цепи, образующей предложение, то цепь окажется представленной в виде:

морфема —→ слово —→ предложение

Выше везде я называл предложение системой, несущей информацию. Как во всякой системе, в предложении можно выделить элементы и сеть отношений, т. е. структуру. Элементами всякого предложения являются слова, а структурой предложения является сеть отношений между словами. Эта сеть отношений формируется за счет правил соединения (или поведения) слов, которые являются проявлением системообразующих свойств слов. В зависимости от места и роли слова в предложении, иначе, в зависимости от функции слова в предложении слово наделяется свойством быть некоторым членом предложения. Это свойство является системоприобретенным. Слово наделяется им в зависимости от его связей с другими словами в предложении.

Слово, будучи элементом по отношению к системе, именуемой предложением, само может быть системой, элементами которой являются морфемы. Структура такой системы, как слово, определяется сетью отношений внутри слова, между его компонентами — морфемами⁴⁰.

Таким образом, морфема входит в систему предложения, войдя предварительно в другую систему — слово, которая выступает уже как элемент системы предложения.

В ходе функционирования языка складываются некоторые типовые структуры таких систем, как слово и предложение, а также таких систем, как словосочетания, которые, как я уже говорил, являются факультативным компонентом предложения. Эти типовые структуры, наполняясь разными элементами, служат для различения типов предложений и типов слов (а также типов словосочетаний). Воспроизводимость таких структур в разном материальном обличье позволяет считать их единицами языка, относящимися, по терминологии А. И. Смирницкого, к числу «относительно материальных» единиц языка. Структура предложения может быть сопоставлена со схемой или планом сооружения или механизма: по одной и той же схеме могут быть

⁴⁰ Я отвлекаюсь в ходе этого рассуждения от таких случаев, когда слова не выделяют из своего состава морфем. Это особые случаи, которые будут подвергнуты анализу ниже.

созданы однотипные сооружения или механизмы (см. ч. I, гл. I, § 5). Однотипные структуры разных предложений могут варьироваться за счет факультативных компонентов — словосочетаний.

Вся иерархическая зависимость компонентов в отрезке речевой цепи — предложении — в конечном счете базируется на фундаментальном свойстве всех единиц, обнаруживаемых в языке и речи, а именно на свойстве неоднородности (см. ч. I, гл. I, § 7).

4. Двойственная природа единиц речи

Поскольку все единицы речи представляют собой лишь комбинации единиц языка или комбинации комбинаций единиц языка, они, несмотря на, казалось бы, диаметрально противоположность ряда своих свойств, оказываются связанными с единицами языка общей цепочкой иерархических зависимостей.

Единицы речи обнаруживают двойственную природу. По своему составу они целиком и полностью принадлежат языку, по свойству своеобразной образуемости в речи они принадлежат речи, являясь применением языка как средства или орудия коммуникации. Двойственная и противоречивая природа единиц речи побуждает исследователей либо вообще не отличать единицы речи от единиц языка и рассматривать предложение как предельно сложную единицу языка, либо резко противопоставлять единицы речи единицам языка и оценивать предложение как единицу, вообще несопоставимую с единицами языка.

Рассмотренная выше иерархическая цепочка, объединяющая единицы языка и единицы речи, позволяет, как мне кажется, ставить в один ряд (по крайней мере в пределах этой иерархической цепочки) и единицы языка, и единицы речи и рассматривать такие полярные величины, как морфема и предложение, соответственно как низшую и высшую единицы, а слово — как некоторую среднюю единицу. Именно на уровне этой средней единицы появляется возможность раздвоения этой единицы на единицу языка и единицу речи, и именно через стадию этой единицы реализуется связь в иерархической цепочке абсолютной единицы языка — морфемы — и абсолютной единицы речи — предложения.

На многих этапах лингвистического анализа появляется потребность отвлечения от способностей той или иной единицы быть единицей языка или единицей речи. Я пытался выше показать возможность такого отвлечения в силу реальной общности свойств единиц языка и единиц речи. Так, при рассмотрении иерархической зависимости единиц, обнаруживаемых в речи (а это единственная реальная область, где могут быть обнаружены как единицы языка, так и единицы речи), можно и

нужно отвлекаться от противопоставления единиц языка и единиц речи.

В этом или подобных случаях все обнаруживаемые в речи единицы можно назвать *языковыми единицами*, помня, однако, что за этим термином стоят весьма разные по многим свойствам единицы, в том числе относительно законченные речевые системы, несущие информацию,— предложения.

Переход от простейших единиц к высшим, осуществляемый путем усложнения единиц, обнаруживает появление нового качества у единиц, резко различающих их между собой.

Глава II.

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА. ФОНЕМА, МОРФЕМА, СЛОВО

Термин *единицы языка* используется для обозначения обширного круга неоднородных явлений. К единицам языка прежде всего относят такие величины, как фонема, морфема и слово. Разный статус этих единиц в общей системе языка и их разные свойства обуславливают различную оценку их как с точки зрения вообще их включения в число единиц языка, так и с точки зрения их роли в системе языка как «основных» и «неосновных» единиц.

По А. И. Смирницкому, единица языка должна сохранять «существенные общие признаки языка» [169, с. 13] и в силу этого быть двусторонней, т. е. выражать значение (смысловое или эмоциональное). Второе требование, которому должна отвечать единица языка,— это ее воспроизводимость в готовом виде [169, с. 13]. Единица языка, по А. И. Смирницкому, должна обладать сразу двумя этими признаками — двусторонностью и воспроизводимостью. В соответствии с этим А. И. Смирницкий исключает фонему из числа единиц языка на том основании, что фонема является односторонней единицей¹. Морфемы и слова, наоборот, признаются единицами языка, причем слово признается основной единицей языка. А. И. Смирницкий пишет: «...слово выступает как необходимая единица языка и в области лексики (словарного состава), и в области грамматики (грамматического строя), и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие еди-

¹ Фонемы определяются им как «единицы в строении языковых единиц, но не языковые единицы» [169, с. 14].

ницы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово» [169, с. 20—21]. Ниже он отмечает: «Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова...» [169, с. 21].

Иную оценку получили эти единицы в работах дескриптивистов и ученых других школ. Дескриптивисты, например Г. Глисон, без колебаний относят фонему к числу основных единиц языка, характеризуя ее как единицу системы выражения. Морфема также считается основной единицей языка, которая, будучи единицей системы выражения, в отличие от фонемы «вступает в связь с системой содержания языка» [43, с. 43]. Что касается слова, то оно, по-видимому, начиная с Л. Блумфилда, определяется через понятие морфемы и рассматривается как некоторая производная, или вторичная, единица. Согласно Л. Блумфилду, «свободная форма, которая не является словосочетанием, представляет собой слово» [28, с. 187]. (Блумфилд, как известно, делил все морфемы на свободные и связанные [28, с. 167].) Он писал: «...слово — это минимальная свободная форма» [28, с. 187]. Если Л. Блумфилд считал нужным дать определение слову, полагая, что «наименьшей единицей языка в повседневной жизни является именно слово» [28, с. 187], то в последующем понятие слова было совсем оттеснено на второй план. Г. Глисон вообще не определяет специально понятие слова, ограничиваясь замечаниями вроде: «Более простые слова английского языка являются морфемами» [43, с. 43]. Или, характеризуя понятие морфологии, определяет его как «описание более тесно спаянных соединений морфем, т. е., грубо говоря, того, что обычно называется „словами“...» [43, с. 99]. В другом месте он замечает: «Мы будем продолжать использовать „слово“ в его довольно широком обычном смысле без строгого определения его» [43, с. 143].

В дескриптивной лингвистике и в работах, воспринявших точку зрения дескриптивистов на слово, оно рассматривается как различные аранжировки морфем, причем словосочетания и предложения тоже рассматриваются как различного рода аранжировки морфем. Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова отмечают: «Дескриптивисты, как известно, не делают разницы между дроблением слова и предложения» [18, с. 205]. Следствием этого является признание морфемы основной единицей языка. И. И. Ревзин пишет: «Так, ныне можно считать общепризнанным, что основной единицей языка является не слово, а морфема» [151, с. 119]². Е. С. Кубрякова утверждает: «Слово с морфологической точки зрения в нашем понимании оказывается

² Однако в одной из более поздних работ И. И. Ревзин в числе основных лингвистических понятий использует не понятие морфемы, а понятие слова [152, с. 60].

одним, но не единственно возможным типом связи морфем, и поэтому изучение морфологической структуры слова должно быть, по-видимому, в известной мере подчинено общей задаче изучения типов и связей морфем. При таком понимании слово, как таковое, вторично по отношению к морфеме, а не наоборот» [94, с. 181—182].

Ю. С. Степанов в книге «Основы языкознания» проводит разделение языковых единиц на единицы структуры и единицы нормы. К первым отнесены фонема, морфема и конструкция [194, с. 8], ко вторым — слово и предложение [194, с. 97]. Понятие слова Ю. С. Степанов раскрывает через понятие морфемы: «Слово отличается от всякой иной цепочки морфем цельностью и выделимостью» [194, с. 97].

Г. А. Климов, называя слово узловой единицей языка, отмечает, что понятия фонемы и морфемы используются для описания этой узловой единицы. «Как правило, именно в терминах фонем и морфем описываются основные лингвистические параметры языка и его минимальной узловой единицы — слова» [83, с. 3].

Из приведенной краткой сводки точек зрения, которая не исчерпывает, но, по-видимому, отражает основные взгляды на фонему, морфему и слово как на определенные языковые единицы, следует, что только морфема безоговорочно признается основной единицей языка. Фонема же и слово находятся в худшем положении.

«Слабой» стороной фонемы, препятствующей ее включению в число основных единиц языка (А. И. Смирницкий), является ее односторонность. Фонема самостоятельно не выражает значения. «Слабой» стороной слова, мешающей ему войти в число основных единиц языка, являются сложность строения слова, наличие в слове цепочки морфем. «Слово... оказывается одним, но не единственно возможным типом связи морфем...» (Е. С. Кубрякова).

Односторонность фонемы, однако, не лишает ее связи со смысловой стороной языка. Фонемы — это признается, кажется, всеми направлениями и школами — есть средство дифференциации смысла. Более того, входя в состав звуковых оболочек морфем и слов, фонема сама участвует в выражении смысла (см. выше, с. 121). Именно в силу этого отдельные фонемы при определенных условиях (когда звуковая оболочка двусторонней единицы «редуцирована» до одной фонемы) становятся выразителями смысла, превращаясь при этом в двусторонние единицы (например, предлоги и союзы в русском и других языках). Поэтому фонема теснейшим образом связана со смысловой стороной языка и в известном смысле «сохраняет существенные общие признаки языка» (т. е. отвечает тому требованию, которое предъявлял к единицам языка А. И. Смирницкий).

Сложность строения некоторых категорий слов не препят-

ствуется слову быть неделимой единицей в пределах своего уровня. Ведь с точки зрения понятия уровней языковой системы (см. ч. I, гл. II, § 3, п. 3) слово любой сложности столь же неделимо в пределах своего уровня, или своей сверхпарадигмы, как и морфема в пределах своего уровня, или своей сверхпарадигмы.

Деление слова на морфемы, или рассмотрение слов как цепочек или последовательности морфем, представляет собой выход на другой (морфемный) уровень.

Поэтому изучение функций слов в предложении, их сочетаемости и т. п. опирается именно на слово как на целостную, неделимую единицу. Исследование же внутреннего строения слов есть морфемный анализ, опирающийся на понятие морфемы и изучающий комбинаторику морфем.

С точки зрения «уровневого подхода» к системе языка и фонема, и морфема, и слово находятся в одинаковом отношении к общей системе языка, поскольку каждая из этих единиц образует свою сверхпарадигму, представляющую собой частную систему в общей системе языка (см. ч. I, гл. II, § 3, п. 3). Каждая из названных единиц входит в общую систему языка через свою частную систему (подсистему) или, говоря иначе, являясь элементом (неделимой величиной) своей подсистемы.

Вместе с тем ясно, что роль и место в системе языка каждой из этих трех единиц различны. Фонема противопоставляется и морфеме и слову как односторонняя единица, образующая звуковые оболочки слов и морфем (их знаковую форму). Являясь строительным материалом собственно языковых знаков, т. е. звуковых отрезков, указывающих на некоторые смыслы (значения), фонема участвует в выражении и дифференциации смысла. Морфемы и слова — это звуковые отрезки, рассмотренные в единстве со смыслами (значениями). Они уже не знаки, а более сложные образования — *знаковые комплексы* (знаки + означаемые).

Двусторонность таких единиц, как морфемы, — наличие у морфем и выразительной (знаковой) стороны, и содержательной стороны, — по-видимому, служит причиной отнесения морфем то к единицам плана выражения, то к единицам плана содержания. Так, Г. Глисон, как уже отмечалось, называет морфему «единицей системы выражения, которая вступает в связь с системой содержания языка» [43, с. 43].

Единицей системы выражения, соотносимой с соответствующим ей элементом системы содержания, называет морфему и О. С. Ахманова [22, с. 240—241]. В то же время, как показывает Н. Д. Арутюнова, дескриптивисты в практике лингвистического анализа отождествляют морфему с означаемым, т. е. значением [17, с. 38—39]. Сама Н. Д. Арутюнова принимает это отождествление: «Морфема относится к морфе́ как элемент плана содержания к единице выражения» [16, с. 100]. (Ниже я

вернусь к этому вопросу в связи с проблемой лингвистических вариантов и инвариантов.)

Между тем морфему вряд ли целесообразно относить к одному из этих планов. Она объединяет оба плана, тем самым не принадлежа, собственно, ни к одному из них. То же самое относится и к слову.

Что касается пары «морфема и слово», то каждая из этих единиц обладает существенными свойствами, которые более подробно будут рассмотрены ниже. Здесь можно ограничиться констатацией того, что слово включает в свое строение и фонемы и морфемы и вследствие этого является высшей единицей по отношению к этим единицам. Слово представляет материал для анализа и на фонологическом, и на морфологическом, и на собственном «словесном» уровне. В отличие от морфемы слово обладает качеством синтаксической самостоятельности, и в силу этого именно слова, а не морфемы в своих комбинациях образуют высшие речевые единицы предложения, несущие информацию. Именно слово является единицей, с помощью которой осуществляется номинация и на базе которой выражаются грамматические значения. По выражению В. В. Виноградова, «слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка» [39, с. 15]. Определение слова через понятие морфемы (от морфемы), во-первых, предполагает разделение морфем на синтаксически самостоятельные и несамостоятельные, иначе, на свободные и связанные («...слово — это минимальная свободная форма». — Л. Блумфилд), и тем самым разбиение морфемной сверхпарадигмы (морфемного уровня) на две части, одна из которых включается в сверхпарадигму слов, и, во-вторых, смещает историческую перспективу, не учитывая производного характера морфемы, т. е. происхождения морфемы от слова³.

Перечисленные особенности слова позволяют, с одной стороны, считать его единицей языка (как и фонему и морфему), с другой стороны, констатировать, что слово есть, как пишет Ф. де Соссюр, «нечто центральное во всем механизме языка» [192, с. 111].

Таким образом, три названные единицы, во-первых, сохра-

³ В отношении исторического и синхронного подхода к определению того или иного явления следует иметь в виду, что механизм устройства и функционирования того или иного явления языка может быть охарактеризован достаточно точно без обращения к истории и происхождению данного явления. Однако природа и онтологический статус явления во многих случаях не могут быть объяснены без обращения к истории. Так, утверждение, что слово «состоит из морфем», правильно констатирует данное положение вещей. Однако утверждение на этом основании, что слово вторично по отношению к морфеме, дает неверное представление об онтологическом статусе и слова и морфемы. Морфема есть величина, производная по отношению к слову. Это подтверждается не только тем, что морфемы выделяются лишь в результате анализа слова, но и историей языков. Подробнее см. ниже.

няют существенные свойства языка и, во-вторых, обладают свойством воспроизводимости, хотя некоторые обнаруживаемые в речи производные и сложные слова не отвечают свойству воспроизводимости в готовом виде и относятся к речевым единицам.

Воспроизводимость в готовом виде есть важнейший признак единицы языка. Свойство воспроизводимости предполагает другое объективное свойство единиц языка — их вычленимость как некоторых дискретных единиц. Воспроизводить можно лишь такие величины, которые объективно вычленимы. Вычленимость, в свою очередь, есть следствие дискретности и неоднородности единиц⁴.

Признаком единицы языка, как это видно на примере фонем, морфем и слов, служит также способность единиц образовывать свои сверхпарадигмы, или уровни, в пределах которых они являются неделимыми. В соответствии с этим единица характеризуется иерархическим отношением к единицам других уровней и способностью входить в единицы других уровней в качестве элемента.

Правда, иерархическое отношение может характеризовать не только отношение единиц языка между собой, но и отношение единиц языка и единиц речи. Так, отношение морфемы и слова — единицы речи, слова и предложения, которое всегда есть единица речи, есть отношение иерархическое.

Иерархическое отношение может связывать и две единицы речи: слово — единицу речи и предложение. Следовательно, иерархические отношения характеризуют более широкий круг единиц. Точно так же образование некоторого яруса, или уровня, не есть исключительное свойство только единиц языка. Предложения образуют свой уровень, но они не являются единицами языка.

Предварительное рассмотрение фонемы, морфемы и слова, осуществлявшееся на разных этапах изложения, позволяет кратко сформулировать некоторые *основные признаки единиц языка*. Величины, относящиеся к числу единиц языка, обладают следующими свойствами:

- 1) выражают некоторый смысл либо участвуют в его выражении и дифференциации;
- 2) выделяемы или вычленимы в качестве некоторых объектов;
- 3) воспроизводимы в готовом виде;
- 4) образуют сверхпарадигму, или уровень, в пределах которого неделимы и реализуют парадигматические и синтагматические свойства;
- 5) входят в общую систему языка через свой уровень;

⁴ На принципе «конкретной вычленимости» единиц языка настаивает А. С. Мельничук: «Следование этому принципу — необходимое условие для того, чтобы понятие единиц языка не смешивалось со многими другими лингвистическими понятиями» [122, с. 162].

6) находятся в иерархическом отношении к единицам других уровней языка или к единицам речи, которое может быть охарактеризовано в терминах «состоит из...» или «входит в...».

7) каждая более сложная единица есть некоторая система, обладающая новым качеством по сравнению с составляющими ее элементами.

Фонемы, морфемы и слова являются, по-видимому, *основными* единицами языка, поскольку с их помощью может быть раскрыта и описана в основных чертах система языка и ее онтологический статус. Поэтому их основные свойства можно считать характерными для единиц языка. Та или иная единица, по-видимому, может претендовать на статус *единицы языка*, если она отвечает всем названным семи признакам. Сказанное, конечно, не исключает ни переходных, ни просто спорных и неясных случаев.

Понятия фонемы, морфемы и слова утвердились в лингвистике в качестве некоторых основных единиц с конца XIX в., хотя разные школы и направления, как уже говорилось, выдвигают на первый план то одну, то другую единицу. Последующее развитие языкознания, и в частности развитие лингвистического структурализма в послесосюрсовский период, характеризовалось настойчивыми поисками новых единиц, с помощью которых исследователи стремились проникнуть в самые глубины устройства языка. Содержание самих названных выше традиционных единиц претерпело значительные изменения. Их трактовка стала весьма многообразной и иногда совершенно несводимой к «общему знаменателю», что стало затруднять понимание и общение между разными школами.

Однако эти единицы продолжают сохранять свое значение, поскольку они представляют собой некоторые объективные реальности, без которых ни один язык не обходится. В этом смысле эти единицы являются универсальными, хотя их конкретные свойства разнятся от языка к языку. Ниже онтологический статус этих единиц будет рассмотрен более подробно.

§ 2. ПРОБЛЕМА ДРУГИХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

1. Устойчивые словосочетания

К числу единиц языка многие языковеды относят также различного рода *устойчивые сочетания* слов. По своему грамматическому устройству они не отличаются от свободных словосочетаний — единиц речи. Единицами языка они являются в силу своего значения. Устойчивые словосочетания как будто обладают рядом признаков, которые характеризуют и такие единицы, как, например, морфема и слово. Они выражают некоторое

значение; вычленимы из потока речи; воспроизводимы в готовом виде; находятся в иерархическом отношении с составляющими их компонентами-словами в качестве некоторых систем, отличных по своим свойствам от составляющих их элементов-слов; в своей совокупности образуют некоторую сверхпарадигму, или уровень; в известном смысле можно считать, что устойчивые словосочетания входят в общую систему языка через свой уровень.

Однако не все свойства устойчивых словосочетаний как единиц языка выражены достаточно четко.

Во-первых, устойчивые словосочетания, как и свободные словосочетания, не являются обязательной опосредствующей ступенью между уровнем слова и уровнем предложения. Слово может быть составляющим элементом предложения, не входя предварительно в словосочетание, как, например, в простейшем предложении *Мальчик спит*. В силу этого уровень словосочетаний (как устойчивых, так и свободных) в системе уровней языка факультативен.

Во-вторых, уровневые признаки устойчивых словосочетаний, как и любых словосочетаний, расплывчаты. Если достаточно определенно можно говорить о системе устойчивых словосочетаний, образующих парадигмы и сверхпарадигмы на основании реализации их парадигматических свойств, то о собственных синтагматических свойствах словосочетаний, реализующихся в синтагматических рядах, нельзя говорить в том же смысле, в каком мы говорим о синтагматических свойствах фонем, морфем и слов. Сказанное можно пояснить на примере подчинительных словосочетаний.

Всякое подчинительное словосочетание (устойчивое или свободное) имеет стержневое слово, через посредство которого оно связывается с другими словами в речевой цепи. Например, в выражениях *читаю интересную книгу* (свободное словосочетание *интересную книгу*) и *купил записную книжку* (устойчивое словосочетание *записная книжка*) соответствующие словосочетания связываются с первым (глагольным словом) через свои стержневые слова *книгу* и *книжку*. Тем самым каждое из этих словосочетаний (*интересная книга* и *записная книжка*) попадает в один синтагматический ряд со словом (*читать, купить*). Уровневый признак, выведенный применительно к фонемам, морфемам и словам (реализация синтагматических отношений в пределах своего уровня, т. е. с однопорядковыми единицами), здесь отсутствует. Объясняется это тем, что, как уже говорилось в предыдущем разделе, и слово и словосочетание (устойчивое или свободное) обладают в языке одной и той же функцией — номинативной. Поэтому любое свободное словосочетание может быть (с некоторой потерей смысла) «свернуто» до своего стержневого слова. С формально-грамматической точки зрения устойчивое словосочетание также может быть «свер-

нута» до стержневого слова, хотя при этом обычно полностью утрачивается исходный смысл.

Что касается сочинительных словосочетаний, например, кит. *фуцун хэ муцунь доу цзоула* или соответствующего ему русск. *отец и мать (оба) ушли*, то они не имеют стержневого слова и вступают в синтагматическую связь с последующим словом как нечто цельное⁵ в силу своей номинативной функции, тождественной функции отдельного слова⁶.

Факультативность самого уровня словосочетания и отсутствие у этого уровня четких уровневых признаков побуждают считать устойчивые словосочетания производными единицами языка, по многим свойствам близкими к слову, что подтверждается принципиальной неразличимостью сложного слова и словосочетания при определенных условиях.

2. Так называемые интонационные единицы

А. И. Смирницкий ввел понятие особого вида единиц, которые он назвал *интонационными*, определив их как «мелодические, так и ритмические и акцентуационные моменты в предложении» [170, с. 17], придающие речи «двухлинейный» характер. (В связи с этим А. И. Смирницкий считает не вполне точным тезис Ф. де Соссюра о «линейности речи».) При этом он проводит различие между явлениями акцентуации и ритмики, которые «не представляют единиц языка», как и фонемы, и интонацией предложения, поскольку последняя «может быть выделена в речи как то, в чем обнаруживается данное значение в отличие от других значений, входящих в общее значение всего предложения или иного отрезка связной речи. Так, в предложении русск. *Он пришел?* входящее в его состав значение вопроса связывается именно с его интонацией» [170, с. 18].

А. С. Мельничук, напротив, не считает такие явления, как слоговое ударение (куда входят, очевидно, так называемые тоны и слоговое ударение.— В. С.) и интонация, единицами языка, поскольку они не отвечают признаку конкретной вычлененности из речевого акта [122, с. 163].

⁵ В китайском языке эта цельность может быть выражена, например, обобщающим наречием *доу* 'все', 'целиком', в русском — формой сочетающегося со словосочетанием глагола. Ср. «Старик крестьянин с батраком шел под вечер домой» [Крылов], где подчинительное сочетание вступает с глаголом в связь через стержневое слово.

⁶ Г. Пауль определяет копулятивную связь (т. е. сочинительную связь, характеризующую сочинительное словосочетание) как связь между словами, объединенными в один член предложения: «Отношение подлежащего и сказуемого — если понимать его широко, так, как это было изложено в § 87, — является тем основным отношением, из которого вытекают все остальные синтаксические отношения, за исключением одного-единственного: я имею в виду копулятивную связь между несколькими элементами, объединенными в один член предложения» [138, с. 163].

Ударения, а также тоны, различающие смысл морфем и слов одинакового фонемного состава, в лингвистических работах называют также супraseгментными фонемами, поскольку их роль в этом случае сходна с ролью линейных фонем. Ю. С. Степанов как будто бы склонен считать интонацию, поскольку она выражает некоторый смысл, морфемой [194, с. 15]⁷.

По-видимому, интонация действительно должна быть обособлена от тонов и ударений по изложенным выше причинам. Ясно также, что ни интонацию, если признать ее разновидностью морфем, ни тоны и ударения как супraseгментные фонемы нельзя соответственно объединять с линейными морфемами и фонемами, поскольку они не вступают с ними ни в парадигматические, ни в синтагматические отношения, т. е. не входят с ними в одни уровни.

Видимо, вряд ли оправданно отвергать за ними качество единиц языка лишь на том основании, что, как считает А. С. Мельничук, они не отвечают признаку конкретной вычленимости. Отрицание за ними свойства вычленимости означает чрезмерное сужение понятия вычленимости. Они вычленимы не менее, если не более, различных конструкций и формул строения слов и словосочетаний, которые А. С. Смирницкий относит к так называемым относительно конкретным единицам языка, а Ю. С. Степанов (он говорит о конструкциях) — к основным единицам структуры языка. Просодические явления, или просодемы, о которых идет речь, вычлениаются приборами, чувственно воспринимаются людьми и, как показывают опыты на электронной машине РАТ (см. выше, с 148), могут быть в буквальном смысле вычленены и удалены из речи. Но и вычленение из речи любых других элементов разрушает ее.

Другое дело — способ существования различных просодем в языке. Просодемы сопутствуют фонемам и звуковой оболочке морфем и слов как их некоторые акустические (физические) свойства и характеристики.

Поэтому вычленимость просодем, конечно, отлична от вычленимости линейных фонем и линейных морфем. Будучи физическими свойствами фонем и звуковых оболочек морфем и слов, просодемы выполняют функции, аналогичные функциям фонем (например, тоны) и двусторонних единиц (как, например, интонация). Совокупности просодем образуют классы, по свойствам напоминающие уровни. Так, совокупности тонов образуют в тональных языках (китайском, вьетнамском, тайском и т. п.)

⁷ Правда, он при этом отмечает: «Поскольку часто трудно сказать, выражают ли ударение, тон и сочленение (по Ю. С. Степанову, ударение, тон и сочленение совместно образуют интонацию.— В. С.) непосредственно смысл и, значит, являются морфемами или не выражают смысла, а служат всего лишь для различения звучаний слов и являются фонемами, то многие исследователи называют ударение, тон и сочленение просодемами (т. е. единицами произношения, интонации, от греческого *просодия* — произношение)» [194, с. 15].

системы (сверхклассы), разбивающиеся на подклассы (серии тонов высокие, средние, низкие). Применительно к тонам в тональных языках можно говорить об их синтагматических отношениях, проявляющихся в правилах комбинаторики тонов. Например, в китайском языке, когда в синтагматической цепи рядом оказываются два слога, обладающие так называемым третьим тоном, т. е. последовательно располагаются два третьих тона, тон первого слога трансформируется и в номенклатуре тонов совпадает с так называемым вторым тоном. С другой стороны, вряд ли можно установить иерархичность вхождения тона как некоторой единицы в состав более крупной единицы. Комбинации тонов не образуют никакой единицы. Если рассмотреть соотношение тона и его носителя, чаще всего гласной фонемы, то тон, являясь физическим (акустическим) свойством фонемы, выполняет, как уже говорилось, функцию, аналогичную функции линейной фонемы. Он различает смысл слов и морфем, но не образует совместно с линейной фонемой ни парадигматического класса, ни синтагматического ряда. Наконец, тоны не универсальное явление, обязательно присущее всем языкам.

Изложенное выше показывает, что, хотя тоны и имеют основания считаться некоторыми единицами, их статус в языке существенно отличен от статуса так называемых основных единиц. Тоны — специфическое средство, используемое некоторыми языками для усиления дифференцирующей способности своих звуковых оболочек. Интересно отметить, что развитие в китайском языке многосложных слов, что повлекло за собой усложнение звуковых оболочек слов и, следовательно, увеличило их различительную силу, сопровождалось в национальном китайском языке и в северных диалектах, лежащих в основе национального языка, падением ряда тонов и упрощением всей тональной системы.

Еще меньше можно сказать в пользу признания силового ударения некоторой всеобщей единицей языка. Несмотря на то что силовое ударение обнаруживается практически во всех языках (в том числе в «классических» тональных типах вьетнамского и китайского, где силовое ударение усиливает тон или иногда является условием реализации тона, как в китайском), вряд ли возможно построить какие-либо уровни из силовых ударений и охарактеризовать их другие признаки, которые поставили бы их в один ряд с основными единицами языка.

Иное дело — интонация. Являясь универсальным средством выражения некоторых значений во всех языках, обладая относительной вычленимостью, воспроизводимостью, образуя свои интонационные системы в каждом языке — нечто вроде «интонационных уровней», интонация, казалось бы, должна быть отнесена к числу единиц языка. Однако интонация отличается, во-первых, от таких единиц, как фонемы, морфемы и слова, своей специфической, относительной вычленимостью и, во-вто-

рых, от морфем и слов известной неопределенностью своего значения. Интонация, сама по себе могущественное средство передачи огромной гаммы прежде всего экспрессивно-модальных значений и их оттенков, с трудом увязывается с точно очерченным значением. Кроме того, комбинации различных интонационных рисунков в речевой цепи не создают никаких более сложных единиц, подобно тому как комбинации морфем образуют слова, а комбинации слов — предложения. Интонационные единицы — это относительно вычленимые, сопутствующие средства в речевой деятельности⁸.

3. Формулы строения, или конструкции

Другой вид относительно вычленимых единиц языка представляют *формулы строения* слов и словосочетаний, которые А. И. Смирницкий назвал «относительно-материальными единицами языка» [170, с. 16] и которые как будто близки понятию конструкции у Ю. С. Степанова⁹.

К формулам строения слов и словосочетаний, по-видимому, целесообразно добавить также формулы строения предложений. Формулы строения — будь то слов или других единиц — представляют собой не что иное, как присущий данной единице способ организации, или структуры. Типовой характер этих структур, их регулярная повторяемость (воспроизводимость в словах, словосочетаниях и предложениях разного состава) позволяют абстрагировать эти структуры от соответствующих конкретных единиц, записывать их в виде буквенных формул или графических схем, как обычно изображают структуру какой-либо системы, и считать в силу их регулярной повторяемости принадлежностью языка¹⁰.

⁸ По поводу интонации см. статью В. А. Артемова [15, с. 3—20].

⁹ Ю. С. Степанов определяет конструкцию как одну из основных единиц структуры языка наряду с фонемой и морфемой. Конструкция определяется им двояким образом: «от высказывания» («...повторяющаяся общая часть нескольких высказываний») и «от морфемы» («регулярно... встречающаяся в данном языке последовательность классов морфем») [194, с. 39—40].

¹⁰ Название формул строения «относительно-материальными единицами языка», разумеется, условно. Оно подчеркивает, что формулы строения существуют объективно в реальности языка только в материальных единицах. По своему существу формулы строения являются не субстанциональными явлениями, а структурами, обнаруживаемыми в субстанциональных единицах. Возможность не только мысленного, но и достаточно реального извлечения структуры из субстанции (что, конечно, не предполагает объективного существования структуры вне субстанции) доказывается описанным выше (ч. I, гл. I, § 4) опытом с метрономом и собакой, хотя, конечно, восприятие структуры вне какой-либо субстанции принципиально невозможно. Некоторую аналогию этому опыту представляет широко известный эксперимент Л. В. Щербы с «глохой куздой», когда анализирующий это мифическое предложение-слушатель реагирует не столько на звуки и смысл (которого здесь просто нет), сколько на структуру построения, воплощенную в этих звуках и копи-

Можно ли считать формулы строения (они распределяются по группам в соответствии с теми единицами, структурами которых являются) единицами языка? Формула строения обнаруживается в каждой сложной единице. Она следует за этой единицей как тень. Казалось бы, сколько конкретных единиц, например производных слов, мы обнаружим, столько и насчитаем структур (формул строения). Однако это не так. Типовая формула строения повторяется в каждой конкретной единице. Это тот шаблон, или клише, по которому строятся однотипные единицы, как по одному чертежу производится серия одинаковых автомобилей. В пределах серии однотипных единиц индивидуальные различия структур каждой конкретной единицы [ср. утверждение об уникальности и неповторимости каждой индивидуальной структуры конкретного объекта (ч. I, гл. I, § 5, п. 1, с. 36 и далее)] можно отбросить, поскольку структуры конкретных единиц можно рассматривать как варианты некоторой структуры инварианта. Поэтому структуры серии однотипных единиц можно считать тождественными. Одной структурой обладает, например, ряд *дом + ик, куб + ик, стол + ик* и т. д. Одной структурой также обладает другой ряд: *про + читать, про + глядеть* и т. д.

Поскольку одной формуле строения соответствует целая серия конкретных единиц, постольку в языке общее количество конкретных единиц и формул строения не совпадает. Формулы строения, таким образом, можно сгруппировать в некоторый класс относительно независимо от группировки в конкретно-исчисляемые классы конкретных единиц.

Так, группировка слов по грамматическим классам — частям речи — лишь частично (в одних языках больше, в других меньше) зависит от формул строения этих слов. Формулы строения, например, слов являются членами различных классов и в совокупности образуют некоторый сверхкласс, подобный уровню, образуемому фонемами, морфемами и словами. Однако этот уровень по свойствам существенно отличен от уровней, образуемых основными единицами. Между формулами строения нет синтагматического взаимодействия как между конкретными единицами. Вряд ли можно говорить об иерархичности отношений, например, формул строения слов и формул строения предложений. Для формулы строения предложений важны классы слов, а не структуры слов. В один класс могут войти слова, обладающие разной структурой.

Все сказанное, как кажется, позволяет считать формулы

ующую реальные структуры предложений русского языка, с которыми эта структура отождествляется благодаря содержащейся в этом предложении грамматической информации. Аналогично может быть использован известный пример Р. Карнапа (в английском варианте) *Pirots karulize elatically*, демонстрирующий структуру английского предложения на бессмысленном, но грамматически оформленном сочетании английских звуковых комплексов.

строения некоторыми единицами языка, которые, однако, не стоят в одном ряду с основными единицами языка — фонемами, морфемами и словами.

4. «Единицы значения»

Смысловая сторона единиц языка, т. е. означаемые языковых знаков (звуковых оболочек слов и морфем), в свою очередь, рассматривается как некоторые единицы.

Значения простейших двусторонних единиц получили соответствующие наименования. Л. Блумфилд назвал, например, значение морфемы «семемой» [28, с. 169], а значение наименьшей значащей единицы грамматической формы — «эписемемой»¹¹. Эти, а также другие виды значений, получившие различное наименование, стали рассматриваться как единицы плана содержания, или единицы семантического уровня. Такие единицы рассматриваются параллельно с единицами плана выражения. Т. В. Булыгина предлагает упорядочить терминологию: «С точки зрения терминологической последовательности было бы удобно называть пучки взаимозависимых элементарных грамматических значений *граммемами*, а аналогичные (хотя и не вполне) совокупности элементарных лексических значений (т. е. лексическое значение слова) — *лексемами*, оставив в качестве общего их наименования термин *семема*» [34, с. 82]. Н. Д. Арутюнова, констатируя, что в речи одновременно реализуются две системы — система плана выражения и система плана содержания, выделяет два вида единиц: «Для плана выражения это фонема, а для плана содержания — означающее простого знака, или семема» [17, с. 40].

То, что называют единицами значения, представляет собой, как я уже сказал, означаемые языковых знаков (=звучаний) и в комбинации со знаками образует знаковые комплексы — морфемы и слова.

Единицы значений не существуют отдельно от двусторонних единиц. Если отвлечься от звуковой оболочки (=знаковой формы¹², или звучания) и рассматривать единицы значения как нечто самостоятельно сущее (что, разумеется, возможно только в абстракции), то, по-видимому, можно говорить, что эти единицы образуют смысловую систему языка — нечто вроде уровня,—

¹¹ «Применительно к лексическим формам мы определили наименьшие значащие единицы как морфемы, а их значения — как семемы; подобным же образом можно говорить о наименьших значащих единицах грамматической формы — *тагмемах* и об их значениях — *эписемемах*» [28, с. 174].

¹² Выражение «знаковая форма» используется здесь и ниже для обозначения собственно знаковой стороны двусторонних языковых единиц (по аналогии: звуковая форма=звуковая сторона слова), представленных звуками. Соответственно слово «форма» используется не в смысле «устройство, организация, структура», а в значении «внешний вид, облик».

являющуюся подсистемой в общей системе языка. Однако такая система, по сути дела, совпадает с системами, образуемыми двусторонними единицами. Если определять значение морфемы термином семема, а значение слова — термином лексема, то система семем в данном языке образует систему, тождественную системе морфем, а система лексем образует систему, тождественную системе слов.

Ведь системообразующие свойства и морфем и слов (формирующие соответственно и систему морфем, и систему слов) определяются их значениями, но не звучаниями, поскольку язык является вторичной материальной, или знаковой, системой. Звуковая сторона и морфем и слов и ее особенности являются в принципе системнонейтральными по отношению к образуемым ими системам. И морфема и слово как двусторонние единицы языка являются тем, чем они являются именно благодаря своим значениям.

В языке в принципе насчитывается столько же семем, сколько насчитывается морфем, а количество слов совпадает с количеством лексем¹³. В этом статус значения в языке существенно отличается от статуса формулы строения, которая, так же как и значение, есть неперменный атрибут всякой сложной двусторонней единицы.

Я уже отмечал, что двусторонний характер морфемы вызывает колебания в отнесении ее к единицам плана содержания или к единицам плана выражения. Можно добавить, что, по-видимому, именно системообразующие свойства значений побуждают исследователей говорить о самих двусторонних единицах как об «элементах плана содержания». В отождествлении двусторонних единиц (в частности, морфем) с «элементами плана содержания» проявляется невозможность реально отделить значение от морфемы.

Поскольку «единицы значения» не образуют системы, отличной от систем двусторонних единиц, которые включают в себя эти значения, «единицы значения» нецелесообразно рассматривать в качестве единиц языка. Понятие «единицы значения» может быть использовано, очевидно,

¹³ Делая это утверждение, я отвлекаюсь от явления многозначности, которым характеризуются все естественные языки. Во-первых, потому, что многозначность элемента не есть его обязательное, «изначальное» свойство, скорее, наоборот, изначальным свойством всякого значимого элемента является однозначность. Многозначность можно определить как избыточное свойство (хотя в некотором отношении полезное). Для нормального функционирования языка достаточно, чтобы его элементы были однозначными. Во-вторых, потому, что само понятие многозначности может быть истолковано либо как применение одного и того же значения к разным ситуациям, либо как свидетельство наличия разных морфем или слов, в силу того что многозначность с трудом ограничивается от омонимии. А. А. Потебня, как известно, считал, что «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [147, с. 4].

при специальном изучении «смысловой стороны языка» в отвлечений от знаков языка (= звучаний), указывающих на эти значения.

5. «Единицы выражения»

Как уже говорилось, в лингвистике к числу единиц плана выражения прежде всего относят фонему. Кроме того, единицей плана выражения называют морфему, отмечая при этом ее связь с планом содержания. Но морфема есть двусторонняя единица, и, как таковая, она имеет отношение и к плану выражения, и к плану содержания языка. К плану выражения, строго говоря, относится только звуковая сторона морфемы. Смысловая сторона морфемы относится к плану, или системе, содержания языка.

Смысловая сторона морфемы имеет, как известно, введенное Л. Блумфилдом специальное обозначение — семема. Звуковая же сторона морфемы, образованная комбинацией фонем и определяемая мной как знак, не имеет специального лингвистического обозначения, если не считать выражения (принятого в концепции двусторонности знака) «означающее знака». Это выражение, однако, скорее является общесемiotическим, чем лингвистическим. Используемый мною для этой цели термин «знак» также является общесемiotическим понятием. Кроме того, этот термин используется для обозначения звуковой оболочки и такой двусторонней единицы, как слово. Для звуковой стороны слова, в свою очередь, нет специального лингвистического термина. Термин «звуковая оболочка», употребляющийся в русской лингвистике, как отмечает Н. Г. Комлев, начиная с А. А. Потебни, также недостаточно лингвистичен: «Чрезмерно рельефный образ оболочки напоминает какой-то сосуд» [87, с. 69].

Отсутствие терминов для обозначения звуковой стороны двусторонних единиц — морфемы и слова — создает неудобства. Термин «морфема», например, по необходимости совмещает в себе указание как на двустороннюю единицу в целом, так и на ее звуковую сторону, что является, по-видимому, одной из причин причисления морфемы к числу единиц плана выражения. Это влечет за собой фактическое включение в план выражения также и содержания морфемы, т. е. какой-то части плана содержания. В лингвистике сложилась в известном смысле парадоксальная ситуация: имеется термин для обозначения части звуковой стороны двусторонних единиц, но нет термина для обозначения самой этой звуковой стороны как целого. Иначе говоря, для того, что в данной книге определяется как знак, нет лингвистического наименования.

Необходимость в термине для обозначения отдельной звуковой единицы совершенно очевидна. В каждом языке имеется фиксированное количество дискретных единиц фонем, из которых образуется бесчисленное количество

различных звуковых оболочек двусторонних единиц. Фонемы подобны печатным знакам в наборной кассе. Из них можно составить теоретически любую комбинацию. Различие между этими комбинациями сплошь и рядом определяется только одной фонемой. В силу этого фонемы — и стропительный материал звуковых оболочек, и их дифференциаторы. Что касается звуковой оболочки как целого, то потребность в ее специальном лингвистическом наименовании отнюдь не столь очевидна.

За исключением ряда языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (китайского, вьетнамского, тайского и пр.), где количество разных звуковых оболочек морфем строго ограничено и их фонемный состав является фиксированным (в китайском языке, например, с учетом тоновых различий насчитывается 1324 разных звуковых оболочек морфем), в подавляющем большинстве известных языков фонемный состав звуковых оболочек морфем не является фиксированным, а их количество обычно не учитывается, поскольку оно достигает, видимо, нескольких тысяч. Неопределенность фонемного состава и общего количества (хотя на данный момент количество звуковых оболочек морфем в каждом языке есть конечная величина), а также тот факт, что звуковые оболочки морфем вне их соотнесения со смыслом обычно не являются предметом лингвистического рассмотрения, не поставили лингвистику перед необходимостью введения специального термина. В случае необходимости пользуются, как уже говорилось, различными неспециальными терминами или используют термины, обозначающие двусторонние единицы. Все это, однако, не снимает потребности в специально лингвистическом обозначении этих величин.

Между тем соответствующие термины, по-видимому, нужны в рамках и концепции двусторонности знака, и концепции односторонности знака, хотя бы для того, чтобы заменить общесемiotические термины лингвистическими и избежать причисления двусторонних языковых единиц к плану выражения.

Концепция односторонности знака тем более нуждается в специальных терминах, поскольку с точки зрения этой концепции знаком признается только звуковая сторона двусторонних единиц, которые, собственно, и считаются единицами выражения определенных значений.

Развитие новых отраслей лингвистики, например морфонологии, с неизбежностью подводит к необходимости в специальном обозначении этих единиц выражения. Так, Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова в работе «О статусе морфонологии и единицах ее описания» предлагают выделить два самостоятельных раздела: а) учение о звуковом облике морфем разных типов; б) учение о звуковом облике морфемы как отдельной структурной единицы [109, с. 91]. Выделение «учения о звуковом облике морфем» с очевидностью требует специального термина для обозначения этого облика.

Кроме того, введение специального термина, как будет показано ниже, облегчает анализ таких понятий, как манифестация, варьирование и т. д.

Целесообразно, таким образом, иметь какой-то лингвистический термин для обозначения комбинаций фонем, образующих звуковые оболочки морфем и слов в отвлечении от значения. По-видимому, нужны разные термины для оболочек морфем и слов, поскольку звуковые оболочки слов являются суммой или

сплавом оболочек морфем и совпадают с ними только в случае простых неизменяемых слов.

В изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, где слоговое деление совпадает с морфологическим, слоги и являются звуковыми оболочками морфем (и простых слов). Однако сам термин «слог» есть чисто фонетическое понятие. Такого совпадения фонетической единицы — слога — со звуковой оболочкой двусторонней единицы нет в языках иной типологии. Например, во флективных языках звукоряд, представляющий собой оболочку морфемы, не есть количественно постоянная величина, как слог того или иного типа в изолирующих языках. Он может состоять из большего или меньшего количества фонем. Тем не менее такой звукоряд есть неделимая величина, поскольку он вступает в связь со значением целиком, а не своими частями — фонемами.

С. Ульман в своей работе «Понятие значения в лингвистике» для обозначения собственно звуковой стороны слова в отвлечении от смысла использует термин «название» (англ. *name*). Термины «символ», «мысль» и «референт», обозначающие в известном треугольнике Огдена и Ричардса вершины треугольника, он заменил терминами «название», «смысл» и «вещь». «Название» означает здесь звук, фонетическое слово; «смысл» есть мысль или отношение (*reference*), соответствующее названию; «вещь» есть нелингвистическое явление, к которому относится слово [205, с. 13].

Термин «название» обычно соотносится не столько с единицей значения, сколько с «вещами». (Так обычно говорят о названиях вещей.) Поэтому этот термин можно скорее отнести к звуковой оболочке слова, а не морфеме.

Термин для «оболочки» морфемы не должен ассоциироваться с «названием» и должен отражать звуковую природу соответствующего звукоряда.

Для обозначения такого звукоряда в морфеме может быть употреблен термин *сонема* (от лат. *sonus*)¹⁴. Сонема, таким образом, есть состоящая из фонем звуковая сторона морфемы. В составе морфемы ей противостоит «единица значения» *семема*. Единство сонемы и семемы образует двустороннюю единицу языка — морфему. Сонема представляет собой простейший языковой знак. Именно к сонеме может быть применена та характеристика, которую приписывают морфеме, — единица плана выражения, вступающая в связь с единицей плана содержания.

Звуковая оболочка слова как номинативной единицы языка может быть в отличие от звуковой оболочки морфемы названа

¹⁴ Я рискую использовать термин *сонема* для обозначения звуковой оболочки морфемы, несмотря на то что этот термин в 1965 г. был введен А. А. Леонтьевым как параллельный термину *фонема* для другой цели, а именно для обозначения так называемой физической фонемы, т. е. своего рода звукотипа [100, с. 147].

номемой (от лат. *pōtēp*)¹⁵. В плане содержания ей соответствует *лексема*. В случае простого неизменяемого слова номена совпадает с одной сонемой. Номены производных и сложных слов, а также изменяемых простых слов представляют собой комбинации или сплав сонем, одна из которых может быть нулевой¹⁶.

Сонемы и номены являются собственно единицами плана выражения языка.

Как и «единицы значения», сонемы и номены не являются самостоятельными единицами языка, поскольку они не существуют отдельно от двусторонних единиц и не образуют своей системы, отличной от систем двусторонних единиц — морфем и слов (в то время как фонемы образуют свою систему). Язык насчитывает столько же сонем и номем, сколько в нем имеется морфем и слов. Я отвлекаюсь здесь от явлений омонимии и полисемии. Кроме того, сонемы и номены как знаки языка приобретают качество знаков только в силу их вхождения в двусторонние единицы. Взятые вне связи с теми значениями, на которые они указывают, и в отвлечении от социально приписанного им свойства быть указателем некоторых значений, они перестают быть знаками и становятся некоторыми физическими (акустическими) событиями.

Наряду с терминами «сонема» и «номена» ниже я буду также пользоваться распространенными выражениями «звукоряд», «звукокомплекс», «звуковая оболочка», понимая под ними собственно знаки языка.

6. Проблема «щепления» элементарных языковых единиц

Стремление проникнуть в самые глубины строения языка побуждает лингвистов — особенно это заметно за последние десятилетия — предпринимать шаги к расщеплению элементарных единиц в поисках еще более простых единиц.

От школы Якобсона—Трубецкого, разработавшей понятие *дифференциальных признаков* фонемы, исходит стремление рассматривать дифференциальные признаки фонемы как более элементарные единицы, чем фонемы, а сама фонема трактуется как пучок или пересечение ряда дифференциальных признаков. Некоторые исследователи, воспринявшие эти идеи, проводят параллель между расщеплением фонемы и расщеплением атома.

¹⁵ Поскольку звуковая оболочка слов в совокупности со значением слова используется для наименования различных предметов и явлений (референтов), постольку в ее обозначении целесообразно отразить эту ее черту. Этого можно достигнуть, произведя данный термин от латинского *pōtēp* — имя, название. Правда, в этом случае в термине *номена* не отражается непосредственно звуковая природа оболочки слова.

¹⁶ Нулевые морфемы обладают нулевой сонемой. В случае нулевой морфемы ее значение передается отсутствием звучания, т. е. нулем сонемы.

«Но так же как в физике унаследованное от греков представление об атоме... коренным образом изменилось потому, что атом оказался расщепляемым, в новейшей лингвистике возникла задача выделения „элементов элементов“ — фонологических различительных признаков, по которым противопоставляются друг другу элементарные единицы звуковой системы языка — фонемы» [70, с. 140].

Такая точка зрения, несмотря на ее широкое распространение, была подвергнута критике, которая положена А. П. Евдошенко в основу специальной работы [59]¹⁷. Критикуя идею разложения фонем на составляющие ее элементы, А. П. Евдошенко отмечает явление гипостазирования дифференциальных признаков при попытке рассмотреть их как элементы фонемы, вследствие того что признаки рассматриваются «не как свойства, а как абсолютные, изолированные предметы» [59, с. 32].

Вообще говоря, всякий признак, или свойство, может быть рассмотрен как элемент некоторой системы признаков. Иначе говоря, к свойству возможен «вещный», по определению А. И. Уёмова [204, с. 59], подход. Вопрос, однако, заключается в том, можно ли считать признак (или свойство) составной частью (элементом) того объекта, признаком (или свойством) которого он является. Во всяком случае, соотношение предмета и его признака не может быть выражено понятиями «состоит из...» или «входит в...». Камень не может состоять из веса, объема и твердости. Он может быть охарактеризован с помощью этих свойств. Фонема, являясь звуком, взятым в определенной функции, т. е. будучи функциональным понятием, характеризуется рядом физических и физиологических (акустико-артикуляторных) и функциональных свойств, обусловленных положением и ролью среди других звуков (фонем). Функциональные свойства фонемы выдвигают тот или иной физический признак на положение различительного, или собственно фонологического.

Так, в одном языке признак придыхательности существен для идентификации звука в качестве некоторой фонемы (например, в китайском, вьетнамском), а в другом — нет (как в русском). Соответственно признаки придыхательности — непридыхательности характеризуют определенную пару фонем в китайском языке и не характеризуют никакой пары фонем в русском языке, хотя свойство придыхательности может быть обнаружено и у русских звуков, правда не в столь отчетливом виде, как в китайском¹⁸.

Учет функциональной значимости того или иного физическо-

¹⁷ «Все началось с сомнения в правомерности положения... будто не фонема, а дифференциальный признак является наиболее конкретной единицей фонологической системы» [59, с. 3].

¹⁸ Одним из условий (наряду с функциональной значимостью) превращения чисто физического свойства звука в фонологический признак является, как известно, достаточная «яркость» этого признака, т. е. также его физическое свойство.

го свойства звука позволяет, по-видимому, достаточно обоснованно установить, какие именно физические свойства звуков характеризуют звуки как фонемы, т. е. имеют статус фонологических признаков. Сами же фонемы могут быть описаны как пучки фонологически релевантных физических признаков. Но значит ли это, что фонема «состоит из» набора признаков, как молекула состоит из атомов, а атом состоит из более элементарных частиц, или, переходя на сопоставление с лингвистическими объектами, звуковая оболочка морфем состоит из фонем, слова состоят из морфем, а предложения—из слов? «Быть описанным с помощью признаков» или «состоять из признаков» — не одно и то же. В онтологии языка фонема есть некоторый звук, обладающий некоторой функциональной значимостью. Ее различительные признаки, т. е. признаки, отличающие ее от других фонем, суть ее физические свойства, наделенные функциональной значимостью. Придыхательность—непридыхательность (напряженность—ненапряженность) есть некоторое свойство звука, но не составляющий ее элемент. Становясь фонологическим, т. е. различительным, признаком (в зависимости от соотношения звука, обладающего этим признаком, с другими звуками), придыхательность (напряженность) остается признаком, или свойством, звука.

Совокупность признаков может быть рассмотрена как некоторая система признаков, но она сама не образует языковых объектов, оставаясь совокупностью свойств некоторых объектов.

Кстати сказать, установление фиксированного числа двенадцати пар дифференциальных признаков¹⁹, если действительно считать его постоянным, и рассмотрение этих признаков в качестве элементов, или простейших составляющих, фонем означает признание того, что в основе звуковых систем всех языков мира лежат одни и те же элементы, общее количество которых составляет двенадцать пар и которые в разном количестве представлены в разных языках²⁰.

Сведёние всех фонологических систем языков мира к одним и тем же элементам, число которых постоянно и которые являются составными частями других, более крупных объектов — фонем, вряд ли может быть теоретически обосновано.

Число «двенадцать» установлено индуктивным путем, и потому теоретически вряд ли оно может считаться фиксированным. Тот факт, что для фонологического описания отдельных

¹⁹ «Внутренние различительные признаки, обнаруживаемые в языках мира и лежащие в основе всего лексического и морфологического состава языков, сводятся к двенадцати бинарным противопоставлениям...». «Ни в одном языке мира все эти признаки не встречаются вместе» (см. Р. Якобсон; Г. М. Фант и М. Халле [236, с. 210]).

²⁰ Фонологическая система русского языка, например, описывается М. Халле [214] с помощью одиннадцати пар дифференциальных признаков. Фонологическая система, например, пали описывается Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топоровым с помощью десяти пар дифференциальных признаков [61].

языков требуется меньше, чем двенадцать, количество пар признаков, заставляет предположить, что какой-либо неизвестный или необследованный язык может потребовать большего количества пар дифференциальных признаков, чем двенадцать. Количество возможных признаков фонем может быть ограничено только свойствами звуковой материи и произносительными возможностями речевого аппарата.

Можно предположить, что установленные признаки являются именно признаками²¹, отражающими наиболее общие особенности звуков человеческих языков. Общность признаков, по-видимому, обусловлена, во-первых, общностью свойств звуковой материи, которой пользуются все языки мира для образования знаков, и, во-вторых, общностью или сходством способов артикуляции звуков, присущих всем людям.

Если считать дифференциальные признаки именно признаками, или свойствами, то их нет необходимости считать «элементами элементов», или мельчайшими единицами языка.

По аналогии с «щеппением» фонемы в лингвистике предпринимались и предпринимаются попытки выделить в качестве мельчайших элементов смысловых единиц — значений — «компоненты значения» как в сфере лексических, так и в сфере грамматических значений. Иными словами, делаются попытки «расщепить» простые значения на составляющие компоненты (см. Т. В. Булыгина [34]).

Как я уже имел возможность отметить (см. с. 141), попытки разложить значение на составляющие его элементы, восходящие к фигурам значения Л. Ельмслева, по сути дела, представляют собой описание или истолкование значения (= означаемого) путем указания на соответствующие признаки предмета или явления, отраженные в этом значении. Иначе говоря, это есть раскрытие содержания означаемого, или значения²², с помощью других значений (выраженных отдельными словами).

Признаки предметов или явлений, отраженные в значении, составляют содержание значения. Но они не являются его частями или компонентами, поскольку не получают в знаковой форме (= звучании), указывающей на данное значение, никакого отдельного выражения²³. А. Мартине совершенно прав,

²¹ Если понимать под признаками «то, в чем предметы сходны друг с другом или отличны друг от друга...» (см. Д. П. Горский [50, с. 30—31]).

²² Поскольку значение, как это принято в настоящей работе, есть нечто однородное с понятием, характеристика содержания понятия может быть отнесена к характеристике значения (означаемого). «Содержание понятия — это совокупность свойств и отношений (т. е. признаков) предметов, отражаемых в понятии», см. Д. П. Горский [50, с. 42].

²³ В. П. Мурат в работе «Глоссематическая теория», суммируя критические замечания в адрес ельмслеанских фигур в «плане содержания» (например, в работах А. Мартине, Ч. Базелла и др.), пишет: «Основные возражения против фигур содержания сводятся к следующему: а) фигуры содержания не

подвергая «второму членению» только звуковые оболочки слов и морфем (расчленения их на фонемы) и останавливаясь перед аналогичным членением означаемого (значения) [114, с. 376—378, 381—383].

Глобальная природа значения (означаемого) морфем и простых слов позволяет лишь описывать содержание простейших значений путем выделения некоторых признаков этих значений, которые не являются реальными компонентами значений как отражательной категории; эти признаки вряд ли возможно буквально сопоставлять с дифференциальными признаками фонем, поскольку последние суть реальные физические свойства звуков, взятые в функциональном аспекте. Если выбор последних объективно обусловлен некоторой физической реальностью и функциональным использованием звука, то выбор «дифференциальных признаков» элементарных значений в основном зависит от исследователя, который отбирает среди разных свойств предметов, отраженных в значении, те или другие и называет их с помощью отдельных слов.

7. «Внутриуровневые» единицы

Поиски новых единиц идут и по другой линии. Вместо «расщепления» самих единиц подвергают дифференциации их функции и в соответствии с установленными функциями выделяют единицы среди однопорядковых единиц, составляющих один уровень.

Так поступают, в частности, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, выделяя «единицы морфологического уровня языка» и «единицы словообразовательного уровня языка»: «Морфемы (а также другие формальные средства), образующие словоформы одной лексемы и выражающие грамматическое (морфологическое) значение, являются единицами морфологического уровня языка. Морфемы (а также другие формальные средства), образующие отдельные слова и выражающие словообразовательное значение, являются единицами словообразовательного уровня языка» [105, с. 121].

И словообразовательные морфемы, и формообразовательные морфемы, о которых идет речь, остаются морфемами, образующими совместно с другими морфемами сверхпарадигму морфем,

существуют объективно как нечто дискретное и не могут быть выявлены объективными методами; б) они сосуществуют одновременно в отличие от фигур выражения, которые следуют друг за другом, линейно; в) не существует единиц содержания, которым не соответствовало бы выражение и которые не являлись бы тем самым знаками; следовательно, минимальных единичных знаков (фигур) в плане содержания принципиально не может быть» [130, с. 144]. Соглашаясь, по существу, с этой критикой, я не могу, однако, принять определение «единиц содержания» знаками по причинам, изложенным в ч. II.

или морфемный уровень. Они образуют группировки морфем в пределах одного уровня, не составляют самостоятельно уровня (если не понимать под уровнем любую группировку элементов по какому-либо признаку) и не принадлежат к числу особых единиц языка. Такого рода морфемы не должны рассматриваться как особые единицы языка и потому, что они не обязательно присущи всякому языку. Примером такого или почти такого языка может служить древнекитайский язык в том виде, в каком он зафиксирован в письменных памятниках. Кроме того, некоторые классы морфем в определенных языках совмещают формообразовательные и словообразовательные функции, т. е. вообще не разграничиваются как единицы разных классов. Для индонезийского языка это отмечено Н. Ф. Алиевой [10, с. 25].

Подобные классы морфем, конечно, имеют характер единиц определенной сферы языка (например, формообразования, если оно в языке представлено). Но они не имеют всеобщего значения для языка, как, например, фонемы, морфемы и слова. Это локальные единицы, которые можно выделить в определенном языке или в определенной (даже очень большой) группе языков «внутри» какого-либо уровня языка. На фонемном уровне также можно выделить некоторые функциональные классы фонем. Например, в языках с фиксированным составом слога (китайском, вьетнамском) в качестве начальнослоговых и конечнослоговых согласных употребляются, во-первых, не совпадающие по составу классы согласных, и во-вторых, те согласные, которые употребляются и в начале и в конце слога, различаясь способом произношения (начальнослоговые эксплозивны, конечнослоговые имплозивны) (см. В. М. Солнцев, Ю. К. Лекомцев, Т. Т. Мхитарян, И. И. Глебова [189, с. 19]). Значит ли это, что следует выделять единицы «начальнослогового уровня» и единицы «конечнослогового уровня»? Вряд ли это целесообразно.

Единицы, подобные формообразовательным и словообразовательным морфемам, не имеющим общезыкового значения, можно определить как «*внутриуровневые*» единицы. Таких единиц можно выделить столько, сколько удастся установить функциональных классов среди единиц, составляющих уровни языка.

§ 3. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ» ЕДИНИЦЕЙ ЯЗЫКА?

Даже в кратком обзоре явлений, претендующих на роль единиц языка или каких-либо единиц в языке, по-видимому, нельзя обойтись без рассмотрения понятия «член предложения». Понятие члена предложения считается принадлежностью терминологического репертуара прежде всего традиционной грамматики. Пожалуй, до начала XX в. использование этого понятия

в синтаксическом анализе полагалось само собой разумеющимся. По поводу членов предложения имеется громадная литература. Понятием членов предложения широко пользуется, например, Г. Пауль, связывая его с понятием синтаксического членения предложения [138, гл. VI, XVI]. Строя концепцию предложения на принципе двухчленности²⁴, Г. Пауль исходит из того, что в основе всякого предложения лежат психологические понятия — психологическое подлежащее и психологическое сказуемое. Им чаще всего соответствуют грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, хотя оба вида подлежащих и сказуемых не всегда совпадают. Так называемые второстепенные члены предложения развиваются из главных: «...определение есть не что иное, как деградировавшее сказуемое...» [138, с. 165].

Младограмматическая концепция членов предложения подвергалась критике прежде всего за психологизм, за внесение в лингвистику внелингвистических понятий, но она оказала заметное влияние на разработку теории членов предложения вообще и отчетливо перекликается с учением о двух способах членения предложения — формально-грамматическом и актуальном, — в соответствии с характером суждения, выражаемого предложением, учением, которое восходит к В. Матезиусу²⁵.

В послесосюрховской лингвистике понятие членов предложения широко использовалось, например, Ш. Балли в его общей теории высказывания. Ш. Балли связывал понятие члена предложения с актуализацией. «Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие — значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта» [24, с. 87].

В русской и советской лингвистике понятие членов предложения было и во многом остается одним из центральных понятий синтаксиса. В капитальном труде И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» понятие члена предложения связывается, во-первых, с синтаксическим членением предложения и, во-вторых, с понятием функции слова в предложении: «...каждое слово выступает в предложении как носитель той или иной синтаксической функции» [124, с. 8]. С другой стороны, в концепции И. И. Мещанинова член предложения не есть чисто

²⁴ «...всякое предложение состоит по меньшей мере из двух элементов» [138, с. 146]. «Двучленность представляет собой исходную форму предложения» [138, с. 338].

²⁵ По этому поводу в академической «Грамматике русского языка» говорится: «...чешский лингвист В. Матезиус предлагал различать общее формально-грамматическое, структурное членение предложения и его „актуальное членение“, выражающее непосредственный, конкретный смысл данного предложения в соответствующем контексте или ситуации» [54, с. 91]. См. также работу К. Г. Крушельницкой «К вопросу о смысловом членении предложения», в которой «актуальное членение» автор считает принадлежностью синтаксиса [93, с. 58].

функциональное понятие, но в какой-то мере субстанциональное понятие: «Член предложения, выраженный одним словом, получает свое оформление» [124, с. 9]. По И. И. Мещанинову, показатели членов предложения могут закрепляться за словами, становясь морфологическими показателями частей речи. «Такой переход этих показателей из синтаксической категории в лексическую происходит в различных языках вовсе не одними и теми же путями» [124, с. 17]. И. И. Мещанинов пользуется также понятием «синтаксической семантики членов предложения» [124, с. 14]. Вместо понятия психологического подлежащего и психологического сказуемого Г. Пауля и многих других зарубежных и отечественных лингвистов И. И. Мещанинов для обозначения особых значений, ощущаемых (или выявляемых) при разборе понятия членов предложения, пользуется так называемыми понятийными категориями. «Субъект есть понятийная категория. Подлежащее является его грамматическим понятием. Оно выделяется синтаксическим положением, получает морфологическое падежное оформление и т. д.» [124, с. 197].

Примером попытки отойти от понятий членов предложения при описании функций слов в речи служит учение о «рангах слова» О. Есперсена [64, с. 96]. Ранги слов характеризуют соотносительную роль слов в речи: выделяются слова первого, второго и третьего рангов. Ранги слов у Есперсена уживаются и с частями речи, и с традиционными членами предложения: «Классификация по „частям речи“ и классификация по „рангам“ представляют различные точки зрения на одно и то же слово или форму, сначала самих по себе, а затем с точки зрения их роли в комбинациях с другими словами» [64, с. 107]²⁶.

В последующем в работах, представляющих различные направления структурализма, понятие членов предложения фактически перестало использоваться как средство грамматического анализа. Ни грамматика непосредственно составляющих, ни трансформационная грамматика, ни другие направления структурализма этим понятием фактически не пользуются. Однако авторы работ по синтаксису, не пользующиеся понятием членов предложения, все же вводят в анализ понятия, соответствующие членам предложения.

В этом отношении характерна работа Л. Теньера, посвященная структурному синтаксису. Л. Теньер критикует традиционные понятия подлежащего и сказуемого (*le sujet et le prédicat*) за их логицизм, восходящий к грамматике Пор-Рояля [198, с. 103].

²⁶ Теорию рангов слов неоднократно пытались применять при анализе предложения. Один из видных китайских лингвистов, проф. Ван Ли, в работе «Чжунго сяньдай юйфа» («Грамматика современного китайского языка») использует теорию рангов слов для построения синтаксиса китайского языка, заменяя рангами слов традиционные члены предложения [37]. Однако эта теория в китаистике широкого распространения не получила.

В своем анализе он пользуется, в частности, понятием «узел» (poeud), который может быть глагольным или субстантивным. Глагольный узел соответствует сказуемому, и ему подчинены субстантивные понятия — актанты (les actants) [198, с. 102 и далее], используемые взамен таких традиционных понятий, как подлежащее и разные виды дополнений.

Иными словами, актанты — это функции субстантивов (существительных) и их эквивалентов. Для обозначения обстоятельственной функции используется термин *circonstant* [198, с. 125], а для определительной функции, увязываемой с прилагательными, — термин *épithète* [198, с. 144]. Нетрудно увидеть, что система терминов Теньера используется фактически для обозначения функций слов и в той или иной мере соответствует понятиям членов предложения.

В работе Э. Р. Атаяна «Предмет и основные понятия структурального синтаксиса» подвергаются критике традиционные грамматические понятия за их «неопределенность», и в частности критикуется понятие члена предложения. Член предложения критикуется прежде всего потому, что «фактически же так называемые члены предложения — это в основном те же термины словосочетания (определение — член субстантивный, подлежащее, дополнение и обстоятельство — члены глагольной группы)» [19, с. 214].

Э. Р. Атаян, далее, считает, что «попытка соотнести слово с предложением, минуя словосочетание, не может быть признана удачной. Если на практике она не приводит к путанице, являющейся логическим завершением синтаксиса „членов предложения“, то это лишь потому, что на место последних на деле вновь подставляются — в несколько ином понимании — те же термины словосочетания. Но в этом случае один и тот же анализ повторяется дважды; возникающая при этом избыточность в описании — веское доказательство излишности категории „членов предложения“ в синтаксисе» [19, с. 214]. Вместо традиционных понятий Э. Р. Атаян предлагает два понятия — элементарные синтаксические единицы²⁷ и элементарные синтаксические структуры²⁸.

Предложенная критика понятия члена предложения не представляется достаточно убедительной. Во-первых, потому, что член предложения не всегда совпадает с членом словосочетания. В простом распространенном предложении одно знамена-

²⁷ «Элементарные синтаксические единицы являются теми минимальными элементами, из которых образуются синтаксические структуры. Это элементы, на которых заканчивается синтаксический анализ фразы...» [19, с. 131].

²⁸ Это понятие сводится к понятию «простейшей бинарной синтаксической группы», которая и признается «элементарной структурой, фундаментальной категорией структурального синтаксиса» [19, с. 207].

тельное слово может быть только одним членом предложения (однородные члены в расчет не берутся), но оно в силу своих разносторонних связей с другими словами может входить в несколько разных словосочетаний, играя в них разную роль, т. е. являясь разными членами словосочетаний (см. [91, с. 77—78]). Так, в предложении *Он купил интересную книгу* слово *книгу* входит в два словосочетания: *купил книгу* и *интересную книгу*. В первом случае это слово является дополнительным членом глагольно-объектного словосочетания, во втором — определяемым членом атрибутивного словосочетания. С точки зрения предложения в целом слово *книгу* является только дополнением. Иными словами, один и тот же член предложения — дополнение *книгу* — является стержневым, или ядерным, членом атрибутивного словосочетания и зависимым членом глагольно-объектного словосочетания. Во-вторых, вряд ли правильно утверждать, что слово входит в предложение только через словосочетание. Уже простейшие предложения типа *Птица летит* говорят против этого, если, конечно, не считать вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, что *Птица летит* — это один из видов словосочетаний, а именно предикативное словосочетание. Э. Р. Атаян прав, когда утверждает, что «нельзя ставить знак равенства между понятиями члена предложения и (самостоятельного) слова» [19, с. 213]. Этого нельзя делать не столько потому, что словосочетание якобы есть обязательный посредник между словом и предложением, хотя в составе предложения слово может быть членом словосочетания²⁹, а один член предложения может состоять из ряда слов, сколько потому, что слово есть конкретно-материальное понятие, а член предложения — прежде всего понятие функциональное (но не логико-семантическое, как считает Э. Р. Атаян [19, с. 213]). Более оправданно рассмотрение слова, взятого само по себе, — в качестве единицы языка, а употребленного в предложении — в качестве единицы грамматического строя, члена предложения, как это делает А. С. Мельничук [122, с. 165].

Беглое обозрение некоторых достаточно распространенных взглядов на проблему членов предложения показывает, что это понятие (или заменяющие его другие понятия типа «актантов» Теньера) прежде всего используется для обозначения какой-либо функции слова в предложении. Член предложения не есть субстанциональное, или конкретно-материальное, понятие, не есть чисто семантическое (или логико-семантическое) понятие, не есть структурное понятие типа формулы строения слова, словосочетания или предложения. Член предложения — прежде все-

²⁹ Словосочетания — это различные объединения слов (выполняющих функции тех или иных членов предложения) между собой для целей номинации. Поэтому словосочетания (кроме копулятивных) могут быть в составе предложения, как уже говорилось, «свернуты» до одного слова без существенного нарушения общей структуры предложения.

го есть функция слова (или класса слов, представителем которого является слово) ³⁰.

С другой стороны, член предложения — это часть предложения, нормально (т. е. в массовидных случаях) занятая или заполненная словом. Иначе говоря, это некоторое место или позиция, занимаемая различными словами. Можно также сказать, что член предложения есть слово (или его эквивалент по признаку номинации), взятое в определенной функции. Функция слова, равно как и позиция ³¹, определяется только по соотношению с другими словами. Следовательно, одно и то же слово может занимать разные позиции и иметь соответственно разные функции. Ср.: *Мальчик читает* и *Я вижу мальчика*. Поэтому понятие функции есть понятие относительное. В то же время в каждом достаточно полном, или предельно развернутом (распространенном), предложении количество функций конечно. При развертывании предложения после некоторого момента прибавление слов не дает ни новых позиций, ни новых функций. Начинается их повторение. Конечное количество функций и возможность их перечисления говорят о том, что функция слова в предложении есть не только относительное понятие, но в то же время есть и в некотором смысле абсолютное понятие для предложения данного языка.

Последнее положение подтверждается тем, что за соответствующими позициями и соответственно функциями в каждом языке закреплены определенные значения. Эти значения обнаруживаются всякий раз, когда та или иная позиция «заполняется» словом. Таковы значения субъекта действия, производителя действия, объекта действия (или значения разных объектов — прямых, косвенных и т. п.), действия, атрибута и т. п. Такого рода значения, которыми постоянно оперируют лингвисты, иногда определяются как логические, психологические, понятийные и т. п. Их, по-видимому, все же следует считать языковыми, хотя сами по себе эти значения не присущи словам, как тако-

³⁰ В роли одного члена предложения могут выступать слова разных классов. Поэтому член предложения есть функция нескольких классов слов. Каждый член предложения ориентирован тем самым на несколько классов, хотя во всех языках имеются определенные ограничения использования классов слов в роли того или иного конкретного члена предложения. Так, например, в современном китайском языке самостоятельной сказуемостной функцией обладают только глаголы и прилагательные. Существительные, местоимения и числительные используются, как правило, лишь в роли именной части сказуемого, т. е. используются в сказуемом при наличии связки или связочного глагола. По-видимому, в каждом языке могут быть сформулированы зависимости между классами слов и их возможными функциями. Попытка в общей форме сформулировать связь классов слов и их функций для языка вообще содержится, например, в работе Ю. В. Рождественского [159, с. 155—165].

³¹ Соотношение функции и позиции можно сформулировать, связав эти понятия через понятие элемента: употребление элемента в определенной позиции наделяет этот элемент определенной функцией.

вым. Слова выражают (или приобретают) их, употребляясь в той или иной функции. Взятое само по себе слово, например относящееся к классу существительных, имеет индивидуальное лексическое и классное (категориальное) значение — предметности, но не имеет значения субъекта, объекта, носителя признака и т. п. Следовательно, такие значения не являются значениями класса слов, рассмотренного вне соотношения с другими классами слов. Поскольку же эти значения всегда выражаются словами, используемыми в той или иной функции, постольку их можно определить как функциональные значения слов. Слово в речи есть представитель некоторого класса, поэтому функциональное значение обнаруживается у всех слов данного класса при их функциональном использовании.

Значение предметности само по себе, как уже сказано, не есть ни значение субъекта, ни значение объекта. Но слова, обладающие значением предметности, могут реализовать в соответствующей функции либо значение субъекта, либо значение объекта. Значение предметности предопределяет возможность функциональной оценки того или иного предметного значения в качестве субъекта, объекта и т. д. Значение слова, как такового (включая и его индивидуальное и категориальное значение), условно можно назвать словарным. Оно характеризует слово, как таковое, как единицу словаря. Употребляясь в речи, слово сохраняет и реализует это свое словарное значение, но дополнительно приобретает то или иное *функциональное значение*. Последнее можно определить также как *коммуникативное значение* слова, поскольку слово реализует его в акте коммуникации — в предложении. Так, в предложении *Дом строится рабочими* слово *дом* указывает на какой-то предмет из класса домов (реализация его лексического значения), выражает предметное понятие (реализация его категориального значения), обозначает объект некоторого воздействия (реализация функционального, или коммуникативного, значения). Коммуникативное, или функциональное, значение слова и есть его значение как члена предложения. В лингвистическом обиходе это значение называют значением члена предложения. Оно, пользуясь словами И. И. Мещанинова, может быть определено как «синтаксическая семантика слова».

Словарное значение слова (индивидуальное лексическое + категориальное) является системообразующим свойством слова. Функциональное, или коммуникативное, значение слова есть системоприобретенное свойство слова, поскольку слово наделяется им, входя в речевую систему — предложение, и определяется соотносительным местом и ролью в этой системе. С другой стороны, функциональное значение слова может быть определено как его синтагматическое значение в отличие от словарного — парадигматического значения.

Функциональное, или коммуникативное, значение слова яв-

ляется его потенциальным значением. Одно и то же слово может приобрести разные функциональные значения, и, наоборот, одно и то же функциональное значение может быть выражено словами разных, хотя и не любых классов. Так, значения субъекта и объекта могут быть выражены и существительными, и местоимениями, и любым словом другого класса, использованным просубстантивно. В то же время определенные функциональные значения связаны лишь с определенными классами слов.

В свете сказанного следует считать по крайней мере неточными утверждения, что в некоторых языках, как, например, в китайском, слово приобретает значение части речи, только входя в предложение³². Входя в предложение, слово приобретает функциональное значение субъекта, объекта и т. п. и т. д., но не категориальное значение части речи. Функциональное значение слова определяется характером его категориального значения и в известном смысле является его «проявлением». А это и создает впечатление, что в предложении слово приобретает значение части речи.

Поскольку количество функций слов в предложении в каждом языке конечно³³, постольку и набор функциональных, или коммуникативных, значений конечен. Соответственно конечно и исчислимо количество членов предложений. Функциональные значения — это максимально обобщенные и отвлеченные отражения основных категорий действительности. Это касается по крайней мере основных функциональных значений (субъект, объект, действие, признак). Максимально обобщенный характер этих значений («значений членов предложения») делает их прило-

³² Такая точка зрения изложена, например, в известной грамматике китайского ученого Ма Цзянь-чжуна «Маши вэньтун» [118], сказавшей большое влияние на многих китайских и зарубежных исследователей китайского языка (см. В. М. Солнцев [173, с. 105—106]). Следует, однако, иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, категориальные значения слов являются исторически приобретенными в результате определенного использования слов в речи и, следовательно, в свою очередь, являются системоприобретенными. Системообразующими они выступают по отношению к тем значениям, которые были определены как функциональные, или коммуникативные, в условиях уже сложившихся категорий — частей речи. Во-вторых, во многих языках, в том числе и в китайском, наблюдается временное использование слов одной категории в роли, или функции, слов другой категории (так называемые временная субстантивация и вербализация). Это явление не должно смешивать с приобретением словом функционального, или коммуникативного, значения. Эти проблемы составляют особую тему, вдаваться в которую здесь я не имею возможности.

³³ Основные функции слов в общих чертах едины для всех языков. Так, во всех языках обнаруживаются подлежащее, сказуемое, дополнение. Неосновные функции совпадают не полностью. Так, в разных языках обнаруживаются разные типы дополнений, обстоятельств и пр. Китайские лингвисты, например, широко пользуются понятием «дополняющий член» (буий), отличая его от дополнения (биньуй), имеющего объектное значение.

жимыми к любым ситуациям. Отнесение к любым ситуациям достигается за счет выражения этих значений бесчисленным количеством разных слов, значения которых (обобщенное отражение классов реальных предметов) позволяют соотносить слово, выступающее в роли члена предложения, с любым конкретным предметом или явлением. При этом предмет, с одной стороны, называется, с другой — оценивается по его функции как субъект, объект, атрибут, признак и т. д. Все это происходит в момент включения слова в предложение, где оно становится его членом и актуализируется в смысле Ш. Балли.

Суммируя изложенное, можно сказать, что член предложения есть часть системы предложения, выраженная каким-либо словом (или его эквивалентом). Слово как член предложения имеет *словарное* значение и *функциональное*, или коммуникативное, значение. Последнее можно считать *значением члена предложения*. Член предложения есть функциональное понятие. Так называемые показатели членов предложения — это всегда показатели слов, носителей функций. Это либо словоформы, как в языках с развитой морфологией, либо служебные слова и частицы, которые, сочетаясь со знаменательными словами, отмечают их роль как члена предложения. Их можно назвать показателями функции, как, например, в бирманском и японском языках, где широко используются так называемые синтаксические показатели членов предложения (см. Маун Маун Ньон, И. А. Орлова, Е. В. Пузицкий, И. М. Тагунова [117, с. 69 и далее]).

Поскольку качество члена предложения есть некоторое системоприобретенное свойство слова, постольку можно считать, что член предложения есть категория, опосредствующая связь слова и предложения. В этом смысле член предложения не есть единица языка. В той мере, в какой член предложения представляет собой выделяемую часть предложения, его можно считать единицей системы предложения. Система предложения состоит из ограниченного количества таких единиц — членов. Чтобы стать единицей предложения, слово должно обрести качество члена предложения. Члены предложения выступают как постоянные части предложения, заполняемые переменными — конкретными словами. В этом смысле член предложения есть функционально-структурная единица языка, принадлежащая определенной сфере языка — синтаксису. В известном смысле можно говорить, что члены предложения образуют свой уровень. Как компоненты этого уровня члены предложения образуют свою систему, специфичную в каждом языке, в виде сверхкласса всех членов предложения. Члены предложения непосредственно образуют синтагматические ряды в речевых произведениях — предложениях.

При синтаксическом анализе член предложения выступает как основная единица синтаксиса, В качестве единиц члены

предложения обычно изображаются буквенными символами П — С — Д и т. п. Уровень членов предложения — это уровень слов, взятых в их определенном качестве.

Природа самого явления, обозначаемого понятием член предложения, не позволяет однозначно ответить на вопрос, является ли член предложения единицей языка. В одном отношении это не единица языка, а форма связи одной языковой единицы — слова — с другой языковой единицей — предложением (единицей речи). В другом отношении член предложения — единица языка как единица грамматического строя языка.

В нашем обзоре не были рассмотрены многие явления, определяемые как единицы языка, например такие, как «синтаксические ряды», разрабатываемые Н. Ю. Шведовой [226], и ряд других явлений. Единицы языка — тема необъятная. Исчерпать ее — значит почти описать весь язык. По необходимости приходится ограничиться явлениями, представляющимися наиболее важными для характеристики языка как системно-структурного образования.

Проведенное рассмотрение общих свойств величин, определяемых в лингвистике как единицы языка или «единицы в строении единиц», по Смирницкому, обнаруживает существенные различия в природе и свойствах этих величин.

Можно констатировать также, что три единицы — фонема, морфема и слово — выделяются среди других языковых единиц, во-первых, полнотой своих уровневых свойств, во-вторых, своеобразным изоморфизмом уровневых свойств. Эти единицы характеризуются, как я пытался показать, наиболее полным набором признаков, обнаруживаемых в той или иной мере у различных языковых величин, претендующих на роль единиц языка.

Все эти языковые величины так или иначе связаны с фонемой, морфемой и словом, сопутствуют им, являются их разновидностями или производны от них и могут быть описаны с их помощью. Поэтому фонема, морфема и слово могут быть охарактеризованы как *общезыковые*, или *основные*, единицы. Элементарной единицей языка, обладающей знаковым свойством в неразвитом виде, является фонема — строительный материал языковых знаков. Высшей единицей языка является слово, которое, несмотря на упреки в неопределенности, остается центральной среди основных единиц. Именно из комбинаций слов, приобретающих в своих комбинациях качество членов предложения, образуются высшие речевые единицы — предложения.

Предложения — это язык в действии и в то же время конечный результат применения языка. Из них извлекается весь язык как орудие общения. В предложении и его частях заключены все единицы языка и все то, что относят к единицам языка.

Рассмотрение предложения как относительно самостоятельной системы, образующейся в результате функционирования

языковой системы,—это особая тема, требующая специального анализа.

Дальнейшее изложение будет касаться в основном только собственно языковых (общезыковых) единиц.

§ 4. ВАРИАТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА. ПОНЯТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА

1. Общие замечания о вариантах и инвариантах

Понятие *инварианта* без специального его раскрытия уже использовалось в предыдущих главах в связи с утверждением о парадигматическом (классном) строении единиц языка (см. ч. I, гл. II, § 5). Теперь следует более подробно раскрыть это понятие применительно к лингвистическим объектам, связав его с явлением *вариативности* лингвистических единиц. И понятие *инварианта*, и понятие *вариативности* имеют большое, если не решающее, значение для характеристики онтологической сущности единиц языка и тем самым для характеристики онтологической природы языка в целом.

Явление вариативности единиц языка обусловлено двумя факторами: а) существованием каждой единицы в виде некоторого класса и б) использованием в речи всегда одного представителя класса, поскольку в силу свойства линейности речи одно место может занимать только один элемент класса. Общим условием варьирования единиц является их дискретный характер³⁴.

Понятия *вариант* и *инвариант* удачно определены Л. Ельмслевом. Описывая процесс деления текста на некоторые отрезки, он констатирует: «При этом оказывается, что во многих местах текста встречается „одно и то же“ сложное предложение, „одно и то же“ простое предложение, „одно и то же“ слово и т. д.—иными словами, можно сказать, что встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т. д. Эти образцы мы будем называть вариантами, а сущности, образцами которых они являются,—инвариантами» [62, с. 320]. Вопрос, однако, заключается в том, что понимать под «сущностями», где и как существуют эти «сущности», что понимать под «образцами» и каково соотношение «сущности» и «образцов».

В ответах на эти вопросы заметны существенные расхождения между учеными. В лингвистику понятие вариантов и инва-

³⁴ А. Мартине, например, связывает понятие дискретности и варьирования следующим образом: «...характерной особенностью дискретных единиц оказывается их независимость от варьирования деталей, обусловленных контекстом или иными обстоятельствами» [114, с. 387—388].

риантов вошло через фонологию. Фонема стала характеризоваться как инвариант, а ее звуковые «воплощения» — как варианты. По свидетельству А. Мартине, «противопоставление вариантов и инвариантов было установлено в плане выражения пражскими фонологами, а также Дэниэлем Джоунзом и его учениками. Инварианты получили название фонем» [113, с. 448]. Из фонологии эти понятия были экстраполированы на другие сферы языка, и сейчас редко какое лингвистическое исследование обходится без понятий вариантов и инвариантов. Однако сами эти понятия в достаточной мере не прояснены.

Понятие *инвариантность* в общей форме определяется как «свойство величин, уравнений, законов оставаться неизменными, сохраняться при определенных преобразованиях координат и времени» [212, с. 129]. Такое свойство, по мнению Р. Якобсона и М. Халле, обнаруживается у фонемы. «Действительно, оперируя фонемой или различительным признаком, мы имеем дело с величиной, которая остается постоянной в различных частных случаях. Если мы утверждаем, что в английском языке фонема [k] встречается перед [u], то речь идет не о том, что все множество различных членов класса встречается в этой позиции, а только о том, что в этой позиции встречается пучок различительных признаков, общих всем членам класса. Фонемный анализ есть изучение свойств, которые при определенных преобразованиях остаются инвариантными» [235, с. 240].

Конкретно-материальный предмет при любом его изменении или преобразовании не может оставаться тождественным самому себе, т. е. неизменным. То же самое следует сказать о материально-физических свойствах любого предмета. Следовательно, свойство инвариантности может быть отнесено только к абстрактным свойствам предметов. Так, изменение в размерах предметов, сделанных из одного и того же материала (при сохранении их плотности), ведет к изменению их веса и объема, т. е. к изменению их физических характеристик. Однако при таком преобразовании сохраняются их свойства «иметь вес» и «иметь объем». Последние остаются инвариантными, т. е. неизменными. Свойства «иметь вес» и «иметь объем» являются общими для всего класса предметов, характеризующихся физическими параметрами веса и объема. Инвариантными оказываются тем самым некоторые общие свойства предметов. Отсюда следует, что инвариантом следует называть некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами. Инвариант, следовательно, есть то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов или явлений. Инвариант как абстрактный предмет конструируется мысленно путем извлечения общего из ряда предметов или явлений и отвлечения от несущественных для данного класса различий между предметами. Инвариант есть идеальный объект, который может быть исполь-

зован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд.

С. В. Илларионов отмечает: «Теория инвариантов имеет большое значение для гносеологии, она углубляет и конкретизирует теорию отражения» [72, с. 90]. Он отмечает также: «Эта проблема тесно связана с проблемой образования абстракций. Выделяя инвариант большой группы объектов, мы приходим к абстракции — собирательному понятию, охватывающему всю группу в целом» [72, с. 91].

Если считать инвариантом некоторый идеальный, или абстрактный, предмет, то что считать вариантами? Если инварианты выделяются относительно большой группы объектов, то, очевидно, каждый член этой группы, т. е. каждый конкретный объект, является вариантом, относительно которого выводится инвариант. Следовательно, любой предмет, входящий в какое-либо множество предметов, есть вариант по отношению к каждому другому предмету (но не вариант другого предмета!) и есть в то же время вариант по отношению к абстрактному предмету — инварианту, который мысленно, т. е. в абстракции, конструируется как обобщенное наименование данного множества предметов. Каждый конкретный предмет, таким образом, есть вариант по отношению к другому конкретному предмету, который, в свою очередь, является вариантом по отношению к первому. Иначе говоря, из двух (или любого количества) предметов, составляющих класс, оба являются вариантами, но ни один из них не является инвариантом по отношению к другому, поскольку каждый из них есть конкретный предмет.

Какую лошадь из табуна можно считать инвариантом по отношению к другим лошадям этого табуна? Очевидно, ни одну. В лучшем случае одну из лошадей можно признать «образцовым экземпляром» и определить как «мисс лошадь». Точно так же избираемая на конкурсах красоты «мисс Франция» или «мисс Америка» не есть инвариант по отношению к другим конкретным женщинам. Какой-либо конкретный предмет из некоторого множества предметов, составляющих один класс, по тем или иным причинам может быть признан *эталон*ом, или образцом, но он остается всего лишь вариантом среди других вариантов.

Следовательно, вариант и инвариант — принципиально негомогенные объекты. Инвариантом для конкретных лошадей является некоторая абстрактная лошадь — «лошадь вообще». Такая лошадь есть умственный предмет. Она не существует как нечто реально сущее. Ее нельзя пасти, и на ней нельзя ездить. Но она все же существует в каждой отдельной конкретной лошади как общее свойство «лошадности», демонстрируя диалектику общего и отдельного. «Лошадность» есть, таким образом, то общее, что обнаруживается в каждой реальной лошади и о чем древний мыслитель сказал, что он видит

лошадь, но не видит лошадности. В свое время, полемизируя с ботаником Негели, Энгельс писал: «Поэтому, когда Негели говорит, что мы не знаем, что такое время, пространство, материя, движение, причина и действие, то он этим лишь утверждает, что мы при помощи своей головы сперва создаем себе абстракции, отвлекая их от действительного мира, а затем оказываемся не в состоянии познать эти нами самими созданные абстракции, потому что они умственные, а не чувственные вещи, всякое же познание, по Негели, есть *чувственное измерение!* Это точь-в-точь как указываемое Гегелем затруднение насчет того, что мы можем, конечно, есть вишни и сливы, но не можем есть *плод*, потому что никто еще не ел плод, как таковой» [4, с. 550—551].

Но вернемся на лингвистическую почву. Способность одной и той же языковой единицы выступать в различных модификациях, т. е. как-то варьироваться, привела к возникновению понятия 'вариантов' одной и той же единицы. Это потребовало введения самого термина *вариант*. Так, один и тот же звук, например [k], в разных условиях употребления и произношения отличается рядом особенностей. Все эти разновидности звука [k] стали называть его вариантами, а инвариантом стали называть «звук вообще», *абстрактный звук* [k], или фонему. Но здесь возникли трудности:

Дэниэль Джоунз, определяя фонему как «маленькую семью звуков» [65, с. 7], с одной стороны, ввел понятие абстрактного звука, для которого конкретные звуки являются его манифестациями, а с другой стороны, считал возможным говорить, что, «когда фонема состоит более чем из одного члена, один из звуков обычно кажется более важным, чем другие» [65, с. 8]. Такой звук, по Джоунзу, может быть назван «главным членом фонемы» [65, с. 8]. Остальные звуки из «семьи звуков» Джоунз назвал «дополнительными членами», или «дивергентными», или «субфонемическими вариантами» [65, с. 8]. Тем самым Джоунз, подойдя вплотную к пониманию фонемы как некоторой абстракции, введением понятия главного звука, для которого «неглавные» являются вариантами, представил фонему как состоящую из *эталона* (физического явления) и его вариантов (тоже физических явлений) ³⁵.

Эти идеи сходны с развивавшимися совершенно независимо взглядами Л. В. Щербы, который понимал под фонемой объединение ряда звуков в «звуковые типы»: «Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их *фонемами*. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в кото-

³⁵ Правда, Джоунз отмечает, что, по мнению некоторых авторов, «все члены фонемы» являются в равной мере важными. Он отмечает также, что некоторые авторы, особенно американские, используют термин «аллофон» для обозначения и главного и дополнительных членов «фонемы» [65, с. 8].

ром реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем» [229, с. 19]. В этой формулировке Л. В. Щерба фактически понимает фонему как инвариантное свойство класса звуков — вариантов. Однако далее, как и Д. Джоунз, он вводит понятие главного, «самого типичного» для данной фонемы оттенка, который «произносится в изолированном виде» [229, с. 19]. Тем самым в понятие фонемы вводится «эталонный» момент. «Эталонный» момент в понимании соотношения фонемы и звука был в значительной мере, если не полностью, преодолен в школе Трубецкого—Якобсона и у дескриптивистов.

Однако в целом в лингвистике оценка соотношения фонемы и звука как инварианта и варианта до сих пор полностью не утвердилась. Связано это с тем, что понятия инварианта и варианта часто рассматриваются не как гетерогенные, а как гомогенные сущности. Это ведет к признанию того или иного предмета, являющегося среди предметов данного класса эталоном, инвариантом по отношению к другим предметам этого класса. Такое понимание соотношения инварианта и варианта побуждает рассматривать тот или иной звук (например, звук в так называемой независимой позиции) как инвариант по отношению к другим звукам, входящим в данный класс. Тем самым инвариантом признается один из реальных предметов данного класса, который по ряду причин выступает как эталон. Естественно, такой подход к проблеме инвариантности—вариантности препятствует пониманию фонемы как инварианта по отношению к звуку.

В известном смысле требование гомогенности, предъявляемое к понятиям инварианта и варианта, все же оправданно. Говорить о вариантах и инвариантах можно лишь в пределах множества или класса относительно однородных предметов, т. е. предметов, обладающих существенно общими признаками и свойствами.

Нельзя не согласиться с Н. Д. Арутюновой, когда она утверждает, что «отношения вариативности могут связывать между собой только однородные элементы, независимо от того, являются ли они единицами плана содержания или лежат на линии выражения» [17, с. 38]. Нельзя не согласиться также с тем, что проблема инвариантности — вариативности должна ставиться отдельно для плана выражения и для плана содержания и что «инвариант может быть установлен только применительно к одной из сторон знака» [17, с. 38]. (В моей терминологии — применительно либо к знаку, либо к означаемому знаку.)

Инвариант и вариант представляют собой две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс. Свойство *инвариантности* характеризует то общее, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. *Вариативность* характеризует то особенное, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан

через свои инвариантные свойства. Инвариантные свойства предмета представляют собой основу конструирования идеального предмета, в котором сняты варианты черты³⁶.

Такой идеальный, или абстрактный, предмет существует в каждом конкретном предмете данного класса в качестве его общих с другими предметами черт или свойств. В этом смысле абстрактный предмет как инвариант гомогенен с конкретным предметом-вариантом. Но только в этом смысле. Как некоторый мысленный объект идеальный предмет-инвариант принципиально негомогенен ни с одним чувственным объектом, входящим в класс вариантов. Если уверовать в некоторое реальное существование идеального предмета как чего-то самостоятельно сущего, т. е. уверовать в его «вещность», то само сопоставление идеального объекта и физического объекта с точки зрения их отношения как инварианта и варианта покажется абсурдным³⁷. Но все дело в том, что инвариант нельзя выделить как некоторую самостоятельную вещь. Инвариантность существует в предмете как общее в отдельном. Инвариантность и вариативность суть две стороны одного предмета. В качестве абстрактного предмета, или умственной вещи, инвариант воплощает в себе классные свойства. Инвариант представляет и весь класс в целом, и каждый предмет данного класса. Изучая инвариантные свойства, т. е. инварианты, мы изучаем существенные свойства класса в целом и каждого члена класса в отдельности.

2. Фонема как инвариант звука.

Отношение: фонема — звук — графема — буква

Соотношение фонемы и звука может быть представлено как соотношение инварианта и варианта при условии понимания фонемы как некоторого общего свойства ряда звуков. Встре-

³⁶ Ср. следующие интересные соображения Д. П. Горского: «В процессе овладения пониманием знаковых выражений остенсивным путем один и тот же предмет, демонстрируемый обучаемым в различных ситуациях, наделяется им одним и тем же именем. Это нацеливает обучаемого на выделение и фиксацию в этом предмете тождественного, инвариантного, сохраняющегося в различных ситуациях, и тем самым обеспечивает сравнительно быстрое овладение правилами отождествления предмета с самим собой (во всяком случае, по отношению к сравнительно простым ситуациям). С другой стороны, наименование одним и тем же именем различных предметов нацеливает обучаемого на выделение в них общего и тем самым способствует усвоению правил отождествления различных предметов, образованию на этой основе „абстрактных предметов“ — классов и соответствующих им понятий» [51, с. 169].

³⁷ Представление об абстракциях как о чем-то самостоятельно сущем всегда ведет к нелепице. Ф. Энгельс писал: «Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство» [4, с. 550].

чающиеся в речевых произведениях какого-либо языка разновидности звука, который можно условно обозначить символом [к] — [к₁], [к₂], [к₃], [к₄], ..., [к_n], образуют некоторый класс, членами которого являются все разновидности [к]. Отнесение всех этих разновидностей к одной фонеме [к] обуславливается рядом общих свойств этих разновидностей. Одним из таких общих свойств является их физическое и физиологическое (акустико-артикуляторное) сходство³⁸. Видоизменяясь в некоторых своих физических параметрах в разных условиях произношения, все эти разновидности сохраняют неизменными некоторые свои свойства, например такие, как «быть взрывным», «быть заднеязычным», «быть глухим» и т. п., хотя степень каждого такого свойства видоизменяется. Учет только физического сходства позволяет вывести понятие *абстрактного звука* [к] — звука [к] вообще. Но это еще не фонема.

Для перехода к фонеме требуется учесть еще одно общее свойство, которое остается неизменным у всех членов ряда [к₁, к₂, к₃ ..., к]. Это — одинаковая противопоставленность по какому-либо признаку звукам, не входящим в этот класс (такой признак обычно называют фонологическим дифференциальным признаком), и одинаковая смысловоразличительная роль. Иначе говоря, чтобы быть отнесенными к одной фонеме, члены данного ряда должны обладать функциональной общностью. Если абстрактный звук [к], вводимый только на основании физического сходства звуков, может быть обнаружен, вероятно, во всех языках мира и по отношению ко всем звукам, физически сходным с ним, во всех языках будет абстрактным звуком, то как фонема этот абстрактный звук является принадлежностью уже не всех языков, но каждого языка в отдельности³⁹. Это обусловлено тем, что система противопоставлений и смысловоразличительная роль звука [к] характерны только для конкретного языка. Иными словами, функциональные свойства звуков, объединяющих их в один класс (наряду с фонетическим сходством), специфичны лишь для данного языка⁴⁰.

Итак, «абстрактный звук», «звук вообще» — это еще не фонема. Понятие фонемы предполагает функциональную характери-

³⁸ Определяя фонему как некоторый класс звуков, Г. Глисон отмечает: «Все звуки одного класса должны быть в известной мере фонетически сходными» [43, с. 60].

³⁹ Г. Глисон пишет: «Фонема — это класс звуков, которые: 1) фонетически сходны и 2) характеризуются определенными моделями дистрибуции в изучаемом языке или диалекте. Отметим, что данное определение применимо только к одному языку или диалекту. Так, фонемы [р] вообще не существует. Существует, однако, фонема [р] в английском языке. Точно так же существует фонема [р] в хинди и т. п. Эти фонемы ни в коей мере не идентичны. Каждая из них — элемент определенного языка и не имеет никакого отношения к любому другому языку» [43, с. 229].

⁴⁰ Ср. утверждение Н. С. Трубецкого, что фонемы являются абстрактными звуками второй степени [201, с. 49].

стику. Фонема есть класс физически сходных и функционально тождественных звуков⁴¹.

Общие черты, остающиеся неизменными, инвариантными, при изменении некоторых физических параметров звуков, образующих данный класс, обобщаются в понятии фонемы. Понятие фонемы тем самым отражает общеклассовые свойства данного ряда и общие свойства, присущие каждому члену класса именно как члену данного, а не другого класса. Фонему можно мысленно сконструировать как некоторый идеальный объект, представляющий собой звук в определенной функции, или, вернее, класс некоторых звуков, взятых в определенной функции. Фонему можно считать «конструктом», но ни в коей мере не «свободным творением человеческого разума», постулируемым исследователем для объяснения опытных данных. Фонему нельзя вывести с помощью измерений или подсчетов. Невозможность статистически определить фонему показал еще Н. С. Трубецкой в «Основах фонологии».

Фонема есть результат абстрагирования от чувственных данных, и она оправдана лишь в той мере, в какой она адекватно отражает существенно общие свойства наблюдаемых объектов. Фонему нельзя постулировать, ее можно вывести на основании изучения данных опыта. Понятие «лошадь вообще» так же нельзя вывести путем подсчетов или измерений, но это понятие нельзя и просто постулировать, если мы желаем, чтобы оно

⁴¹ Имеется тенденция исключать фонетическое сходство из учета свойств звуков, путем обобщения которых выводится понятие фонемы. Так, в частности, А. А. Реформатский пишет: «Многообразие произносимых звуков группируется в каждом языке в ограниченное и исчисляемое количество основных звуковых единиц — фонем; звуки объединяются в фонемы не по акустической или артикуляционной близости, а по общности функциональной, т. е. если в зависимости от условий произношения (характера слога, отстояния от ударного слога, соседства с теми или другими звуками и т. п.) звуки произносятся по-разному, но выполняют ту же функцию, т. е. образуют тот же корень или тот же грамматический элемент слова (приставку, суффикс, окончание), — это разновидности той же фонемы» [156, с. 174].

О зависимости фонологических понятий от фонетических в суммарной форме будет сказано ниже. Здесь я отмечу лишь, что связь фонетических (физических) и фонологических (функциональных) понятий отмечал еще создатель фонологии как науки Н. С. Трубецкой: «Начало любого фонологического описания состоит в выявлении смысловразличительных звуковых противоположений, которые имеют место в данном языке. Фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы» [201, с. 21]. Правда, такую зависимость он ограничивал рамками лишь «начальных этапов фонологического и фонетического описания», констатируя «принципиальную независимость фонологии от фонетики» [201, с. 21—22]. Поскольку любой фонологический различительный признак, как уже говорилось, есть некоторое физическое свойство, взятое в функциональном аспекте, учет физического сходства звуков при отнесении их к одной фонеме неизбежен. Примеры, когда в качестве «представителей» одной фонемы выступают физические несходные звуки, всегда объяснимы. Это так называемые слабые позиции, позиции нейтрализации и т. д. — словом, те случаи, когда в силу тех или иных причин безразлично, звук какого класса «заполняет» соответствующее место в звуковой оболочке слова или морфемы.

адекватно отражало свойства некоторого реального класса животных. В биологии особь наблюдается, понятие же вида выводится, но не путем подсчета или измерения особей, а путем операции абстрагирования на основе учета реальных общих свойств ряда особей.

Сложность понятия фонемы обусловлена сложностью самого определяемого объекта.

Фонема не есть субстанциональная величина. Фонема не есть ни просто звук, ни абстрактный звук, который можно абстрагировать от класса конкретных звуков, рассмотренных вне их функционального использования. Фонема есть звук (класс звуков) в определенной функции. Но фонему нельзя свести к «чистой функции», поскольку фонемная функция всегда есть функция звука (класса звуков). Фонема представляет собой субстанционально-функциональное понятие. И в этом ее сложность. Понятие фонемы уже понятия абстрактного звука. Фонема — это, конечно, абстрактный звук, но это абстрактный звук, рассмотренный в его функции.

Если понятие абстрактного звука [к] может быть выведено на основе общности свойств всех звуков [к], встречающихся в разных языках мира, то фонема [к], как уже говорилось, выводится только применительно к одному языку, поскольку при ее выводе учитываются функциональные свойства [к], специфичные в каждом языке.

С одной стороны, фонема есть класс физически сходных и функционально тождественных звуков, с другой — фонема есть то общее, что имеется в каждом члене этого класса и что сохраняется независимо от видоизменений членов класса в различных условиях употребления; наконец, фонема есть некоторый идеальный объект, выводимый относительно группы конкретных объектов. В этом своем качестве фонема существует в каждом конкретном звуке (варианте) как его инвариант. В этом смысле каждый вариант фонемы есть сама фонема.

О. С. Ахманова, исходя из диалектического представления о единстве общего и отдельного, пишет: «...фонема и вариант в известном смысле представляют собой одно и то же: один и тот же звук, видоизменяющийся в зависимости от условий его функционирования в речи» [20, с. 12].

Фонема, рассмотренная как идеальный объект, конечно, принципиально неизменна. Нельзя «видеть время и обонять пространство» (Энгельс). Фонема, рассмотренная как общее, существующее в отдельном, как одно и то же, что и ее вариант, произносится всякий раз, когда мы произносим отдельный звук, заключающий в себе инвариантное, т. е. фонемное, свойство. В силу сказанного становится ясным, что ответ на вопрос, произносится ли фонема, не может быть дан в виде взаимоисключающей формулы: либо нет, либо да. Ответ должен быть: в одном отношении фонема неизменна, в другом произносится.

И именно как принципиально произносимая величина фонема есть единица языка как вторичной материальной системы.

В онтологии языка фонема реально существует в виде класса своих вариантов, подобно тому как «лошадь вообще» существует в виде отдельных особей. В качестве идеального предмета — конструкта — фонема есть средство описания и классификации звукового материала каждого языка, подобно тому как вид в биологии, реально существуя в виде совокупности отдельных особей (каждая особь данного вида несет в себе видовые свойства), есть средство описания и классификации многообразия животного мира.

В качестве конструкта, воплощающего в себе только инвариантные свойства физических сущностей — *звуков*, фонема не может быть точно изображена с помощью звука — физической сущности, или варианта, поскольку, заключая в себе инвариантные свойства, каждый вариант несет в себе особенные черты, от которых отвлекаются при выводе инварианта — *фонемы*.

Для передачи общего, «фонемного», заключенного в звуке, пользуются описательным способом — названием этого общего словом *фонема*. Всякое общее, абстрактное не может быть изображено или показано вне отдельного, но оно может быть названо словом, выражающим понятие об этом общем, или абстрактном. Соответственно при обозначении разных фонем языка пользуются выражениями «фонема[м]», «фонема[к]», «фонема[а]» и т. п. Это есть точное обозначение фонемы как некоторого конструкта в отвлечении от индивидуальных черт каждого варианта, в котором существует фонема.

Если фонему как абстрактную сущность нельзя произнести, т. е. изобразить с помощью единицы той физической субстанции, отвлечением от которой она является, то ее можно точно передать посредством единицы какой-либо другой субстанции, например графической (как это обычно и делается). Фонема как инвариант класса звуков $[k_1]$, $[k_2]$, $[k_3]$, ..., $[k_n]$ изображается с помощью графемы *к*. Графема *к* есть элемент иной физической субстанции (не звуковой), поэтому в нем индивидуальные особенности звуковых вариантов, обусловленные позицией, фонетическими комбинаторными изменениями и особенностями индивидуального произношения, оказываются снятыми. В силу этого графема *к* служит точным изображением как инварианта — фонемы, так и любого варианта данной фонемы — звука.

Фонемные, т. е. инвариантные, свойства звуков были использованы первыми изобретателями алфавитов. Их называют первыми фонологами. Они были, однако, стихийными фонологами. Они использовали на практике инвариантные свойства звуков, т. е. то общее, что характеризует классы физически сходных и функционально тождественных звуков, не выделяя фонем как абстрактных сущностей. Прошли века, прежде чем от практиче-

ского использования инвариантных свойств звуков люди пришли к конструированию абстрактных предметов — фонем, отражающих эти свойства.

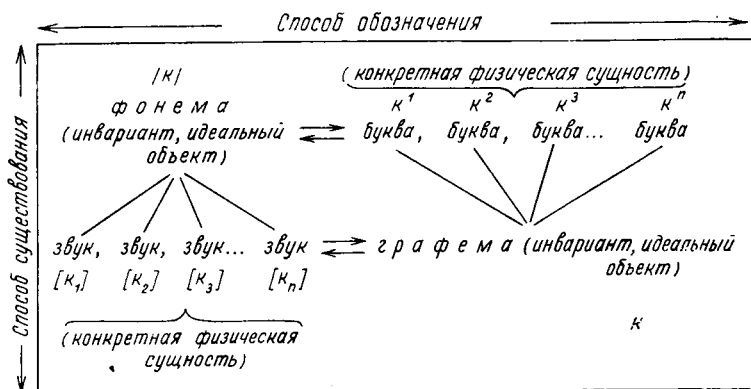
Графическое изображение фонемы, или *графема*, снимает (не учитывает) те особенности, которые присущи вариантам фонем — конкретным звукам. В то же время в пределах своей субстанции (графической) графема выступает в различных графических вариантах, обусловленных различными комбинаторными изменениями и особенностями индивидуального написания⁴². В рукописном тексте одна и та же графема может встретиться в вариантах: *t* *4* *7* и т. д. Это будут варианты

одной и той же графемы. Они являются отдельными буквами (по аналогии фонема — звук, графема — буква). Графема *к* существует в виде своих графических вариантов — букв, так же как фонема [к] существует в виде своих вариантов — звуков. Каждый из вариантов графемы — буква — безразличен к тем особенностям, которые отличают звуковые варианты одной фонемы друг от друга. Поэтому каждая буква (вариант графемы) может изображать фонему (как инвариант).

Поскольку графема есть инвариант ряда графических изображений (букв), то ни одна буква не есть точное обозначение графемы как абстрактной единицы письма. Всякая буква несет в себе индивидуальные вариантные черты. Графема-инвариант не может быть обозначена средствами графической субстанции, т. е. с помощью букв, отвлечением от индивидуальных свойств которых она является. Для обозначения графемы как инварианта может быть использовано слово «графема», выражающее понятие о данном абстрактном предмете. В то же время при чтении или произношении буквы, взятой в любом начертании, мы совершенно отвлекаемся от конкретных особенностей начертания. Поэтому чтение любой буквы есть обозначение графемы как инварианта. Произнося, например, звук [t], мы с его помощью обозначаем и графему-инвариант, и любой ее вариант — букву. Звук [t] сам по себе есть вариант фонемы [t]. Поскольку любой из вариантов фонемы, т. е. любой звук, безразличен к особенностям начертания одной и той же графемы, он может быть средством обозначения как буквы (варианта), так и графемы (инварианта). Это соответствие можно изобразить в виде схемы (см. верхнюю схему на стр. 224).

Итак, любая буква, являющаяся вариантом одной графемы, может быть точным символическим обозначением фонемы как инварианта. Любой звук, являющийся вариантом одной фонемы,

⁴² Как две детали, выполненные по одному чертежу, принципиально не могут быть тождественны друг другу, так и при печатном воспроизведении буквы (графемы) одна и та же буква всегда оказывается чем-то отличной в разных случаях воспроизводства. Так, буква П может оказаться то чуть жирнее, то чуть бледнее и т. д.

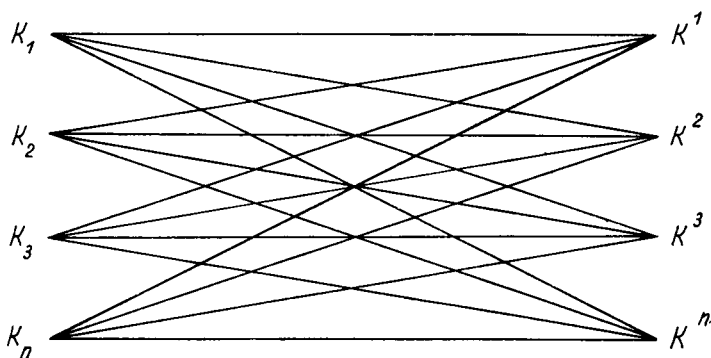

может быть точным символическим обозначением графемы как инварианта. Любая буква — вариант графемы — в то же время есть обозначение и любого звука — варианта фонемы. Любой звук — вариант фонемы — есть обозначение любой буквы — варианта графемы.

В силу того что варьирование звуков обусловлено свойствами звуковой субстанции, а варьирование букв — свойствами графической субстанции, звуки и буквы варьируют независимо друг от друга. Поэтому один конкретный звук (вариант) не соответствует одной определенной конкретной букве (варианту), но соответствует любому буквенному варианту. Наоборот, одна конкретная буква не записывает один определенный конкретный звук, но любой звуковой вариант. Соотношение звуков (вариантов) и букв (вариантов) иллюстрируется схемой, являющейся конкретизацией предыдущей:

звуки
(варианты фонемы)

буквы
(варианты графемы)

В общей форме это можно изложить так: инвариант класса предметов, принадлежащих какой-либо субстанции, не может быть изображен ни одним из предметов данной субстанции. При попытке такого изображения мы получаем вариант данного инварианта.

Инвариант данного класса предметов может быть изображен либо описательно с помощью названия, либо символически с помощью средств другой субстанции, безразличной к свойствам субстанции данного класса предметов.

Это общее положение подтверждается примерами из любых других областей. Так, ни один конкретный физический предмет, имеющий форму куба, не есть инвариант для класса реальных кубов. Это один из вариантов данного класса. «Куб вообще» как инвариант, существуя в каждом конкретном кубе, не может быть изображен ни одним реальным кубом так, чтобы при этом изображались только его инвариантные черты.

Изображением инварианта класса физических тел, имеющих форму куба, служит либо слово *куб*, выражающее понятие о «кубе вообще», либо геометрический образ куба, например в виде чертежа.

3. Вариативность морфемы и слова

Так же как и фонемы, отношениями вариативности связаны между собой и морфемы, и слова. Однако здесь все осложняется тем, что морфемы и слова являются двусторонними единицами, обладающими знаковой формой (=звучанием) и значением. Иными словами, морфема состоит из сонемы и семемы, а слово — из номемы и лексемы.

«Одна и та же» морфема в разных случаях своего употребления по своему звуковому облику отличается от «самой себя». Это значит, что «одна и та же» морфема может иметь чем-то различающиеся сонемы. Морфема в разных случаях употребления называется алломорфом или морфом. Эти термины, введенные дескриптивистами, сейчас широко используются представителями разных школ для обозначения явления варьирования морфемы. В соответствии с введенной в настоящей работе терминологией можно сказать, что звуковые оболочки одной и той же морфемы в разных случаях употребления представляющей собой *аллосоны*. Слово выступает в речи в своих формах (в виде словоформ). Те ученые, которые определяют слово как «единство его форм» (например, школа Щербы—Виноградова, Смирницкий и др.), фактически рассматривают словоформы как варианты «одного и того же слова», хотя и не всегда пользуются соответствующей терминологией.

Если же, как это делает Л. Блумфилд⁴³, разные словоформы не считать формами одного и того же слова, то, естественно, отношения между словоформами нельзя рассматривать как отношения между вариантами.

Вариативность слова представлена в языках и в ином виде. Так, Ф. П. Филин, говоря о вариантах слова, имеет в виду «многочисленные в языке случаи, когда одно и то же лексическое значение имеет различное оформление, причем различные показатели этого оформления не вносят каких-либо новых оттенков значения. Например, *ноль* и *нуль*, *лиса* и *лисица*, *скирд* и *скирда*, *искренний* и *искренный*, *закалять* и *закаливать*, *машу* и *махаю* и т. д. и т. п.» [211, с. 128]⁴⁴. В этом случае сохраняется тождество слова, но изменяется его звуковой облик, или ноема. О видоизменении ноемы одного и того же слова за счет сонем разных словоизменительных морфем можно говорить и в предыдущем случае.

А. И. Смирницкий выделяет разные типы вариантов «одного и того же слова», подразделяя их на две главные рубрики: 1) варианты лексико-семантические и 2) варианты фоно-морфологические, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько видов [169, с. 42]. Интересно отметить, что лексико-семантические варианты А. И. Смирницкого характеризуются заметным расхождением значений: *shade* 'тень' и *shade* 'оттенок', *man* 'человек' и *man* 'мужчина' и т. д.

Большое место проблемам варьирования слова уделяет О. С. Ахманова, которая пределом фонетического и морфологического варьирования слова считает синонимию [21, с. 192].

Своеобразный вид варьирования слов демонстрирует современный китайский язык, в котором в связи с осуществлявшимся за последние 15—20 столетий его наблюдаемой истории переходом от односложной нормы слова как статистически господствующей к двусложной норме обнаруживается сосуществование семантически тождественных или несколько различающихся по смысловому объему пар слов. Например: *чэ* 'повозка' — *чэцзы* 'повозка', *шуа* 'щетка' — *шуацзы* 'щетка' (семантически тождественные слова), *янь* 'глаз' — *яньцзин* 'глаз', *шу* 'дерево' — *шуму* 'дерево' (значение двусложных компонентов последних пар обычно несколько сужено и специализировано; например, *янь* наряду со значением 'глаз' имеет значение 'глазок,

⁴³ «Согласно нашей школьной традиции мы часто говорим о таких формах, как *book, books* 'книга, книги' или *do, does, did, done* 'делать, делает, делал, сделанный', как о „различных формах одного и того же слова“. Это, разумеется, неточно, поскольку между членами подобных рядов существуют различия как в форме, так и в значении. Приведенные выше формы являются различными языковыми формами, а следовательно, и различными словами» [28, с. 188].

⁴⁴ Ф. П. Филин предлагает различать три вида вариантов: 1) варианты фонематические; 2) варианты акцентологические и 3) варианты грамматические.

отверстие, дырка', а *яньцзин* означает только 'глаз, глаза'). В свое время это явление было названо мной *двойной формой существования слов* [175, с. 51 и далее]. Н. Н. Коротков называет такие пары слов односложными и двусложными вариантами [89, с. 102—103].

В таких парах слов суффикс, в частности *-цзы*, используется не для обозначения семантически нового слова, как это имеет место, например, в случаях *пан* 'толстый' → *панцзы* 'толстяк', а для изменения формы существования слова в языке. В последнем случае суффикс семантически избыточен. В парах «односложное существительное» — «односложное существительное + *цзы*» при тождественности значения наблюдается различие в речевом их использовании. Односложное слово, как характерное для более старой нормы языка, в современном китайском языке обычно в большей степени зависит в своем употреблении от окружающих элементов. Например, многие односложные существительные требуют послелога и т. п., т. е. они употребляются в синтаксически зависимых позициях⁴⁵ (определение, косвенное дополнение или обстоятельство). Двусложный компонент пары употребляется в любых позициях без ограничений.

Изменение формы существования слов в китайском языке, с одной стороны, порождает действительно две формы существования одного слова как два варианта «одного и того же слова», с другой стороны, ведет даже не к появлению синонимов, а к отпочкованию новых слов, отличающихся от исходных уже не только формой существования, но и своим значением, и, следовательно, разным употреблением.

Варьирование двусторонних единиц, представляющих собой знаковые комплексы (знак = звучание + означаемое = значение), существенно отличается от варьирования односторонних единиц — фонем. Всякое изменение их знаковой формы (= звучания), т. е. сонем или номем, потенциально влечет за собой появление новых значений.

В этом проявляется знаковый характер языка. Различие между знаками для того и существует, чтобы дифференцировать значения (означаемые). Главный принцип всякой знаковой системы состоит в том, что разным знакам соответствуют разные означаемые.

Поэтому *варьирование* знаковой формы (сонем или номем) двусторонних единиц лишь до поры до времени возможно в пределах тождества двусторонней единицы самой себе. В то же

⁴⁵ С синтаксической точки зрения позиции главных членов предложения — подлежащего и сказуемого — и во многих языках позицию прямого дополнения можно определить как независимые позиции, в то время как позиции второстепенных членов (определение, косвенное дополнение, обстоятельство) можно определить как зависимые позиции, поскольку в независимых позициях слова обычно употребляются без сопровождения служебных слов или в своей «назывной» (словарной) форме (именительный падеж и инфинитив в подлежащем флективных языков).

время варьирования единиц неизбежно в силу их, как уже отмечалось, дискретного характера и существования в языке в виде некоторых классов. Звуковое варьирование поэтому есть один из внутренних источников изменения и развития языка, заложенных в самом языке как во вторичной материальной, или семиотической, системе.

Выше отмечалась важность постановки вопроса Н. Д. Арутюновой о необходимости отдельного рассмотрения проблемы варьирования для плана выражения и плана содержания. По-видимому, варьирование единиц в языке, если понятие варьирования связывать именно с тождеством единицы самой себе, прежде всего касается варьирования их знаковой формы, т. е. сонем или номем. Что касается варьирования смысловой стороны, т. е. варьирования значений, то здесь, как я уже говорил, наблюдается не столько отношение варьирования, сколько появление новых значений за счет либо расширения объема значения, выражаемого данным знаком (сонемой или номемой), либо изменения содержания значения в связи с приложением данного знака к новой предметной области. Новые значения как бы аккумулируются и наслаиваются друг на друга. Ощущаемая между ними связь может быть определена как связь генетическая (для данного языка), но не вариативная. Примеры, которые А. И. Смирницкий приводит для иллюстрации лексико-семантических вариантов слова (англ. *shade* 'тень' и *shade* 'оттенок', *man* 'человек' и *man* 'мужчина'), демонстрируют, на мой взгляд, разные означаемые, т. е. разные отражаемые категории, связанные в английском языке посредством общей «внутренней формы» в потебнианском смысле (способ представления понятия в слове). Использование русским языком вообще несвязанных знаков — номем *человек* и *мужчина* — для обозначения и выражения соответствующих значений подтверждает автономность соответствующих значений как отражающих разные «кусочки действительности». Поскольку во вторичных материальных системах элементы значимы для системы не в силу своих собственных субстанциональных свойств, а в силу того, что им приписано свойство выражать (или указывать на) некоторые значения, само понятие тождества элемента зиждется на этом свойстве и, следовательно, на приписанном элементу значении.

В практических целях, конечно, правомерно говорить о разных значениях одной и той же единицы языка, пока эти разные значения явно осознаются как генетически связанные и пока их различия не влияют существенно на функциональное использование соответствующих единиц.

Однако разрыв одной единицы на разные единицы всегда обусловлен перерастанием оттенка значения, которое обуслов-

лено подведением под это значение разных реалий (действительных или вымышленных предметов), в автономные значения, характеризующиеся собственным объемом и содержанием.

Выше речь шла о варьировании собственно лексических значений слов. В тех случаях, когда слово представлено в языке рядом своих форм (словоформ), лексическое значение слова во всех (или основных) словоформах остается неизменным. Словоизменяемые формы либо служат лишь для указания на синтаксическую функцию слова и его грамматическую связь с другими словами (как, например, формы склонения существительных, «исчезающие» полностью при переводе на другие языки), либо относят слово к какой-нибудь грамматической категории (например, временные, или видо-временные, или даже чисто видовые формы глаголов), не затрагивая лексического значения слова. Тождественность лексического и общеграмматического (классного) значения слова сохраняется во всех словоизменяемых формах. Поэтому оно есть то инвариантное свойство слова, на основе которого можно создать понятие «слова вообще», существующего в виде своих вариантов — разных словоформ.

4. Вариативность и отношение манифестации с точки зрения односторонности языкового знака на примере морфемы

По представлению дескриптивистов, которое четко сформулировано Г. Глисоном [43, с. 103], морфема есть группа из одной или нескольких алломорф, объединенных по признаку общности дистрибуции и значения. Но это не сумма алломорф⁴⁶. По отношению к своим алломорфам (морфам) морфему можно охарактеризовать как инвариант, существующий в своих вариантах. В этом смысле каждая алломорфа, или морфа, несет в себе морфему и является сама морфемой. Иначе говоря, морфема есть некоторый идеальный объект, который реально существует в виде ряда разновидностей — вариантов. При этом звуковая сторона морфемы — сонема — представлена своими аллосонами.

Тождество морфемы как единства своих вариантов — *морф* — основано на тождестве значения: каждый вариант морфемы (например, морфемы показателя множественного числа в английском языке [s], [z], [əп]) обладает одним и тем же значением. Тождество значения обеспечивает тождество функций соответствующих морф. Это позволяет каждую морфу считать разновидностью морфемы, или морфемой в одной из своих раз-

⁴⁶ Если звуковая сторона морфемы определяется как сонема, то звуковая сторона алломорфы является аллосоном.

новидностей. Звуковые различия морф, т. е. различия, существующие между аллосонами, не имеют решающего значения для установления тождества морфемы, поскольку морфема не односторонняя звуковая единица, а двусторонняя единица, свойства которой определяются приписанным ей значением. Звуковые особенности сономы являются, как уже говорилось в ч. I, гл. I, системнонейтральными свойствами.

Морфема как инвариант есть абстрактная единица. Морфа как вариант есть конкретная единица, обладающая конкретным звуковым обликом (аллосоном) и определенным значением (семемой). Инвариантным свойством ряда морф, или конкретных морфем, являются свойства иметь конкретное звучание и иметь определенное значение. Поэтому об абстрактной единице — морфеме — мы можем только сказать, что она характеризуется свойствами иметь некоторое звучание и иметь определенное значение. Такая абстрактная единица есть «морфема вообще», абстрагированная от всех конкретных морфов, обладающих разными аллосонами и определенным значением. При выводе абстрактной морфемы по отношению к классу морф, обладающих одним и тем же значением, мы должны принять во внимание, что одно и то же значение всех морф данного класса остается неизменным. Например, у трех морф [s], [z] и [ən], если их рассматривать как преобразования некоторой морфемы, сохраняется неизменным, или инвариантным, значение множественного числа. Поэтому абстрактную морфему, выражающую значение множественного числа, мы должны определить как абстрактную единицу, имеющую некоторое звучание и значение множественного числа.

Мы уже видели, что двусторонний характер морфемы вызывает колебания в отнесении ее к числу единиц плана выражения или плана содержания⁴⁷.

Эти колебания зависят от взгляда на морфему: когда подчеркивают, что морфема выражает значение, она рассматривается как единица плана выражения; когда учитывают прежде всего наличие значения у морфемы, она рассматривается как единица плана содержания. Отнесение двусторонней единицы то к плану выражения, то к плану содержания создает неясность в самом содержании понятия «план».

В конечном итоге все это связано с представлением о знаке как о двусторонней сущности и о двусторонних единицах языка как о знаках. Устанавливая равенство между понятиями *языковой знак* и *морфема*, которая действительно есть двусторонняя

⁴⁷ У Г. Глисона морфема — единица системы выражения, вступающая в связь с системой содержания [43, с. 43]; у О. С. Ахмановой морфема — «единица системы выражения, непосредственно соотносимая с соответствующим ей элементом системы содержания (семемой)» [22, с. 241]. Для Н. Д. Арутюновой морфема — элемент плана содержания: «Морфема относится к морфе как элемент плана содержания к единице выражения» [16, с. 100].

единица, концепция двусторонности знака не позволяет четко разграничить в строении морфемы две разные сущности — *знак*, как таковой (звучание), или *сонему*, и то, что этот знак означает — *значение*. Различие этих двух совершенно разных, не смешивающихся между собой сущностей отражено в формулировке о «двух сторонах знака», который в целом признается неразложимым единством. А поскольку морфема признается как целое знаком, постольку отнесение морфемы к одному из планов неизбежно предполагает включение в каждый из планов обеих сторон знака. Тем самым и в плане выражения оказывается означающее и означаемое, и в плане содержания оказывается означающее и означаемое. Но в этом случае теряет смысл противоположение этих двух планов.

Морфему как двустороннюю единицу не следует относить ни к плану выражения, ни к плану содержания. К плану выражения относится сонема, а к плану содержания — семема. Морфема же есть лингвистическая единица, рассекающая оба плана и соединяющая их между собой. С точки зрения концепции односторонности знака в строении морфемы есть знак — сонема, представляющая единицу плана выражения, и то, что этот знак означает — значение, представляющее план содержания.

На практике отнесение морфемы к одному из планов вынуждает обращаться с ней фактически как с односторонней единицей: либо как с сонемой, либо как с семемой. Признание морфемы единицей плана содержания побуждает искать соответствующую ей единицу выражения. Такой единицей выражения признается морфа, которая тем самым, в свою очередь, фактически оценивается как односторонняя единица в плане выражения. Отсюда яркая формулировка Н. Д. Арутюновой: «...морфема относится к морфе как элемент плана содержания к единице выражения».

Но морфа — точно такая же двусторонняя единица, как и морфема. Разница между ними состоит лишь в том, что морфема есть и некоторая абстрактная единица, существующая в языке в виде класса своих разновидностей — морф, и каждая морфа в отдельности. Морфа же — это конкретная единица или конкретная морфема.

Между двумя двусторонними единицами (абстрактной и конкретной) не может быть отношения единицы плана содержания и единицы плана выражения. Между ними, строго говоря, не может быть и отношения варьирования: абстрактная единица не может варьировать с конкретной. Отношения варьирования связывают между собой конкретные единицы — морфы, т. е. конкретные разновидности морфемы. Отношения варьирования конкретных единиц служат основанием для вывода некоторой абстрактной единицы, стоящей над варьирующимися конкретными единицами и объединяющей их в один

класс, кратким обозначением которого и служит термин *морфема*.

Отношение морфемы и морфы в изложении Н. Д. Арутюновой подобно отношению двух сторон монемы у А. Мартине: «Одна сторона монемы есть означаемое, другая — означающее, представляющее собой манифестацию первой» [114, с. 452]. То, о чем говорит А. Мартине, есть, по сути дела, отношение знака (сонемы) и означаемого (семемы). Это есть отношение односторонних единиц. И это, конечно, не есть отношение варьирования: значение не может варьировать со звучанием. Я бы назвал это отношение *отношением выражения*. Сонема, следовательно, есть средство выражения семемы.

Применение к отношению морфемы и морфы понятия *манифестация* в том смысле, как этот термин употребляет А. Мартине, предполагает с неизбежностью понимание морфемы как односторонней единицы смысла (т. е. сведение ее к понятию *семема*), а морфы — как односторонней единицы звучания.

Применение термина *манифестация* к отношению единиц звучания (сонем) и значения, по-видимому, допустимо, если понимать под этим термином отношение выражения значения в звуковом комплексе. Но в этом случае его надо отличать от значения термина *манифестация* при употреблении его к отношению морфемы и морфы.

Последнее отношение есть отношение двух двусторонних единиц — *абстрактной* и *конкретной*⁴⁸. Конкретную единицу можно рассматривать как представителя класса единиц, который в абстрактной форме есть абстрактная единица. В этом смысле можно, очевидно, говорить, что конкретная единица — морфа — манифестирует или репрезентирует абстрактную единицу. Следует, однако, всегда иметь в виду, что в действительности абстрактная единица выводится из конкретных в качестве умственного предмета и что утверждение о ее манифестации чисто условно. Следует избегать понимания абстрактной единицы как чего-то самостоятельно сущего и лишь манифестирующегося, говоря словами Л. Ельмслева, в любом материале. В противном случае лингвистические объекты могут уподобиться бессмертной и вечно переселяющейся пифагорейской душе, для которой тело является «чем-то чисто случайным» (см. Ф. Энгельс [4, с. 504]).

⁴⁸ Н. Д. Арутюнова считает, что «отношения между морфой и морфемой не могут быть оценены с точки зрения степени абстрактности». Она считает также ошибочным «впечатление, что морфа тоже репрезентирует морфему, относясь к ней как явление к своей абстрактной сущности» [17, с. 39]. Эта точка зрения вытекает из фактического признания морфемы и морфы единицами разных планов. Такое признание, естественно, влечет за собой утверждение о том, что «отношения между морфой и морфемой не связаны с уровнем абстрагирования, поскольку ни один из языковых планов не формирует своих понятий путем отвлечения от конкретных черт противоположного плана» [17, с. 39]. Последнее замечание, конечно, совершенно справедливо.

5. Вариативность единиц языка в целом

Концепция односторонности языкового знака, при которой двусторонние единицы языка расчлняются на собственно знаки (материальные объекты) и означаемые (значения, или понятия, являющиеся отражательными категориями разной степени абстракции), требует раздельного рассмотрения проблемы варьирования применительно: а) к собственно знакам (сонемам и номемам) и составляющим их элементам — фонемам; б) к означаемым языковых знаков и в) к двусторонним единицам, как таковым⁴⁹.

А. Знаки языка — сонемы и номемы — состоят из фонем. (Простоты ради речь дальше пойдет о звуковых оболочках морфем—сонемах.) Конкретный знак, например оболочка конкретной морфемы, т. е. конкретная сонема — аллосон, состоит из вариантов фонем (конкретных звуков). Вариативность фонемы, или ее существование в языке в виде ряда вариантов, обусловлена чисто фонетическими факторами. Это есть варьирование материальных объектов, следствием которого является вывод абстрактной единицы — фонемы. В последней отражены общие фонетические и функциональные свойства варьирующих конкретных звуков. Фонема как абстрактный объект-инвариант не варьирует со звуками, а стоит над ними (и в то же время существует в них) как некоторое классное понятие.

Комбинации фонем (звуков) образуют знаки — сонемы. Знаками эти комбинации становятся только после того, как им приписано некоторое значение. Частным случаем комбинации фонем является одна фонема (звук). В отвлечении от значения знак есть чисто физическая (материальная) величина (хотя и наделенная социальным свойством указания на значение). Варьирование знаков (сонем) как чисто физических величин (если отвлечься от их значения) происходит под влиянием чисто фонетических факторов.

В силу этого знаки (сонемы) в своих разновидностях (в форме «аллознаков», или аллосонов) всегда или почти всегда имеют черты фонетического сходства⁵⁰, отмеченного еще Л. Блумфилдом применительно к морфемам и их разновидностям. Так, например, два варианта знака — звуковой оболочки морфемы

⁴⁹ Ср. упоминавшееся выше положение Н. Д. Арутюновой о том, что «инвариант может быть установлен только применительно к одной из сторон знака» [17, с. 38].

⁵⁰ Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова считают нужным говорить не о фонетическом сходстве, а о фонологическом сходстве, поскольку «объективные критерии фонетического сходства еще никем определены не были» [109, с. 102]. Исходя из представления, что фонема и звук в определенном смысле одно и то же, я полагаю возможным говорить, что фонетическое сходство предопределяет фонологическое сходство и что в силу этого эти два вида сходства совпадают (в определенном смысле). В то же время звуки, образующие варианты одной и той же сонемы, сами по себе могут быть опре-

множественного числа в английском языке *s* и *z*, появляющиеся в разных фонетических условиях (ср. *pens* /z/ и *hats* /s/), фонетически сходны тем, что оба эти звука являются звонкой и глухой разновидностью шумных однофокусных круглощелевых переднеязычных согласных [116, с. 60].

Фонетические (фонологические) различия вариантов знаков, в особенности когда они не являются следствием комбинаторных изменений, а относятся к числу так называемых исторических чередований⁵¹, используются языками в некоторых случаях для дифференциации некоторых значений тех слов, в которые данные знаки входят в качестве оболочек (сонем) морфем, составляющих эти слова (*бегу* — *бежит*, *хожу* — *ходит* и т. п.).

В этом качестве подобные различия являются объектом фономорфологического рассмотрения, или объектом морфонологии. Превращение чисто фонетических вариаций в средство указания или дифференциации некоторых значений есть проявление свойства знаковой системы использовать малейшие различия в знаках для различения смысла. Отвлечение от реальных фонетических (или фонологических) различий вариантов одного и того же знака позволяет вывести понятие некоторого абстрактного знака, главным свойством которого является выражение определенного значения. Такой знак — инвариант — не варьирует со своими вариантами, но существует в них и объединяет их в некоторый класс, составляющий один и тот же знак, определяемый по тождественности приписанного ему значения, сохраняющегося неизменным во всех его вариантах.

Б. Означаемые языковых знаков — значения — суть отражаемые категории. Как таковые, они являются сами по себе абстрактными объектами, отражениями общих свойств некоторых классов реальных или вымышленных предметов, ситуаций; отношений⁵². Как абстрактные объекты значения уже са-

делены как принадлежащие разным фонемам. Так, различие двух вариантов знака — аллосонов — одной морфемы в русском языке, встречающееся в словоформах *года* (d) и *год* (t), состоит в позиционно обусловленном использовании либо звонкого, либо глухого смычного переднеязычного дорсального. Фонетическое сходство звуков [d] и [t] состоит в том, что они оба смычные, переднеязычные, дорсальные. В то же время каждый из этих звуков в системе русского языка принадлежит разным фонемам, различающимся по признаку глухости/звонкости (ср. *дом* и *том*). В силу этих соображений, быть может, более оправданно говорить именно о фонетическом (чисто физическом) сходстве вариантов сонем. Кроме того, фонетическое сходство поддерживается сходством остальных звуков, не затронутых преобразованием (в тех случаях, когда сонема состоит более чем из одного звука).

⁵¹ Это «те чередования, которые были некогда фонетически обязательными, больше не являются таковыми, однако могут по традиции сохраниться в ряде слов, особенно если они морфологизовались или семантизовались и поддерживаются орфографией» [116, с. 111].

⁵² Языковым значениям присущи различные степени обобщенности, абстрактности. Некоторые грамматические значения являются обобщенными отражениями не столько непосредственно реальных отношений действительности,

ми по себе суть некоторые инварианты по отношению к классам отражаемых в них реальных предметов.

В гл. I (ч. II) было показано, что означаемое знака имеет сложное строение. В него входят идеальная часть — значение, или понятие, и весь тот класс предметов или явлений, который отражен в этом значении. Благодаря обобщающему характеру значения знак, выражающий данное значение, приложим к любому предмету, входящему в данный класс. Значение как абстрактное обобщение отражает инвариантные (общие) свойства предметов. В качестве инварианта одно и то же значение сохраняется всякий раз, когда знак, выражающий это значение, используется для указания на тот или иной предмет, т. е. при разных использованиях знака. Поэтому значение и является основанием для отождествления одной и той же двусторонней единицы в разных случаях ее использования, т. е. является ее инвариантным свойством. Значения, приписываемые знакам, служат основанием считать односторонние материальные единицы, варьирующие в своем физическом (фонетическом) облике, одними и теми же знаками. Значения, будучи инвариантными сущностями, не варьируют с предметами, отражением которых они являются. Они отражают то общее, что имеет каждый предмет класса с другими предметами того же класса. Как отражательная категория значение не существует, конечно, в отражаемых предметах, оно отражает те существенно общие черты и свойства, которые объективно присущи предметам. Являясь результатом мыслительной деятельности людей, значения закрепляются за знаком, в единстве с которым образуют двусторонние единицы языка.

Свойства значения как отражательной категории требуют совершенно иного подхода к проблеме их варьирования, чем к проблеме варьирования знаков языка, с помощью которых выражается значение. Отражательные категории не могут варьировать так, как материальные объекты. Многозначность «одного и того же слова», обнаруживаемая в разных случаях употребления слова, не есть «варьирование значения» в том же смысле, что и варьирование звуковой стороны — сонемы — в одной и той же морфеме (*бег-* — *беж-* в словах *бегу* — *бежишь*). Разные значения «одного и того же слова» не варьируют друг с другом, а аккумулируются в слове, являясь отражениями разных классов предметов. Аккумуляция их в одном слове происходит до тех пор, пока значения генетически отчетливо связаны и при их реализации не требуют разных функций для выражающих их элементов.

сколько внутриязыковых отношений и лишь опосредованно отражают реальные отношения. Поэтому они отнюдь не универсальны. Так, некоторые языки выделяют значения падежей как отражение связей между словами, взятыми в разных функциях в речи; в других языках нет падежных значений.

Примером того, как в литературе освещается вопрос о варьировании значений, может служить следующее утверждение Н. Д. Арутюновой: «Для употребления испанского слова *nietastro* 'неродной внук' безразлично, в каком колене родство перестает быть кровным. Это слово применимо и к сыну падчерицы/пасынка, и к пасынку дочери/сына. Присутствие тех или других нерелевантных черт создает варианты означаемого, выявляющиеся при его актуализации» [17, с. 40]⁵³. Из этого рассуждения следует, если я его правильно понял, что вариантами означаемого оказываются соответственно обозначения словом *nietastro* пасынка дочери/сына или сына падчерицы/пасынка. Инвариантом, по-видимому, должно быть само значение 'неродной внук'.

Применение аналогичного рассуждения к значению слова *стол* ведет к тому, что мы должны считать вариантами значения этого слова применение его к разным видам столов, например к «письменному столу» и «обеденному столу», поскольку для употребления в русском языке слова *стол* в принципе безразлично, для какой цели служит данный стол и какова его форма. Если идти дальше, то можно сказать, что, сколько применений имеет слово *стол*, столько и вариантов его значения создается, поскольку двух одинаковых столов не существует. Каждый реальный стол чем-то отличен от другого, а то общее, что объединяет все столы в класс столов, есть некоторые инвариантные черты всех столов, отраженные в значении слова *стол*. Тем самым мы приходим к тому, с чего начали: значение слова *стол* само по себе есть мысленный предмет «стол вообще», который является инвариантом по отношению ко всем реальным столам.

В. Варьирование двусторонних единиц морфем и слов осуществляется за счет варьирования их знаковой формы, т. е. со- нем или номем. Основанием отождествления разных физических

⁵³ Ср. также утверждение Л. Ельмслева: «Элементы содержания „дерево“ (как растение и как материал) являются вариантами в датском, но инвариантами во французском и немецком языках. Элементы содержания „лес“ (в смысле материала и массы деревьев) являются инвариантами в датском, но вариантами во французском. Элементы содержания „большой лес“ и „небольшой лес“ или „лес“ безотносительно к его величине являются инвариантами во французском, но вариантами в немецком и датском языках» ([62, с. 332]. Иными словами, значения, передаваемые одним словом (растение и материал), признаются вариантами, а разными словами — инвариантами. По-видимому, правильное говорить не о вариантах и инвариантах, а о том, что объемы значений слов в разных языках не совпадают. Если французский язык в значении слова *bois* обобщает и значение 'лес как масса деревьев', и значение 'материал', а датский выражает эти значения в разных словах, то это связано с разными способами отражения действительности, но не с варьированием значений. Если же рассматривать совмещение в одном слове указания и на лес и на материал как развившуюся многозначность, то в этом случае соответствующие значения являются не вариантами, а отражениями разных аспектов действительности, аккумулярованными в одном слове, т. е. закрепленными за одним и тем же знаком.

разновидностей двусторонних единиц является тождественность их значений. Тождество значения может быть полным, например при варьировании морфемы, и неполным, например при рассмотрении словоформ одного и того же слова как вариантов. В этом случае за инвариантное начало принимается лексическое и общеграмматическое значение слова, а добавочные грамматические значения, присущие отдельным словоформам, отбрасываются.

При варьировании двусторонних единиц, как правило, сохраняется фонетическое (фонологическое) сходство их звуковой стороны. Однако в некоторых случаях «одно и то же» значение может оказаться выраженным совершенно разной знаковой формой, т. е. разными сонемами, не имеющими ни малейшего фонетического (или фонологического) сходства; так, например, значение множественного числа в английском языке может быть выражено сонемами [s], [z] и [ən]. Морфема множественного числа [ən] сама по себе есть двусторонняя сущность. При рассмотрении всех средств выражения множественного числа в английском языке в парадигматическом плане оказывается, что эта морфема в известном смысле функционально и по значению как средство выражения множественности тождественна и морфеме [s], и морфеме [z], отличаясь от них отсутствием фонетического (фонологического) сходства. Разумеется, что сфера употребления этой морфемы гораздо уже. Поскольку тождество двусторонней единицы основано на тождестве значения, постольку при переходе к абстрактной единице отсутствием фонетического сходства можно пренебречь. Об абстрактной морфеме множественного числа в английском языке можно сказать, что она является двусторонней единицей, обладающей некоторым звучанием и значением множественного числа. Тем самым морфема [ən] становится членом класса, обобщенного в абстрактной единице-инварианте, в качестве одного из конкретных вариантов. Морфема [ən] становится «супплетивным альтернатом» (по Л. Блумфилду) морфемы множественного числа [28, с. 232]⁵⁴.

Явление супплетивизма в целом связано с проблемой варьирования двусторонних единиц. Образование супплетивных форм в языке связано с произвольностью знака, т. е. с произвольностью связи знака и означаемого. Два совершенно разных знака могут быть использованы для обозначения одного и того же значения. Это ведет к появлению *синонимов*. На уровне слов возникает синонимичность. [В реальных языках абсолютных синонимов, как правило, не бывает. Разные звуковые оболочки

⁵⁴ Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова отвергают возможность говорить о супплетивных вариантах: «Признавая обязательным наличие фонологического сходства и полагая, что вне такого формально выраженного признака единство морфемы не может быть доказанным, мы отказываемся тем самым считать членами одной морфемы супплетивные образования» [109, с. 104].

(ноемы) способствуют расхождению синонимичных единиц либо в смысловом, либо в стилистическом отношении⁵⁵.] На морфемном уровне образуются параллельно существующие, фонетически несходные средства (сонемы), служащие для выражения одного и того же значения. При наличии достаточно четкого фона в виде фонетически сходных единиц — вариантов одной абстрактной единицы — такие фонетически несходные единицы приобретают в системе языка качества *супплетивных* вариантов, или альтернантов (типа *иду — шел, человек — люди, хорошо — лучше, good — better, go — went* и т. д.). Они используются как звуковые оболочки морфем (сонемы) в составе слов, образующих разные грамматические формы. Супплетивных форм не может быть много, они примыкают к классам фонетически сходных морфем. Их включение в некоторые классы возможно лишь при выводе понятия о некоторой абстрактной единице, о звучании которой можно сказать лишь, что оно «имеется». Общим же правилом варьирования двусторонних единиц является наличие фонетического (фонологического) сходства их звуковых оболочек — сонем или номем.

Итак, в онтологии языка существуют звуковые элементы и образованные из них реальные знаки, указывающие на те или иные значения. Их различные группы находятся между собой в отношениях варьирования. Они образуют классы, обобщенным обозначением которых являются абстрактные единицы — фонемы, сонемы, номемы. Сонемы и номемы в единстве с приписанными им значениями представляют собой двусторонние единицы языка — морфемы и слова. Абстрактные единицы относятся к конкретным, из которых они «извлекаются», как инварианты к вариантам.

Инварианты и варианты не варьируют между собой. Их соединяют отношения степени абстракции. Варьируют между собой конкретные варианты. Инварианты существуют в своих вариантах как общее в отдельном. Инварианты не составляют самостоятельного мира абстрактных сущностей. Они характеризуют общие свойства реальных объектов. Инварианты и варианты — разные характеристики одних и тех же объектов: со стороны их общих свойств и со стороны их индивидуальных свойств. Выведение инвариантных единиц есть выявление реальной общности и объективной упорядоченности объектов. Введение инвариантов в лингвистический анализ есть средство более глубокого познания как системы языка, так и его структуры.

Выведение инвариантов есть необходимый этап познания внутренней организации, или структуры, изучаемых объектов. Оперирование инвариантами есть переход от непосредственного чувственного восприятия к рациональному познанию.

⁵⁵ Однозначно соответствующие друг другу по значению слова разных языков (это касается прежде всего терминов) являются, по сути дела, межкультурными синонимами.

§ 5. ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В ЦЕЛОМ

1. Фонема

(Онтологическая сущность фонемы и вариантов фонемы)

Фонема, взятая в виде своего конкретного варианта — звука, не есть раз и навсегда сделанный маленький «кусочек» звуковой волны. В процессе речи одна и та же фонема воспроизводится вновь и вновь, т. е. фактически «делается» заново. Поэтому одна и та же фонема может одновременно (например, в речи разных людей) существовать в разных точках пространства. Она характеризуется отсутствием временной и пространственной непрерывности⁵⁶. Появление одной и той же фонемы в речи можно сравнить со сходящими с печатной машины экземплярами одной и той же листовки или книги. Экземпляры одной и той же листовки, будучи, говоря словами А. И. Уёмова, разными «телами», т. е. разными вещами в «телесном» смысле, представляют собой одну и ту же вещь в «качественном» смысле. Точно так же одна и та же фонема, появляясь в разное время в речи одного и того же лица или одновременно в речи разных лиц в виде тех или иных звуковых волн, является одной и той же вещью в «качественном» смысле, но разными вещами в «телесном» смысле.

Я не касаюсь вопроса о психофизиологическом механизме образования фонем из состоящих из них знаков. Г. П. Мельников проводит различие между «языковыми знаками» (т. е. артикуляционными командами при назывании... означаемых) и речевыми знаками, возникающими при реализации речевых команд» [121, с. 3]. Для меня языковой знак не команда, т. е. нервно-психический импульс, а то, что образуется в результате осуществления этого импульса. Делая это утверждение, я исхожу из понимания языка как средства общения, а речи — как применения этого средства. Элементы языка не являются раз и навсегда сделанными «средствами», но это «средства», которые де-

⁵⁶ «Именно эта непрерывность и обеспечивает, согласно обычному представлению, единство вещи. Разрыв, временной, или пространственный, или тот и другой вместе, этой непрерывности разрушает единство вещи. То, что ликвидируется в одном месте пространства и появляется в другом, или, исчезнув в прошлом, появляется в будущем, мы называем не одной и той же вещью, но двумя разными, хотя, быть может, и очень похожими друг на друга» (см. А. И. Уёмов [204, с. 10]). Сформулировав таким образом «традиционное понимание вещи» как некоторого тела, А. И. Уёмов противопоставляет ему «качественное понимание вещи», согласно которому «материальные вещи — это системы качеств, идеальные вещи — это системы признаков» [204, с. 31]. В соответствии с «качественным пониманием» вещи разные экземпляры книги — это одна и та же книга. В противном случае «они должны были бы различаться по тем качествам, которые образуют книгу, — у них должны были быть разные авторы, разные мысли или хотя бы разные слова. Но все это совершенно одинаковое. Различие относится только к „телам“ этих книг. Можно сказать, что два экземпляра представляют собой разные тела, но как книги — это одно и то же» [204, с. 29]. Разграничение двух способов понимания вещи методологически важно. Вряд ли только можно говорить о преимуществе одного понимания вещи перед другим. Видимо, и то и другое понимание оправдано в своих пределах и для разных целей.

лаются всякий раз в соответствии с импульсами или командами. Делаемость «средства» обеспечивает его удобство для общения. Сделанные средства не накапливаются в пространстве, а исчезают по мере угасания звуковых волн. В противном случае языковые средства заполнили бы всю окружающую нас среду, поскольку каждый человек «делает» за свою жизнь миллиарды языковых знаков. «Сделанные» знаки (и их части — звуки) и являются элементами языка как средства общения. Команды, в соответствии с которыми «делаются» эти элементы, суть навыки, или умение «делать». Эти навыки представляют собой то, что называют знанием языка. Языковые знаки отличаются от артикуляционных команд так же, как, например, детали машины отличаются от умения их делать. (Умение сделать деталь отнюдь не равняется самой детали.) Разница здесь в том, что детали машин «сделаны» раз и навсегда. Соединение звучания (знака) со значением образует языковую единицу. Те единицы, которые делаются в «готовом виде», т. е. как бы воспроизводятся, как экземпляры одной и той же листовки или книги, определяются как единицы языка. Те единицы, которые делаются по языковому правилу на определенный случай и не имеют свойства *экземплярности*, определяются как единицы речи. К ним применяется термин «производятся». Таковы, например, свободные словосочетания и так называемые речевые слова. Каждая единица языка существует в виде множества «экземпляров», каждая единица речи существует в виде одного «экземпляра». «Делаемость» единиц языка и единиц речи имеет две формы: для первых — «воспроизводимость», для вторых — «производимость». Длительность существования одного «экземпляра» единицы языка измеряется временем существования звуковых волн, т. е. временем звучания. Что касается нервно-психического механизма, лежащего в основе образования языковых знаков, то его изучение с точки зрения развиваемой в этой книге концепции языка выходит за рамки анализа языка как средства общения. Это уже не есть собственно лингвистическая задача. Точно так же как в задачу машиноведения, изучающего устройство машин, их функционирование и их детали, не входит изучение умения и навыков делать эти машины.

Единство (тождество) одной и той же фонемы в разных случаях ее употребления обусловлено общностью ее функции в данном языке и, в частности, одной и той же смысловозначительной и смысловыразительной ролью (имеется в виду участие в выражении смысла в составе звуковой оболочки двусторонней единицы), а также одной и той же противопоставленностью другим фонемам языка. Если у листовки или книги функциональная общность, обеспечивающая ее тождество, обусловлена содержанием написанного на ней текста, то чем определяется функциональная общность фонемы в разных случаях употребления? Сама по себе фонема смысла не выражает. Она несет информацию прежде всего дифференциального характера: указывает на внешнее, чувственно воспринимаемое различие знаков (=звуковых оболочек). Указывать на внешнее различие знаков, что в конечном счете сводится к различению смысла, можно лишь за счет того или иного материального различия. Поэтому в основе общей функции одной и той же фонемы лежит всегда какое-либо материальное, физическое свойство, или качество, сохраняющееся у нее во всех случаях ее использования. Это же материальное качество отличает данную фонему и присущую ей функцию от всех других фонем и присущих им функций. Во всех «экземплярах» одной и той же фо-

немы сохраняется это материальное свойство, или качество. Степень этого качества может быть различна.

Образуя фонологическую систему какого-либо языка, звуки языка наделяются в этой системе функциональной значимостью, т. е. функцией, и противопоставленностью другим звукам. Иначе говоря, они приобретают качество фонем языка. Тем самым фонема определяется как звук в некоторой функции⁵⁷. Поскольку тождество функции основывается на каком-либо физическом свойстве звука, постольку можно считать, что реальные физико-физиологические (акустико-артикуляторные) свойства звуков являются системообразующими, а функциональные, или собственно фонологические, свойства, превращающие звуки в фонемы, являются системоприобретенными свойствами.

Сказанное подтверждается анализом природы фонологических дифференциальных признаков фонемы, которые, по мысли создателей теории дифференциальных признаков, соединяясь в «пучки», образуют фонемы как дифференциальные элементы языка. Сами названия всех пар дифференциальных признаков (гласный — негласный, согласный — несогласный, компактный — диффузный, напряженный — ненапряженный, звонкий — глухой и т. п.), а также введение их акустической и артикуляторной характеристики [235, с. 254—258] говорят об их чисто фонетической основе. Это, как уже говорилось, физические и физиологические свойства, взятые в функциональном аспекте. Каждый звук или, точнее, класс фонетически сходных звуков обладает рядом физических свойств, или признаков. Часть из них имеет функциональное назначение, т. е. обеспечивает смыслоразличительную роль и противопоставленность другим звукам. Это то, что называют собственно дифференциальными признаками. Другие признаки, говоря словами А. А. Реформатского, «наполняют» данную фонему как некоторую реальность (фонема берется здесь не в качестве инварианта, а в качестве конкретного варианта — звука) и являются ее интегральными признаками [157, с. 212]. Однако дифференциальные признаки сами по себе тоже являются интегральными. Любой «плюсовой» член пары дифференциальных признаков, например в паре «звонкость—незвонкость», есть физический акустический признак, обладающий физической характеристикой звонкости, и, как та-

⁵⁷ Напрашивается некоторая параллель между понятием *фонемы* как члена фонологической системы и *члена предложения* как члена системы предложения. Фонема есть звук в некоторой функции, член предложения есть слово в некоторой функции. В этом сопоставлении нельзя, однако, идти слишком далеко. Фонема как функциональное понятие опирается на один класс физически сходных звуков. Член предложения как функциональное понятие опирается на один или несколько классов грамматически однородных слов. Отмеченное сходство объясняется тем, что все элементы языка имеют в системе языка функциональную значимость, т. е. выступают в какой-либо функции.

ковой, является интегральным. «Минусовый» член пары, т. е. отсутствие данного признака, есть чисто дифференциальный признак. Он не «наполняет» никакой фонемы.

Самку лося в некотором смысле можно охарактеризовать как лося с «нулевыми» («минусовыми») рогами. Рога в этом случае будут «плюсовым» признаком, характеризующим самца. Для самца это и дифференциальный признак (есть то, чего нет у лосихи), и одновременно интегральный признак — часть физической характеристики лося-самца. Для лосихи отсутствие рогов есть чисто дифференциальная характеристика.

Всякая пара различительных признаков каких-либо объектов, подобранная по принципу «наличие—отсутствие», обязательно включает в себя положительную характеристику различаемых объектов. Поэтому различительные признаки невозможно оторвать от реальных свойств объектов. Одно из интегральных свойств звука (или класса сходных звуков) приобретает в системе данного языка функциональную значимость. Становясь «плюсовым» дифференциальным признаком в силу своей функциональной значимости, оно по своей природе остается физическим свойством звука.

Какие из реальных (интегральных) свойств звука следует при фонологическом описании определить как дифференциальные, устанавливается исследователем на основе прямого наблюдения. Отбираются такие физические свойства, которые реально различают слова, например, звонкость и глухость (звонкость — незвонкость) начальных согласных в паре слов *год* и *код*. Правила выделения фонем у Н. С. Трубецкого фактически представляют собой учет функционального аспекта чисто физических явлений — звуков. Об этом говорит сама формулировка правил⁵⁸.

Те интегральные свойства, которые в одном языке не приобретают качества дифференциальных (те же глухость и звонкость в китайском), в другом языке могут быть и являются дифференциальными. Свойство палатализации и веляризации согласных в той или иной степени, видимо, обнаруживается во всех языках. В русском языке (отчасти, видимо, и в силу чисто физических свойств — яркости) эти свойства приобрели, по мнению многих фонологов, функциональную значимость и стали различительными признаками фонем (ср. *мать* и *мат*).

Всякий интегральный признак может перейти в дифференциальный, а всякий дифференциальный («плюсовой») — передвинуться на положение интегрального, т. е. не имеющего фонологического значения.

⁵⁸ См., например, правило третье: «Если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы» [201, с. 56].

Это свидетельствует о том, что и интегральные и дифференциальные признаки имеют общую природу. Они представляют реальные свойства звуков как материальных явлений.

Но это говорит и о целостности звуковых единиц, которые приобретают качество фонем как некоторые целостности, поскольку их фонологические признаки — это те же интегральные признаки, которые невозможно отделить от звуковой единицы. Вряд ли поэтому можно согласиться с формулировкой Н. С. Трубецкого о том, что фонема «совпадает не с конкретным звуком, а только с его фонологически существенными признаками» [201, с. 45]. Этой формулировкой фонема помещается как бы на «кончик» звука и приравнивается к некоторым его свойствам. Но фонологически существенный признак есть физический и неотъемлемый признак звука, превращающий в силу своей функциональной значимости весь звук в фонему, точно так же как в пилота «превращается» человек целиком, а не какое-либо его свойство, например умение водить самолет как приобретенное в результате обучения.

В онтологии языка, таким образом, фонему следует считать *звуком* в определенной функции. В силу того что фонемы имеют характер «экземплярности», т. е. существуют в виде повторяющихся в разных условиях единиц, они существуют в форме *вариантов* одной и той же единицы. Поэтому *фонема* есть класс физически сходных звуков, имеющих тождественную функциональную значимость. Варианты фонемы — это не «воплотители» в буквальном смысле некоторой абстрактной сущности, но форма бытия фонемы. Фонема как абстракция, как название некоторого класса своих вариантов, конечно, может быть представлена как пучок дифференциальных признаков, точно так же как вид в биологии, отражающий общие свойства конкретных особей, может быть представлен как пучок признаков, отражающих видовые свойства некоторой группы особей и тем самым каждой особи, входящей в эту группу.

Фонема есть материал для образования знаков — сонем или номем. Значением наделяются уже целостные знаки — сонемы или номемы — как некоторые звукоряды. Один звук (или одна фонема) может быть частным случаем сонемы или номемы, как, например, отдельный гласный может быть частным случаем слога. Фонема принадлежит к собственно материальной сфере языка — к звуковой системе.

В рамках этой системы роль фонемы отчасти аналогична роли материального элемента в первичной материальной системе, поскольку ее собственные субстанциональные свойства непосредственно влияют на ее функциональное использование и в этом смысле являются системообразующими.

Но хотя функциональная значимость фонемы зависит от ее материальных качеств как звукового элемента, сама эта функциональная значимость приобретается фонемой лишь в силу

ее использования как материала и дифференциатора языковых знаков — сонем и номем. Поэтому роль фонемы в языке в целом не может быть полностью сведена к роли материального элемента в первичной материальной системе. Функциональная значимость фонемы в языке (т. е. то, что придает дискретному звуку качество фонемы) определяется *и* ее субстанциональными свойствами, *и* ее вхождением в языковые знаки, где фонема вступает в связь со смыслом прежде всего в качестве дифференциатора знаков и тем самым выражаемого знаками смысла. Иными словами, системоприобретенное свойство фонемы (функциональная значимость) зависит *и* от ее «природных» субстанциональных свойств, *и* от ее использования во вторичной материальной (знаковой) системе.

Как единица языка фонема предстает в единстве своих системообразующих и системоприобретенных свойств.

Фонема, как уже говорилось, «дознаковый элемент». Если на ее роль и функцию как строительного материала языковых знаков, т. е. чисто материальных элементов языка⁵⁹, непосредственно влияет ее материальная природа, то роль и функция в языке двусторонних единиц, морфем и слов, в которые знаки входят в качестве их звуковой стороны, определяется уже не материальной природой знаков, а их значениями, т. е. социально приписанными этим знакам свойствами.

В этом состоит отличие фонемы как односторонней единицы от двусторонних единиц, которые включают в свой состав знаки и в силу этого образуют вторичную материальную, или знаковую, систему.

При сопоставлении двух основных функций фонемы — смыслоразличительной и смысловыразительной (т. е. вхождение в звуковую оболочку морфемы или слова) — обнаруживается, что при реализации первой функции, которая всегда совпадает со смысловыразительной, обязательно обнаруживаются фонологически существенные свойства фонемы, а при реализации второй функции, которую можно назвать «наполнением звуковой оболочки», фонологически существенные свойства фонемы реализуются не обязательно. Именно поэтому «место» в звукоряде (звуковой оболочке), если оно не играет смыслоразличительной роли, может быть заполнено разными фонемами, т. е. звуками, принадлежащими разным фонемным классам. Например, [стол] и [сталом], [тянет] и [тините]. Эти случаи, в частности, служат основанием для отрицания необходимости обязательного учета физического сходства звуков при объединении их в одну фонему. Это те случаи, когда вариант одной фонемы совпадает с

⁵⁹ Знаки языка можно определить как материальные элементы языка, но они не являются единицами языка, поскольку, как уже говорилось, они не существуют отдельно от двусторонних единиц, в которые они входят в качестве их звуковых оболочек. В данном случае «элемент» и «единица» не одно и то же.

вариантом другой фонемы (сюда же относится нейтрализация глухости и звонкости русских согласных в исходе слова).

Все эти случаи всегда так или иначе объяснимы как случаи слабых позиций (безударных для гласных, нейтрализации для согласных и т. д.). Здесь можно говорить о «наполнении звуковых оболочек», т. е. об использовании звуков прежде всего в их смысловыразительной функции. При этом не обязательно реализуется смыслоразличительная функция. Но эти случаи не меняют общего правила, по которому в одну фонему объединяются фонетически сходные звуки.

Следует отметить, что замена одной фонемы на другую фонему в ее функции «наполнения» звукоряда при сохранении значения данного звукоряда также имеет некоторые ограничения. Так, в вариантах звукоряда [голова], [галава], [гълава,] [гылава], [г'лава] могут чередоваться (заменяться) [о], [а], [ъ], [ы] и нуль фонемы, но не могут появляться, например, согласные фонемы. Иначе говоря, в одной и той же позиции «наполнения» могут замещать друг друга только такие классы, которые имеют какие-либо общие черты, по которым их можно объединять в большие классы, или парадигмы. Нейтрализоваться могут только «родственные» по каким-либо признакам классы. В так называемых сильных позициях, где реализуется прежде всего смыслоразличительная функция, фонемы не могут быть представлены физически несходными звуками.

Итак, одна и та же фонема есть объединение фонетически сходных звуков. Но звуки, «входящие» в разные фонемы, также могут быть физически в той или иной мере сходны: [п] и [б], [с] и [з] и т. д. Вследствие этого вариант одной фонемы может быть «членом» другой фонемы, т. е. быть вариантом другой фонемы. Так, позиционный вариант фонемы [б] в русском языке — это глухой [п], который сам по себе есть вариант фонемы [п]. Фонемы переименовываются своими вариантами. От этого они не теряют своей целостности как класс фонетически сходных и функционально тождественных звуков. Это говорит только о том, что фонемы не изолированные, параллельно существующие классы, а пересекающиеся классы. В этом проявляется лишь сложность фонемной организации каждого языка.

2. Морфема и слово

Из истории термина «морфема».

Морфема Бодуэна де Куртенэ

По свидетельству Л. В. Щербы [230, с. 95], языкознание обязано термином *морфема* И. А. Бодуэну де Куртенэ, который употреблял его для обозначения минимальной значимой части слова. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Цельная связная речь де-

лится на предложения или фразы знаменательные, предложения на знаменательные слова, слова на морфологические слоги, или морфемы, морфемы на фонемы» [30, с. 121]. В другом месте, разбирая работы Н. Крушевского, он отмечал: «Против деления речи на предложения, предложений на слова, слов на морфологические единицы немного, пожалуй, можно сказать... Но на морфологической единице, или, как я ее назвал, „морфеме“, это деление кончается» [31, с. 182].

Морфема в указанном смысле обозначает такие несамостоятельные части слов, как корни и аффиксы всех видов: префиксы, инфиксы, суффиксы, окончания. (Корни мы определяем как знаменательные морфемы, все остальные морфемы — как служебные. В этот перечень не входит понятие основы, поскольку основа не есть неделимая часть слова, она может представлять комбинацию морфем. В то же время следует заметить, что по признаку синтаксической несамостоятельности основа отлична от слова и стоит в ряду с частями слов, определяемыми термином *морфема*.)

Такое определение и понимание термина *морфема* было воспринято основными направлениями, в частности, русского и советского языкознания и получило широкое распространение⁶⁰.

Сходное употребление термина *морфема* можно найти у И. И. Мещанинова: «Нельзя учение о формальной стороне слова с его значимыми частями (морфемами) отделять от учения о значимости самого слова» [123, с. 37]. И. И. Мещанинов разделил функции морфем, понимаемых в указанном смысле, на лексические и синтаксические и соответственно назвал одни морфемы лексемами, другие — синтаксемами. Последние, как указывает И. И. Мещанинов, сближаются с «морфемами Вандриеса» [123, с. 42], о которых мы скажем ниже.

У Н. Ф. Яковлева термин *морфема* используется в его первоначальном смысле — «форма». Он определяет морфологию как «учение о частях речи и типовых формах отдельных слов — морфемах» [237, с. 7]. Что же касается минимально значимых частей слов, то они получили у Н. Ф. Яковлева название «сема». Понятие семы Н. Ф. Яковлев выводил на основе изучения кавказских языков. Объективно понятие семы полностью совпало с морфемой в смысле Бодуэна де Куртенэ: «...сема — это простейшая значимая часть слова» [237, с. 236].

Известное распространение получили так называемые морфемы Ж. Вандриеса.

Ж. Вандриес разделил все языковые элементы на выражающие понятия, или идеи, и указывающие на отношения между ними [36, с. 76]. Первые он назвал семантемами, а вторые оп-

⁶⁰ Ср. определение морфемы в «Грамматике русского языка»: «Слова могут делиться на морфемы (от греческого слова *morphe* 'форма'), т. е. на отрезки, имеющие каждый то или иное значение в данном языке... Морфемы являются неделимыми со смысловой точки зрения единицами» [53, с. 11].

ределил как «языковые элементы, выражающие отношения между этими идеями» [36, с. 77]. И далее: «Морфемы выражают, следовательно, отношения, устанавливаемые умом между семантемами» [36, с. 77]. К морфемам Вандриес отнес все служебные средства языка, в том числе формальные части слов. Знаменательные же части слов в морфемы не вошли.

Другое содержание термин *морфема* получил, как уже говорилось, у Блумфилда [28, с. 168] и других дескриптивистов. Морфема определяется как минимальный звуковой отрезок, в фонетическом и семантическом отношении чем-либо отличающийся от других отрезков. По Блумфилду, морфема — минимальная языковая форма. В этом понимании термин *морфема* охватывает и части слов (корни и аффиксы), и простые знаменательные слова, и служебные слова. Г. Глисон утверждает, что «более простые слова английского языка являются морфемами» [43, с. 43]. Блумфилд называл морфемами такие слова, как *wolf*, *fox*, *dog* и т. д. [28, с. 169]. Аналогично у Глисона *walk*, *talk*, *follow*, *call* и др. «образуют обширный класс морфем» [43, с. 99].

Термин *морфема* в данном понимании также получил весьма широкое хождение. Поскольку в этом истолковании термин *морфема* обозначает не только части слов, но и сами слова, он стал использоваться не только при анализе слова, но и при анализе разного рода сочетаний слов и предложений, понимаемых как различные аранжировки морфем. Следствием этого является тенденция исключить понятия слова из грамматического анализа и признать морфему основной единицей языка, о чем уже говорилось выше.

Такое понимание, по-видимому, идет от Ф. де Соссюра, который утверждал, что «всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенным не отличается от члена фразы, т. е. факта синтаксического: распорядок составляющих его единиц низшего порядка подчиняется тем же основным принципам, как и образование словосочетаний» [192, с. 131].

Отказ от понятия слова как основной единицы языка и замена его понятием морфемы связан со стремлением преодолеть при описании языков трудности, обусловленные типологическими различиями языков, и желанием найти своего рода общую меру для всех языков. В слове наиболее полно фиксируются типологические различия между языками. Слова типологически разных языков действительно с трудом могут быть соизмеримы⁶¹.

Использование вместо понятия слова понятия морфемы, понимаемой как любой кратчайший значимый отрезок в языке, а такие отрезки могут быть обнаружены в любом языке, как будто дает возможность избежать тех трудностей, которые свя-

⁶¹ Ср. замечание Л. В. Щербы: «В самом деле, что такое „слово“? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия „слово вообще“ не существует» [232, с. 9].

заны с использованием понятия слова. Но тем самым снимается старая, поставленная еще Ф. Ф. Фортунатовым проблема: «Что представляет отдельное целое слово в отличие от ряда слов, соединенных одно с другим, а также и в отличие от каких-либо частей в слове» [213, с. 131]. Решение этой проблемы весьма существенно для раскрытия внутрисистемных связей в языке, поскольку и части слов, и слова, и сочетания слов — это реальные явления языка, находящиеся в разных отношениях между собой и друг с другом.

При рассмотрении системных свойств единиц языка целесообразно использовать термин *морфема* в том значении, которое позволяет отграничить обозначаемую этим термином единицу от других единиц языка.

Если выделить наиболее общие черты, характеризующие различные понимания термина *морфема*, то можно кратко сформулировать их следующим образом:

1) для морфемы Вандриеса основной характерной чертой является служебность: морфемами называются любые служебные средства языка вплоть до интонации, ударения и месторасположения;

2) для морфем Блумфилда основной чертой является минимальность: морфемы — кратчайшие значимые отрезки независимо от их роли и места в системе языка и независимо от их отношения к другим единицам (и простые слова, и служебные слова, и части слов);

3) для морфем Бодуэна характерной чертой является минимальность в сочетании с указанием их места в системе языка и отношения к другим единицам: морфемы — минимальные значимые части слова.

Блумфилдианское и бодуэновское определения морфемы сближаются в той части, где они характеризуют морфему как минимальный значимый звуковой отрезок. Отличие в том, что определение Бодуэна указывает на отношение к другой единице системы языка — слову («минимальная значимая часть слова»).

Общим для всех истолкований термина *морфема* является признание существования так называемых нулевых морфем. Под нулевой морфемой представители всех направлений понимают значимое отсутствие какой-либо служебной морфемы, «т. е. такой морфемы, которая не имеет никакой материально выраженной алломорфы» (см. Глисон [43, с. 120]). Вандриес писал: «В морфологии нулевая степень играет значительную роль. Ее значение определяется в основном противопоставлением, но это не умаляет его. В музыке пауза часто так же выразительна, как и мелодия, которую она прерывает...» [36, с. 81]⁶².

⁶² Попутно замечу, что значимое отсутствие какого-либо элемента вообще является характерной чертой всякой знаковой системы, в том числе и языковой. Отсутствие света в окне несет не меньше информации, чем свет в окне.

В связи с понятием нулевой морфемы использование термина *морфема* в блумфилдианском смысле ведет к ряду противоречий даже в работах сторонников данного понимания морфемы. Так, признание простых слов типа *walk, talk, wolf, fox* и т. д. морфемами, т. е. неделимыми единицами, при одновременном признании в языке нулевых морфем является противоречием, поскольку каждое из этих слов состоит из двух морфем — корневой и нулевой (аффиксальной). В силу этого такие единицы, как *walk, talk, wolf, fox* и т. д., нельзя признать неделимыми, т. е. морфемами в блумфилдианском смысле.

Проведенный обзор различных толкований термина *морфема* показывает, что морфема то противопоставляется слову, то приравнивается к слову, морфемами называют и формальные части слов, и синтаксически отдельные служебные слова, тем самым термин *морфема* используется для обозначения как неслова, так и слова.

Между тем членение слов на части, которые обладают иными свойствами, чем слово, есть объективный факт. Одним из важнейших свойств таких частей слов является их синтаксическая несамостоятельность. Под синтаксической несамостоятельностью понимается отсутствие у этих частей синтаксической отдельности. Эти части наделены определенным значением и в этом значении встречаются в разных словах. Они имеют в системе языка иное назначение и обнаруживают иные свойства, чем целые слова. Характеризуя различия слов и неслов, В. В. Виноградов (ссылаясь на Матезиуса и Норейна) писал: «Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны...» [39, с. 9—10]. Из этого, между прочим, следует, что между частями слов те или иные отношения или зависимости реализуются, как правило, только при их прямом (контактном) соположении (исключение составляют так называемые аналитические формы слов). Различные зависимости (или связи и отношения) между словами в речевой цепи могут реализоваться при их любом соположении — контактном или дистантном.

В системе языка обнаруживаются, таким образом, единицы, по своим свойствам качественно отличные от слов и обладающие рядом существенно общих признаков. Именно такие единицы образуют «сверхкласс», или уровень (см. ч. I, гл. II, § 3, п. 3), с четко выраженными уровневými чертами. Очевидно, целесообразно обозначать эти единицы особым термином, не используя его для обозначения единиц другого уровня. Таким термином является морфема Бодуэна.

Весьма выразительным может быть простое отсутствие речи. Ср. заключительную сцену «Бориса Годунова»: Мосальский. ...Что же вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! Народ безмолствует.

Бодуэновское определение морфемы в большей степени обладает достоинством системности, поскольку указывает на системный признак морфемы в языке — ее отношение к слову, т. е. на ее связь с единицей другого уровня.

Бодуэновское определение морфемы обозначает единицу, обладающую рядом гомогенных общих свойств, распространяющихся на все разновидности этой единицы. Основным из этих свойств является синтаксическая несамостоятельность морфемы в отличие от слова. Определение же морфемы по Блумфилду предполагает существование класса единиц, обладающих гетерогенными свойствами (синтаксическая самостоятельность и синтаксическая несамостоятельность и т. д.). Морфема Блумфилда может быть применена к единицам разных уровней.

Она охватывает как синтаксически самостоятельные единицы, т. е. слова, так и синтаксически несамостоятельные единицы, т. е. части слов. Тем самым морфема Блумфилда размыкает границы уровней, объединяя в один класс единицы, существенно различающиеся по своим свойствам и принадлежащие разным уровням.

Исходя из этих соображений, я считаю более оправданным употребление термина *морфема* в бодуэновском значении⁶³.

Различного рода исследования речевой деятельности⁶⁴ показывают, что речь воспринимается не по-фонемно и не по-морфемно, а по-словно. Вследствие этого «можно считать слово минимальной функциональной единицей речевой деятельности вообще» [99, с. 185].

Речевая деятельность людей, или речь, есть использование системы данного языка как средства общения. Если признать слово единицей речевой деятельности, то его следует в то же время признать и единицей языковой системы, функционированием которой является речь. Слова в составе предложений столь же неделимы, как и морфемы в пределах своего уровня. Если слово есть элемент системы языка, неделимый в пределах своего уровня, то правомерно усомниться в обоснованности тенденции отказа от понятия слова при анализе языковой системы и использования при таком анализе только понятия морфемы (будь то в бодуэновском или в блумфилдианском смысле).

⁶³ Применение бодуэновской морфемы к анализу некоторых категорий слов, например к простым неизменяемым наречиям или неизменяемым словам типа *кенгуру* и *бра* в русском языке, казалось бы, также создает противоречивую картину. У таких слов нет нулевых морфем. Стало быть, эти слова не могут быть расчленены на части, меньшие, чем слово (знаменательная морфема + нулевая морфема). Здесь слово и морфема как будто бы совпадают, т. е. целое совпадает со своей частью, если говорить о морфеме в бодуэновском смысле. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Пока же можно отметить, что в таких случаях эти единицы (наречия и неизменяемые существительные) должны быть определены по признаку синтаксической отдельности (и ряду других признаков) как слова, не выделяющие из своего состава морфем.

⁶⁴ Сводные данные по этому вопросу см. в работе А. А. Леонтьева [99].

Слово — это определенный тип связи морфем. И предложение как некоторый отрезок речевой цепи в каком-то смысле также состоит из морфем, понимаемых как минимальный значимый отрезок этой цепи. Однако вряд ли правомерно считать, что предложение или словосочетание представляет собой такой же тип связи морфем, как и слова. Непосредственно исходя из понятия связи морфем, минуя слово, невозможно объяснить ни строение того или иного сочетания слов, ни строение того или иного предложения. Слова не сочетаются с морфемами в линейной последовательности. Правила сочетания слов существенно отличны от правил сочетания морфем: слова по ряду признаков качественно отличны от морфем (в бодуэновском смысле), как целое отлично от части. Утверждение, что предложение состоит из морфем, аналогично утверждению, что город состоит из кирпичей, панелей и блоков, что в известном смысле может быть и верно. Однако непосредственно составляющие город части — это здания, обладающие иным качеством, чем кирпичи, панели и блоки, из которых они построены.

Для определенных целей рассмотрение города как некоторого объединения различных строительных материалов, по-видимому, оправданно. Точно так же в особых случаях оправданно рассмотрение предложения как набора морфем. Однако вряд ли правомерно при анализе предложений исключать из рассмотрения регулярно воспроизводимые в готовом виде более крупные, чем морфемы, единицы, называемые словами. Если предложение есть последовательность морфем, то границы слов отмечают переломы качества в этой последовательности.

И понятие слова, и понятие морфемы необходимы для лингвистического анализа системы языка. Каждое из них имеет свою сферу применения. Каждая из этих единиц находится в определенной зависимости от другой.

Во всех языках количество слов и морфем не совпадает. Если количество морфем в развитых языках измеряется числом порядка нескольких тысяч, то количество слов достигает многих десятков и даже сотен тысяч. Превышение количества слов над количеством морфем обусловлено тем, что практически в любом языке можно обнаружить слова, состоящие хотя бы из двух значимых частей — морфем. В то же время общая масса морфем в речи, учитывая повторяемость морфем в составе слов, всегда превышает общую массу слов.

Количественное соотношение морфем и слов подчиняется общему правилу, характеризующему соотношения единиц разных уровней: во всех языках количество фонем по сравнению с другими единицами минимально, однако в силу высокой повторяемости в речевом потоке их общая масса является максимально высокой. В языке фонем меньше, чем морфем; морфем меньше, чем слов; слов меньше, чем предложений. Однако в силу возрастающей повторяемости в речи единиц разных уровней в ре-

чевом потоке максимальное общее количество приходится на единицы самых низких уровней. Хотя количество предложений безгранично, общее число слов, их составляющих, всегда превышает количество предложений.

Чем ниже уровень языковой системы, тем меньшее количество единиц он насчитывает и тем выше повторяемость этих единиц в речи. Поэтому в речевом потоке максимальное количество составляют наименьшие по численности в пределах своего уровня единицы. И слова и морфемы в равной мере подчиняются этой известной закономерности. Данный факт лишний раз свидетельствует о существовании обеих единиц в системе языка.

Как было показано выше, и морфемы и слова обладают четко выраженными уровневыми признаками и образуют самостоятельные уровни.

Существование слова и морфемы в качестве единиц системы языка требует уточнения их взаимоотношений. В особенности это касается тех языков, где выделимость слова и отграничение его от морфемы относительно затруднены. Таковыми являются так называемые изолирующие языки, которые некоторыми лингвистами объявляются «по своей природе несловесными» [128, с. 26].

Если, однако, взять ряд образований этих языков, заведомо являющихся словами, например: кит. *панцзы* 'толстяк', *чжоцзы* 'стол', *шитоу* 'камень' и т. д.; вьетн. *nhà vãn* 'писатель', *nhà thơ* 'поэт', *nhà cách mạng* 'революционер' и т. п., и рассмотреть их строение, то в их составе можно выделить две значимые части. Слово *панцзы* состоит из части *пан-*, которая в отдельном употреблении имеет значение 'толстый', и части *-цзы*, не способной к самостоятельному употреблению, но регулярно повторяющейся в словах с предметным значением в качестве словообразующего элемента или в особой функции, о которой говорилось выше. Отсюда следует, что *-цзы* в составе слова *панцзы* можно определить только как морфему в бодуэновском смысле. Если же одна часть слова *панцзы* является морфемой, то и соединенная с ней другая часть слова должна быть определена как морфема в том же значении этого термина. По отношению к аффиксу *-цзы* морфема *пан-* выступает как корень. Точно так же в китайском слове *шитоу* имеются две морфемы: корневая морфема *ши-* и аффиксальная морфема *-тоу*; во вьетнамском слове *nhà vãn* имеется префикс *nhà*, обозначающий деятеля (в системе современного языка омоним слова *nhà* 'дом'), и корневая морфема *vãn* (в отдельном употреблении 'литература').

Основной запас слов этих языков составляют двусложные слова, в подавляющем большинстве распадающиеся на значимые части (исключения единичны). Каждый из этих языков обладает стабильным запасом воспроизводимых слов, входящих в систему этих языков в качестве единиц.

Если такие образования, как кит. *жэньминь* 'народ' или вьетн. *nhandan* 'народ', представляют слова, которые могут быть разложены на значимые части⁶⁵, естественно задаться вопросом, чем являются эти части по отношению друг к другу в составе слов. Поскольку мы имеем в составе слова две значимые части, меньшие, чем слово, ничто не препятствует определить эти части в составе слова как морфемы в смысле Бодуэна де Куртенэ.

Разбор этих простейших, но типовых примеров показывает, что к так называемым классическим изолирующим языкам типа китайского и вьетнамского в принципе применимо бодуэновское понимание морфемы. Другое дело, что соотношение морфемы и слова в этих языках отличается от привычного соотношения морфемы и слова во флективных языках.

Морфема как производная от слова «единица»

Изучение истории языков показывает, что слова исторически предшествуют морфемам. Ф. Ф. Фортунатов, отвечая на вопрос о том, откуда могли получиться первоначальные аффиксы, писал: «Наблюдение над образованием новых форм слов в те эпохи жизни языков, которые доступны для исторического изучения, показывают, что суффиксы и префиксы новых форм слов могут происходить из отдельных форм слов с формальным значением (а формальное значение слов само развивается из значения неформального), причем, следовательно, и основы слов в таких формах (т. е. части слов с неформальным, материальным значением в данной форме) оказываются происшедшими из отдельных слов» [213, с. 148, 149]. Подтвердив это утверждение примерами суффиксов, служащих для образования форм лица у французских глаголов будущего времени (*aimerai* из *aimer ai* букв. 'любить имею'), Ф. Ф. Фортунатов заключает: «Эти и другие случаи образования суффиксов и префиксов из отдельных слов мы находим, правда, в языках, уже имевших формы слов, уже знавших аффиксы, но тем не менее на основании таких случаев мы имеем право предполагать, что и в те эпохи, когда создавались в том или другом языке первые формы слов при посредстве суффиксов или префиксов, эти древнейшие суффиксы и префиксы возникали из отдельных слов, причем, следовательно, и в основы, соединявшиеся с суффиксами и префиксами такого происхождения, обращались отдельные слова» [213, с. 149].

Аналогичной концепции придерживается Герман Пауль. Знаменательные слова, как отмечал Г. Пауль, отправная точка не только для развития морфем, но и всех видов служебных слов: «Предлоги и союзы возникают из самостоятельных слов...» [138, с. 436].

⁶⁵ Пока мы отвлекаемся от вопроса, чем являются эти части по извлечении из слов.

Исследуя структуру слова в тюркских и финно-угорских языках, Б. А. Серебренников пришел к следующему заключению: «На основании изучения процессов исторического изменения слов и словосочетаний мы считаем возможным выделить в языке три категории: а) полнозначные слова; б) слова-конструкты и в) морфемы, исторически развившиеся из некогда полнозначных слов и в данное время переставших быть словами. Отправной точкой развития мы считаем полнозначные слова» [164, с. 216].

Совершенно отчетливо происхождение служебных слов⁶⁶, а также знаменательных и служебных морфем прослеживается и на материалах изолирующих языков.

Соотнесенность современных служебных элементов китайского и вьетнамского языков со знаменательными словами в большинстве случаев весьма прозрачна. Так, вьетнамский показатель прошедшего времени *đã* явственно возводится к наречию *đã* 'уже', которое употребляется в современном языке. Китайские видовые суффиксы *-ла* и *-го* восходят соответственно к глаголам *ляо* 'завершать' и *го* 'проходить' и т. д. То же можно сказать и о служебных словах — предлогах и союзах. Компоненты сложных слов, которые (в составе таких слов) мы выше определили как морфемы, до того как они попали в состав сложных слов, в подавляющем большинстве являлись (или являются по извлечении из состава сложных слов) знаменательными словами.

Первичность знаменательного слова по отношению к служебным словам и морфемам вытекает также из общетеоретических рассуждений. Так, трудно допустить возникновение сначала частей слов, выражающих те или иные значения или некоторые «части» общего значения, а затем возникновение их различных комбинаций, именуемых словами. Иначе говоря, невозможно предполагать, что, например, сначала образовались корни и аффиксы, а затем из них сложились слова.

Скорее следует предположить обратное: сначала появились целые, нерасчлененные, но синтаксически самостоятельные единицы, а затем происходило их превращение в силу тех или иных причин в синтаксически несамостоятельные единицы, определяемые в настоящей работе как морфемы.

На основании данных истории языков процесс становления морфем как несамостоятельных частей слов гипотетически можно представить в общих чертах следующим образом.

Переход от синтаксически самостоятельной единицы (слова) к синтаксически несамостоятельной (морфеме) происходит путем стягивания двух ранее самостоятельных единиц в одну. Если две самостоятельные единицы *A* и *B* стягиваются в одну *AB*, которая становится самостоятельной цельной единицей, подобно

⁶⁶ Под служебными словами понимаются служебные элементы языка, характеризующиеся синтаксической самостоятельностью (отдельностью).

каждой из ранее самостоятельных единиц, то в составе новой единицы AB единицы A и B утрачивают самостоятельность и приобретают качество частей целого. В той мере, в какой целое AB уподобляется слову, его части A и B становятся частями слова, т. е., по определению, морфемами.

Такие морфемы в течение какого-то достаточно длительного времени могут быть невыделимыми из слова как единицы, не способные к самостоятельному употреблению, т. е. при их выделении они «восстанавливают» качество самостоятельных единиц. В силу постоянного употребления в составе AB либо A , либо B , либо обе эти единицы могут вообще утратить способность употребляться отдельно. Тогда по выделении компонент не восстанавливает качества слова и становится морфемой, которая как в составе целого, так и вне его по признаку несамостоятельности отличается от слова.

Таков схематично процесс становления морфем. Поскольку первоначальное сочетание $A+B$ может быть только сочетанием слов, т. е. словосочетанием, то в конечном счете морфемы рождаются из словосочетаний, т. е. в результате превращения словосочетаний в слова. Конечно, в развитых языках соединение двух самостоятельных слов A и B в сложное слово AB может происходить по словообразовательной модели, минуя словосочетание. Однако сами модели образования сложных слов, как правило, являются аналогами моделей словосочетаний и порождаются ими. Это отчетливо подтверждается материалами изолирующих языков и, видимо, многих других языков.

Элементы A и B (или любые другие), принимаемые за первоначальные, по признаку самостоятельности определяются как слова. В их составе вследствие их неделимости на части вообще нет каких-либо частей. Они неделимы на значимые части, т. е. на морфемы. Утрачивая самостоятельность в составе целого, именно эти бывшие самостоятельные элементы сами превращаются в морфемы.

Первичность слова по отношению к морфеме позволяет ставить вопрос о существовании и в современных языках слов, не выделивших (или не выделяющих) из своего состава морфем. Такими словами, например, являются простые неизменяемые слова любого языка, т. е. слова, к которым неприменимо понятие нулевого оформления. Отношение слова и морфемы с точки зрения диахронии помогает уяснению взаимоотношения этих категорий в плане синхронии.

Значение морфемы и слова

Различие между словом и морфемой в большинстве языков, взятых в их синхронном срезе, обнаруживается, как уже говорилось, прежде всего в синтаксической самостоятельности первого и несамостоятельности второй. Это противопоставление свя-

зано с разным характером значений, которыми обладают слова и морфемы (имеются в виду знаменательные слова и знаменательные морфемы).

Значение слов понятийно. Это значит, что слово способно выражать то или иное определенное понятие. Морфема не выражает определенного понятия как обобщенного представления о том или ином классе предметов или явлений.

Функция названия (или выражения понятия) характерна для слова и не присуща морфеме. Иногда говорят, что морфемы выражают понятия, хотя в отличие от слов они не могут «называть» [156, с. 23]. С нашей точки зрения, «выразить понятие» и «назвать» тот или иной класс предметов или явлений — одно и то же. Отнесение языкового знака к классу предметов (или одному предмету) осуществляется через понятие об этом классе (см. ч. II, гл. I, с. 110).

С понятийным характером значения слова связана его синтаксическая самостоятельность, и, наоборот, неспособность морфемы выражать понятие проявляется в ее синтаксической несамостоятельности.

В отличие от слова значение морфемы ассоциативно. Ассоциативный характер значения знаменательных морфем показывает пример А. А. Реформатского с морфемой *красн*- [156, с. 23]. Лица, владеющие русским языком, о значении этой морфемы могут сказать лишь, что оно связано с чем-то красным. Но с чем именно — неизвестно. Это может быть «красный», «краснота», «краснеть». Ассоциативный характер значения морфемы заключается в соотнесенности морфемы с рядом понятий, из которых ни одно не выражается данной морфемой. Понятия, с которыми соотносится данная морфема по ассоциации, выражаются в тех словах, в которых встречается данная морфема. В нашем примере это слова *красный, краснота, краснеть*.

Ассоциативность значения морфемы принципиально отличается от многозначности слова. Многозначность слова проявляется в соотнесенности слова с рядом понятий, каждое из которых может быть выражено порознь средствами самого этого слова в соответствующем контекстовом окружении. В конкретном употреблении слово всегда выражает только одно понятие.

Ассоциативность значения морфемы не может быть ликвидирована синтаксическим контекстом, поскольку морфема лишена синтаксической самостоятельности. Ассоциативность значения морфемы снимается в микроконтексте, образуемом словом, в которое входит данная морфема.

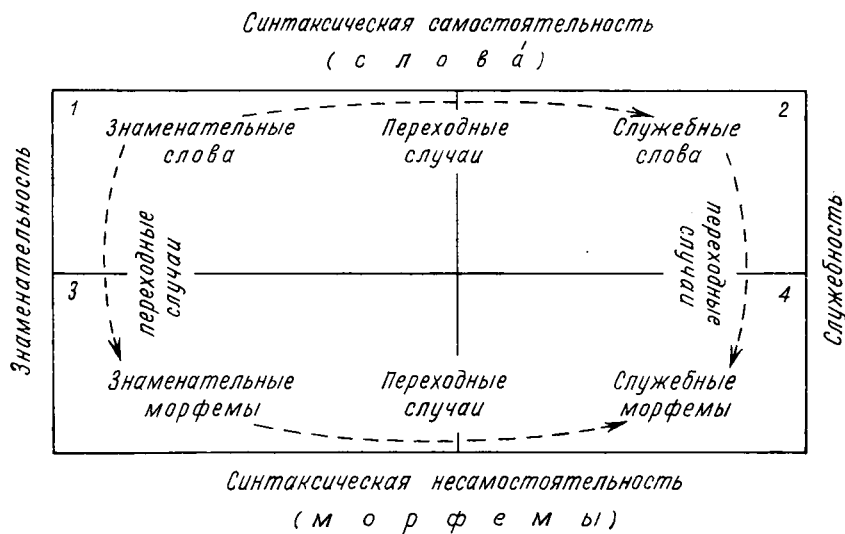
Что касается служебных слов и морфем, то их значение вообще несоотносимо со значениями знаменательных слов, хотя они (через промежуточные ступени) имеют в своем истоке в большинстве случаев знаменательные слова.

Если отдать дань распространенному словоупотреблению и рассматривать слово и морфему как единицы плана выражения⁶⁷, т. е. номемы и сонемы, то их соотношение с планом содержания принципиально различно. Именно к словам может быть отнесена характеристика, которую Г. Глисон дает морфеме: «Наименьшая значимая единица выражения, которую можно соотнести с каким-либо одним конкретным фактом в структуре содержания» [43, с. 109]. В отличие от слова (точнее, номемы) морфема (или, точнее, сонема) несоотносима с конкретным фактом в структуре содержания, если, конечно, не понимать слова «факт» в весьма широком смысле как некоторую ассоциацию понятий.

Соотношение слов и морфем.

Связь словесного и морфемного уровней

Между знаменательными словами, знаменательными морфемами, служебными словами и служебными морфемами существуют определенные связи и взаимные зависимости как в синхронном, так и в диахроническом плане. Графически их можно представить в виде следующей схемы:

На этой схеме в четырех квадратах (1, 2, 3, 4-м), образуемых осями координат, расположены единицы морфемного и

⁶⁷ Это, как я уже говорил, неточно, поскольку морфема и слово как двусторонние единицы объединяют в себе и план выражения, и план содержания.

словесного уровней. Единицы 1-го и 2-го квадратов объединяются признаком синтаксической самостоятельности (знаменательные и служебные слова), единицы 3-го и 4-го квадратов — признаком синтаксической несамостоятельности (знаменательные и служебные морфемы); единицы 1-го и 3-го квадратов — признаком знаменательности (знаменательные слова и морфемы); единицы 2-го и 4-го квадратов — признаком служебности (служебные слова и морфемы). Пунктирные линии, соединяющие квадраты, указывают направления, в которых может идти развитие различных единиц морфологического уровня. Исходным пунктом развития является 1-й квадрат. Единицы 1-го квадрата (знаменательные слова) порождают единицы 2, 3 и 4-го квадратов в последовательности, обозначенной пунктирной стрелкой. Конечным пунктом развития является 4-й квадрат (служебные морфемы — части слов). Это не значит, что каждая единица соответствующих уровней проделывает весь этот путь развития. Знаменательное слово может породить либо только служебное слово, либо только знаменательную морфему. Знаменательное слово вообще может не породить ни одной другой единицы.

В конкретных языках между единицами 1, 2, 3 и 4-го квадратов происходит непрерывное движение в указанных направлениях. Единицы каждого из квадратов обладают совокупностью свойств, отличающих их от единиц всех других квадратов.

В то же время в конкретных языках наблюдаются переходные случаи, т. е. встречаются единицы, в какой-то мере совмещающие в себе свойства единиц, расположенных в смежных квадратах. Ниже будут указаны некоторые такие случаи на примере знаменательной морфемы.

Общей закономерностью является либо развитие от знаменательных слов через знаменательные морфемы к служебным морфемам, либо развитие от знаменательных слов через служебные слова к служебным морфемам.

Известны, однако, случаи, правда довольно редкие, когда служебная морфема как бы превращается в знаменательную морфему или даже в знаменательное слово, т. е. спорадически наблюдается обратное движение. Так, английский суффикс числительных *teen*, развившийся из знаменательного слова, в свою очередь, выступает как корневая морфема в слове *teenager* (молodeжь в возрасте от 13 до 19 лет) или даже как слово в примере: *a girl in her teens* (девушка в возрасте от 13 до 19 лет). Нечто подобное встречается и в русском языке. Ср.: *Сюзи привлекательна. Она не взрослая, она «надцатилетняя», но не принадлежит к типу расхлябанных тинэйджеров в мини-юбках* («Комсомольская правда», 3.VIII.1967). Здесь в русском тексте в одном случае заимствуется английское слово *teenager*, а в другом дается его калька, в которой суффикс *-надцать* — корневая морфема.

Однако такого рода явления, связанные с метонимическим переносом на суффикс значения целого ряда слов (ср. также известные случаи «оживления» в русском языке суффикса *-изм* и т. п.), не составляют сколько-нибудь устойчивой тенденции и не опровергают общей закономерности.

Единицы, расположенные в 1-м квадрате (знаменательные слова), могут иметь сложное строение и состоять из ряда единиц 3-го и 4-го квадратов. Они, однако, неделимы в пределах своего уровня (слов). Они также могут быть простыми, а в случае неизменяемости (например, некоторые типы русских наречий, заимствованные слова типа *бра* и *кенгуру* и т. д.) вообще не выделяют из своего состава морфем.

Единицы 2-го квадрата в большинстве случаев представляют простые неизменяемые слова (и поэтому не выделяют из своего состава морфем), но могут также быть членимы на морфемы (некоторые служебные глаголы в различных языках, например англ. *do, does*).

Комбинации единиц 1-го и 2-го квадратов могут образовывать сложные или аналитические формы слов.

Что касается единиц 3-го и 4-го квадратов, то они являются морфологически неделимыми. Комбинации этих единиц могут образовывать сложные, синтаксически несамостоятельные единицы — основы, хотя последние могут быть простыми, т. е. неразложимыми.

Предложенная схема, изображающая строение и связь словесного и морфемного уровней и направление развития единиц этих уровней, в обобщенном виде (т. е. с отвлечением от ряда конкретных черт), по-видимому, может быть отнесена к любому языку⁶⁸.

В конкретных языках неодинаков удельный вес каждой категории единиц (1, 2, 3, 4) и, что самое главное, имеются глубокие расхождения в способе существования этих единиц, а также в способе их сочетания друг с другом, что и определяет вместе с другими чертами типологические особенности каждого языка.

⁶⁸ Если слова и морфемы условно объединить по признаку вхождения морфем в слова (или разложения слов на морфемы) в общий «морфологический» уровень, то данную схему можно рассматривать как строение этого «морфологического уровня».

Нерасчлененным понятием «морфологического уровня», понимаемого как объединение слов и морфем, я пользовался в работе «Морфема и слово» [183]. Основные идеи этой работы излагаются здесь. Однако выделение такого «уровня» с точки зрения уровневых признаков составляющих его единиц неоправданно, хотя изучение слов вне морфемного состава, равно как и изучение морфем вне слов, возможно лишь в ограниченных пределах. Изучение морфемного состава слова является, как известно, предметом морфологии и позволяет в силу этого объединить в некоторую целостность словесный и морфемный уровни. Это объединение двух уровней можно назвать морфологической системой языка.

Проблема выделяемости морфемы и специфика изолирующих языков

Слово, как уже говорилось, единственная реальность для говорящих. Морфема — результат лингвистического анализа слова. Г. Пауль писал: «...представление об отдельных частях слова не есть нечто непосредственно данное, оно складывается в результате научных раздумий...» [138, с. 71].

Тем не менее повторяемость морфемы в разных комбинациях в различных словах, участие морфем в процессе образования новых слов говорят о том, что обозначаемые «морфемами» части слов выделяемы и вычленимы так называемым языковым мышлением говорящих, т. е. они могут ими осознаваться как некоторые звуковые отрезки, обладающие значением.

Реальное бытие морфем — в составе слов, поэтому они и определяются как части слов. Вместе с тем морфема может быть искусственно выделена из слова. С точки зрения *выделяемости морфем* можно наметить следующие два случая.

Первый случай. Морфема выделяется из слова как звуковой отрезок, не способный к самостоятельному употреблению.

Это характерно прежде всего для флективных, и в особенности для флективно-синтетических языков. Примером таких морфем могут служить: русск. *красн-, уч-, -ому, -а, -л*; в меньшей мере англ. *-toler-* (из слова *intolerable*), *-ly, -ed, -s*, и т. д. Эти морфемы могут быть как знаменательными, так и служебными.

В типологически полярных изолирующих языках так выделяются только служебные морфемы и лишь часть знаменательных морфем, например: кит. *-ла, -мэнь, -цзы, -тоу* и т. д.; вьетн. *nhà*. По извлечении из слов эти морфемы осознаются как имеющие некоторое значение, но они не могут самостоятельно, вне слова, использоваться при построении предложений.

Второй случай. Морфема может выделяться только в слове как его часть. По извлечении из слова такая морфема становится практически неотличимой от целого слова.

Например, в составе китайского слова *панцзы* 'толстяк' и *пан-* и *-цзы* являются морфемами: *-цзы* и по извлечении осознается как морфема, как несамостоятельная часть слова, однако *пан-* вне слова *панцзы* неотличимо от самостоятельного слова — прилагательного *пан* 'толстый', 'полный'. Аналогично во вьетнамском языке.

С точки зрения выделяемости в типологически полярных языковых группах (флективно-синтетические и изолирующие языки) служебные морфемы обнаруживают принципиальное сходство. И в составе слов, и вне их они осознаются как отрезки, наделенные некоторым значением, но не способные к отдельному синтаксическому употреблению. Способ существования служебных морфем (имеются в виду словообразовательные и формообразовательные части слов) принципиально одинаков в известных нам языках разных систем.

Что касается знаменательных морфем, то их выделяемость и тем самым способ существования различны в языках разных систем.

Разные способы существования знаменательных морфем и их различная выделяемость определяют и степень четкости границы между словом и морфемой. Граница слова и морфемы резко очерчена в языках, где морфема выделяется из слов как реальный звуковой отрезок, не способный к самостоятельному употреблению. Так, если морфема представляет собой отрезок типа *красн-*, то для функционирования она обязательно должна соединиться с какой-либо другой морфемой — обычно служебной (формальной). Иначе говоря, в этом случае слово должно быть морфологически оформлено. Наличие морфологического оформления обуславливает четкую выделяемость слова. Поэтому выделяемость знаменательной морфемы из слова обуславливает четкую выделяемость слова как морфологической единицы.

Наоборот, там, где морфема существует только в составе слова и по выделении из слова становится неотличимой от слова, граница слова и морфемы расплывчата. Такого рода *невыводимость* знаменательной морфемы, т. е. неотличимость морфемы по выделении из слова от грамматически законченного слова, объясняет необязательность ее соединения с другой или другим морфемами для самостоятельного функционирования⁶⁹. В этом, в частности, проявляется так называемая факультативность морфологического оформления слова в изолирующих языках. Проблема факультативности форм слова не сводится только к указанному моменту. Однако здесь мы сталкиваемся с одним из аспектов и, быть может, со своего рода истоком самого явления факультативности, доставляющего много хлопот исследователям изолирующих языков.

Внешняя неотличимость от слова выделенной из слова морфемы наблюдается, по-видимому, во всех языках, но в разной степени. Спорадически это явление можно наблюдать в русском языке. Морфема *стол-* внешне неотличима от слова *стол*. Весьма широко это явление представлено в английском языке, в котором отчетливо наблюдается нарастание изоляции, хотя по ряду других признаков этот язык остается флективным. Среди знаменательных морфем современного английского языка, пожалуй, труднее найти выделяемую, но синтаксически самостоятельную морфему, чем морфему, ничем внешне не отличающую от слова. Для китайского и вьетнамского языков неотличимость от слова выделенной из слова морфемы есть общее ти-

⁶⁹ Некоторые односложные слова китайского и вьетнамского языков в системе современного языка либо полностью, либо частично утратили способность к самостоятельному употреблению. Для таких слов соединение со служебной или знаменательной морфемой обязательно [182, с. 14]. Фактически эти слова стали морфемами как в составе сложных и производных слов, так и вне их.

пологическое свойство или общий закон, хотя спорадически и в этих языках можно наблюдать случаи, когда разложение слова на морфемы ведет к выделению знаменательной морфемы, лишенной синтаксической самостоятельности.

Невыделимость знаменательной морфемы из состава сложного или производного слова означает, что в этом случае морфема неотличима от простого слова. Иначе говоря, простое слово не членится на морфемы и не выделяет из своего состава морфем. Так же как и неизменяемые русские наречия, его можно определить с некоторой точки зрения как «неморфемное». Такая оценка простого слова возможна лишь при условии рассмотрения его как не обладающего нулевым оформлением. Вместе с тем простое слово в изолирующих языках обладает рядом признаков, которые характеризуют его как слово. Эти признаки совпадают с признаками слов в языках иной типологии. К их числу относится грамматическая законченность, проявляющаяся в таких свойствах, как способность выражать понятие (называть), синтаксическая самостоятельность (отдельность). Этим простое слово отличается от морфемы, определяемой как единица, лишенная этих признаков.

Когда мы говорим, что в русском языке морфема *стол-* по извлечении из слова *стол* неотличима от этого слова, то фактически мы имеем дело с внешним неразличием. Слово *стол* в системе русского языка оформлено нулевой морфемой, выражающей значение именительного падежа единственного числа. Можно считать, что морфема *стол-*, не имеющая нулевого показателя, отлична от грамматически законченного слова *стол*.

Несколько лет назад мною была предпринята попытка показать, что в известных пределах слово, и в частности простое слово в китайском языке, в противопоставлении иным формам этого же слова может быть рассмотрено как имеющее «нулевую морфему» [179].

Например, в глаголе *чы* 'есть' в предложении *во чы* 'я намереваюсь (буду) есть' «нулевая морфема», выводимая из сопоставления с рядом суффиксально оформленных форм этого слова: *чыла* (совершенный вид), *чычжэ* (длительный вид), служит для выражения значения предстоящего действия, не передаваемого формами *чыла*, *чычжэ* и др. Признавая существование у односложного слова китайского языка нулевого оформления, можно говорить об отличии его от извлекаемой из слова односложной морфемы в том же смысле, в каком мы говорим об отличии слова *стол* от морфемы *стол-*.

Но даже если односложное слово китайского языка может быть рассмотрено как имеющее нулевую форму, необходимо констатировать глубокое типологическое отличие соответствующих явлений в русском и китайском языках. В китайском языке при известных условиях глагол без служебных морфем может употребляться в тех же (или близких) значениях, что и глагол

со служебными морфемами. Я определяю китайское слово в этом его качестве как «абсолютную форму» [179]. Выступая в одних случаях в виде нулевой формы, то же простое слово в других случаях употребляется в качестве абсолютной формы. В этом своем качестве слово хотя и грамматически закончено, но не распадается на морфемы.

Все простые слова в китайском и вьетнамском языках делятся на изменяемые и неизменяемые. Неизменяемые слова заведомо не выделяют из своего состава морфем. Изменяемые выделяют в той мере, в какой они обладают нулевой формой.

Если учитывать наличие простых неизменяемых слов, а также свойство всех изменяемых слов употребляться в качестве абсолютной формы, то следует признать, что в китайском и вьетнамском языках, с одной стороны, простое слово по своим общим свойствам (грамматическая законченность и т. д.) отличается от морфемы и, с другой стороны, простое слово не выделяет из своего состава морфемы, т. е. является, как уже говорилось, неморфемным.

Здесь, однако, возникает вопрос о правомерности признания целой категории слов «неморфемными» в условиях наличия в языке морфологического уровня. Альтернативой понятия «неморфемный» является понятие «одноморфемный». Признание простых неизменяемых слов неморфемными отрицает их одноморфемность, а также предполагает, что слово, включающее в свой состав морфемы, должно быть не менее, чем двуморфемным. (Ср., однако, соотношение единиц в других уровнях: предложение может быть однословным, а звуковая оболочка морфемы — *сонема* — однофонемной.)

В предыдущем издании этой книги и в ряде других работ я склонялся к тому, чтобы простые неизменяемые слова определять только как «неморфемные». Основанием для этого служил сам факт невозможности реально выделить из таких слов морфему как единицу, лишенную синтаксической самостоятельности.

Если гипотетически представить себе язык, не имеющий морфологического уровня, т. е. такой, в котором все слова не выделяют из своего состава морфемы (среди реальных языков к такому гипотетическому языку, по-видимому, близок древнекитайский в иероглифической записи, которая, возможно, скрывает остатки древней морфологии), то в таком языке вообще не будет морфем и, соответственно, каждое слово действительно окажется неморфемным.

В языках же, имеющих морфологический уровень, простое неизменяемое слово находится в разнообразных системных отношениях и связях со словами, выделяющими из своего состава морфемы, т. е. членимыми на морфемы, и должно быть морфологически оценено с учетом этих системных отношений.

В условиях наличия морфемного уровня любое простое не-

изменяемое слово может стать компонентом сложного или производного слова, где в соединении с синтаксически несамостоятельным компонентом-морфемой само приобретает характер морфемы. Например, в китайском языке простое неизменяемое слово *чэ* 'повозка, экипаж, телега' в составе слова *чэцзы* 'повозка, телега', которое имеет суффикс предметности *-цзы*, лишается синтаксической самостоятельности и превращается в морфему в бодуэновском смысле. Подтверждением того, что в данном случае *чэ* не имеет синтаксической самостоятельности, служит сам факт сочетания с заведомо синтаксически несамостоятельной величиной — суффиксом (см. правило уровневой сочетаемости), а также то, что в такой же позиции в составе слова может оказаться единица, которая и в отдельности, вне слова, частично или в значительной мере лишена синтаксической самостоятельности. Так, например, компонент *у* в слове *уцзы* 'комната' в отдельности не имеет статуса синтаксически самостоятельной величины.

Аналогично и в русском языке простое неизменяемое слово, например *кенгуру*, может оказаться в «морфемной» позиции и стать синтаксически несамостоятельной единицей, как, например, в составе слова *кенгуруобразный* и т. д. Поскольку же в указанных условиях простое неизменяемое слово выступает как морфема и при этом, разумеется, как одна морфема, мы можем ставить вопрос о его одноморфемности. Морфема, входящая в такое слово, не выделяясь реально из слова как звуковой отрезок, имеющий значение, но лишенный синтаксической самостоятельности, должна быть охарактеризована как некоторая лингвистическая абстракция, как двусторонняя единица в отвлечении от свойства синтаксической самостоятельности. Действительное снятие свойств синтаксической самостоятельности у такой единицы происходит при вхождении ее в состав сложного или производного слова. (Ср.: слово отличается от однословного предложения отсутствием признака коммуникативности, от которого при переходе от однословного предложения к отдельному слову отвлекаются.)

Таким образом, наличие в языке морфемного уровня создает необходимые системные условия для признания слов, которые реально не выделяют из своего состава морфем, одноморфемными.

По-видимому, простое неизменяемое слово только с исторической точки зрения является неморфемным, в языках же, имеющих морфемы, системные отношения, в которые включаются такие слова, дают основания считать их одноморфемными.

Проведенные рассуждения подводят к выводу об известной близости простого слова и знаменательной морфемы в изолирующих языках.

Некоторые свойства простых слов изолирующих языков ил-

люстрируют их сходство с морфемами. Простое (односложное) слово этих языков, как правило, многозначно. Вне контекстного окружения нельзя с определенностью сказать, какое понятие выражает слово.

Вьетнамское слово *sam* может означать и плод апельсина, и апельсиновое дерево. Один из способов достижения понятийной однозначности заключается в присоединении к нему других слов, иногда называемых родовыми словами. Последние приобретают качество морфем. В результате образуются понятийно однозначные сложные слова: *sam* 'апельсин' (и плод и дерево) — *quả sam* 'апельсин' (плод) — *cây sam* 'апельсин' (дерево) (*quả* 'плод', *cây* 'дерево').

Этот прием аналогичен соединению знаменательной морфемы с соответствующими аффиксами в русском языке, например: *красн-* (что-то связанное с красным), *красн-ота*, *красн-еть*, *красн-ый*.

В отличие, однако, от морфемы *красн-* понятийная однозначность слова *sam* может быть достигнута также за счет контекстного словесного окружения, т. е. тем же путем, каким достигается понятийная однозначность слов. Например, в контексте *tôi mua chuối, sam, quýt vân vân* 'Я покупаю бананы, апельсины, мандарины и т. п.' слово *sam* обозначает только 'апельсин' как плод, точно так же как *chuối* и *quýt* соответственно обозначают 'банан' и 'мандарин'.

Материалы разных языков (а изолирующих языков в особенности) показывают, что между словами и морфемами не существует жесткой грани не только с исторической точки зрения, но и в системе языка в современном ее состоянии. Взаимопереход категорий слова и морфемы может быть в больших или меньших размерах обнаружен во всех языках. В русском языке мы можем наблюдать случаи, когда элемент языка, имеющий морфемный облик и являющийся с точки зрения системы языка именно морфемой, функционирует как слово, хотя и в строго ограниченных условиях. Например, в отличие от самостоятельного слова *кино́* (ударение на втором слоге) в сложных словах регулярно встречается морфема в ином фонетическом обличье — *ки́но* (*ки́нолента*, *ки́нозал*, *ки́нобудка*, *ки́носъёмка* и т. д.). Смещение ударения в данном случае есть признак морфемного характера данного отрезка. Однако на вывесках, в газетной и устной речи мы встречаем *Ки́но-* и *фотоготовары*, где *ки́но-* благодаря наличию союза *и* употреблено как слово (ср. также *формо-* и *словообразование* и т. п.). Это явление не есть какое-то новшество в русском языке или аномалия. В записной книжке Павла Вяземского, современника А. С. Пушкина, встречается выражение *благо-* или *злоприобретенное*.

Изолирующие языки демонстрируют массовый взаимопереход слов и морфем. Здесь можно выделить по крайней мере три случая.

1. Односложные элементы языка функционируют то в качестве отдельных слов, то в составе сложных и производных слов в качестве морфем (кит. *жэнь* 'народ' и *жэнь* в составе слова *жэньминь* 'народ', *пан* 'толстый' и *панцзы* 'толстяк'; *thô* 'стихи' и *nhà thô* 'поэт', где *nhà* — префикс деятеля и т. д.). Это явление характерно для синхронного состояния китайского и вьетнамского языков.

2. В китайском языке многие старые односложные простые слова фактически перешли на положение морфем. Они утратили способность употребляться самостоятельно и встречаются только в качестве компонентов сложных слов. Таким, например, является старый китайский глагол *ли* 'стоять', существительное *му* 'дерево' и т. д.⁷⁰. Существует обширная группа слов, которые занимают как бы промежуточное положение между самостоятельными словами и словами, перешедшими на положение частей слов. В свое время они были названы мной «полусамостоятельные слова» [175; 174]. Функционирование таких слов в речи не исключено, но ограничено рядом условий. Здесь можно наблюдать исторический сдвиг в системе морфологических единиц (слов и морфем) китайского языка. Во вьетнамском языке аналогично ведут себя односложные слова китайского происхождения.

3. Некоторые знаменательные слова, пройдя через этап функционирования в качестве компонента сложного слова, а иногда и минуя этот этап, используются как словообразовательные аффиксы, хотя сохраняют отчетливую смысловую связь с породившими их словами. Такие элементы в изолирующих языках я определяю термином «полуаффикс». Например, китайское слово *чжуи* 'принцип' (употребляющееся и в современном языке) используется в качестве словообразующего полуаффикса, в большинстве случаев соответствующего по значению русскому суффиксу *-изм*: *шэхуйчжуи* 'социализм', *гунчаньчжуи* 'коммунизм', *миньцзучжуи* 'национализм', *дигочжуи* 'империализм' и т. д.

Таковы в общих чертах пределы использования понятия морфемы применительно к изолирующим языкам на материале китайского и вьетнамского языков.

Поскольку в этих языках обнаруживаются явления разного порядка, подводящиеся соответственно под понятия слова и морфемы (в бодуэновском смысле), целесообразно в отношении этих языков использовать оба термина — *слово* и *морфема*.

Эти языки ярко демонстрируют производность морфемы от слова и ее вторичный характер по отношению к слову. Все морфемы, обнаруживаемые в изолирующих языках, и в синхронном

⁷⁰ Аналогичное положение наблюдается в венгерском языке. К. Е. Майтинская пишет: «...устаревшие, более не употребляемые и, следовательно, лишённые (в самостоятельном употреблении) смысла „слова“ в современном языке иногда лишь являются частями слов...» [108, с. 92].

плане, и диахронически производны от слов и соотносительны с ними. Поэтому характеристика изолирующих языков как «несловесных» по своей природе должна быть признана неправомерной.

Изолирующие языки обладают словами, и в наиболее общих чертах, стоящих над типологическими различиями, слова этих языков обнаруживают свойства, присущие и словам других языковых систем. Более того, изолирующие языки являются в высшей степени «словесными» в том смысле, что значительное количество простых слов в этих языках, будучи неизменяемыми и лишенными нулевого оформления, вообще не выделяют реально из своего состава морфем. Все знаменательные и часть служебных морфем соотносимы с соответствующими словами.

§ 6. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМБИНАТОРИКИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

1. Общие замечания о комбинаторике единиц языка

В предыдущих параграфах гл. II (ч. III) единицы языка рассматривались преимущественно с точки зрения имманентно присущих им свойств вне их актуального взаимодействия друг с другом. Хотя вопросы взаимодействия единиц языка в той или иной форме затрагивались в разных частях и главах книги, целесообразно теперь, после того как были показаны основные свойства единиц языка и единиц речи, вернуться к проблеме взаимодействия единиц языка и попытаться бросить взгляд на эту проблему в целом.

Как уже отмечалось в ч. I книги, в языках, если рассматривать их устройство, нет ничего кроме единиц и правил их использования. Использование единиц языка происходит в процессе речеобразования (т. е. в момент общения) и представляет собой упорядоченное и регулируемое правилами комбинирование единиц между собой. В силу принципа линейности расположения единиц языка при функционировании и обусловленного этим принципом линейного развертывания речевой цепи единицы языка, образующие эту цепь, непосредственно следуют одна за другой, вступая в отношения актуального взаимодействия. Речевая цепь, как известно, распадается на предложения⁷³, т. е. образующиеся по определенным схемам (правилам) речевые системы, выражающие ту или иную информацию, или, говоря языком школьных грамматик, — «относительно законченную

⁷³ Я не касаюсь здесь вопроса членения речи на более крупные, чем предложения, части — так называемое сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, абзац и т. п., поскольку эти отрезки речи представляют собой различные комбинации предложений — минимальных речевых систем, используемых для выражения и сообщения информации.

мысль». Речевая система-предложение для внешнего наблюдателя представляет собой упорядоченную и ограниченную с двух сторон тем или иным образом цепочку следующих друг за другом звуков (фонем). Отдельные сегменты этой цепочки соответствуют сонемам и номемам, т. е. сигнализируют о морфемах и словах. В построении этих речевых систем-предложений участвуют единицы всех уровней языка, хотя способы их участия в образовании предложений совершенно различны⁷⁴.

Единицы языка при речеобразовании участвуют в формировании предложений, будучи скомбинированными в некоторые единства в соответствии со своими уровневыми свойствами. Фонемы комбинируются друг с другом, образуя звуковые оболочки морфем и слов (сонемы и номемы)⁷⁵, морфемы группируются в слова, а слова уже непосредственно участвуют в построении предложений. Комбинации слов образуют конечный результат единичного речевого акта — предложение, по отношению к которому слова являются неделимыми элементами.

Способность к комбинаторике есть общее и обязательное свойство единиц языка, обусловленное общесистемными фундаментальными свойствами единиц языка — *дискретностью* и *неоднородностью*. *Иерархичность* и *линейность*, также относящиеся к фундаментальным свойствам языковых единиц, обуславливают способ реализации комбинаторики. В соответствии с принципом иерархичности, в результате комбинаций единиц языка между собой (в соответствии с их уровневыми свойствами), возникают единицы более высокого уровня, обладающие новым качеством по сравнению с исходными единицами⁷⁶. Например, комбинации морфем образуют слова — единицы, качественно отличные от морфем; комбинации фонем, единиц, которые сами по себе не являются знаками, образуют сонемы и номемы — «единицы выражения», которые являются знаками языка. Свойство же линейности, как уже говорилось, предполагает непосредственное следование единиц языка друг за другом в речевой цепи при реализации как иерархических, так и собственно синтагматических отношений, а также обуславливает актуальное взаимодействие единиц.

В линейных построениях, представляющих собой синтагматику языка, взаимодействие осуществляется между конкретными

⁷⁴ Ср. приведенное выше замечание С. Д. Кацнельсона (с. 63).

⁷⁵ Следует уточнить, что в случае простых слов (одноморфемных или имеющих нулевую форму) фонемы непосредственно комбинируются в номемы, в случаях же сложных и производных слов, а также словоформ (ненулевых) простых слов номема есть результат комбинирования сонем.

⁷⁶ Хотя единицы более высокого уровня, обладающие новым качеством, образуются в результате комбинирования единиц более низких уровней, не всякая комбинация единиц ведет к «выходу» на другой уровень. Например, комбинация морфем может дать не слово, а основу, единицу, качественно отличающуюся от слова.

единицами: звуками (вариантами фонем), или конкретными фонемами, морфами (вариантами морфем), или конкретными морфемами, и конкретными словами (словоформами)⁷⁷.

Поскольку комбинаторные свойства фонем, морфем и слов как единиц, принадлежащих разным уровням системы языка, неодинаковы и поскольку различны результаты комбинаций этих единиц, постольку комбинаторика названных единиц рассматривается разными разделами языкознания соответственно: фонетикой, морфологией и синтаксисом.

С учетом этого рассмотрим теперь кратко некоторые особенности комбинаторики основных единиц языка.

2. Комбинаторика фонем

Речевой поток в акустическом отношении представляет собой цепочку следующих непосредственно друг за другом последовательно артикулируемых звуков. В силу этого между звуками возникает взаимодействие и устанавливаются определенные отношения. В каждом языке на сочетаемость звуков наложены определенные ограничения, т. е. существуют правила сочетаемости звуков, характерные только для данного языка. В разных языках эти правила могут быть сходными и могут весьма сильно различаться. Поскольку звуки языка материальны, их отношения в потоке речи носят характер физического взаимодействия. Если охарактеризовать взаимоотношение звуков в целом, то следует указать, что звуки (фонемы) данного языка либо сочетаются, либо вообще не сочетаются между собой. При сочетании звуков возможны два случая: а) звуки не изменяются и б) звуки претерпевают определенные изменения под влиянием соседних звуков (см. А. А. Реформатский [157, с. 192]). Наиболее характерным является второй случай⁷⁸.

Видоизменения звуков в результате их взаимодействия называют *комбинаторными изменениями*⁷⁹, которые подразделяются на явления ассимиляции, диссимиляции, аккомодации и т. д. (см. А. А. Реформатский [157, с. 192—207]; см. также

⁷⁷ Как отмечалось выше (с. 221), в известном смысле фонема и ее вариант — звук в некоторой функции — одно и то же, так же как морфа и морфема в определенном смысле одно и то же. Этим определяется употребление соответствующих терминов.

⁷⁸ Что касается первого случая, то, по-видимому, речь должна идти не столько о полном отсутствии видоизменений звуков (это возможно только гипотетически), сколько о ненаблюдаемости этих изменений либо по причине их слабой выраженности, либо по причине их «заданности», например, в условиях слога строго фиксированного состава.

⁷⁹ Физиологической основой взаимодействия и видоизменения звуков, как известно, является взаимодействие артикуляционных движений органов речи, как бы «наплывающих» одно на другое при образовании непрерывного речевого потока.

М. И. Матусевич [116, с. 105 и далее]). Комбинаторные изменения существуют во всех языках, поскольку у этого явления имеется общая физиологическая основа — работа органов речи. Однако в разных языках комбинаторные изменения проявляются по-разному.

Различия в правилах сочетаемости звуков, обусловленные спецификой фонетических (фонологических) систем языков, определяют особенности комбинаторики звуков в каждом языке.

Во всех языках в потоке речи звуки, независимо от их функционального назначения (роли в смысловыражении и смысло-различении), объединяются в силу артикуляционно-акустических причин в произносительные единицы — слоги. Эти произносительные единицы называют «естественными единицами сегментации речевого потока», представляющими собой «своего рода дугу произносительного напряжения» (см. О. С. Ахманова [22, с. 427])⁸⁰. Особенности комбинаторики звуков и особенности слогообразования в каждом языке взаимообусловлены. Особенности комбинаторики влияют на структуру и состав слога: строение же слога, в свою очередь, воздействует на комбинаторику и, в частности, на комбинаторные изменения.

В одном и том же языке комбинаторные изменения звуков проявляются по-разному в разных участках речевой цепи. На стыках сонем и номем, т. е. на границах морфем и слов, взаимодействия звуков иногда проявляются иначе, чем «внутри» сонем или простых номем. Объясняется это тем, что в составе элементарных звуковых блоков (сонем и простых номем) взаимодействие звуков не регулируется ничем, кроме чисто фонетических факторов. Здесь правила сочетаемости звуков, характерные для данного языка, действуют как бы в чистом виде.

Что же касается сочетаемости сонем и номем, являющихся звуковыми оболочками морфем и слов, то их соединение друг с другом определяется уже не фонетическими факторами, а потребностями формирования значения более крупных единиц — слов, словосочетаний и предложений. По этой причине комбинирование номем друг с другом подчиняется синтаксическим правилам соединения слов, действующим в данном языке. Поскольку в этом случае сочетаемость звуков регулируется нефо-

⁸⁰ Другими более крупными чисто фонетическими единицами иногда признаются такты (обычно несколько слогов с одним ударением) и фразы (звуковая цепочка между паузами для вдоха воздуха) (см. Реформатский [157, с. 187]). Наиболее важными с точки зрения организации звукового потока единицами являются именно слоги. В строении слогов обычно проявляются существенные черты звукового строя данного языка. В составе и на границах слогов наиболее явно проявляются фонетические процессы, присущие данному языку. Членение речи на такты и фразы, конечно, также влияет на взаимодействие звуков в потоке речи, но не в такой степени, как слоговое членение. Поэтому ниже из естественных произносительных единиц для рассмотрения будет взят слог.

нетическими факторами, на стыках морфем и слов могут иметь место как бы аномальные с точки зрения фонетики данного языка явления. На основе экспериментальных данных Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова утверждают, что в русском языке на стыках слов «возможны два противоположных случая в одной и той же фразе: во-первых, вопреки существующему в фонетике представлению, между словами даже в пределах одной синтагмы встречается пауза, а во-вторых; могут полностью отсутствовать какие-либо объективные признаки границ между словами» [32, с. 68].

Комбинации звуков (фонем) в составе сонем, «готовых» и воспроизводящихся в речи звуковых «блоков», заданы как готовые. Их можно назвать *заданными комбинациями*. В номемах, являющихся оболочками слов-единиц языка, комбинации сонем при речеобразовании воспроизводятся как готовые. Поэтому сочетания фонем на стыках сонем в этих случаях также являются заданными. Комбинаторные изменения, которые имеют место внутри сонем и на стыках сонем в номемах указанного вида, выступают соответственно как заданные комбинаторные изменения.

В языках с «постоянной» слоговой структурой (подробнее см. ниже), где количество слогов фиксированного состава строго определено, заданные комбинаторные изменения (в особенности внутрисонемные) фактически мало наблюдаемы, так как даны как бы раз и навсегда в фиксированном звуковом сегменте. Может быть, в этом случае следует говорить об отсутствии или слабой выраженности комбинаторных изменений, поскольку каждый звук, несмотря на прямое взаимодействие с соседними звуками, имеет обычно минимум различных произносительных условий (в силу фиксированности своей позиции в слоге). О выраженных «изменениях» какого-либо звука мы можем говорить, только сравнивая реализации этого звука в разных произносительных условиях.

Комбинации звуков на стыках номем, а также на стыках сонем в номемах, являющихся оболочками слов-единиц речи (т. е. слов, свободно образующихся в речи по стандартным правилам), можно назвать *незаданными комбинациями* звуков, а имеющие место при этом комбинаторные изменения можно называть *незаданными комбинаторными изменениями*.

Языки, особенно типологически далеко отстоящие друг от друга, могут сильно различаться по степени свободы сочетаемости звуков в речевом потоке. В языках с высокой степенью свободы сочетаемости звуков обычно достаточно ярко выражены комбинаторные сочетания звуков и представлены многообразные способы слогообразования. Наоборот, в языках с ограниченной сочетаемостью звуков комбинаторные изменения вообще выражены слабо и более или менее заметны в условиях незаданных комбинаций фонем, способы слогообра-

зования ограниченны, звуковой состав как бы постоянно организован в сравнительно небольшое количество слогов фиксированного состава. Примером языка первого типа может служить русский язык, примером второго — китайский.

Высокая степень свободы сочетаемости фонем в русском языке проявляется в ярко выраженных многочисленных комбинаторных изменениях⁸¹ и особенностях слогообразования. По данным А. И. Моисеева, в русском языке теоретически возможны слоги из девяти звуков со структурой *сссГсссс* (где *с* — согласный, а *Г* — гласный), хотя практически обычно встречаются слоги, состоящие максимально из семи звуков со структурой *ссГсссс*, как в слове *братств* [129, с. 111—113]. А. И. Моисеев считает, что теоретически возможны 25 типов слогов, реально же представлены 20 структурных типов [129, с. 112]. В русском языке слоговое деление в целом характеризуется следующими чертами: а) многообразие структурных типов слогов, обеспечивающее возможности образования большого количества реальных слогов; б) неустойчивый состав слога, что проявляется в возможности колебаний слоговых границ в зависимости от изменения слогового ударения, например: *ба-бу-шка* и *ба-буш-ка*, *под-них-нуть* и *под-них-нуть* и т. д. [53, с. 73]; в) необязательность совпадения «естественного» фонетического членения речи, т. е. слогового деления, и морфологического членения речи⁸². Иначе говоря, в русском языке слог вовсе не обязательно совпадает с сонемой или номемой. Количество слогов, которые потенциально могут быть образованы, очень велико.

Многообразие слогов, вхождение в состав слога значительного количества разных звуков, а стало быть, и высокочастотная встречаемость разных звуков в составе слога, неустойчивость границ слога, несвязанность слогового деления с морфологическим членением, а следовательно, несвязанность данного звукового состава с выражением определенного значения — все это создает благоприятные условия для широкого проявления комбинаторных изменений. При этом может обнаруживаться различие заданных и незаданных комбинаторных изменений (хотя в русском языке эти различия выражены не так ярко, как, например, в китайском; см. ниже). Так, «при ассимиляции по звонкости следует различать разные случаи смягчения в зависимости от положения звуков внутри слова или на стыке слов» [53, с. 83]⁸³. Имеются и другие случаи разного взаимодействия зву-

⁸¹ Только описание «изменений звуков в потоке речи в полном стиле» занимает в «Грамматике русского языка» целый раздел [53, с. 74—89].

⁸² Кстати, возможность колебаний в границах слога в упомянутой «Грамматике русского языка» связывается с тем, что «слоговое деление внутри слова не играет семантической роли» [53, с. 72].

⁸³ Правда, согласно экспериментальным данным, «объективные характеристики звуков на стыке слов далеко не всегда отличаются от характеристики тех же звуков внутри слова» (см. Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова [32, с. 74]).

ков там, где их следование обусловлено чисто фонетическими факторами, и там, где на соединение звуков влияют семантико-грамматические факторы.

Иную картину комбинаторики звуков дает современный китайский язык, для которого характерны большие ограничения в сочетаемости звуков. Эти ограничения обнаруживаются, в частности, в строении слога. Китайский слог максимального состава может состоять только из четырех элементов, расположенных в одном порядке: начальный согласный, неслогообразующий гласный, слогообразующий гласный, конечный согласный (*н* или *нь*), который Е. Д. Поливанов рассматривал как «неслоговой конечный элемент дифтонга» [69, с. 5; 144, с. 148].

Слогоделение в китайском языке в отличие от русского морфологически значимо. Слог, как правило, является сонемой или номемой, т. е. обычно отягчен функцией выражения смысла. Естественное фонетическое членение речи есть в китайском языке одновременно и семантико-морфологическое членение. Звуковой состав слога строго фиксирован, в слоге невозможны чередования звуков. Общее количество разных слогов строго ограничено (см. ч. I, гл. I, прим. 36). Фактически применительно к данному состоянию китайского языка нельзя говорить о слогообразовании, т. е. о свободном образовании в речи новых слогов. Общее количество слогов как бы дано говорящему как готовое.

Единственный способ модификации слогов состоит в «слиянии» при определенных условиях звуковых оболочек корневой и суффиксальной морфем в случае прибавления к корневой морфеме суффикса *-эр*: *мынь* → *мэр*, *вэй* → *вэр* и т. п. Тем самым из двух слогов образуется один. Это явление, свойственное в основном разговорно-бытовому пекинскому произношению, увеличивает в речи реальное количество слогов. Однако при подсчете слогов в самом языке слоги типа *мэр*, *вэр* и т. п. обычно не учитываются, поскольку записываются двумя иероглифами, каждый из которых по отдельности соответствует слогу (*мынь* и *эр*, *вэй* и *эр* и т. д.), а возникшие в результате слияния слоги рассматриваются как чисто речевые фонетические образования, представляющие два «фонологических слога» (см., например, [134, 7]).

В этих условиях заданные комбинаторные изменения, т. е. изменения в составе сонем и номем (= слогов), в китайском языке сведены к минимуму. Однако на стыках сонем и номем (незаданные комбинации звуков) действует меньше ограничений для сочетания звуков между собой. Здесь возможны сочетания фонем, недопустимые внутри сонем и простых номем (= слогов). Так, на стыках сонем и номем вполне допустима непосредственная «стыковка» двух согласных, например, на границе сонем в сложном слове *гун* (букв. 'работа') + *жэнь* (букв. 'человек') → *гунжэнь* 'рабочий' и т. д. Именно на стыках со-

нем и номем обнаруживаются комбинаторные изменения, которые, в соответствии со сказанным выше, должны быть определены как незаданные комбинаторные изменения. Так, в сложном слове *минбай* 'понимать' (букв. *мин* 'ясный' + *бай* 'понятный') конечный согласный первого слога при ускоренном темпе речи уподобляется начальному слоговому второго слова и становится губногубным (*мимбай*). Разновидностью комбинаторных изменений на стыках слогов-сонем является объединение в один слог звуковых оболочек знаменательных морфем и суффикса -эр при определенных условиях (см. выше).

Следует заметить, что в китайском и в ряде других тональных языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в которых слог обычно является номемой и строго фиксирован по своему составу, где, говоря словами Е. Д. Поливанова, имеется множество «правил о взаимной несочетаемости элементов» [69, с. 5], комбинаторные изменения звуков даже на стыках слогов (сонем или номем) выражены неярко. Однако в этих языках, например в китайском и вьетнамском, существуют правила взаимодействия тонов соседствующих слогов. Например, в китайском при соположении двух слогов, имеющих так называемый третий тон, тон первого слога обязательно меняется на второй. Такого рода комбинаторные изменения действуют регулярно, как бы восполняя малое количество звуковых комбинаторных изменений.

В заключение этой краткой характеристики комбинаторики фонем в речевом потоке следует подчеркнуть, что разные участки звуковой цепи характеризуются как бы разной напряженностью звукового взаимодействия. Внутри сонем и простых номем звуки соединяются и взаимодействуют только под влиянием фонетических факторов. На стыках сонем и номем на возможную «встречу» и «стыковку» звуков влияют нефонетические факторы. Именно благодаря этому «в таких позициях могут появиться такие фонетические факторы, которые обуславливают специфические фонетические явления» (см. Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова [32, с. 80]).

В силу этого на границах морфем и слов могут происходить процессы, в некоторых случаях противоречащие фонетическим явлениям внутри сонем и простых номем. Сказанное подтверждается, как мы видели, данными типологически весьма далеких языков.

Попутно можно отметить, что малое количество ограничений в сочетаемости звуков, например, в русском языке делает возможным широко использовать русскую фонетическую систему для более или менее адекватной передачи звуковых сочетаний (морфем и слов) иностранных языков. Наоборот, множество ограничений в сочетаемости звуков не позволяет средствами китайского языка более или менее «похоже» изображать звучания иностранных слов. Отсюда тенденция русского языка использовать прямые фонетические заимствования и транскрибировать иностранные собственные имена, например названия китайских газет — «Жэньминь жибао», «Лаодун бао» и т. д. Китайский язык, наоборот, стремится «перевести», т. е. калькировать, иностранные заимствования и собственные имена. Например, русские названия газет не транскрибируются, а переводятся: «Правда» — «Чжэньли бао» (букв. 'правда' + 'газета'). «Известия» — «Сяоси бао» (букв. 'новости', 'известия' + 'газета') и т. п.

Рассматривая особенности взаимодействия (комбинаторики) звуков в речевой цепи, мы видим, как в этом взаимодействии проявляется «столкновение», а говоря точнее, тоже своего рода взаимодействие разных языковых подсистем — фонемной (звуковой) и лексико-грамматической. В «неравномерности» проявления действия правил комбинаторики звуков на разных участках речевой цепи отражается системная организация слов и предложений. Соединения элементов этих систем, образуемых двусторонними единицами, подчиняются иным правилам, чем те, по которым соединяются звуковые единицы-фонемы. Правила комбинаторики единиц более высокого уровня как бы врываются в правила комбинаторики единиц более низкого уровня. Можно сказать, что здесь наблюдается осложнение правил комбинаторики единиц более низкого уровня правилами комбинаторики единиц более высокого уровня. Именно этим взаимодействием разноразрядных комбинаторных правил и объясняются «возмущения» и аномалии в комбинаторике звуков в разных участках речевой цепи.

3. Комбинаторика морфем

Комбинаторика морфем как двусторонних единиц регулируется иными факторами, чем комбинаторика фонем. Фонемный состав звуковых оболочек морфем-сонем практически почти не влияет на соединение морфем в линейной последовательности⁸⁴. Комбинаторика морфем, как и комбинаторика слов, определяется их значениями, говоря точнее, неоднородностью их значений. В отличие от фонетической комбинаторики ее можно назвать смысловой.

В силу своей синтаксической несамостоятельности морфемы участвуют в образовании предложений не непосредственно, а в составе слов — своего рода морфемных блоков (минимальный блок может состоять из одной морфемы). Соединение морфем в составе слов осуществляется в соответствии с морфологическими правилами данного языка (см. ч. III, гл. I, § 4, п. 2). Эти правила реализуются в процессах словообразования, а также в процессах формообразования. При формообразовании происходит соединение одной и той же знаменательной морфемы (или комбинации знаменательных морфем, образующих основу слова) с постоянным и количественно ограниченным набором служебных морфем (русск. *дом* — *дом-а*, *дом-у*, *дом-ом* и т. д.). При словообразовании происходит соединение знаменательной

⁸⁴ Кроме, может быть, случаев так называемой звукописи — специального подбора сонем и зномем по созвучию. Ср. различные аллитерации в поэзии: «Дышá духáми и тумáнами» (А. Блок); «О, как ты дрожала во мраке вселенной, упруго и прямо, как прутик антенны...» (А. Вознесенский). Эти случаи лингвистически можно оценить как «обратное» влияние комбинаторики фонем на комбинаторику единиц более высоких уровней.

морфемы со служебной (различные виды так называемого словопроизводства) или знаменательной морфемы с другой (другими) знаменательной морфемой (так называемое словосложение). Возможны, как известно, также случаи, когда словосложение сочетается со словопроизводством (например, русск. *водопроводчик*).

Формообразование и словообразование (в части словопроизводства) обычно обслуживаются разными служебными морфемами (соответственно формообразовательными и словообразовательными морфемами). В некоторых языках одни и те же служебные морфемы, сочетаясь со знаменательными, одновременно выполняют и словообразовательную и формообразовательную роль. Это явление обнаруживается в типологически разных языках, например в индонезийском [11, с. 112], китайском [174, с. 107], русском [157, с. 265], и носит название синкретизма. Имеется оно и в других языках. (Ниже я еще раз коснусь вопроса о сочетании знаменательных морфем со служебными под углом зрения взаимодействия морфемных значений.)

Комбинации знаменательных морфем в пределах слова в той или иной мере являются аналогами комбинаций слов в словосочетаниях или предложениях, т. е. морфологические правила, регулирующие процессы словосложения, являются более или менее близкими аналогами синтаксических правил, регулирующих комбинаторику слов. Именно это, по-видимому, побуждает иногда говорить о синтаксическом соотношении частей сложных слов [53, с. 273]. В. В. Виноградов в свое время заметил, что «нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике» [39, с. 29]. В словосложении это наблюдается непосредственно. По отношению же к другим видам комбинаций морфем параллель с синтаксисом имеет смысл только с точки зрения исторической ретроспективы. [Исторически, как известно, все служебные морфемы возводятся в конечном счете к словам (см. ч. III, гл. II, § 5, п. 2).]

Степень аналогичности комбинаций знаменательных морфем и слов различна в разных языках. В языках, где свойства простого слова и знаменательной морфемы сближены и соответственно сближены синтаксические правила и морфологические правила, ведающие соединением знаменательных морфем, способы комбинаций слов и комбинаций морфем обнаруживают высокую степень подобия. Таковыми являются изолирующие языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Так, в китайском языке модели сложных слов, т. е. те соотношения, в которые вступают знаменательные морфемы в составе слов, в основном повторяют модели словосочетаний, т. е. соотношения, в которые могут вступать слова. В этих условиях,

как отмечалось в соответствующем разделе, при образовании сложных единиц путем прямого соположения синтаксически самостоятельных единиц в ряде случаев возникает эффект неразличения сложного слова и словосочетания.

В языках же типа русского, где различия между морфемой и словом выражены достаточно ярко, аналогия в правилах сочетания слов и сочетания морфем прослеживается далеко не так явно, как в изолирующих языках, тем более что соединение знаменательных морфем в русских сложных словах сопровождается явлениями усечения звуковых оболочек морфем, звуковыми чередованиями, введением соединительных гласных и т. д. Тем не менее «Грамматика русского языка» (1952 г.) отмечает семь типов «синтаксического соотношения основ», среди которых имеются глагольно-объектные, субъектно-предикатные и т. п. соотношения [53, с. 223—277]. В силу резкого различия свойств морфемы и простого слова, а также отсутствия прямой аналогии в моделях словосочетаний и сложных слов, в русском языке нет и явления неразличения сложного слова и словосочетания.

В словах — единицах языка комбинации морфем даны в готовом виде и воспроизводятся заново в каждом речевом акте. В словах — единицах речи наблюдается как бы свободная комбинаторика морфем, правда в соответствии с достаточно строгими правилами, т. е. в рамках определенных моделей. Свободно комбинироваться могут как знаменательные морфемы между собой, так и знаменательные морфемы со служебными (см. ч. III, гл. I, § 2). Однако и свободно скомбинированные в единице речи морфемы заключены в рамки слова. Свобода комбинаторики морфем ограничена этими рамками. И хотя данная комбинация морфем в слове — единице речи — возникает в момент образования этого слова, тем не менее по отношению к предложению данные морфемы выступают как бы в уже скомбинированном виде. Для предложения важны не сами свободно комбинирующиеся морфемы, а результат этой комбинации — слово. Скомбинированность морфем в слове и подчиненность комбинации морфем целому — слову, будь то слово — единица языка или единица речи, обуславливают отмечаемый исследователями жесткий порядок следования морфем в слове и редкие случаи возможности изменения этого порядка без нарушения смысла (значения) соответствующих слов⁸⁵.

⁸⁵ В. В. Виноградов, отметив (со ссылкой на В. Матезнуса и А. Норейна), что «глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны», приводит примеры перестановок морфем в сложных словах русского языка: *скалозуб* и *зубоскал*, *лизоблод* и *блодолиз* и т. п. [39, с. 9—10]. Отдельные примеры можно найти, по-видимому, и в других языках (например, кит. *сихуань* и *хуаньси* 'радоваться'). Но такие примеры действительно единичны. Кроме того, вряд ли можно категорически утверждать, что пары

Как осуществляется взаимодействие сочетающихся морфем? При взаимодействии морфем как двусторонних единиц их разные стороны — сонемы (звучания) и семемы (значения) — взаимодействуют друг с другом отдельно и вполне автономно: сонемы — с сонемами, семемы — с семемами. Взаимодействие сонем происходит на их стыках и выступает как фонетическое взаимодействие пограничных фонем (так называемые незаданные комбинации фонем, вызывающие незаданные комбинаторные изменения. См. предыдущий раздел). Различные комбинаторные изменения, возникающие на стыках сонем, ведут к модификации звукового облика сонем и образованию аллосонем. Тем самым образуются варианты морфем — морфы, или алломорфы (см. ч. III, гл. II, § 4, п. 3) ⁸⁶.

Что касается взаимодействия морфемных значений, результатом которого является формирование значения иного типа — лексического, то здесь прежде всего следует констатировать, что это взаимодействие не ведет к появлению каких-либо вариантов значений, поскольку, как уже отмечалось, языковые значения не вступают в отношения варьирования и не имеют вариантов (см. с. 143, 228). По-видимому, следует различать случаи взаимодействия знаменательных морфемных значений между собой, а также знаменательных со служебными, хотя результатом и в том и в другом случае является появление лексического значения.

При взаимодействии знаменательных значений происходит своего рода конкретизация значений каждой из сочетающихся морфем. В микроконтексте, образуемом комбинацией морфем в сложном слове, снимается та ассоциативная многозначность, которой характеризуется морфемное значение. При формировании значения сложного слова реализуется по одному из значений каждой морфемы, а именно те, которые нужны для формирования значения сложного слова. В случае сложного слова в отличие от простого или производного слова можно говорить о реальных компонентах или частях значения ⁸⁷ сложного слова (ср. русск. *водолаз*, *зубро-бизон*), образуемых значениями составляющих морфем (ср. с. 140—143).

Однако в практическом словоупотреблении внимание гово-

слов с измененным порядком следования морфем абсолютно идентичны во всех отношениях. В приведенных В. В. Виноградовым примерах один из членов пар, по-видимому, имеет большую распространенность (*зубоскал*, *лизоблюд*). Поэтому неподвижность морфем в словах в целом нужно считать отличительным признаком комбинаторики морфем.

⁸⁶ Кроме того, алломорфы возникают иногда, по-видимому, в результате исторических изменений в звуковом облике морфем (см. по этому поводу У. Л. Чейф [224, с. 45—46]).

⁸⁷ При так называемом компонентном анализе иногда считают возможным говорить о «компонентах» значения простых слов, как о неких реальных частях, в то время как значение простых слов глобально и нечленимо на части (ср. с. 142).

рящих, как правило, не фиксируется на частях значений сложных слов. Значения морфем в сложном слове обычно выявляются при специальном обращении внимания на значения частей а то и в результате специального анализа.

В процессе исторического развития значения сложных слов имеют тенденцию становиться все более целостными, глобальными. Подтверждение этому можно видеть, например, в насыщенном сложными словами китайском языке, где многие сложные слова, существующие в языке в течение многих столетий, утрачивают прозрачную семантическую расчлененность, и их этимология становится с современной точки зрения неясной. Так, например, только исторический анализ воссоздает этимологию слова *шэхуэй* 'общество' (в социально-политическом смысле), в котором первый компонент *шэ* — древнее односложное слово со значениями: 1) 'жертвенник, алтарь, божество земли', 2) 'община, древнее объединение 25 дворов вокруг одного алтаря' (в современном языке *шэ* употребляется в значениях 'ассоциация, редакция, кооператив, агентство') (см. И. М. Ошанин [82, с. 34]), а второй компонент имеет значения 'союз, собрание, общество (не в общественно-политическом смысле), заседание, комитет, ярмарка'. Точно так же только исторически можно восстановить этимологию слова *цзучжи* 'организация' (например, общественная), где значения компонентов, на основе которых образовалось это слово, уже не связаны прямо со значением целого (*цзу* 'шелковая лента, шнур, плести', *чи* 'ткать, плести, сплести ткань'). Некоторые старые сложные слова китайского языка вообще с трудом поддаются этимологизации.

При стирании значений морфем-компонентов в составе сложного слова этот процесс может коснуться обоих морфем; может также иметь место своего рода поглощение значения одной из морфем значением другой. На процессы стирания и поглощения значений влияют также процессы идиоматизации значения целого. В тех же случаях, когда стирания или поглощения значений не происходит, отношения морфем, как об этом говорилось выше, в большей или меньшей мере отображают синтаксические связи слов.

Взаимодействие знаменательных и служебных морфемных значений характеризуется тем, что служебное значение, как правило, «сливается» со знаменательным, «конкретизируя» его и превращая в лексическое значение. На служебных морфемных значениях внимание вообще, как правило, не фиксируется.

Указав на мнение А. Нореина, что при понимании и употреблении слова «не думают или не хотят думать о значении его составных частей», В. В. Виноградов приводит пример: *Надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем*, где «приставка *при-* очень заметно выступает как значимая единица языка» [39, с. 9]. По поводу этого примера можно заметить, что семантическая наполненность многих приставок в разных языках вообще высока. В германских языках, как известно, приставки семантически сближены с на-

речиями и предложениями. (Ср. немецкие так называемые отделяемые приставки: *ausgehen* — *Ich gehe diesen Abend aus.*) По-видимому, именно необычная для служебной морфемы семантическая наполненность, наблюдаемая у приставок, создает отмеченный В. В. Виноградовым эффект.

Служебные морфемные значения делятся, как известно, на два основных вида — словообразовательные и формообразовательные. Последние, в соответствии с терминологией А. М. Пешковского, можно разделить на синтаксические (влияющие на функцию слова и тем самым служащие установлению отношений между словами, например, значения русских падежей) и несинтаксические (не влияющие на функцию слова в предложении, например, значение грамматического времени в русском языке, видовые значения в китайском и т. д.).

Словообразовательное значение в сочетании со знаменательным, во-первых, образует новое лексическое значение, обычно входящее в некоторый семантический ряд, и, во-вторых, играет классифицирующую (категориальную) роль. Новое лексическое значение появляется в языке в категоризованном виде, будучи включенным в категорию предметности, действия, качества и т. д.

В. В. Виноградов отмечал, что «определение лексических значений слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова», а также на то, что «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы» [39, с. 16].

Можно добавить, что «неоформленных» лексических значений, т. е. не категоризованных, так сказать, «чистых семантем», видимо, нет и в языках иного строя. Современное китаеведение показало, что и в китайском языке, традиционно считавшемся аморфным, фактически нет грамматически неоформленных или неклассифицированных слов.

Другое дело — морфемное значение. В отличие от лексического оно обычно «грамматически неоформлено и неклассифицировано»⁸⁸. Но именно из комбинации морфемных значений рождается «грамматически классифицированное» лексическое

⁸⁸ Сказанное прежде всего применимо к языкам, где, как, например, в русском, простое слово и морфема имеют глубокие различия. В языках, где свойства простого слова и морфемы сближены (как в китайском), морфемы, восходя к древним словам, сохраняют классифицированность и определенную грамматическую отнесенность. Но и в языках типа русского иногда говорят о «глагольных морфемах», «качественных морфемах», «именных морфемах». Такая характеристика морфем, конечно, не есть их грамматическая классификация как слов по частям речи. Но она отражает глубокие семасиологические различия между морфемами. Так, в русском языке морфема *чит-* может встретиться в глаголе *читать* и существительном *читка*. В первом случае она входит в слово, обозначающее действие как процесс, как «высказывание об ином» (Аристотель) [13, с. 6], во втором — в слово, тоже обозначающее действие, но как название, как «предмет мысли», как явление. В обоих случаях морфема *чит-* связана с идеей действия.

значение. Словообразовательное значение может сочетаться с уже грамматически классифицированным лексическим значением, например: *дом + -овый → домовый*. В этом случае в целом получается новое лексическое значение, а бывшее лексическое значение переходит на положение морфемного значения, поскольку частями нового слова являются именно морфемы, а не слова. Словообразовательное значение может действовать в пределах одной категории (*крыть — укрыть, покрыть, закрыть, открыть* и т. п.) и может переводить лексическое значение, грамматически классифицированное в рамках одной категории, в другую (*дом — домовый*).

Формообразовательные значения (обоих видов) действуют обычно в рамках одной категории⁸⁹: они видоизменяют грамматическое значение (в этом случае иногда говорят о частном грамматическом значении) одной и той же лексической единицы, подведенной под определенную общую грамматическую категорию (*дом- — дом-а, дом-у* и т. д.).

В составе отдельных словоформ, обладающих лексическим значением, служебное значение сочетается не с лексическим а со знаменательным морфемным значением⁹⁰, поскольку словоформа распадается на морфемы, а не на слова. Сочетание одного и того же знаменательного морфемного значения с разными служебными дает грамматические разновидности одного и того же лексического значения, т. е. значения, принадлежащего определенной общей грамматической категории (части речи). Формообразовательные значения обычно не переводят образуемое с их помощью лексическое значение в иную категорию, если только они не принадлежат морфемам, обладающим кроме формообразовательной также и словообразовательной функцией.

В составе слова формообразовательные морфемы располагаются после словообразовательных: сначала словообразовательные значения формируют и классифицируют новые лексические значения, а затем формообразовательные значения их грамматически модифицируют. Мы можем, опираясь на непосредственно наблюдаемые данные, говорить о порядке следования морфем в слове как о линейной последовательности. Однако только условно можно в том же смысле говорить о порядке следования морфемных значений, поскольку комбинация морфемных значений дает единое грамматически оформленное и классифицированное, а также грамматически модифицированное (если имеется морфологически изменяемое слово) лексическое значение, у которого невозможно указать реальные

⁸⁹ Иногда нескольких категорий, как в языках, где имеется морфологическое согласование (в русском языке формы падежа имеются, например, у существительных, местоимений, числительных и прилагательных).

⁹⁰ Соответственно по аналогии можно считать, что в аналитических формах служебное значение сочетается не с лексическим значением, а со значением знаменательной морфемы.

части, кроме случаев типа *приоткрѣть*, а не *открѣвать*, которые в силу семантической наполненности приставок напоминают сложные слова.

Комбинации морфем в слове различны в языках разной типологии: флективные языки дают иную картину, чем агглютинативные, и т. д. Соответственно можно видеть и различия во взаимодействии знаменательных и служебных морфемных значений. Так, Р. И. Лихтман считает, что «синкретизм аффиксов русского языка связан с его фузионным характером, с общей тенденцией к нерасчлененности, комплексности выражения разных значений. Тесное слияние морфем, их спаянность, недостаточно четкие границы между ними и, как следствие всего этого, определенные трудности при отграничении частей слова отмечаются при описании русского словообразования разными авторами» [102, 53].

Совершенно иную картину дает агглютинация, при которой, как правило, морфемные границы четко выражены. При агглютинативном формообразовании каждое грамматическое значение вводится в слово с помощью отдельного аффикса (ср. турец. *ev-ler-de* и русск. *дом-ам*; морфема *-ам* придает значению целого значение множественного числа и дательного падежа); возможно так называемое групповое оформление (кит. *гунжэнь хэ сюешэньмэнь* 'рабочие и студенты', где суффикс коллективной множественности *-мэнь*, присоединяясь ко второму слову, взаимодействует и со значением первого, видоизменяя его грамматически) и т. д. и т. п.⁹¹

Если, в заключение этого раздела, взглянуть на комбинаторику морфем в целом, то следует подробнее остановиться на вопросе о реализации принципа линейности при сочетании морфем между собой. Морфемы, как и фонемы и слова, располагаются в линию одна за другой. Это эмпирически наблюдаемый факт. Линейное расположение морфем позволяет говорить об их позициях в слове. Выше мы констатировали, что при комбинации знаменательных морфем с различными видами служебных сначала располагаются словообразовательные морфемы, а затем следуют формообразовательные. Это и есть реализация принципа линейности. Этот принцип расположения явственно проявляется у звуковых оболочек морфем — сонем. Однако что касается взаимодействия значений этих линейно расположенных морфем, то здесь в полной мере выявить принцип линейности затруднительно.

Во-первых, при явлениях синкретизма служебных морфем (совмещение функций или значений) совмещаемые в морфеме значения (например, значения числа и падежа) взаимодейству-

⁹¹ Много интересных данных о взаимодействии морфем и их значений в разных языках приводит Ж. Вандриес в книге «Язык» в разделе «Слова и морфемы» [36, с. 76—90]. Следует только помнить о специфическом значении его термина «морфема».

ют со знаменательным значением не последовательно, а одновременно. Эти значения как бы и выражаются одновременно — одной и той же морфемой. Но и значения последовательно расположенных служебных морфем (при агглютинативной морфологии) взаимодействуют со знаменательным значением также одновременно, как бы параллельно. Такая одновременность взаимодействия ряда служебных значений со знаменательным, возможно, служит объяснением, почему разные значения могут выражаться одновременно в одной звуковой оболочке (как, например, в падежных флексиях русского языка).

Во-вторых, взаимодействие знаменательного и служебных морфемных значений ведет к образованию единого, грамматически классифицированного (и иногда грамматически модифицированного) лексического значения, которое глобально и по существу нечленимо на реальные части.

В этих условиях, конечно, нельзя говорить о линейной последовательности морфемных значений внутри лексического значения. Эта особенность взаимодействия значений связана с их природой. Значения как некоторые факты сознания лишены субстанционального, т. е. отдельного от материи, атрибута которой они являются, пространственно-временного существования. Отсюда и отсутствие у них прямого физического взаимодействия (как у фонем или соном), и эффект «нарушения» принципа линейности при взаимодействии. Несубстанциональная природа значений создает своего рода парадокс нелинейного взаимодействия значений линейно расположенных единиц⁹².

Несколько иную картину, как мы видели выше, представляет взаимодействие знаменательных морфемных значений, которое во многом напоминает взаимодействие слов (исторически восходя к нему). Хотя значения и не имеют самостоятельного пространственно-временного существования, они дискретны, отличаются друг от друга, и благодаря наличию звуковых отрезков — соном (или в словах — номем), выражающих их по отдельности и в определенной линейной последовательности, они как бы следуют в сознании одно за другим, т. е. также подчиняются линейной последовательности. Знаменательные значения в полной мере осознаются нашим сознанием. Поэтому в отличие от служебных значений, которые также выражаются, или, лучше сказать, вводятся в слова линейно расположенными сономами, знаменательные значения вовсе не всегда (и не обя-

⁹² Интересно отметить, что нарушение принципа линейности при взаимодействии морфемных значений иногда, при отождествлении морфемы с ее значением, трактуется как нелинейность расположения морфем. Так, У. Л. Чейф пишет: «Было ясно, что морфемы (я все еще продолжал употреблять этот термин для обозначения единиц семантической структуры) не располагаются в порядке линейной последовательности, как это происходит с фонемами» [224, с. 17—18].

зательно) сливаются в единое целое (хотя, как мы видели, в сложных словах тенденция к этому имеется), а как бы взаимодействуют в линейной последовательности, осознаваясь говорящими как отдельные сущности.

Наглядные примеры полного осознания говорящим знаменательных значений в составе сложных слов, в особенности свободно образуемых в речи, мы находим в самых различных языках. Так, в русском *одноглазый* отчетливо отличается от *двуглазого*, а *однооконный* от *многооконного* и т. д. В шведском языке, где фактически нет относительных прилагательных, признак относительности выражается не отдельным словом, как в русском языке, например в словосочетании *атомная война*, а частью сложного слова, например в сложном слове *atomkrieg*. Сходные примеры можно найти в других германских языках — немецком и английском. Такая же картина обнаруживается и в изолирующих языках (китайском, вьетнамском и др.).

Можно констатировать, что в силу идеального характера значений как фактов сознания, что обуславливает особый способ их взаимодействия («умственного», а не субстанционального), комбинаторика значений может осуществляться двояким образом: во-первых, как нелинейная интеграция значений в новое единое значение (комбинация знаменательных и служебных значений, некоторые виды комбинаций знаменательных значений) и, во-вторых, как своего рода линейная последовательность осознаваемых по отдельности знаменательных значений, т. е. как появление в сознании говорящих (или слушающих) этих значений одного за другим, что сигнализируется внешне последовательным появлением их звуковых оболочек.

Комбинаторика морфем ведет к образованию слов с их глобальными или (как в сложных словах) в той или иной мере расчлененными значениями, но не ведет непосредственно к порождению предложения. Комбинации морфем есть лишь средство образования слов (и их форм), с помощью которых строятся предложения и формируется смысл.

4. Комбинаторика слов

Общие замечания. Роль значений слов и синтаксических правил в комбинаторике

Подобно фонемам и морфемам, слова в речевой цепи располагаются в линейной последовательности. Порядок следования слов определяется потребностью формирования и выражения мысли. Так же как и при комбинаторике морфем, фонемный состав звуковых оболочек слов-ном не влияет на соединение слов друг с другом (кроме случаев звукописи). Сочетаемость слов регулируется синтаксическими

правилами данного языка, а также лексической совместимостью слов.

Лексическая совместимость, по сути дела, представляет собой смысловую правильность высказывания, соответствие высказывания «нормальному» положению вещей. Лексическая совместимость запрещает сочетания типа *круглый квадрат*, *стул завтракает* и т. п. Однако понятие *лексическая совместимость* (*несовместимость*) не абсолютно. Несуразные с точки зрения обычного положения вещей высказывания (т. е. лексически несовместимые) могут быть единственно возможными, например, применительно к сказочной ситуации, где стул может завтракать, а стол или умывальник ходить гулять (см. «Мойдодыр» К. Чуковского).

Поскольку синтаксические правила в своем действии опираются на грамматические значения (и свойства) слов, а лексическая совместимость — на индивидуальные лексические значения, можно сказать, что сочетаемость слов регулируется в конечном счете их значениями как грамматическими, так и лексическими. Решающая роль при этом принадлежит синтаксическим правилам и соответственно грамматическим значениям всех видов (общеграмматические значения слов как частей речи, или классов, значения словоформ, значения подклассов). Что касается лексической совместимости и соответственно лексических значений, то при изучении сочетаемости слов от них обычно отвлекаются, поскольку предполагается, что обычное, «нормальное» общение осуществляется предложениями, в которых слова лексически совместимы, и именно такие предложения являются объектом научного анализа.

Поскольку же синтаксические правила языка действуют в конкретной лексической среде, т. е. прилагаются к конкретным словам, постольку от учета лексических значений, или, говоря точнее, от учета соотношения лексических значений, иногда отвлечься нельзя. Соотношение лексических значений в некоторых случаях выступает как условие реализации той или иной грамматической (синтаксической) связи. Это явление, которое ранее было названо мной *смысловой подборкой слов* (см. [178]), хорошо прослеживается в изолирующих языках, где формы слов не участвуют в формировании синтаксических связей, и последние устанавливаются за счет порядка (соположения) слов и служебных слов. Решающая роль при этом принадлежит грамматическим свойствам слов (принадлежность к части речи и одному из подклассов). Однако грамматическая связь, возможная между двумя словами, реализуется лишь при соответствующей смысловой подборке слов.

Так, в китайском языке соположение двух глаголов может дать: 1) сочинительную связь, 2) результативную связь и 3) обстоятельственную связь. Сочинительная связь реализуется, если оба глагола семантически равноценны. Результативная связь

реализуется, если глаголы подобраны так, что второй глагол может обозначать результат действия, выраженного в первом глаголе. обстоятельственная связь реализуется, если первый из глаголов может обозначать сопутствующее действие (*та сяо дао* 'он, смеясь, сказал'). Соположение двух существительных в том же языке может дать либо атрибутивную, либо сочинительную связь. Какая из связей реализуется, зависит также от смысловой подборки слов. Атрибутивная связь возникает, если существительные семантически неравноценны. Наоборот, для реализации сочинительной связи необходима семантическая равноценность слов. Так, соположение слов *фуцинь* 'отец' и *муцинь* 'мать' может дать только сочинительную, или, как принято говорить в китайстике, копулятивную связь (подробнее см. [178]).

Таким образом, в тех случаях, когда грамматические свойства слов допускают возможность установления между словами более чем одной грамматической связи, лексическая подборка слов ликвидирует эту неопределенность и реализует одну из возможных грамматических связей. Указанное явление представляет собой одно из проявлений взаимодействия грамматики и лексики⁹³. Здесь роль играют не лексические значения слов, как таковые, а их соотношение, вернее, тип соотношения. Особенно наглядно это видно на примере образования так называемой результативной синтаксической связи в китайском языке. Конкретные значения слов, между которыми устанавливается эта связь, могут быть любыми. Важно лишь, чтобы слова были подобраны так, что лексическое значение второго слова можно было бы понять как результат действия, отображенного в значении первого слова.

В связи с вопросом о роли лексических значений в комбинаторике слов следует коснуться вопроса о многозначности слов и об омонимии, а также о способе разрешения многозначности, или омонимии. (В данном случае различие омонимии и многозначности несущественно. Важно то, что объединяет эти два яв-

⁹³ Взаимодействие лексики и грамматики имеет место во всех языках (см., например, В. Н. Ярцева [238]), однако в такой, я бы сказал, обнаженной форме зависимость возможности реализации грамматической связи от лексической подборки слов обнаруживается именно в изолирующих языках. Так, в русском языке в силу того, что грамматические связи в нем устанавливаются за счет тех форм, в которых слова выступают в речи, атрибутивная связь может быть установлена между семантически равноценными словами *отец матери* или *мать отца*. В китайском языке, как отмечалось, семантическая равноценность слов при их соположении не позволяет реализоваться атрибутивной связи, хотя соположение слов есть само по себе средство образования этой связи. Для образования атрибутивной связи слов *фуцинь* 'отец' и *муцинь* 'мать' необходимо введение между этими словами специального служебного слова *ды*, которое в этом случае играет ту же роль, что и в позиции между грамматически разными словами, например, между глаголом и существительным: *май ды шу* 'купленная книга', но *май шу* 'покупать книгу'. Соположение этих слов без введения *ды* дает не атрибутивную, а иную — глагольно-объектную связь.

ления — закреплённость за одним и тем же звуковым комплексом двух или более разных, связанных между собой или не связанных значений.)

В сочетании *по плечам развита русая коса* в звуковом комплексе *коса* реализуется значение 'волосы' и элиминируются другие значения. В предложении *волны размывали далеко выступавшую в море косу* слово *коса* имеет значение 'узкая, выдающаяся в море (озеро, реку) полоса суши'. В сочетании *затупить (наточить) косу* слово *коса* значит 'орудие для срезания растений'. В каждом отдельном акте говорения многозначное слово (или омоним) может реализовать одно, и только одно, значение. Говорящий, т. е. производящий речь человек, в каждый данный момент времени в силу психофизиологических особенностей мозга может фиксировать свое внимание только на одном факте сознания — представлении или понятии (значении) (соответственно на одном каком-либо факте реального мира). Поэтому невозможно сообщать что-либо одновременно о «волосах», о «полоске земли» и о «режущем орудии». Приходится, как говорят, выбирать что-либо одно и подбирать к слову, взятому в одном данном значении, лексически совместимые с ним слова. Так, одна коса может быть русской и развитой, другая коса — острой или тупой, третья — размытой или выдающейся в море и т. д. и т. п. Это и есть снятие или разрешение омонимии (принципиально так же снимается или разрешается многозначность). Совокупность грамматически соединенных и лексически совместимых слов образует *контекст*, т. е. осмысленный отрезок речевой цепи, в котором ликвидируется многозначность или разрешается омонимия.

Сторонники компонентного подхода к значению в лексически совместимых словах усматривают «наличие общих семантических элементов» и формулируют «основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [14, с. 14]. Ю. Д. Апресян пишет, что «этот закон представляет собой строгую формулировку старого принципа, в силу которого нужно значение многозначного слова „ясно из контекста“». Со ссылкой на В. Г. Гака [41] Ю. Д. Апресян отмечает, что этот закон иногда «называется правилом семантического согласования» [14, с. 14].

Формулировка приведенного выше «семантического закона» вызывает ряд возражений. Слушающий не делает никакого выбора. Ему задается говорящим цепочка однозначных лексически совместимых и грамматически соединенных слов. В этой цепочке, в которой реализовано «правило семантического согласования», объективных общих смысловых элементов нет, но есть смысловая или лексическая совместимость. Последнее понятие, как говорилось выше, относительно. То, что несовместимо в од-

них условиях (*морская вода не горит, кит не бежит*), может оказаться вполне лексически совместимым в других условиях (*море пламенем горит, выбежал из моря кит* — К. Чуковский). Поскольку же «общие смысловые элементы» фактически обнаруживаются в условиях лексической совместимости, постольку оказывается, что в разных условиях одни и те же сочетания слов выступают то как имеющие общие смысловые элементы, то как не имеющие таковых⁹⁴. Приведенный выше «основной семантический закон» справедлив в той мере, в какой он отражает лексическую совместимость слов для данных условий, т. е. построение предложения из лексически совместимых слов или, если уточнить, — из слов, используемые значения которых семантически совместимы и в своем сочетании в данных условиях не ведут к абсурду. Одним из путей достижения лексической совместимости является снятие многозначности, о чем речь шла выше.

Резюмируя сказанное о роли лексических значений в комбинаторике слов, важно отметить, что лексические значения влияют главным образом на смысловую правильность предложений и словосочетаний, т. е. на их логичность и соответствие определенным ситуациям (в том числе и вымышленным, нереальным, сказочным, мифологическим и пр.). Смысловое взаимодействие слов создает условия для снятия многозначности и разрешения омонимии. В некоторых случаях (обычно когда в словоформах не выражены грамматические отношения между словами) смысловая подборка слов является условием реализации той или иной грамматической связи.

Решающим фактором, влияющим на установление грамматических отношений между словами, являются общеграмматические значения слов, грамматические значения подклассов и грамматические значения словоформ. Роль этих факторов так велика, что лицам, владеющим тем или иным языком, грамматически правильными, т. е. отвечающими грамматическому строю данного языка, представляются последовательности звуковых комплексов, лишенные лексических значений, но снабженные грамматическими приметами (грамматическим оформлением) и расположенные в соответствии с правилами порядка слов данного языка. Имеются в виду образования типа известной фразы о «глокой куздре» Л. В. Щербы или примера Р. Карнапа: *Piroten karulieren elatisch* (немецкий вариант) и *Pirots carulize elatically* (английский вариант).

На грамматических свойствах слов и базируется действие синтаксических правил.

⁹⁴ Тем самым оказывается, что само понятие «общности смысловых элементов» относительно. Эта относительность связана с тем, что объективных, реальных частей или элементов значений, как уже отмечалось, выделить невозможно.

Синтаксические правила заметно различаются от языка к языку. Мы могли видеть выше существенное различие синтаксических правил флективного русского и изолирующего китайского языков. Специфичны синтаксические правила и в языках иных типов. Как однажды выразился И. И. Мещанинов, «ясно, что правила синтаксиса русского и гиляцкого языков расходятся коренным образом» [127, с. 102]. И тем не менее в комбинаторике слов разносистемных языков имеется много общего. Общим является, во-первых, сам тот факт, что комбинаторика слов регулируется синтаксическими правилами, опирающимися на грамматические свойства слов; во-вторых, каждый язык обладает строго ограниченным набором конструкций (моделей, или схем, или формул строения) предложений и словосочетаний, в рамках которых в соответствии с синтаксическими правилами последовательно располагаются слова; в-третьих, в каждом языке слова, заполняя места в конструкции, в результате взаимодействия друг с другом приобретают ту или иную функцию (становятся подлежащими, сказуемыми, дополнениями, определениями и т. д.) и то или иное, соответствующее данной функции, значение, определенное выше (ч. III, гл. II, § 3) как функциональное значение.

Комбинаторика слов есть, по сути дела, реализация синтагматических свойств языковых единиц и тем самым синтагматических отношений. Синтагматический аспект языка в той мере, в какой он касается сочетаний слов, как известно, является объектом изучения синтаксиса, который исследует, как, по каким правилам, в рамках каких конструкций осуществляется комбинаторика слов. Правила, конструкции (или формулы строения и т. п.) и сами слова (за исключением слов — единиц речи), т. е. все аспекты комбинаторики слов, принадлежат языковой системе. Образующиеся в результате комбинаторики конкретные словосочетания и предложения составляют речевые системы, совокупность которых образует то, что называется *речью*. Синтаксис изучает, как с помощью языковых средств образуется речь и как сами речевые произведения устроены. Объектом синтаксиса, таким образом, является язык в действии, в функционировании. Иначе можно сказать, что объектом синтаксиса является комбинаторика слов, в процессе осуществления которой и возникает речь.

Образование речевых произведений — предложений имеет своей целью формирование и выражение мысли (или смысла). Поэтому именно синтаксический аспект изучения языка, или синтаксис, непосредственно подводит к пониманию того, как формируется или порождается смысл. Среди современных лингвистических теорий связь синтаксического аспекта изучения языка с проблемой порождения смысла получила, пожалуй, наи-

большее отражение и разработку в так называемой порождающей грамматике, или генеративной лингвистике, Н. Хомского и его последователей. Ряд понятий и положений, разрабатываемых в рамках этого направления (глубинные и поверхностные структуры, трансформации и т. д.), получил широкое распространение в современной лингвистической литературе. Однако решение синтаксических проблем и проблемы порождения смысла в русле этого направления в теоретическом отношении представляется крайне спорным.

Занимаясь далее комбинаторикой слов в связи с ее конечным результатом — *порождением смысла предложений*, рассмотрим сначала трактовку порождения смысла в рамках генеративной лингвистики.

Концепция глубинных структур и порождение смысла предложений в генеративной лингвистике

Взамен обычного представления о том, что для формирования и выражения мысли (смысла) достаточно соединить слова в определенной синтаксической конструкции в соответствии с правилами языка, т. е. осуществить некоторую комбинаторику слов и образовать предложение, генеративная лингвистика предложила совсем иную, гораздо более усложненную концепцию порождения смысла.

Концепция эта исходит из того, что «взрослый носитель того или иного языка может в случае необходимости построить новое предложение на родном языке, и другие носители того же языка немедленно поймут его, хотя это предложение является и для них новым» [219, с. 465]. Н. Хомский называет это «творческим аспектом использования языка». Разъясняя подробнее, что это значит, он указывает, что «многое из того, что мы говорим в ходе нормального использования языка, является совершенно новым, а не повторением чего-либо слышанного раньше, и даже не является чем-либо „подобным“ по „модели“ (в любом подходящем смысле слов „подобный“ и „модель“) тем предложениям или связным текстам, которые мы слышали в прошлом. Это трюизм, но весьма важный, который часто не замечали и не так уж редко отрицали... когда почти все заявляли, что языковое знание конкретного человека может быть представлено как запас моделей, которые зазубрили путем постоянного повторения и подробных упражнений, а новаторство — это, самое большее, результат действия „аналогии“» [221, с. 23].

Подвергнув, таким образом, критике старые, с его точки зрения, представления о том, как используется язык для выражения мыслей, Н. Хомский утверждает: «Однако несомненный факт состоит в том, что число предложений родного языка, которые человек сразу поймет, не ощущая трудности или необычности, является астрономическим, и что число моделей, лежащих

в основе нормального использования языка и соответствующих осмысленным и легко воспринимаемым предложениям на нашем родном языке, является величиной, на несколько порядков большей, чем число секунд в жизни человека» [221, с. 23].

Констатируя этот, по его мнению, «несомненный факт», Н. Хомский, однако, отказывается дать ему объяснение. «Честность заставляет нас признать,— пишет он,— что мы сегодня так же далеки, как и Декарт три столетия назад, от понимания того, что же именно дает человеку возможность говорить таким способом, который носит новаторский характер» [221, с. 23].

Исходя из изложенного представления о характере использования языка, состоящего в порождении астрономического числа совершенно новых [219, с. 465] предложений и создания бесконечного числа моделей, «соответствующих... предложениям на нашем родном языке», Н. Хомский обратился к картезианским «врожденным идеям», принял гипотезу о знании языка как о врожденной способности к языку («система языковой компетенции») [221, с. 15] и сформулировал, со ссылкой на теорию «Пор-Рояля», ряд утверждений о «глубинной структуре», которая лежит в основе всякого реального предложения, представляющего собой «поверхностную структуру». Эта глубинная структура связана с поверхностной особыми отношениями, получившими название «трансформаций»⁹⁵. С помощью трансформаций на основе глубинных структур порождаются структуры поверхностные. «Эта теория,— пишет Н. Хомский,— утверждает, что лежащая в основе глубинная структура, с ее абстрактной организацией языковых форм, „дана уму“, в то время как сигнал с его поверхностной структурой производится или воспринимается телесными органами. А трансформационные операции, связывающие глубинную и поверхностную структуры, являются действительными операциями, выполняемыми умом, когда предложение производится или понимается» [221, с. 29—30].

Понятие глубинной структуры как некоторого абстрактного понятийного или семантического образования и особого способа ее связи с поверхностной структурой — чрезвычайно важное звено в генеративной теории, используемое для объяснения формирования смысла предложений и вообще для построения общей концепции языка. В известном смысле идея глубинных и поверхностных структур стала центральной для всей генеративной теории⁹⁶. Как отмечал У. Л. Чейф, «воззрения Хомского... базировались на признании трансформаций, или, лучше сказать, неравновесия между *глубинной* и *поверхностной* структурой»

⁹⁵ Термины «глубинная структура», «поверхностная структура», «трансформация» получили у Н. Хомского специфическое истолкование.

⁹⁶ На ранних этапах формирования генеративной теории (=порождающей грамматики) Н. Хомский предпочитал вместо глубинных структур говорить о «ядерных предложениях», ср. «Синтаксические структуры» (амер. изд. 1957 г., русский перевод см. [218, с. 501]).

[224, с. 19]. Сам У. Л. Чейф, предпочитающий пользоваться понятием семантической структуры вместо глубинной, отмечает, что «говорящий „порождает“ сначала семантическую структуру, и именно семантическая структура определяет то, что происходит в дальнейшем» [222, 75].

* * *

Согласно концепции глубинной и поверхностной структуры (и в том виде, в каком она представлена у Н. Хомского, и в других разновидностях, например у У. Л. Чейфа)⁹⁷, смысл предложения закладывается не путем линейной комбинаторики слов, а путем образования сначала глубинной, или семантической, структуры, которая представляет смысловое начало. Затем путем ряда трансформационных операций это семантическое, или понятийное, образование превращается в поверхностную структуру, имеющую звуковое воплощение. Трансформационные операции, благодаря которым совершается этот переход и которые связывают смысл и звук, составляют, как считает Н. Хомский, грамматику языка⁹⁸. Именно такая, образно говоря, вертикальная грамматика (поскольку она связывает разные стороны двусторонних единиц) и порождает смысл. Такая грамматика, если она существует, несовместима с грамматикой, ведающей отношениями двусторонних единиц, поскольку лежит совсем в иной плоскости. Такая трактовка грамматики есть, однако, только теоретическая установка⁹⁹. На практике же, в ходе своих рассуждений, Н. Хомский оперирует только двусторонними единицами, т. е. фактически словами и их сочетаниями, к которым и применяются трансформационные правила. На практике глубинные структуры выступают не как до-

⁹⁷ Несмотря на то что У. Л. Чейф сам отмечает, что «воззрения Хомского... самым решительным образом сказались» на его концепции структуры языка [224, с. 19], его нельзя считать вполне последовательным хомскианцем. (Разбор и оценку его концепции см. в послесловии «Семантико-грамматическая концепция У. Л. Чейфа» С. Д. Кацнельсона к упомянутой выше книге У. Л. Чейфа.) Однако в трактовке понятия семантической структуры и ее отношения к поверхностной У. Л. Чейф очень близок к Н. Хомскому. Это проявляется у него и в ряде других вопросов, например, он, как и Хомский, считает, что «язык в целом в значительной степени обусловлен генетически» [224, с. 99].

⁹⁸ «Грамматика языка, в том смысле, в каком я употребляю этот термин, в общих чертах может быть охарактеризована как система правил, которые выражают соответствие между звуками и значениями в языке» [220, с. 52].

⁹⁹ Вряд ли теоретически правомерно определять грамматику как систему правил, регулирующую отношение смысла и звука, и отказываться от понимания грамматики как системы правил, регулирующих взаимоотношение единиц языка — морфем и слов, т. е. двусторонних единиц, имеющих и звучание и значение. Проблема связи звука и значения — это важная сама по себе семиотическая, но не грамматическая проблема, если только не отказываться полностью от понимания грамматики как регулятора отношений единиц языка.

звуковые, а стало быть, дословесные, образования, а как уже вполне фонетически интерпретированные образования, к которым, может быть, больше подходит наименование «ядерные предложения». Ср., например, как интерпретирует Н. Хомский глубинную структуру предложения *A wise man is honest* 'Мудрый человек честен', где к глубинной структуре, в частности, он относит суждение с субъектом *a man* 'человек' и предикатом *to be wise* 'быть мудрым' [221, с. 40].

В изложении Н. Хомского глубинные структуры — начало порождения предложений — представляют собой нечто вроде двучленных суждений: «система категорий и составляющих, но более абстрактного характера», «система... суждений, ни одно из которых не утверждается, но которые взаимосвязаны таким образом, чтобы выразить значение предложения» [221, с. 30—40]. Если согласиться с существованием таких структур-суждений, то неизбежно придется прийти к заключению, что процесс речеобразования раздвоен. Он представлен глубинным процессом, в ходе которого образуются глубинные структуры, и поверхностным процессом, в ходе которого образуются фонетически интерпретированные, т. е. звучащие, предложения, с их поверхностной структурой, относительно которой Н. Хомский утверждает, что «поверхностная структура обычно содержит в себе очень мало указаний на значение предложения» [221, с. 43]¹⁰⁰. В соответствии с теорией между этими двумя процессами и лежит связывающая их грамматика языка в виде трансформационных правил. Иначе говоря, трансформационные правила связывают значения, представленные в глубинных структурах, и звучания, имеющиеся в поверхностных.

Однако неясно, как от значений путем трансформационных операций можно прийти к звучанию. Эти два процесса с точки зрения теории порождающей грамматики должны разветвляться одновременно. Глубинный процесс должен опережать поверхностный, поскольку, как в этой связи заметил В. Г. Адмони, «всякое порождение предполагает хотя бы минимальное (мгновенное) предшествование порождающего порождаемому» [9, с. 43]. По мнению В. Г. Адмони, психофизиологическая реальность трансформационных операций не мотивирована, и «по сути дела, процесс порождения грамматических конструкций, разрабатываемый генеративной грамматикой, есть лишь набор приемов, служащих для освещения некоторых сторон грамматического строя» [9, с. 43]. Действительно, перечень операций, с помощью которых «мы можем образовать поверхностную структуру из глубинной» [221, с. 41], свидетельствует, что это есть

¹⁰⁰ Делая столь сильное утверждение, Н. Хомский, как это следует из дальнейшего изложения, имеет в виду многозначность (судя по примеру — двузначность) предложения *I disapprove of John's drinking* 'Мне не нравится, что Джон пьет'.

описание действий лингвиста, производимых с каким-либо предложением при его искусственной перестройке.

Операции эти таковы:

а. приписывать показатель *who*, наиболее глубоко вставленной NP, а именно *man* 'человек'.

б. заменить NP, помеченную таким образом, на *who* 'который'.

с. опустить *who is* 'который (есть)'.

д. поменять местами *man* 'человек' и *wise* 'мудрый' [221, с. 41].

Нет никаких оснований предполагать, что этот перечень есть описание операций, производимых умом: ведь «наиболее глубоко вставленные NP (пошр phrase.— В. С.)» имеются только на графах, с помощью которых лингвисты изображают структуру предложений.

Факторы, влияющие на порождение смысла.

Понятие конструкции

Поскольку постулируемые генеративной теорией глубинные структуры¹⁰¹, или семантические структуры У. Л. Чейфа, считаются началом формирования, или порождения, смысла предложений («задают их семантическую интерпретацию» — Н. Хомский; «определяют то, что происходит в дальнейшем» — У. Л. Чейф), рассмотрим далее вопрос о формировании смысла предложений и попытаемся оценить в этом процессе место глубинных структур, если они действительно существуют, или тех явлений, которые служат своего рода питательной средой для концепции глубинной структуры¹⁰².

Можно задаться вопросом: в какой мере гипотеза о существовании глубинных структур необходима для объяснения процесса формирования смысла предложения? Нельзя ли процесс порождения смысла истолковать как процесс комбинаторики слов, в результате которого образуются упорядоченные цепочки слов, к которым в силу их «фонетической интерпретированности» подходит наименование «поверхностных структур»? Иначе говоря, нельзя ли предположить, что говорящий, используя языковые средства (слова, конструкции и правила), сразу же образует так называемую поверхностную структуру, или конкретное предложение, которое непосредственно порождает смысл предложения, т. е. свой собственный смысл? Для проверки этого предположения рассмотрим условия, в которых осуществляется комбинаторика слов, и попытаемся выявить факторы, влияющие на формирование смысла.

¹⁰¹ В некоторых современных работах существует и иное, «негенеративное», понимание того, что такое глубинная структура. Так, Л. С. Бархударов полагает, что это «функционально значимые абстрактные синтаксические модели, реальными проявлениями которых являются структуры поверхностные, находящиеся друг с другом в вариативных отношениях» [25, с. 56]. В этом случае отношения этих двух структур трактуются не как отношения порождения, а как отношения явления и сущности [25, с. 57].

¹⁰² О разном понимании глубинных структур см. «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры“ в языке». М., 1972; см. также [186].

Я не могу здесь вдаваться в подробное рассмотрение вопроса, как у говорящего возникает намерение (интенция) сформулировать и выразить какую-либо мысль. Очевидно, намерение или потребность что-то сказать, т. е. сформулировать какую-то новую мысль и выразить ее в словесном образовании — предложении, возникает до того, как образуется само предложение. Рассмотрение этого вопроса, видимо, выходит за рамки собственно лингвистического анализа и требует привлечения нелингвистических (психофизиологических) данных. Но допустим, что намерение появилось, и говорящий приступил к его осуществлению.

Прежде всего следует отметить, что, хотя, действительно, всякая новая мысль для своего выражения требует нового предложения, последнее не целиком является новым, как полагает Н. Хомский (см. выше). Всякое новое предложение строится в соответствии с готовой и известной говорящему и слушающему моделью, или схемой, или конструкцией (иногда говорят — формулой строения)¹⁰³, путем наполнения этой конструкции конкретными словами. Такая конструкция лежит в основе организации любого реально правильного (с грамматической точки зрения) предложения, представляя собой внутреннее устройство, или структуру реального предложения (здесь термин «структура» употреблен в значении, принятом в настоящей книге, — внутренняя организация системы). Реальное предложение при таком подходе понимается как упорядоченный целостный объект — система. Конструкция, в соответствии с которой построено предложение, с одной стороны, есть структура этого предложения, с другой — есть своего рода программа построения нового предложения, новизна которого создается за счет новой комбинации уже известных слов языка. Знание этой программы, а также знание языковых единиц — слов — и умение использовать их в соответствии с этой программой составляют *знание языка*¹⁰⁴.

¹⁰³ Далее я буду пользоваться преимущественно термином «конструкция» вместо «модели», «схемы» и «формулы строения».

¹⁰⁴ Вопрос о том, что такое знание языка, не есть собственно лингвистический вопрос. Отмечу дополнительно только, что знание языка, знание тех или иных конструкций, моделей, правил и слов приобретается говорящим только в результате обучения, а не есть врожденная способность, как полагает Н. Хомский. Знание языка есть усвоенный в результате обучения социальный навык. Приобретение ребенком знания конкретного языка, как об этом свидетельствует опыт, определяется конкретной языковой средой. Ребенок с раннего возраста, попадая в иную языковую среду, чем среда его родителей, усваивает, как известно, знание языка этой новой языковой среды и совсем не знает языка своих родителей. Против гипотезы «врожденности» говорят также известные случаи выкармливания детей животными. Дети, выросшие вне общества, как известно, не только не имеют языка, но и утрачивают с годами способность в полной мере научиться языку.

Как было показано в соответствующем месте (см. 41—43), конструкция, характеризующая устройство предложения, представляет собой некоторый инвариант, относительно которого реальные предложения, построенные в соответствии с данной конструкцией, являются вариантами. В качестве вариантов реальные предложения могут отличаться друг от друга: а) по составу конкретных входящих в них слов (*Олень бежит, Птица поет, Человек идет* и т. п.); б) по количеству составляющих слов (например, за счет однородных слов); в) по наличию/отсутствию придаточных предложений и их количества (ср. английский или русский тексты известного стихотворения о доме, который построил Джек). Различие предложений-вариантов между собой и составляет новизну этих предложений.

Понимание новых предложений обеспечивается воспроизведением в этих новых предложениях уже существующих в языке конструкций, или моделей (см. В. М. Солнцев [181, с. 167]). Последние, заполняясь новыми словами, предопределяют наличие одного и того же общего «конструктивного» значения у разных новых предложений. Это общее значение известно и говорящему, и слушающему. Оно дано со знанием языка. Например, в китайском языке последовательность «существительное — переходный глагол» образует двухместную конструкцию предложения с общим значением, которое можно описательно определить как «сообщение о факте совершения (несовершения или предстоящего совершения) действия каким-либо субъектом». Все предложения, построенные в соответствии с этой конструкцией, имеют то же самое общее значение. Кто же именно и какое конкретное действие совершил, уточняется конкретными словами, заполняющими данную конструкцию. Иные конструкции, разумеется, имеют и иные общие значения.

Понимание конкретного значения нового предложения, таким образом, происходит на фоне известного (усвоенного ранее путем обучения) общего значения данного предложения¹⁰⁵, обусловленного конструктивным устройством данного предложения.

* * *

Само собой разумеется, что общее значение предложения, представляя собой его конструктивное значение, не существует и не обнаруживается иначе, как в конкретном предложении, состоящем из слов (или в виде искусственного случая из псевдо-

¹⁰⁵ Сказанное можно подтвердить путем проведения простого опыта. Если лицу, изучающему иностранный язык, предложить «перевести», т. е. понять, предложение, составленное из известных ему слов, но построенное по модели, или конструкции, значение которой (общее конструктивное значение предложения) ему неизвестно, то можно убедиться, что «понимания» не произойдет. Может произойти «неверное понимание», если испытуемый подведет предложенную ему цепочку слов под какую-либо другую, известную ему конструкцию, или модель.

слов, снабженных грамматическими пометами, например во фразе о «глокой куздре», и т. п.). Это конструктивное значение взаимодействует со значениями слов, наполняющих данную конструкцию. В рамках конструкции в сфере действия, или, может быть, лучше сказать, влияния данного конструктивного значения, как бы уже заданы те синтаксические связи, в которые могут вступить слова. Более того, влияние конструктивного значения предопределяет характер реализации грамматической валентности слов.

Так, например, в китайском языке грамматически однородные пары слов «существительное — переходный глагол» реализуют по-разному свои возможные отношения в рамках так называемого активного предложения и предложения состояния. В активном предложении субъект, выраженный в предложении, сам активно совершает действия, направленные на какой-то объект. В активном предложении переходный глагол без дополнения с объектным значением в ряде случаев не образует в смысловом отношении законченного предложения¹⁰⁶. Наоборот, в предложении состояния переходный глагол означает не активное действие, а состояние, в котором находится предмет, обозначенный подлежащим, например: *вань дапола* 'чашка разбита'. В этом предложении дополнение не только не нужно, но и вообще невозможно. Разные конструкции предложений характеризуются поэтому разными наборами своих конститутивных, т. е. обязательных для данной конструкции, компонентов, или членов.

Конструкция (модель) предложения и обусловленное ею конструктивное (общее) значение предложения вообще есть важнейший фактор формирования предложения и его понимания. Набор конструкций и, стало быть, конструктивных значений в каждом языке конечен и сравнительно небольшой. В значениях конструкций как бы в обобщенной форме отображаются типовые ситуации, с которыми люди имеют дело в своей практической жизни и деятельности. В известном смысле конструкция есть способ вычленения и осознания (при наполнении конкретными словами, разумеется) некоторой типовой ситуации: бесчисленное количество конкретных (реальных или мысленных) ситуаций благодаря наличию конструкций сводится в языке в несколько типов.

Так же как слова языка группируются в классы (части речи) по общности классного (грамматического) значения и грамматических свойств, бесчисленные конкретные предложения группируются в некоторые классы, именуемые обычно типами. Типы предложений — это не что иное, как конструкции, обладающие

¹⁰⁶ В связи с этим существует точка зрения, что в китайском языке «дополнение при переходных глаголах обязательно» (см. С. Е. Яхонтов [239, с. 6]). В некоторых случаях, однако, это не так (см. В. М. Солнцев [174, с. 125—127]).

общим конструктивным значением, которое есть общее грамматическое значение предложения, а также рядом грамматических особенностей, отличающих предложения одного типа (или конструкции) от другого.

В некотором смысле можно сказать, что конструкции это своего рода «части речи» для синтаксиса. Аналогия с частями речи может быть продолжена и дальше. В значениях отдельных знаменательных слов отображаются классы предметов (деревья, столы, дома), качеств (синий, красный, сильный), действий (бежать, читать, спать) и т. п.; в значениях же частей речи отображаются категории, образуемые на основе классов предметов, качеств, действий, — существительные (предметность), глаголы (действие), прилагательные (признаки) и т. п. В значениях отдельных конкретных предложений отображается или описывается отдельная конкретная ситуация (*Идет снег, It snows, Чашка разбита, Он — лётчик* и т. п.); в значениях же типов (конструкций) отображается обобщенная ситуация, под которую подводится каждая конкретная ситуация (бытийность, пассивность, наличность и т. п.).

Надо сказать, что в должной мере обобщенное (конструктивное) значение предложений пока в лингвистике не изучено. Нет и стандартной номенклатуры наименований для конструктивных значений. Правда, в последнее время понятие конструкции, или, что то же самое, структурной схемы предложения, все более привлекает к себе внимание. И. П. Распопов пишет: «Предпринимаемые в последние годы весьма активные поиски новых путей и способов описания синтаксического строя языка в значительной степени вращаются вокруг понятия так называемой структурной схемы предложения. Это понятие становится центральным в синтаксисе, поскольку в представлении большинства лингвистов именно через него открывается возможность наиболее оптимальной (т. е. наиболее удобной и простой) интерпретации всего многообразия конкретных предложений в речевой деятельности» [150, с. 65]. О понятии структурной схемы предложения см. также статьи С. И. Кокориной [84] и Н. Ю. Шведовой [227].

Части речи — предельно обобщенное отображение объективной категоризации внешнего мира, допускающие субъективное представление, например, действий и качеств как «предметов мысли» — *бег, белизна* и пр., а конструкции — предельно обобщенное отображение реальных или мысленных ситуаций. Конструкции — это те грамматические условия или та среда, в которой действуют грамматические правила и осуществляется комбинаторика слов.

Порождение смысла предложения. Роль функциональных значений

Рассмотрим теперь ближе вопрос о порождении смысла предложения. Заполняя места в предложении в соответствии с его конструктивным устройством и вступая в синтаксические отношения, слова, как уже говорилось (см. с. 208 и далее), при-

обретают функциональные значения (субъекта, объекта и т. п.) Эти значения суть не что иное, как обобщенные понятия, в которых отображены компоненты реальной или мысленной ситуации, описываемой в предложении. В функциональных понятиях фиксируется роль (функция) тех или иных предметов и явлений в ситуации. Так, в предложении *Лошадь бежит быстро* роль лошади как реального производителя действия в описываемой ситуации отображена в значении субъекта, которое слово *лошадь* приобрело в предложении данной конструкции. Вобщем субъекты, объекты, адресаты, орудия и т. п. суть компоненты описываемых ситуаций, в которых они действуют, подвергаются воздействиям, используются и т. д.

Приобретение словами в предложении этих значений по существу означает соотнесение слов, из которых состоит предложение, и тем самым всего предложения в целом, с определенной ситуацией. При этом выбор типа или конструкции предложения с его обобщенным значением определяется коммуникативным заданием — потребностью описать определенную ситуацию.

Порождение смысла предложения поэтому непосредственно связано с приобретением словами в предложении функциональных значений. Теперь мы можем перебросить мостик между понятием конструктивного (общего) значения предложения и функциональными значениями слов в данном предложении: конструктивное (общее) значение предложения, по сути дела, создается соотношением функциональных значений слов в данном предложении, а сама конструкция, или модель, может быть рассмотрена как некоторая структура, т. е. сетка отношений между соответствующими функциональными значениями. Последние приобретаются конкретными словами, когда слова занимают в рамках конструкций определенные места. Тем самым конструкция выступает как внутренняя организация предложения. Так, конструктивное значение предложения *Рабочие строят дом* выявляется через соотношение «субъект — действие — объект» при условии, что функциональное значение подлежащего есть значение субъекта. То же соотношение при подлежащем-объекте (это определяется, в частности, формой глагола) дает иное конструктивное значение, а именно значение пассивного предложения.

Приобретаемые словами в предложениях и словосочетаниях функциональные значения и их соотношения обычно согласуются с теми синтаксическими связями, в которые слова вступают в соответствии со своими грамматическими свойствами. Так, существительное и глагол, находящиеся в синтаксическом отношении П — С, имеют значения либо субъекта и действия, либо объекта и действия (в пассивных конструкциях).

Однако в некоторых случаях функциональное значение у слов возникает как бы вопреки существующим между ними синтаксическим связям. Так, например, в словосочетании *приход учителя*, где между словами в соответствии с их грамматически-

ми свойствами существуют атрибутивные отношения, *учитель* как бы «по смыслу» является субъектом по отношению к действию, представленному здесь как предмет мысли отглагольным существительным *приход*. Возникновение функциональных значений здесь не обусловлено синтаксическими связями и общеграмматическими свойствами слов. Данные функциональные значения возникают здесь в результате того, что в основе значения отглагольного существительного *приход* лежит идея действия¹⁰⁷, хотя и представленного здесь как предмет мысли. Эти функциональные значения, обнаруживаемые в рамках атрибутивного словосочетания, можно назвать сопутствующими в отличие от функциональных значений, имеющих у слов в предложении *Учитель пришел*. Для данного двусоставного предложения функциональные значения «субъект — действие» являются основными, точно так же как для атрибутивного словосочетания *приход учителя* основными будут функциональные значения «носитель признака — признак».

Мы видим, что слова в словосочетании *приход учителя* имеют два разных вида функциональных значений: сопутствующие (действие—субъект) и основные (носитель признака—признак).

Эффект наличия двойных функциональных значений создается за счет отглагольного происхождения определяемого существительного. Если в атрибутивном словосочетании определяемое выражено неотглагольным словом (существительным, например, *книга отца* и т. д.), то сопутствующих функциональных значений вообще не возникает. Не возникает в этом случае и расхождения между синтаксическими связями слов и соотношением соответствующих функциональных значений. Нужно отметить, что указанное расхождение имеет место чаще в словосочетаниях, а не в предложениях, где, наоборот, обычно наблюдается соответствие.

Таким образом, возникновение смысла предложения происходит в результате действия целого ряда языковых факторов. К их числу относятся конкретные слова языка, конструкции (или модели), определяющие общее конструктивное значение предложения, само это значение, в сфере и на фоне которого взаимодействуют индивидуальные значения слов, грамматические правила данного языка, регулирующие сочетаемость/несочетаемость слов и способы их соединения. Слова в формирующемся предложении приобретают функциональные значения, соотношение которых фактически формирует общее конструктивное значение предложения. Конкретный же смысл предложения возникает в

¹⁰⁷ Нужно заметить, что в значениях отглагольных слов (в русском — существительных, причастий) отражаются обычно не только общеграмматические классные свойства глаголов, но и их свойства как подклассов (переходность—непереходность).

результате взаимодействия общего значения предложения и значений отдельных слов, отягченных в предложении функциональными значениями.

*Соотношение так называемых поверхностных
и глубинных явлений при комбинаторике слов*

Функциональные значения слов и их соотношения и составляют ту область языковых фактов и явлений, на основании которых говорят о глубинных явлениях, глубинном синтаксисе, глубинных структурах. Иногда к глубинным структурам относят модели (конструкции), в соответствии с которыми строятся предложения¹⁰⁸. Как было показано выше, конструкции, по сути дела, могут быть рассмотрены как соотношения функциональных значений.

То, что названные явления оцениваются именно как глубинные, нетрудно видеть, обратившись к работам авторов, пользующихся понятием глубинной структуры. Так, Н. Хомский в разделе «Аспекты глубинной структуры» вводит так называемые функциональные понятия: «Субъект-при», «Объект-при» и т. п. — и противопоставляет их «грамматическим понятиям» (фактически — классам слов). Функциональные понятия, по Н. Хомскому, — «относительны по своей природе» [222, с. 65—66].

Примерно те же понятия, но под другим названием («агенса», «пациенса», «орудие действия», «адресат действия») выделяет И. П. Сусов в качестве «денотатов синтаксических выражений» [196, с. 59—62]. И. П. Сусов называет их «элементарными синтактико-семантическими единицами» и предлагает обозначать термином «релятема». Он подчеркивает, что «сущность релятемы заключается в ее соотносительности с одним из моментов в строении ситуации или системы отношений, отображаемой в целом в реляционной структуре» [196, с. 60—61]. По его мнению, «релятемы являются единицами самого глубинного уровня синтаксической семантики» [196, с. 62].

Ю. Д. Апресян называет те же понятия («субъект», «объект», «инструмент», «средство») «частями лексических значений слов» [14, с. 120], с чем трудно согласиться. Эти понятия не часть лексических значений, а именно функциональные системопри-

¹⁰⁸ Так, по мнению Л. С. Бархударова, глубинные структуры представляют собой «функционально значимые абстрактные синтаксические модели, реальными проявлениями которых являются структуры поверхностные, находящиеся друг с другом в вариативных отношениях» [25, с. 56]. Если условно, метафорически и можно отнести модели к глубинным явлениям (см. ниже), то согласиться с тем, что соответствующие им «поверхностные структуры» находятся в вариативных отношениях, нельзя. Согласно концепции глубинной структуры предложение *Пришел учитель* и словосочетание *приход учителя* являются «реальным проявлением» одной и той же глубинной структуры (условно: действие — субъект), но предложение и словосочетание не могут находиться в вариативных отношениях, поскольку их функции в языке принципиально различны.

обретенные значения, которые слова приобретают только в системе (предложении) и утрачивают полностью вне этой системы.

Аналогичные (или несколько отличные) взгляды можно найти в работах многих зарубежных и советских авторов. Если так называемые глубинные структуры — это те соотношения, в которые вступают функциональные значения слов при комбинаторике, то очевидно, что, во-первых, они не существуют вне конкретных слов (как один из видов соотношения этих слов) и, во-вторых, они не могут образоваться до того, как образуется последовательность слов, формирующая так называемую поверхностную структуру.

Надо сказать, что эти, как их называют, глубинные явления обнаруживаются вовсе не «только путем сопоставления данного предложения с другими, семантически идентичными предложениями того же языка» [25, 54]. Функциональные значения слов и их соотношения (=глубинные явления, глубинные структуры) обнаруживаются точно так же, как и синтаксические значения и синтаксические связи слов (=поверхностные явления). Для обнаружения так называемых глубинных явлений надо знать значения слов и словоформ, так же как это надо знать для понимания «поверхностных» явлений. Так, понимая значение «поверхностной структуры» предложения *Мальчик побит*, мы на основании пассивного значения словоформы *побит* определяем, что здесь подлежащее имеет функциональное значение объекта, и, следовательно, так называемая «глубинная структура» имеет вид «объект — действие». Аналогично, зная, что слово *приход* в словосочетании *приход учителя* обозначает действие, мы устанавливаем, что в данном атрибутивном словосочетании можно обнаружить «глубинное» соотношение (сопутствующее и не согласующееся с синтаксической связью) «действие — объект».

Попутно надо отметить одно немаловажное обстоятельство. Сторонники концепции глубинной структуры считают, что предложение и словосочетание могут иметь одну и ту же «глубинную структуру»¹⁰⁹. Это вступает в противоречие с утверждением о том, что глубинная структура «задает семантическую интерпретацию высказыванию» (Н. Хомский). Различное понимание словосочетания и предложения, например *приход учителя* и *учитель пришел*, обусловлено именно особенностями их «поверхностной структуры». Видеть в этих двух парах слов семантическую идентичность, во-первых, равноценно утверждению о семанти-

¹⁰⁹ Ср. утверждение Л. З. Соуы о том, что выражения *the doctor's arrival* и *the doctor arrived* имеют одну и ту же смысловую структуру (=глубинную структуру) [171, с. 59]. С моей точки зрения, здесь можно говорить о частичном совпадении «смысловых структур»: основное соотношение функциональных значений у предложения совпадает с сопутствующим соотношением функциональных значений у словосочетания. Основным соотношением в последнем случае является соотношение «признак — носитель признака».

ческой идентичности слов *приход* и *приходить*, *бег* и *бежать*, *белый* и *белизна*, а во-вторых, означает игнорирование того факта, что в одном случае имеет место наименование некоторого факта, а во втором — повествование, или сообщение о некотором событии. Конечно, нельзя отрицать семантическую сближенность указанных пар сочетаний слов и пар отдельных слов. Эта сближенность создается за счет общих слов (при сочетаниях слов) и общности корней (при парах отдельных слов). Однако сближенность или сходство вовсе не предполагает тождества или равноценности.

Для установления синтаксических зависимостей достаточно иметь только чисто грамматическую информацию о цепочке скомбинированных слов. В этом нетрудно убедиться с помощью элементарного опыта. Если лицу, владеющему грамматикой какого-либо иностранного языка, предложить для осмысления текст, включающий слова, лексические значения которых ему неизвестны, то испытуемый может правильно определить грамматическую структуру текста, но не сможет понять его смысла. (При условии, конечно, что в этом случае для установления типа синтаксических связей не нужна «смысловая подборка слов». См. выше.) Точно так же определяется грамматическая структура текста, состоящего из псевдослов, имеющих грамматические пометы в виде суффиксов, окончаний и пр., типа фразы о «глокой куздре». Чисто грамматической информации достаточно для определения функциональных значений соответствующих псевдослов.

Таким образом, оказывается, что функциональные значения и их соотношение (то, что называют глубинной структурой) не связаны с конкретным лексическим значением слов. Но это свидетельствует об их грамматической, а не лексической (смысловой, поскольку считается, что смысл связан с лексическими значениями) природе. Только в некоторых случаях для выявления сопутствующих функциональных значений и их соотношения требуется дополнительная, уже не чисто грамматическая, хотя и не вполне лексическая информация. Так, возможность обнаружить в атрибутивном словосочетании сопутствующие функциональные значения типа «действие—объект» или «действие—субъект» зависит от наличия в атрибутивном словосочетании отглагольного слова — отглагольного существительного или причастия. В этом случае надо либо знать значение слова в целом, либо, чтобы слово имело, например, причастные суффиксы, свидетельствующие об отглагольном происхождении слова.

Изложенное выше подводит нас к заключению, что различие «поверхностных» и «глубинных» явлений создается за счет разных отношений, в которые вступают одни и те же линейно расположенные слова. Одно и то же слово в составе одного и того же предложения,

будучи взято в разных отношениях к другим словам, приобретает разные функциональные значения и вступает в разные «глубинные» отношения.

Если с этой точки зрения рассмотреть предложение *На столе лежит купленная мною книга*, то мы обнаружим, что слово *книга* есть субъект для действия *лежит*, слово *купленная* атрибут субъекта, слово *мною* есть субъект по отношению к действию *покупать*, представленному здесь в форме причастия в качестве атрибута книги. Эти функциональные значения мы обнаруживаем у слов как членов предложения. Как компоненты, или члены, словосочетаний те же слова получают еще дополнительные (сопутствующие) функциональные значения. Так, в словосочетании *купленная мною книга* слово *книга* есть объект по отношению к действию *купленный*. Объектное значение у слова *книга* возникает здесь как бы побочно, в связи с введением к слову *книга* определения, выраженного страдательным причастием.

В составе нашего предложения слово *книга* имеет следующие значения: 1) индивидуальное лексическое, 2) классное (существительное), 3) подклассное (неодушевленность), 4) значение субъекта (основное функциональное значение как подлежащего), 5) значение объекта (сопутствующее функциональное значение как члена атрибутивного словосочетания). Первые три вида значения присущи слову *книга* независимо от его вхождения в словосочетание или предложение. Они относятся к системообразующим свойствам этого слова. Значения (4) и (5) возникают из отношений этого слова с другими словами только в составе словосочетаний или предложения. Это — системопроброетенные свойства данного слова. Все эти значения проявляются (1, 2, 3-е значения) или формируются (4-е и 5-е значения) в отношении этого слова с другими словами. Только чисто условно мы можем считать одни из этих значений (и образуемые ими соотношения) поверхностными, а другие глубинными¹¹⁰. По-видимому, различие «поверхностности» и «глубинности» это не более чем мет а ф о р а, с помощью которой различают разные связи, образующиеся между разными значениями слов. В соответствии со сказанным конструкции предложений как внутреннее устройство словосочетаний и предложений тоже чисто условно можно отнести к глубинным явлениям. При этом надо не упускать из виду, что эти явления всегда даны вместе с так называемыми поверхностными, т. е. отношениями конкретных слов. Внутреннее устройство, т. е. структуру целостного объекта (здесь — словосочетаний или предложений), нельзя ре-

¹¹⁰ С некоторой точки зрения можно совсем иначе, чем это делает концепция глубинной структуры, оценить значения и связи. Так, собственно присущие словам значения (системообразующие) можно считать исходными, наиболее «глубинными», а приобретаемые значения (системопроброетенные) считать «поверхностными».

ально отделить от объекта. Только мысленно, в абстракции, как это было показано в ч. I, можно выделить структуру как некоторый мысленный объект и подвергнуть рассмотрению.

Омонимия комбинаций слов и «глубинные» явления

Единства, образующиеся при комбинаторике слов, — словосочетания и предложения — в некоторых случаях оказываются неоднозначными. Эти случаи неоднозначности, или даже омонимичности, являются питательной средой идеи разграничения приписываемых словосочетаниям и предложениям «поверхностных» и «глубинных» структур.

По утверждению У. Л. Чейфа, теория, «по которой предложения имеют не только поверхностные, но и глубинные структуры», была разработана для объяснения таких фактов, как двусмысленность предложений типа *Flying planes can be dangerous* ('летающие самолеты могут быть опасны' и 'летать на самолете может быть опасно'), а также фактов близости значений при „коренном“ различии поверхностных структур предложений типа: а) *John admires sincerity* ('Джон восхищается искренностью') и б) *Sincerety is admired by John* ('искренность вызывает восхищение Джона')» [224, с. 78]. К этим фактам можно добавить неоднозначные словосочетания типа *приглашение доктора* (англ. *invitation of the doctor*) и некоторые другие факты.

Двусмысленность построений указанного типа создается при комбинаторике слов либо вследствие того, что одни и те же слова организуются в предложения или словосочетания по разным моделям и при этом между словами устанавливаются разные синтаксические связи при совпадении внешнего облика слов, либо вследствие неоднозначности самих слов даже в случае единой модели.

Так, двусмысленность предложения *Flying planes can be dangerous* возникает за счет того, что между словами *flying* и *planes* можно установить разные связи ('летать самолетами' и 'летающие самолеты'), а также вследствие особого характера сказуемого, в котором благодаря неизменяемости по числам глагола *can* нейтрализовано значение числа. Введение здесь понятия глубинной структуры как способа истолкования наличия разных связей в рамках, казалось бы, одного и того же синтаксического построения (кстати сказать, *flying planes* 'летать самолетами' и *flying planes* 'летающие самолеты' фактически должны различаться на уровне «поверхностной» синтаксической связи, так как словоформа *flying* скрывает две синтаксически разные величины) есть все то же метафорическое объяснение того факта, что «одни и те же» элементы, взятые в разных значениях и в разных отношениях, при комбинаторике образуют разные конфигурации и зависимости. Двусмысленность словосочетания *приглашение доктора* создается вследствие того, что сло-

воформа *доктора* может иметь два значения — родительного падежа (субъектное значение) и винительного падежа (объектное значение), а идея переходного действия, отраженная в значении отглагольного существительного *приглашение*, может быть отнесена и к субъекту — «доктор приглашает» и к объекту — «доктора приглашают». (Ср. однозначность сочетаний: *чтение доктора* — обычно только субъектное значение и *устранение доктора* — обычно только объектное значение.) Двухзначность глагола *drink* (как и русского глагола *пить*) объясняет без помощи понятия глубинной структуры двухзначность предложений типа *I disapprove of John's drinking* 'Мне не нравится, что Джон пьет' (пример Н. Хомского).

Практически все «трудные» примеры на двусмысленность, используемые для обоснования противопоставления поверхностных структур глубинным, включают в себя многозначные или омонимичные слова и словоформы, взаимодействие разных значений которых и дает соответствующий эффект.

Что же касается «близости» значений предложений действительного и страдательного залога, о которых пишет У. Л. Чейф, то ее можно сравнить с «близостью» значений слов *давать* и *брать*, которые означают одно и то же реальное действие, но как бы с разных точек зрения — «дающего» и «берущего». Соотносительные предложения действительного и страдательного залога описывают одну и ту же реальную, или мысленную, ситуацию, но по-разному, с разных точек зрения. При этом меняется аранжировка компонентов этой ситуации. В центр внимания ставится то субъект, то объект ситуации, которые становятся как бы точкой отсчета. Описывая одну и ту же ситуацию, разнозалоговые предложения фактически сообщают о разных вещах. Поэтому их вряд ли можно считать семантически близкими или имеющими «одну и ту же» семантическую или глубинную структуру.

Дополнительные смысловые эффекты при комбинаторике слов

Для того чтобы служить программой построения неограниченного количества семантически разных предложений, конструкции, в соответствии с которыми образуются реальные предложения, должны быть независимы от конкретного смыслового наполнения. Использование каждой конструкции ограничено словами определенных классов или подклассов, принадлежность к которым есть необходимое условие использования конкретных слов в данной конструкции. Однако в пределах этих классов или подклассов ограничений в использовании слов в соответствующей конструкции уже нет.

Независимость конструкций от конкретной семантики наполняющих ее слов с неизбежностью обуславливает семантико-

грамматическую равноценность соответствующих слов по отношению к конструкции. Так, еще И. И. Мещанинов отмечал, что «общность грамматической формы нивелирует строй предложения; ср.: *ребенок болеет, ребенок спит, ребенок играет, ребенок поет, ребенок поет песню*. Но, вопреки формальной стороне,— пишет далее И. И. Мещанинов,— смысловое различие между ними все же сохраняется, несмотря на тождество падежа подлежащего и тождество глагольного построения» [126, с. 153].

В русском языке семантическое различие между выраженным в глаголе «физическим действием» (*петь*) и «состоянием» (*болеть, спать*) полностью нивелировано в рамках конструкции активного глагольного предложения. В ряде кавказских языков, как отмечает И. И. Мещанинов со ссылкой на Ю. Д. Дешериева, «проводится не только смысловое, но и формальное разграничение между действием и состоянием, которым отвечает соответствующий падеж подлежащего» [126, с. 87]. Это означает, что в данных языках различие между действием и состоянием есть различие грамматическое. Слова, выражающие эти значения, относятся к разным грамматическим разрядам и употребляются в разных конструкциях, различие между которыми формально проявляется в различии падежей подлежащего и содержательно в различии функциональных значений, присущих разным падежным формам (значения активного и неактивного субъекта).

Можно ли считать, что в языках иного строя, например в русском, при единой форме подлежащего, следует проводить то же различие в значении подлежащего? И. И. Мещанинов дает на это утвердительный ответ: «То, что в ранее рассмотренных языках (кавказских.— В. С.) получило свое выражение в грамматическом строении предложения, переносится здесь на смысловое его содержание. Наличное в языке понятие не получило на этот раз своего грамматического отображения» [126, с. 154].

В более ранней работе И. И. Мещанинов такого рода понятия определял как «понятийные категории» и считал, что в русском языке «понятия о продуктивности и непродуктивности действия с продуктивным и непродуктивным субъектом, конечно, существуют. Эти понятия устанавливаются смыслом предложения... Одной и той же формой именительного падежа передается как активно действующее лицо, так и лицо, испытывающее на себе результаты совершаемого действия, ср.: *я читаю книгу, я гуляю, я болею...*», и далее: «...я страдаю дает совершенно иное содержание субъекта, чем *я гуляю* и *я собираю*, несмотря на сходство падежа подлежащего и тождество личного окончания глагола» [125, с. 7—8].

Иными словами говоря, согласно И. И. Мещанинову, одна и та же форма именительного падежа в русском языке выражает разные по содержанию «субъекты», т. е. разные функциональные значения: наряду с субъектом-действующим лицом воз-

можен «субъект», испытывающий действие на себе. Однако вряд ли имеются основания наряду с субъектом-производителем действия выделять в русском языке также субъект «состояния» или субъект, «испытывающий на себе действие». Эта точка зрения в свое время уже подвергалась критике.

По-видимому, в русском языке нет соответствующих функциональных значений, поскольку они никак не проявляют себя в грамматике. Для русского языка характерно в равной мере представление и активного физического действия, и состояния, и какого-либо «умственного» действия как грамматических действий, подлежащие при которых в равной мере имеют значение «грамматического производителя действия» или «грамматически активного» субъекта. Этим и объясняется «нивелирование строя предложения», констатируемое самим И. И. Мещаниновым.

Конечно, в реальности тот, кто «болеет», «чувствует», «спит», «страдает» и т. п., никакого физического действия не производит. Физически соответствующее лицо не активно. Но это касается реального лица, а не грамматического субъекта. Как мы видели выше, эта реальная неактивность может быть отображена в значениях и конструкциях языка (кавказские языки). Но она может и не фиксироваться ни в значениях, ни в конструкциях языка (например, русский язык).

Реальное различие активных физических действий, а также умственных действий и состояний в русском языке отображается только в различии значений соответствующих слов (ср. *болеть* и *прыгать*, *спать* и *идти*, *думать* и *действовать*). В грамматике эти различия не отражены. Поэтому в русском языке предложения *Он спит* и *Он идет*, *Он думает* и *Он действует* построены по одной конструкции «субъект — действие» (без расчленения на два вида субъекта). Глаголы-сказуемые этих предложений могут оказаться собранными в одном предложении при одном и том же подлежащем в качестве однородных членов: *Он идет и спит* (т. е. *спит на ходу*); *Он думает и действует* и т. п. и т. д. Утверждение о том, что «спящий» и «идущий», «думающий» и «действующий» — разные субъекты, выявляется в русском языке только за счет различия семантики глаголов. Это по существу есть оценка реальной ситуации, а не языковых фактов: ни в форме, ни в грамматическом значении подлежащих это различие не отображено. Для языков такого строя, как русский, различие в значении предложений *Он спит* и *Он идет* суть «дополнительные» для конструкции предложения смысловые эффекты, обусловленные не конструкцией предложений, а конкретным значением глаголов.

Эти «дополнительные» смысловые эффекты в последние годы вновь привлекли к себе внимание, в особенности в работах западных ученых в связи с возрождением интереса к проблемам семантики (см. работы Ч. Филмора, В. Лакова, Дж. Лайонса

и др.)¹¹¹. Так, в предложении *Камень упал* «камень» приписывается роль объекта, а не субъекта, поскольку обычно *камень* не является инициатором своего падения. По аналогичным соображениям в предложениях *Птица летит* и *Камень летит* «птице» и «камень» приписывается разная роль (соответственно агенса и пациенса), поскольку птица обычно летит сама, а камень потому, что его бросили, и т. д.

Сходство приведенных выше рассуждений с идеями И. И. Мещанинова в его работах 40-х годов очевидно. Нетрудно видеть, что различие предложений о птице и о камне относится к различию описываемых ситуаций, но не к структуре (устройству) предложений. В предложениях это различие как бы «вводится» благодаря различию значений слов *камень* и *птица*. Тот факт, что различие в свойствах денотатов (камень и птица) никак не отражено в грамматике русского языка, позволяет как бы нейтрализовать это различие: так, птица, со связанными крыльями, подбитая или мертвая, может лететь только по той же причине, что и камень, а камень в сказочной ситуации, где вещи действуют, как люди, или животные, или птицы, может лететь по той же причине, по какой обычно летит нормальная птица. Таким образом, в одном и том же предложении *Птица летит* или *Камень летит* подлежащее как бы приобретает то значение агенса, то значение пациенса в зависимости от той реальной или мысленной (сюда же относится ситуация сказки) ситуации, которая этими предложениями описывается. Но это значит, что в самом подлежащем этих значений нет. Русский язык представляет здесь и птицу и камень как активного субъекта, производящего приписанное ему действие грамматически активно. Это значение есть общее функциональное значение подлежащих в обоих предложениях. Оно возникает, как уже говорилось, в результате взаимодействия классных и подклассных значений сочетающихся слов, а не в результате некоторых изменений в описываемой ситуации (например, связывания крыльев птице).

Различия, о которых выше шла речь, являются только дополнительными смысловыми эффектами. Для русского языка (и для многих других) это не языковые различия. Они не зафиксированы в конструктивных значениях (общих значениях) соответствующих предложений. Конструктивное значение двух разобранных выше предложений, равно как и функциональные значения слов в этих предложениях, одинаковы. В общем конструктивном и общих функциональных значениях обобщенно отражена некая типовая ситуация, в которой «кто-то что-то делает» в отвлечении от ряда различий [например, учета, является ли субъект реальным инициатором действия, является ли

¹¹¹ Обзор соответствующих работ преимущественно зарубежных авторов и библиографию см. у Ю. Д. Апресяна [14, с. 18—36].

действие физически активным или неактивным («умственным») и т. п.]

Говорящие на русском языке, конечно, сознают эти различия в той мере, в какой они оценивают и анализируют названные в предложении реальные или мнимые ситуации, однако грамматике русского языка (как и многих других языков) совершенно безразлично, по какой причине и каким образом летит камень, стрела, человек или птица.

Все эти «дополнительные» смысловые эффекты, давно известные как контекстовые значения, равно как и различного рода подразумевания (если я говорю *закрой окно*, то я уже знаю о том, что окно открыто, я подразумеваю это, предполагается, что об этом знает и слушающий), именуемые в некоторых современных работах по семантике «пресуппозициями»¹¹², могут и должны учитываться и исследоваться лингвистами. При этом, однако, нужно ясно осознавать статус этих значений. Как правило, в различных языках такие значения возникают в процессе общения как своего рода «подтексты», конотации, намеки, догадки, подразумевания. Они вряд ли могут быть приписаны какому-либо определенному языку¹¹³. Совершенно безразлично, на каком языке я говорю *закрой окно* (англ. *close the window*, кит. *гуаньшан чуанху* и т. п. и т. д.). Если я действительно имею это в виду, то я предварительно знаю о состоянии окна. В семантике предложения это значение не закреплено. Оно подсказывается, как говорят, «логикой вещей». Зачем закрывать уже закрытое окно?

Не исключена ситуация, когда, зная о том, что окно уже закрыто, кто-либо с какими-то намерениями говорит *закрой окно*. В этом случае говорящий вводит слушающего в заблуждение. «Логика вещей» подсказывает слушающему, что окно открыто, раз его просят «заккрыть окно». В этом случае пресуппозиция имеет место только у одного участника общения — у слушающего.

По существу дела такого рода явления сопутствуют общению на любом языке. Они общечеловечны, как общечеловечен логический строй мышления.

Линейное и нелинейное взаимодействие значений в речевой цепи

В заключение кратко рассмотрим действие принципа линейности при комбинаторике слов. Как отмечалось в начале раздела, сочетаемость слов регулируется синтаксическими правилами,

¹¹² «Под пресуппозициями понимаются условия, которые должны быть удовлетворены, чтобы предложение могло функционировать как вопрос, приказ, утверждение и т. п.» [14, с. 28].

¹¹³ Кроме языков, различающих и фиксирующих, например, значения активного и неактивного субъекта, активного действия и состояния и т. п.

опирающимися на грамматические значения и свойства слов. Известную роль в регуляции сочетаемости играют и лексические значения. Поскольку же грамматическое и лексическое значения слова слиты воедино и совокупно образуют значение слова, можно считать, что сочетаемость слов в линейной последовательности регулируется именно значениями слов. Или слова в речевой последовательности, образуя осмысленные конфигурации — словосочетания и предложения, взаимодействуют своими значениями. Рассмотрим, как происходит это взаимодействие.

Значения слов как идеальное не имеют самостоятельного пространственно-временного существования. Тем не менее, в силу своей дискретности и закреплённости за отдельными звуковыми комплексами-номемами, значения слов последовательно «всплывают» в сознании говорящих в момент артикуляции выражающих их номем. Поэтому в известном смысле можно говорить о линейном «расположении» значений слов. То, что это так, мы убеждаемся на опыте. В предложении *Мальчик смотрит картинки* слово *мальчик* своим значением взаимодействует со значением слова *смотрит*, а это последнее — со словом *картинки*. Эта «последовательность» появления значений обнаруживается с помощью вопросов: «мальчик что делает?» — «смотрит»; «смотрит что?» — «картинки». Принцип линейности (в смысле последовательности во времени) при взаимодействии значений слов здесь реализуется в полной мере.

В то же время образование смысла предложения предполагает взаимодействие конструктивного (общего) значения предложения и значений наполняющих его слов, которые в рамках конструкции данного предложения приобретают соответствующие функциональные значения. Такое взаимодействие уже не может быть «линейным», хотя бы потому что значения входящих в предложение слов органически «входят» в общее конструктивное значение, конкретизируя его. Конструктивное значение выступает как организующий момент при формировании смысла. Конструктивное значение и значения слов как бы накладываются друг на друга, обнаруживая нелинейное взаимодействие.

Таким образом, в речевой цепи, образуемой последовательно артикулируемыми словами, обнаруживаются два вида взаимодействия значений — линейные и нелинейные. Механизм этого взаимодействия схематически можно, по-видимому, описать следующим образом.

Для выражения той или иной мысли говорящий выбирает одну из известных ему моделей или конструкций предложения, в рамках которой и располагает нужные для выражения мысли слова. (При хорошем знании языка этот процесс автоматизирован и ненаблюдаем, однако при необходимости выразить мысль на языке, который известен только пассивно, можно с помощью

интроспекции непосредственно наблюдать этот процесс «выбора» конструкции и «наполнения» ее словами). Вступая в линейные взаимоотношения в рамках заданной конструкции, слова приобретают определенные синтаксические функции и соответствующие им функциональные значения. Функциональные значения (субъект, объект и т. п.) выступают при этом как своего рода «канал связи», через который осуществляется нелинейное взаимодействие значений слов и конструктивного значения, поскольку, как говорилось выше, значение конструкции формируется соотношением функциональных значений. Так, в предложении *Мальчик смотрит картинки* слово *мальчик* имеет функцию подлежащего и функциональное значение субъекта. Это функциональное значение как бы «вводит» слово *мальчик* в конструкцию активного предложения с переходным глаголом; так же функциональное значение «объект» слова *картинки* (прямое дополнение) «вводит» его в ту же конструкцию.

Смысл предложения¹¹⁴, понимаемый здесь как выраженная в предложении мысль или семантическая информация, формируется в результате линейных и нелинейных взаимодействий различных языковых значений и поэтому ни в коей мере не сводится к простой сумме значений слов, входящих в предложение. (Следует, конечно, иметь в виду, что в данном случае разбирается только собственно языковой аспект формирования смысла и не затрагивается психический аспект, обусловленный «работой» сознания.)

Поскольку взаимодействие значений (грамматическое и семантическое) есть факт «умственный», а не физический, взаимодействовать своими значениями могут не только соположенные слова (контактное взаимодействие), но и слова, отстоящие друг от друга в речевой цепи (дистантное взаимодействие). На способности слов грамматически и семантически взаимодействовать на расстоянии, будучи разделенными другими словами, основано явление инверсии слов в предложении, хотя, конечно, не всякое дистантное расположение слов есть инверсия. При инверсии сохраняются прежние грамматические и синтаксические связи между словами, а следовательно, функции слов и присущие им функциональные значения. В силу этого не меняется и конструкция предложения. Этим инверсия порядка слов отличается от таких перестановок слов, которые ведут к конструктивному изменению предложения, т. е. к образованию конструктивно нового предложения.

В соответствии со сказанным можно дать следующее определение инверсии: инверсия есть такое изменение

¹¹⁴ Как отметил В. Я. Мыркин: «Дать дефиницию смысла чрезвычайно трудно, ибо смысл — явление многомерное, многоаспектное, явление и коммуникативного, и прагматического, и психического планов» ([132, с. 88]. См. там же перечень основных интерпретаций понятия «смысл»).

порядка слов, при котором сохраняются прежние синтаксические функции слов и присущие им функциональные значения.

Дистантное взаимодействие слов и в особенности взаимодействия при различных инверсиях (например, инверсия дополнения в позицию перед подлежащим и т. п.) есть, в свою очередь, нарушение линейного взаимодействия (если линейность понимается как последовательность во времени), хотя взаимодействующие слова предстают выстроенными в «линию» (в письменном тексте — буквально). При явлениях инверсии, как известно, обычно изменяется так называемое актуальное членение предложения, что свидетельствует об изменении выражаемого предложением суждения. Вообще возможность иногда лишь с помощью интонации на базе лексически (по составу слов) и грамматически (по характеру конструкции) одного и того же предложения выражать разные суждения, представляя попеременно как известное и новое разные части этого предложения, свидетельствует о таких взаимодействиях смысловых «частей» предложения, которые не укладываются в принцип линейного взаимодействия.

Выше неоднократно я определял *предложение* как систему, выражающую семантическую информацию (или смысл). Для полноты выражения данной семантической информации (смысла) нужны все элементы, образующие данную систему. Поэтому, несмотря на то что смысл предложения не равен сумме значений составляющих его слов, выражение смысла завершается лишь после артикуляции всех входящих в предложение слов¹¹⁵. Объясняется это тем, что все элементы, из которых строится предложение, — слова участвуют в различных взаимодействиях, в результате которых устанавливаются функции этих слов в системе и выявляются функциональные значения, необходимые для формирования смысла (или семантической информации). В некоторых случаях, особенно в языках, где в соответствии с правилом порядка слов сказуемое помещается в конце предложения, конкретный смысл предложения не может быть даже угадан до артикуляции последнего слова. (Это прекрасно на личном опыте знают переводчики.) Введение в предложение этого последнего слова не есть механическое прибавление еще одного значения к уже известным значениям, но есть завершение формирования внутрисистемных связей в данной системе — предложении, в результате чего и рождается смысл данного предложения.

Все это, в свою очередь, свидетельствует о том, что формирование смысла невозможно сводить к *линейному* взаимодействию значений, хотя линейное взаимодействие значений в речевой

¹¹⁵ Кроме, разумеется, различных случаев эллиптирования, т. е. «опускания», тех или иных слов, которые «подразумеваются».

цепи при формировании смысла также имеет место. Мы можем констатировать, что при комбинаторике слов, так же как и морфем, в силу нематериального характера значений, при строгом соблюдении принципа линейного расположения слов, между значениями слов наряду с линейными возникают также нелинейные взаимодействия. Формирование смысла есть результат сложных линейных и нелинейных взаимодействий значений слов и конструктивных значений предложений.

ЗНАКИ И ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

(Вместо заключения)

Определение языка как вторичной материальной, или знаковой, системы как будто бы вступает в противоречие с утверждением о том, что основные единицы языка — фонема, морфема и слово — не являются знаками. Этот вопрос, по-видимому, нуждается в специальном рассмотрении.

Прежде всего следует вернуться к принятым в работе определениям понятия вторичной материальной системы и понятия знака. Эти два определения взаимно обуславливают друг друга: *вторичной материальной системой* называется такая система, материальные элементы которой значимы для системы не в силу своих «природных», субстанциональных свойств, а в силу социально приписанных им свойств, которые не определяются их субстанциональной природой; *знаком* называется любой материальный предмет, которому социально приписано не вытекающее из его субстанциональной природы свойство быть указателем чего-либо находящегося вне его самого.

Определение знака, по существу, совпадает с определением *элемента* вторичной материальной системы, поскольку такой элемент представляет в системе не столько сам себя, сколько нечто социально приписанное ему и, следовательно, находящееся вне его самого. В силу этого вторичные материальные системы определяются как знаковые, или семиотические.

Язык принадлежит к числу вторичных материальных, или знаковых, систем потому, что его материальные элементы — те или иные звуковые отрезки — значимы для системы языка не в силу своих природных физических (акустических) свойств, а лишь благодаря социально приписанным им свойствам служить указанием на что-либо находящееся вне их самих. И именно в силу этого соответствующие материальные элементы определяются как знаки.

В какой мере правомерно, однако, считать язык *знаковой системой* и одновременно отрицать за его основными единицами качество знаков?

Еще раз вернемся к определению и более подробной характеристике знака, а также к характеристике основных единиц языка.

По принятому определению, *знак* есть материальный указатель¹ чего-либо находящегося вне его. Знак находится в условной связи с тем, на что он указывает. Материальный предмет становится знаком лишь после того, как ему социально припишут некоторое мыслительное содержание, т. е. значение. Значение есть отражательная категория, есть функция человеческого мозга, т. е. идеальное. Идеальное существует только в головах людей как некоторое отражение внешнего мира, которым оно детерминировано. Это идеальное есть то, на что указывает знак как материальный предмет. В сам этот предмет идеальное не входит. Оно не присуще ему по его собственной природе. Поэтому знак определяется как односторонняя сущность — средство указания на некоторое значение и через посредство значения на некоторую предметную область (действительную или вымышленную). Знак не может быть соотнесен с предметным миром без посредства мыслительной деятельности, т. е. сознания, поскольку условная связь между двумя предметами, из которых один есть знак, т. е. условный (и в силу этого произвольный) указатель другого, не может возникнуть сама собой. Знак всегда предполагает какое-то мыслительное содержание, на которое он указывает. Знак, не указывающий ни на какое значение, не есть знак². И тем не менее само это значение лежит вне знака, его бесполезно искать где бы то ни было, кроме как в головах людей. Но сам знак как материальный предмет не может находиться в человеческой голове. В голове человека может быть только образ знака, который уже есть нечто отличное от знака. Образ знака не может быть средством общения, хотя, по-видимому, он является «опорой» мысли отдельного человека, когда человек «думает про себя». Чувственный образ знака есть не что иное, как «знание» данного знака. Последнее есть основа «деланья» этого знака при необходимости внешнего выражения и сообщения мысли, а также основа узнавания этого знака при его чувственном восприятии, т. е. соотнесения его с «кусочком мысли» — определенным значением.

При соотнесении знака и предмета обозначения в сознании человека, производящего это соотнесение, возникает и образ (отражение) предмета, и образ (отражение) знака. Обобщенное

¹ Как я уже отмечал, материальность есть обязательная черта знака (с. 103—104).

² При оперировании знаками в формальных знаковых системах иногда складывается впечатление, что операции совершаются именно над самими знаками, которые «рассматриваются, как конечные объекты, за которыми ничто не стоит» (см. М. Н. Андрющенко, Б. В. Ахлибининский [12, с. 40]). В действительности же операции производятся не над знаками, или символами, как материальными объектами, а с их помощью над максимально обобщенными и отвлеченными значениями (понятиями), которые им приписаны и на которые они указывают. Предельно обобщенный характер значений символов, например логических или математических формул, позволяет применять эти формулы для описания бесчисленного количества реальных ситуаций.

отражение предмета есть *понятие* (или *значение*). Отражение знака есть то, что Ф. де Соссюр назвал акустическим образом. Соединение (комбинация) акустического образа и понятия в мозгу Соссюр и назвал языковым знаком, который он определил как двустороннюю психическую сущность. То, что Ф. де Соссюр назвал знаком, ни в коей мере не есть указатель и не есть нечто воспринимаемое. Поэтому в соответствии с принятым в настоящей работе определением знака эта комбинация не может быть охарактеризована как знак.

То, что Соссюр назвал знаком и что во многих работах *in verba magistri* определяется как знак, представляет собой, по сути дела, процесс или акт соотношения знака с тем, что он обозначает. Этот процесс индивидуален и социален одновременно. Общение людей с помощью знаков возможно лишь при условии, что в данном сообществе людей один и тот же знак соотносится с одним и тем же значением (или значениями). Последнее требует социального императива, который для естественного языка складывается стихийно-исторически в условиях совместной практической деятельности людей.

В данной работе *знаками в языке* называются звуковые комплексы, социально наделенные свойством указания на определенные значения. Такие звуковые комплексы представляют собой звуковые оболочки двусторонних единиц языка — морфем и слов³. Собственно, они и являются средством указания на те или иные значения и тем самым средством выражения этих значений. Для их лингвистического наименования были введены термины *сонема* (оболочка морфемы) и *номема* (оболочка слова). Сонемы и номемы являются знаками языка. Они представляют собой единицы плана выражения.

Ни «единицы выражения», ни «единицы значения» по отдельности не представляют собой общеязыковых единиц, поскольку ни те ни другие не образуют систем, отличающихся от систем двусторонних единиц, сторонами которых они являются.

Выделение «единицы выражения» немедленно влечет за собой выделение и «единицы содержания» (и наоборот) и тем самым той или иной двусторонней единицы — морфемы или слова, которые и являются общеязыковыми единицами.

Основные единицы языка — фонемы, морфемы и слова — не признаются знаками на разном основании. Фонема не считается знаком потому, что она самостоятельно не выражает значения. Иначе говоря, фонема не есть средство указания на какое-либо значение, что необходимо для признания предмета знаком. Однако фонема теснейшим образом связана со знаком в качестве его материала и средства дифференциации. Говоря, что сонема

³ Что касается звуковой стороны словосочетаний и предложений, то она образуется из различных комбинаций звуковых оболочек слов, и вряд ли есть необходимость именовать ее знаком. Она может быть определена как комбинация знаков.

мы и номемы языка состоят из фонем, мы тем самым констатируем включение фонемы в знаки.

Фонемы являются единицами звуковой стороны языка, т. е. собственно звуковой формы языка. Они образуют свою подсистему — уровень — и характеризуются четкими уровневыми признаками. В качестве единиц выражения фонемы тесно связаны и со смысловой стороной языка. Различая знаки, они различают и выражаемые ими значения. Из строго ограниченного числа фонем может быть образовано бесчисленное количество знаков. Иначе говоря, с помощью конечного числа единиц выражается бесконечное количество смыслов (значений)⁴. Все это придает фонеме характер общезыковой единицы. То, что фонема не выражает самостоятельно значения, отличает ее от знака. Но именно это придает ей в системе языка относительно автономный характер: фонемы образуют в языке подсистему — уровень, отличный от уровней других единиц, в то время как сонемы и номемы в системе языка не образуют уровня, или подсистемы, отдельно от единиц значения и двусторонних единиц языка. Наличие собственного уровня есть признак общезыковой единицы. Таким образом, то, что отличает фонему от знака (отсутствие приписанного ей значения), превращает ее в самостоятельную единицу языка. Целые двусторонние единицы не являются знаками именно потому, что они включают в себя значения, т. е. по причине, противоположной той, на основании которой отвергается статус знака за фонемой. Значения являются отражательными категориями (разной степени абстракции). Они детерминированы внешним миром. В силу этого двусторонние единицы, в которые входят значения, не могут считаться чем-то произвольным или условным и не отвечают поэтому определению знака. Значения слов и морфем представляют собой то, на что указывает знак (номема или сонема), т. е. означаемое знаком. Поэтому утверждение, что двусторонняя единица языка есть знак, равносильно утверждению, что знак включает в себя то, что он обозначает. Собственно, это и следует из концепции двусторонности знака. Но, по определению, знак есть указатель на что-то лежащее вне его, поэтому он не может включать в себя то, на что он указывает.

Говорят, что слова обозначают предметы, например слово *камень* обозначает некоторый предмет и т. п., поэтому слово *камень* есть знак для обозначения некоего предмета. Такое устоявшееся и привычное словоупотребление мешает разглядеть

⁴ Ср. это с высказыванием Т. В. Булыгиной: «Совершенно явное несоответствие между принципиально неограниченным количеством сообщений, которые передаются при помощи естественного языка, и достаточно ограниченными возможностями человеческого произносительного и слухового аппарата доказывает принципиальную необходимость существования в естественном языке единиц незнакового уровня, или фигур выражения (разрядка автора), при помощи различных комбинаций которых можно получить достаточное количество означающих» [35, с. 161].

тот факт, что не слово как двусторонняя единица обозначает данный предмет, а звукоряд, или номема, *к-а-м-е-нь* используется для обозначения реального предмета. Перефразируя слова Стефана Ульмана, можно сказать, что между номемой *к-а-м-е-нь* и конкретным камнем лежит некоторое мыслительное содержание — понятие о камне вообще, в котором обобщены представления о любых камнях.

Обозначая это понятие, номема *к-а-м-е-нь* оказывается приложимой к любому камню. Это понятие и есть значение слова *камень* как двусторонней единицы языка. Не двусторонняя единица языка используется вместе со своим значением для обозначения конкретных предметов, а ее звуковая сторона благодаря приписанному ей значению выступает как знак, приложимый к бесчисленным конкретным предметам. Чтобы «обозначить» предмет с помощью иностранного слова, мы сначала должны узнать его значение. Это есть *conditio sine qua non*. В процессе общения знаки языка отнюдь не всегда используются как указатели предметов и явлений. Гораздо чаще они используются только для указания на идеи, или понятия, которые и являются для них обозначаемым, или значениями. Люди используют знаки языка — номемы и сонемы — прежде всего для указания на идеи и в силу этого для выражения этих идей и обмена идеями. Люди общаются идеями с помощью знаков. Внешне этот процесс выступает в форме общения самими знаками.

Двусторонняя единица языка не есть знак, но она обязательно включает в себя знак и является более сложным, чем знак, образованием. В терминах знаковой теории двусторонние единицы определяются как знаковые комплексы.

Наличие значения у двусторонней единицы отличает ее от знака (знак есть только указатель значения), но именно это делает двустороннюю единицу автономной общезыковой единицей. (В данный момент я отвлекаюсь от различий двусторонних единиц морфем и слов между собой, о чем подробно говорилось в тексте данной работы.)

Итак, основные единицы языка — фонема, морфема и слово, сами по себе не являясь знаками, органически связаны со знаками языка: фонемы входят в состав знака как его составные части; морфемы и слова включают в свой состав знаки в качестве одной из своих сторон. Звукоряд, образованный из фонем, становится знаком языка — сонемой или номемой — только в составе двусторонней единицы, где он ставится в связь со смыслом (значением), ибо знак вне связи со значением — это только звукоряд. Так, произвольно составленный и не соотнесенный со смыслом звукоряд из русских фонем даже при соблюдении фонетических законов сочетаемости русских фонем не есть знак, т. е. сонема или номема, а простой набор звуков (например, сочетания вроде *бокр, клут, нарк* и т. д.).

С другой стороны, знаки языка, не являясь общезыковыми

единицами (ничто не препятствует, однако, считать их «единицами выражения»), органически связаны с основными единицами языка: знаки (сонемы и номемы) состоят из фонем и входят в морфемы и слова⁵.

Итак, можно утверждать, что признание языка знаковой системой и отрицание за его основными единицами качеств знаков не является противоречием. Основные единицы языка неотделимы от понятия знака. Однако их собственные (дополнительные) свойства, в частности отсутствие значения у фонемы и, наоборот, наличие значения у морфемы и слова, не позволяют считать их собственно знаками. В той же мере, в какой основные единицы связаны с понятием знака, они связаны и со значением: морфемы и слова несут в себе значение, фонемы его дифференцируют и участвуют в его выражении в составе знаков.

Двусторонние единицы языка — слово и морфема — представляют собой единства знака и значения. С точки зрения излагаемой здесь концепции словоупотребление «морфема выражает значение» или «слово выражает (обозначает) понятие» представляется неточным. Значение морфемы выражается сонемой, а значение слова — номемой. Соответственно в слове выражается понятие, а в морфеме — значение.

Средство выражения того или иного «кусочка смысла» (значения) есть знак. «Кусочек звуковой материи» становится знаком лишь благодаря тому, что он выражает смысл (значение). Знаки и значения взаимно предполагают друг друга. Их единство образует знаковый комплекс, который и есть двусторонняя единица знаковой системы. Слова и морфемы являются единицами знаковой системы не как знаки, а как знаковые комплексы. Система языка является знаковой потому, что ее материальные элементы суть знаки, т. е. «кусочки материи», наделенные свойством выражать значение. Ее основные единицы либо меньше, чем знак (фонемы), либо больше, чем знаки (морфемы и слова). Но они находятся в сфере знаковости и в той же мере в сфере осмысленности.

Можно сказать, что знаковость и осмысленность представляют собой два начала, соединение которых образует обществен-

⁵ В большом количестве известных языков (если не в большинстве) фонемный состав сонем и номем простых слов обычно характеризуется подвижностью и количественным разнообразием. О внутренней упорядоченности его известно мало. Правда, специальных исследований звуковой структуры сонем во многих языках как будто не проводилось. В изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии сонемы представляют собой слоги разных типов, определенного состава. Они обладают высокой степенью внутренней упорядоченности. Их структура подверглась подробному исследованию и описана в специальной литературе (см., например, [50]). Количество сонем в этих языках строго ограничено. Совпадая со слогами фиксированного фонемного состава, они только в целом виде, подобно готовым блокам, используются как строительный материал для номем.

ное явление, именуемое языком. Это соединение есть необычайно сложное, но тем не менее строго упорядоченное образование, которое, взятое в целом, есть исторически сложившееся средство общения людей.

На вопрос, где и как существует это средство — вне человека или в голове человека, по-видимому, можно ответить следующим образом. Язык существует, как известно, только в человеческом обществе. Его материальная сторона — знаки существуют объективно вне человека, хотя и «делаются» людьми *ad hoc* по мере надобности. Его смысловая сторона — значения существуют в идеальной форме как факт сознания в голове каждого человека, принадлежащего к данному обществу. Значения по своему характеру социальны. Это значит, что в пределах данного общества людей значения по объему и содержанию в общих чертах одинаковы для сознания каждого члена общества. Соответственно социальны и материальные знаки, выражающие эти значения. Это значит, что все члены данного общества используют знаки одинаково для выражения одних и тех же значений. При общении передающий сообщение «делает» знак, соответствующий имеющейся в его голове идее (значению), и с помощью этого знака «резонансно» вызывает аналогичную идею (значение) в голове принимающего сообщение.

Язык есть в высшей степени обобществленное, общенациональное достояние. Не может быть ни частной, ни личной собственности на средство общения. Человек, рискнувший монополизировать те или иные знаки и значения, лишает себя возможности быть понятым и понимать других, т. е. ставит себя вне общения с другими людьми. Можно только лучше или хуже, более умело или менее умело пользоваться этим общественным средством.

Язык есть единство материальной и идеальной сторон. Это единство неразрывно и в высшей степени прочно. Оно не является отприродным, но складывается исторически. Связь между этими сторонами, т. е. между их элементами — знаками и значениями, есть связь условная, хотя и обязательная для всех людей, пользующихся данным языком.

Однако эти стороны существуют раздельно и поэтому изменяются и развиваются несинхронно. Материальная сторона имеет свои законы изменения. Смысловая — свои. Поэтому тот или иной знак может полностью изменить свой материальный облик, т. е. фактически стать новым знаком для одного и того же значения, а значение, закрепленное за определенным знаком, может изменить свое содержание и объем или просто устареть и заместиться новым. Это касается и лексических и грамматических значений.

Асимметричность плана выражения и плана содержания объясняется разной природой и разными формами существования этих планов.

В то же время на каждый данный момент времени (для языка момент времени есть достаточно продолжительный период) отношения между знаками и значениями имеют фиксированный и стабильный характер. Образуемые знаками и значениями в их единстве двусторонние единицы языка достаточно долго представляют собой весьма устойчивые образования, изменить которые по своему произволу не властен ни один человек. Эта устойчивость поддерживается социальным императивом, поскольку все члены данного общества заинтересованы в наличии надежного средства общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 23.
2. Маркс К. Письмо Л. Кугельману.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 32.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20.
5. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полное собрание сочинений. Т. 18.
6. Ленин В. И. Философские тетради.— Полное собрание сочинений. Т. 29.
7. Абрамян Л. А. К вопросу о языковом знаке.— «Вопросы общего языкознания». М., 1964.
8. Агулов В. В. Количество, качество, структура.— «Вопросы философии». 1967, № 1.
9. Адмони В. Г. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании.— «Вопросы языкознания». 1971, № 5.
10. Алиева Н. Ф. К характеристике глагольных категорий индонезийского языка.— Историко-филологические исследования. М., 1967.
11. Алиева Н. Ф. Индонезийский глагол. М., 1975.
12. Андрющенко М. Н., Ахлибининский Б. В. О гносеологическом аспекте формализации.— Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования. Л., 1970.
13. Античные теории языка и стиля. М., 1936.
14. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
15. Артемов В. А. Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функции речевой интонации.— Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. М., 1966.
16. Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка.— Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
17. Арутюнова Н. Д. О минимальной единице грамматической системы.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
18. Арутюнова Н. Д., Кубрякова Е. С. Морфонология в трудах американских дескриптивистов.— Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
19. Агаян Э. Р. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968.
20. Ахманова О. С. Фонология. М., 1954.
21. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
22. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
23. Ахманова О. С., Смирницкий А. И. Образования типа *stone wall*, *seech sound* в английском языке.— Доклады и сообщения Института языкознания. 2, 1952.
24. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
25. Бархударов Л. С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения.— «Вопросы языкознания». 1973, № 3.

26. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Философские проблемы исследования систем и структур.— «Вопросы философии». 1970, № 5.
27. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке.— Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
28. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
29. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языке-ведении и языке.— Хрестоматия по истории языкознания XIX и XX веков. М., 1956.
30. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики славянских языков».— Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
31. Бодуэн де Куртенэ И. А. Николай Крушевский, его жизнь и научные труды.— Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
32. Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Светозарова Н. Д. Разграничение слов в потоке речи.— «Вопросы языкознания». 1968, № 1.
33. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М., 1965.
34. Булыгина Т. В. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц.— «Вопросы языкознания». 1967, № 5.
35. Булыгина Т. В. Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов.— Общее языкознание. М., 1970.
36. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
37. Ван Ли. Чжунго сяньдай юфа. Шанхай, 1947 (на кит. яз.).
38. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.
39. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
40. В. Ю. А. Методологические проблемы теории информации (Обзор литературы).— «Вопросы философии». 1968, № 10.
41. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики.— Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
42. Гардинер А. Различие между «речью» и «языком».— Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. 2. М., 1960.
43. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
44. Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием.— Логико-грамматические очерки. М., 1961.
45. Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
46. Горгониев Ю. А. Кхмерский язык. М., 1961.
47. Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966.
48. Горелов И. Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака.— Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
49. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи. Челябинск, 1974.
50. Горский Д. П. Логика. М., 1963.
51. Горский Д. П. О проблеме значения (понимания) знаковых выражений.— Язык и мышление. М., 1967.
52. «Гоюй цыдянь». Пекин, 1948.
53. «Грамматика русского языка». Т. I. М., 1952.
54. «Грамматика русского языка». Т. II. Ч. I. М., 1954.
55. Гяч Н. В., Павлов В. М. О мотивированности аббревиатур.— Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
56. Данеш Ф. Р., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
57. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952.

58. Драгуновы А. А. и Е. А. Структура слога в китайском национальном языке.— «Советское востоковедение». 1965, № 1.
59. Евдошенко А. П. Проблема структуры языка. Кишинев, 1967.
60. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969.
61. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Язык пали. М., 1965.
62. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.— «Новое в лингвистике». Вып. 1. М., 1960.
63. Jacob J. M. The Structure of the Word in Old Khmer.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XXIII. Pt 2, 1960.
64. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1951.
65. Jones D. The Phoneme: its Nature and Use. Cambridge, 1950.
66. Журавлев А. П. О мотивированности признаковой семантики слова натуральным значением входящих в него звуков.— Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
67. Зак С. Е. Качественные изменения и структура.— «Вопросы философии». 1967, № 1.
68. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
69. Иванов А. И. и Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
70. Иванов В. В. Теория фонологических различительных признаков.— «Новое в лингвистике». Вып. 2. М., 1962.
71. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.
72. Илларионов С. В. Гносеологическая функция принципа инвариантности.— «Вопросы философии». 1968, № 12.
73. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1976.
74. Исаенко Б. К проблеме границ китайского слова.— Опыт китайско-русского фонетического словаря. М., 1957.
75. Irgensen J. Some Remarks Concerning Languages, Calculuses and Logic.— Logic and Language (Studies dedicated to prof. Rudolf Carnap on the occasion of his seventieth birthday). Dordrecht—Holland, 1962.
76. Karlgren B. Grammata Serica. Пекин, 1941.
77. Karcevskij S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique.— TCLP, 1929, № 1.
78. Carnap R. The Logical Syntax of Language. London, 1937.
79. Кацнельсон С. Вступительная статья.— Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
80. Кацнельсон С. Д. О понятии уровня в современном языкознании.— Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке. М., 1962.
81. Кацнельсон С. Д. О теории лингвистических уровней.— Вопросы общего языкознания. М., 1964.
82. Китайско-русский словарь. Под ред. И. М. Ошанина. М., 1959.
83. Климов Г. А. Фонема и морфема. М., 1967.
84. Кокорина С. И. О реализации структурной схемы предложения.— «Вопросы языкознания». 1975, № 3.
85. Колшанский Г. В. К вопросу о сущности языкового знака.— Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
86. Колшанский Г. В. Семантика слова в логическом аспекте.— Язык и мышление. М., 1967.
87. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
88. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941.
89. Коротков Н. Н. К проблеме морфологической характеристики китайского литературного языка.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. V. М., 1963.
90. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.

91. [Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П., Солнцев В. М.] Китайский язык. М., 1961.
92. Кремянский В. И. Возникновение организации материальных систем.— «Вопросы философии». 1967, № 3.
93. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения.— «Вопросы языкознания». 1956, № 5.
94. Кубрякова Е. С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии. Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
95. Левицкий В. В. Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях.— Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
96. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
97. Лекомцев Ю. К. О семиотическом аспекте изобразительного искусства.— «Труды по знаковым системам». Т. 3. Тарту, 1967.
98. Лекомцев Ю. К. Основные положения глоссематики.— «Вопросы языкознания». 1962, № 4.
99. Леонтьев А. А. Психоллингвистика и проблема функциональных единиц речи.— Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
100. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
101. Lehfeldt W. [рец. на:] В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.— «Linguistics», № 160, Mouton, 1975 (на нем. языке).
102. Лихтман Р. И. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? — «Вопросы языкознания». 1968, № 2.
103. Ломтев Т. П. Относительно двуступенчатой теории фонем.— «Вопросы языкознания». 1962, № 6.
104. Ломтев Т. П. Отношения порядка как основание выделения уровней синтаксических объектов.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
105. Лопатин В. В., Улукханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфонологии.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
106. Лу Чжи-вэй и др. Ханьюй ды гоуцыфа (Словообразование китайского языка). Пекин, 1957.
107. La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique (Travaux de l'Institut de Linguistique. Faculté des Lettres de l'Université de Paris). Vol. 2. Paris, 1957.
108. Майтинская К. Е. Об отграничении слова от части слов (на материалах финно-угорских языков).— Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
109. Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. О статусе морфонологии и единицах ее описания.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
110. Malmberg B., Structural Linguistics and Human Communication. Springer-Verlag. Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1963.
111. Мамзин А. С. Возможность, действительность, структура и проблема возникновения и сущности жизни.— Проблема возможности и действительности. М., 1964.
112. Марков М. А. О понятии первоматерии.— «Вопросы философии». 1970, № 4.
113. Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева.— «Новое в лингвистике». Вып. 1, 1960.
114. Мартине А. Основы общей лингвистики.— «Новое в лингвистике». Вып. 3. М., 1963.
115. Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
116. Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. М., 1959.

117. [Маун Маун Нъюн, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М.] Бирманский язык. М., 1963.
118. Ма Цзянь-чжун. Маши вэньтун. Пекин, 1898.
119. Мельников Г. П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной.— Проблемы языкознания (Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов). М., 1967.
120. Мельников Г. П. Азбука математической логики. М., 1967.
121. Мельников Г. П. Типы мотивированности языковых знаков.— Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
122. Мельничук А. С. Взаимодействие грамматических единиц различных уровней в рамках предложения.— Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
123. Мещанинов И. И. Общее языкознание. М., 1940.
124. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
125. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке.— Труды военного института иностранных языков, 1945, № 1.
126. Мещанинов И. И. Глагол. М.—Л., 1949.
127. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
128. Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания.— Исследования по структурной типологии. М., 1963.
129. Моисеев А. И. Типология слогов в современном русском литературном языке.— «Вопросы языкознания». 1975, № 6.
130. Мурат В. П. Глоссематическая теория.— Основные направления структурализма. М., 1964.
131. Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции язык — речь.— «Вопросы языкознания». 1970, № 1.
132. Мыркин В. Я. Текст, подтекст и контекст.— «Вопросы языкознания», 1976, № 2.
133. Новакович А. С. и Новакович Н. А. О некоторых признаках фразеологической единицы (на материале русского, английского и датского языков).— Вопросы языка и литературы. М., 1968.
134. Нгуен Куанг Хонг. Проблема синлабемы как основной звуковой единицы на материале вьетнамского и китайского языков. Канд. дисс. М., 1974.
135. Овчинников Н. Ф. Категория структуры в науке о природе.— Структура и форма материи. М., 1967.
136. Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе.— «Вопросы языкознания». 1962, № 3.
137. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
138. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
139. Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М., 1967.
140. Петрушенко Л. А. Взаимосвязь информации и системы.— «Вопросы философии». 1964, № 2.
141. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934.
142. Peirce Ch. S. Collected Papers. Vol. I, II. Cambridge (Mass.), 1960 (two volumes in one).
143. Плам Ю. Я. Морфологические категории в тайском языке. М., 1965.
144. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. М., 1928.
145. Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М., 1970.
146. Полушкин В. А. К вопросу об определении информации.— Язык и мышление. М., 1967.
147. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. Харьков, 1889.
148. Потенция А. А. Мысль и язык. Т. I. Одесса, 1922.
149. Пузицкий Е. В. Качинский язык. М., 1968.
150. Распопов И. П. Что же такое структурная схема предложения? — «Вопросы языкознания». 1976, № 2.

151. Ревзин И. И. Основные единицы синтаксического анализа и установление отношений между ними.— Структурно-типологические исследования. М., 1962.
152. Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
153. Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1968.
154. Резников Л. О. Проблема значения слова в свете ленинской теории отражения.— «Вопросы философии». 1969, № 11.
155. Рерих Ю. Н. Тибетский язык. М., 1961.
156. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955.
157. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
158. Рождественский Ю. В. О границах сложного слова в китайском языке.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. V. М., 1963.
159. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.
160. Румянцев М. К. Предложение-подлежащее в современном китайском языке. М., 1957.
161. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974.
162. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
163. Сепир Э. Язык. М., 1934.
164. Серебренников Б. А. О сущности процессов изменения слов и словосочетаний и о природе и характере структуры слова в тюркских и финно-угорских языках.— Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
165. Слюсарева Н. А. Теория ценностей единиц языка и проблема смысла.— Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
166. Слюсарева Н. А. Критический анализ проблем внутренней лингвистики в концепции Ф. де Соссюра. Автореф. докт. дисс. М., 1970.
167. Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
168. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
169. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
170. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
171. Сова Л. З. Аспекты глубинной структуры.— Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
172. Солнцев В. М. К вопросу о выражении понятий в китайском языке.— «Труды Московского института востоковедения». Вып. 7, 1953.
173. Солнцев В. М. Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая.— «Вопросы языкознания». 1955, № 6.
174. Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. М., 1957.
175. Солнцев В. М. Относительно роли суффиксов *-цзы*, *-эр*, *-тоу* в современном китайском языке (К вопросу о двух формах существования слов).— Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
176. Солнцев В. М. О языке в языке.— *Zeichen und System der Sprache*. Bd. II. Berlin, 1962.
177. Солнцев В. М. Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи.— Спорные вопросы грамматики китайского языка. М., 1963.
178. Солнцев В. М. О соотношении слова и предложения в китайском языке.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963.
179. Солнцев В. М. О «нулевой» и «абсолютной» форме слова в китайском языке.— Спорные вопросы грамматики китайского языка. М., 1963.
180. Солнцев В. М. К сопоставлению вьетнамской и китайской предложной и предложно-последложных систем.— Языки Юго-Восточной Азии. М., 1963.
181. Солнцев В. М. Взаимодействие лексики и грамматики и предел истин-

- ности грамматической конструкции.— Историко-филологические исследования. М., 1967.
182. Солнцев В. М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков).— Языки Юго-Восточной Азии (Вопросы морфологии, фонетики и фонологии). М., 1970.
 183. Солнцев В. М. Морфема и слово.— Языки Юго-Восточной Азии (Вопросы морфологии, фонетики и фонологии). М., 1970.
 184. Солнцев В. М. Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания.— Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
 185. Солнцев В. М. О понятии уровня языковой системы.— «Вопросы языкознания». М., 1972, № 3.
 186. Солнцев В. М. К вопросу о семантике, или языковом значении.— Проблемы семантики. М., 1974.
 187. Солнцев В. М. Относительно концепции глубинной структуры.— «Вопросы языкознания». 1976, № 5.
 188. Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства.— «Вопросы языкознания». 1977, № 2.
 189. Солнцев В. М. и др. Вьетнамский язык. М., 1960.
 190. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. К вопросу об агглютинации в современном китайском языке.— «Вопросы языкознания». М., 1962, № 6.
 191. Солнцева Н. В. О критериях определения подлежащего глагольного предложения в китайском языке.— Некоторые вопросы китайской грамматики. М., 1957.
 192. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
 193. Сотникян П. Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968.
 - 193а. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
 194. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.
 195. Суник О. П. Слово, его основа и корень как различные морфологические категории.— Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
 196. Сусов И. П. Глубинные аспекты семантики предложения.— Проблемы семантики. М., 1974.
 197. Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.
 198. Tesnière L. *Éléments de Syntaxe Structurale*. Paris, 1959.
 199. Trager G. L. *Linguistic is Linguistic*. New York, 1963.
 200. Троицкий И. М. Проблемы языка в античной науке.— Античные теории языка и стиля. М., 1936.
 201. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
 202. Тютин В. С. Отражение и информация.— «Вопросы философии». 1967, № 3.
 203. Тютин В. С. Системно-структурный подход и специфика философского знания.— «Вопросы философии». 1968, № 11.
 204. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
 205. Ullman S. *The Concept of Meaning in Linguistics*.— «Archivum Linguisticum». 1956, vol. 8, Fasc. 1.
 206. Уорф Б. Лингвистика и логика.— «Новое в лингвистике». Вып. 1. М., 1960.
 207. Уорф Бенджамин Ли. Наука и языкознание.— «Новое в лингвистике». Вып. 1. М., 1960.
 208. Уорф Бенджамин Ли. Отношение норм поведения и мышления к языку.— «Новое в лингвистике». Вып. 1. М., 1960.
 209. Урсул А. Д. Нестатистические подходы в теории информации.— «Вопросы философии». 1967, № 2.
 210. Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка.— Вопросы языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
 211. Филин Ф. П. О слове и вариантах слова.— Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
 212. «Философский словарь», М., 1968.

213. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение.— Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
214. Халле М. Фонологическая система русского языка.— «Новое в лингвистике». Вып. 2. М., 1962.
215. Хачатрян В. А. Вопросы поведения именной структуры глагола при переводе. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1969.
216. Хоанг Чонг Фиен. Структурные типы сложных слов во вьетнамском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1968.
217. Hockett Ch. F. The Origin of Speech.— «Scientific American». September 1960. Vol. 203, № 3.
218. Хомский Н. Синтаксические структуры.— «Новое в лингвистике». Вып. 2. М., 1962.
219. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории.— «Новое в лингвистике». Вып. 5. М., 1965.
220. Chomsky N. Deep Structure, Surface structure and Semantic Interpretation.— «Studies in General and Oriental Linguistics». Tokyo, 1970.
221. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
222. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
223. Хрестоматия по истории языкознания XIX и XX веков. М., 1956.
224. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.
225. Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.
226. Шведова Н. Ю. О понятии синтаксического ряда.— Историко-филологические исследования. М., 1967.
227. Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем.— «Вопросы языкознания». 1973, № 4.
228. Щедровицкий Г. П. Автоматизация проектирования и задачи проектировочной деятельности. Приложения. I. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности.— Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М., 1975.
229. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1953.
230. Щерба Л. В. Богуэн до Куртенэ И. А. и его значение в науке о языке.— Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
231. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении.— Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
232. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения.— Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
233. Щур Г. С. О некоторых общих категориях лингвистики.— Вопросы общего языкознания. М., 1964.
234. Щур Г. С. О соотношении некоторых философских и лингвистических категорий.— Вопросы лингвистики. Вып. 3. Томск, 1973.
235. Якобсон Р. и Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике.— «Новое в лингвистике». Вып. 2. М., 1962.
236. Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М. Введение в анализ речи.— «Новое в лингвистике». Вып. 2. М., 1962.
237. Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948.
238. Ярцева В. Н. Взаимодействие грамматики и лексики в системе языка.— Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
239. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1954.
240. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М., 1965.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютное тождество* 35
не существует абсолютного тождества структур двух разных материальных объектов 35
- абстрактный звук* 219, 221
- абстрактная единица* 79, 232
абстрактная единица не может варьировать с конкретной 231
- актуализация* 79
- аллосон* 225
звуковая оболочка одной и той же морфемы в разных случаях употребления представляет собой аллосон 225
- Безусловные знаки* 99, 100
- Вариант* 213, 216, 243
вариант и инвариант — принципиально негомогенные объекты 215, 217
- вариативность* 213, 217, 218
- вариативность слова* 296
- варьирование* 227
понятие варьирования связано с тождеством единицы самой себе 228
при варьировании морфемы ее звуковая сторона — сонема — представлена аллосонами 229
- «внутриуровневые» единицы* 202
«внутриуровневые» единицы образуют группировку единиц в пределах уровня 203
- воспроизводимость единиц языка* 151
- вторичные материальные системы* 19, 21, 95, 315
во вторичных материальных системах элемент выступает как единство материальных и функциональных свойств 24
- выделимость морфемы* 260
- Графема* 223
графема есть инвариант буквы 223
- глобальность* 136
- глубинная структура* 291, 294
глубинные структуры — это те соотношения, в которые вступают функциональные значения слов при комбинаторике 302
различия «поверхностных» и «глубинных» явлений создаются за счет разных отношений одних и тех же слов 303
различие «поверхности» и «глубинности» — не более чем метафора 304
- Двойная форма существования слов* 227
- двусторонность знака* 105, 109, 114, 116
концепция двусторонности знака не позволяет четко разграничить в строении морфемы две разные сущности 231
- двусторонние единицы* 102, 142
в отождествлении двусторонних единиц (в частности, морфем) с «элементами плана содержания» проявляется невозможность реально отделить значение от морфемы 192
- дискретность* 54, 56, 62, 268
дискретность знака и глобальность означаемого 140
дискретность и неоднородность — наиболее общие свойства элементов языка 56, 268
- дискретные единицы* 140
- дифференциальные признаки* 198, 202
дифференциальные признаки не являются «элементами элементов» 201
- дифференциальные признаки фонем* 58, 198, 242
дифференциальные признаки фонемы есть ее физические (или физиологические) признаки, взятые в функциональном аспекте 50
дифференцирующая способность языковых единиц зависит от ка-

чественной определенности их материальной субстанции 121
дополнительные смысловые эффекты при комбинаторике слов 306
Единицы 11, 48, 65, 79, 84—85, 145, 153

единицы выражения 195, 317, 320

единицы значения 193, 317

единицы значения не образуют системы, отличной от системы двусторонних единиц 194

единицы речи 145, 146, 150, 151, 162
единицы речи — результат свободного комбинирования единиц языка 150

грамматическая организация комплекса как слова или словосочетания не есть признак, относящийся комплекс к числу единиц речи 160

единицы языка 48, 145, 146, 162, 180, 239, 315

единицы языка суть единства звучаний и значений 48

единицы языка воспроизводятся в готовом виде 151

основные признаки единиц языка 185

Звук 218, 222, 243

Звуки речи 216

звуковой символизм 131—132

звуковые оболочки морфем и слов 102

звуковые оболочки морфем и слов являются знаками 97

звукоподражание 132

звучание 116

знак 99, 101, 103, 116, 129, 130, 315, 316, 317

знаковое использование незнаком 101; субстанциональная природа «кусочка» материи безразлична для его использования как знака 104

материальность есть обязательная черта знака 103—104

знаки языка и единицы языка 102, 317

знаковая система 20, 315

знаковая форма 114

знаковость слова 105, 319

знаковый комплекс 129, 130, 145, 183

знание языка 295

значение 47, 103, 111, 114, 116, 122—124, 231, 234—235, 317

свойство обозначения и значение — не одно и то же 103

значение есть стабильное в понятии 111

значение есть отражательная категория, однородная с понятием 111

признаки значений не являются реальными компонентами значений как отражательной категории 202

значения суть некоторые инварианты по отношению к классам отражаемых в них реальных предметов 234—235

значения не варьируют друг с другом, а аккумулируются в слове 235

значение единицы есть ее системобразующее свойство 124

сочетаемость слов в линейной последовательности регулируется значениями слов 311

значение морфемы 117

значение члена предложения 211

значимость 122—124

значимость зависит в первую очередь от значения и лишь в силу соотношения данного значения с другими значениями — от системы 124

значимость единицы есть ее системоприобретенное свойство 124

Идеализированная структура 38

идеализированная структура есть инвариантное начало 38

идеализированный объект 38, 39

идеальная структура 39

идеальные системы 18

идеальный объект 39

идеальный объект есть инвариант 39

идеальный объект и идеальная структура суть то общее, что присуще ряду однородных материальных объектов 39

идея 47

идиоматичность значения 154

идиоматичность значения есть невыводимость значения по правилу 154

иерархические отношения 69, 81, 176, 185

иерархические отношения лежат вне плоскости синтагматических и парадигматических отношений 69

все иерархические отношения, существующие в языковой системе, могут быть обнаружены в речевой цепи 83

отношение между морфемой и

- словом есть иерархическое отношение 81
 через слово морфема и предложение «связываются» в общей иерархической цепи 178
иерархичность 58, 62, 268
иерархия 77
изолирующие языки 262—266
 изолирующие языки являются в высшей степени «словесными» 267
изоморфизм 35
инвариант 38, 213, 217, 218
 инвариант и вариант суть две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс 217
 инвариант нельзя выделить как некоторую самостоятельную вещь 218
 инвариант класса предметов, принадлежащих какой-либо субстанции, не может быть изображен ни одним из предметов данной субстанции 225
 два однотипных конкретных предложения обладают общей инвариантной структурой 45
инвариантность 214, 217, 218
 свойство инвариантности может быть отнесено только к абстрактным предметам и к абстрактным свойствам предметов 214
 инвариантность существует в предмете как общее в отдельном 218
инверсия 312
 инверсия есть изменение порядка слов при сохранении прежних синтаксических функций слов и их функциональных значений 312
интегральный признак 241, 242
 всякий интегральный признак может перейти в дифференциальный 242
интонационные единицы 188
историческая вторичная мотивированность 137
 историческая мотивированность не противоречит утверждению о произвольности языкового знака 144
историческая обусловленность 138
Комбинаторика 267
 способность к комбинаторике есть общее и обязательное свойство единиц языка 268
комбинаторные изменения 269
 заданные комбинаторные изменения 271
 незаданные комбинаторные изменения 271
комбинаторика морфем 275
 комбинаторика морфем, как и комбинаторика слов, определяется их значениями 275
 комбинации знаменательных морфем в слове являются аналогами комбинаций слов в словосочетаниях 276
 степень аналогичности комбинаций морфем и слов различна в разных языках 276
 комбинации морфем в слове различны в языках разной типологии 282
комбинаторика слов 284, 289
 комбинаторика слов есть реализация синтагматических отношений 289
 порядок следования слов определяется потребностью формирования и выражения мысли 284
 сочетаемость слов регулируется синтаксическими правилами, а также лексической совместимостью слов 285, 289
комбинаторика фонем 269
 отношения звуков в потоке речи несут характер физического взаимодействия 269
коммуникативное, или функциональное, значение слова 209, 211
 коммуникативное значение слова есть его системоприсвоенное свойство 208
конвенционализм 101
конкретная единица 232
 конкретную единицу можно рассматривать как представителя класса единиц 232, 233
конструкция 294, 295
 конструкция — это своего рода части «речи» для синтаксиса 298
конструктивное значение 55, 59, 61
 общее значение предложения есть его конструктивное значение 56
контекст 287
 совокупность грамматически соединенных и лексически совместимых слов образует контекст 287
Лексема 193, 198
лексическая совместимость 285
 лексическая совместимость есть смысловая правильность высказывания 285
 понятие лексической совместимости

- сти (несовместимости) не абсолютно 285
- одним из путей достижения лексической совместимости является снятие многозначности 288
- лингвистическая относительность* 126, 127
- линейное и нелинейное взаимодействие значений слов* 310, 312
- несубстанциональная природа значений создаёт парадокс нелинейного взаимодействия значений линейного расположения единиц 283
- линейность* 61, 62, 268
- линейность есть фактически синтагматика языка 62, 268
- Манифестация* 232
- материальная субстанция системы* 17
- материальные системы* 17
- морфа* 229—230
- морфема* 33, 58, 59, 79, 87, 116, 175, 180, 185, 225, 230, 232, 245—250
- тождество морфемы основано на тождестве ее значения 229
- морфема Вандриеса, морфема Блумфилда, морфема Боуэна де Куртенэ 248, 250
- нулевые морфемы 248, 249, 264
- морфема и слово* 117, 180, 184, 185, 186, 225, 250, 251, 252, 257, 266, 277
- слова в составе предложения столь же неделимы, как и морфемы в пределах своего уровня 250, 252
- слова не сочетаются с морфемами в линейной последовательности 251
- морфемы произошли от знаменательных слов 254
- значение слов понятно; значение морфемы ассоциативно 256
- близость простого слова и знаменательной морфемы в изолирующих языках 264
- морфологические правила* 171—173
- мотивированность знака* 130
- вторичная мотивированность 137, 138
- примарная мотивированность 138
- мотивированность знака всегда исторически обусловлена и вторична 143
- в силу своей мотивированности значение не позволяет слову в целом быть немотивированным 105
- Напряженность звукового взаимодействия* 14
- разные участки звуковой цепи характеризуются как бы разной напряженностью звукового взаимодействия 14
- невыведимость* 261
- невыведимость знаменательной морфемы из состава слова 261, 262
- неидиоматичность* 157
- неидиоматичное значение образуется по правилу 158
- нейтрализация* 89—92
- нейтрализация есть использование объекта в функции другого объекта 91
- неморфемные слова* 261
- неоднородность* 52—56, 62, 268
- неоднородность — фундаментальное свойство элементов языка 53, 268
- первая сторона неоднородности 56
- вторая сторона неоднородности 58
- неоднородность и линейность 61, 62
- неразличимость сложного слова и словосочетания* 166, 173
- условия неразличимости слова и словосочетания 170—172
- номема* 198, 317
- нулевая и абсолютная форма слова* 263
- нулевая морфема* 262
- Обозначаемое* 130
- обозначение* 101
- общезыковые единицы* 186, 212, 317
- объект* 14
- упорядоченный объект есть система 14
- однословные предложения* 152
- односторонность знака* 105, 113
- знак одностороннен в смысле противопоставленности тому, что обозначается этим знаком 113
- смысловая и материальная стороны языка существуют отдельно 321
- означаемое* 110, 113
- строение и состав означаемого 110
- омонимия* 286
- ономатопозитическая теория* 131
- основные единицы языка* 112, 186, 239, 320
- открытые модели* 165
- отношение* 15, 31, 122
- отношение выражения* 232
- отношение порядка* 85

Парадигма 75, 76

большие и малые парадигмы 77, 78
максимально широкая и предельно узкая парадигма 80

парадигматика 63, 68, 92

парадигматические отношения 68, 69, 93

парадигматические отношения
суть внутриклассные отношения
между элементами, составляющими один класс 69

параметры слова 158

параметры свободного словосочетания 159

первичные материальные системы 18

первичные и вторичные материальные системы различаются свойствами своих элементов 21

поверхностная структура 291

позиция 72, 74, 75, 80, 89, 90

одно и то же «место» в зависимости от условий может быть одной и той же позицией или разными позициями 74

тождественность и различие позиций 72

понятие позиции есть реляционное понятие 75

полный изоморфизм 38, 44

понятие 111, 317

понятие и значение 111—112

порождение смысла предложений 290, 294, 298

формирование смысла есть результат линейных и нелинейных взаимодействий значений слов и конструктивных значений предложений 312

«потенциальные единицы» языка 160, 162

правила языка 66, 67

правила языка сводятся к свойствам его элементов 66

правила языка сводятся к свойствам предложения 33, 152, 177, 178, 312

предложение есть цельная речевая система, несущая информацию 152, 313

новое предложение отнюдь не целиком является новым 295

производимость единиц речи 151

в производимых единицах значения выводятся по стандартному правилу 153

производимые в речи слова 155

произвольность знака 101, 114, 144

простые системы 17

смысловое взаимодействие слов создает условия для снятия многозначности и разрешения омонимии 288

реализация принципа линейности при сочетании морфем 282

речь 26, 64, 66, 67, 88, 92, 146—147, 289

в речи дано все, что есть в языке 88

речь есть система, несущая информацию 26, 64, 92

речевые произведения 145, 148, 150

речевые произведения — это язык в действии 148

речевые произведения нельзя определять как сверхъязыковой остаток 148

Сверхпарадигма 80, 86

сверхъязыковой остаток 88, 148, 174
связь 15, 31

семема 193, 197, 232

семиотическая система 20

семиотическая система зависит от человеческого коллектива и не зависит от отдельного человека 26

синонимы 237

синтагма 67

синтагматика 54, 68, 92

синтагматические отношения 68—71, 90

синтагматические отношения как нереализованная способность и как реальное взаимодействие 68
синтагматические отношения реализуют коммуникативную функцию языка 70

синтаксические правила 171—173, 288, 289

система 13, 14, 20, 30, 31

система есть целостный объект 14, 20

система языка 12, 63, 64

системность языка 12, 64

системнонейтральные свойства 50—52

системный характер языка 12

системообразующие свойства 50—52, 209

системоприобретенные свойства 50—52, 209

слово 33, 58, 60, 79, 81, 87, 102, 103, 163, 177, 178, 180, 185, 212, 251, 257, 266

словарное значение слова 209

слово как член предложения имеет словарное и коммуникативное значение 211

словосочетание 159, 166

Разрешение многозначности, или омонимии, при комбинаторике слов 286

- сложные системы* 17
смысл 47, 312
смысловая подборка слов 285
 смысловая подборка слов является условием реализации грамматической связи 288
сонема 197, 231, 263, 317
 сонемы и нонемы не являются самостоятельными единицами языка 198
структура 28, 30, 31, 35, 36, 43
 структура противопоставлена элементам системы 29
 структура есть форма существования материальной субстанции 38
 вне структуры материя не существует 36
 структура и форма — однопорядковые категории 35, 39
 содержание объекта есть структурированная субстанция 34
 структура не подчиняется законам сохранения 37
структура языка 12, 45
субстанция 17, 34, 43
 субстанция материальной системы представлена элементами системы 18, 43
 субстанции как аморфного начала не существует 34
субстанция и элемент 34, 43
субстанция в языке 45, 48
 субстанция в языке неотделима от смысловой стороны языка 48
супплетивные формы 238
Текст 26, 90
 текст есть система, несущая информацию 26
терминологичность значения 154
Упорядоченный объект 14
уровень 52, 83, 86
 уровень языка есть совокупность относительно однородных единиц, не находящихся в иерархических отношениях 84
 уровни представляют собой сверхклассы, или сверхпарадигмы 89
 в пределах уровня полностью реализуются парадигматические и синтагматические свойства элементов 89
 уровни могут быть обнаружены в речевой цепи 87
условные знаки 99, 100
условность 114, 130
 условность и мотивированность связи знака с обозначаемым 130
 свойством условности обладает только звучание слов 114
устойчивость 155
 устойчивость есть признак всякого воспроизводимого словосочетания 155
устойчивые сочетания слов 186
Фонема 33, 58, 71, 87, 117, 180, 185, 197, 198, 216, 217, 218, 219, 221—222, 241, 243, 244, 318
 фонема и дифференцирует звуковые оболочки слов и морфем, и участвует в выражении значения 119
 фонема обладает знаковыми свойствами в неразвитом виде 121
 фонема есть субстанционально-функциональное понятие 221
 фонема есть класс физически сходных и функционально тождественных звуков 220, 245
фонема, морфема и слово 180—186
 с точки зрения «уровневого подхода» фонема, морфема и слово находятся в одинаковом отношении к общей системе языка 183
форма 35, 43
 форма и структура конкретного объекта уникальны и неповторимы 37, 43
формулы строения 191, 295
функция элемента 72
 смысловоразличительная и смысловыразительная функция фонемы 245
 функции материальной субстанции вторичных материальных систем 23
функциональное значение 209, 210
Цельность значения 154
Часть речи 298
член предложения 203—208, 211, 241
 член предложения есть функциональное понятие 208, 211
Экземпляльность 243
 свойство экземпляльности 240
 каждая единица языка существует в виде множества экземпляров, каждая единица речи существует в виде одного экземпляра 240
элемент 14, 20, 23, 31, 34, 39, 79, 92, 145, 315

элемент может быть сложным объектом, 20

элементы вторичных материальных систем выступают как знаки 22, 31

элемент системы структурно обусловлен 34

эталон 215, 216

Язык 11, 66, 67, 88, 92, 97, 142, 147

язык есть знаковая система 315

признание языка знаковой системой и отрицание за его основны-

ми единицами качества знаков не является противоречием 320

не язык структурирует мир и дает категории миру, а наоборот, категории и структура мира определяют значение языка и их систему 128

отношение языка и речи есть отношение средства и его применения 170

языковой знак 230

языковые единицы 180

ярус 80

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	3
Введение	5
Часть I. Язык как целое	11
Глава I. Язык и его место среди системно-структурных образований	11
§ 1. Язык	11
§ 2. Система. Виды систем	13
§ 3. Вторичные материальные, или семиотические, системы	21
§ 4. Структура	28
§ 5. Структура и субстанция систем (роль элементов и структуры в системе)	32
1. Соотношение структуры и субстанции в целом	32
2. Структура и субстанция в семиотических системах	40
3. Некоторые итоги	43
4. Структура и субстанция в языке (о природе языковой субстанции)	45
§ 6. Системообразующие, системоприобретенные и системнонейтральные свойства элементов системы языка	49
§ 7. Постулат неоднородности элементов языка	53
1. Неоднородность — свойство элементов функциональных систем	53
2. Первая сторона неоднородности	56
3. Вторая сторона неоднородности	58
4. Неоднородность и линейность	61
5. Неоднородность и другие общие свойства элементов языка в целом	62
Глава II. Система языка. Парадигматика, синтагматика, отношения иерархичности	63
§ 1. Предварительные замечания	63
§ 2. Отличие системы языка от других функциональных систем	65
§ 3. Синтагматические, парадигматические и иерархические отношения	68
1. Синтагматические отношения и понятие позиции	70
2. Парадигма и парадигматические отношения	75

3. Иерархические отношения и понятие уровня языковой системы	81
§ 4. Нейтрализация парадигматических различий	89
§ 5. Еще раз о дихотомии «язык—речь», «система—текст», «парадигматика—синтагматика»	92
Часть II. Знак	95
Глава I. Знаковость языка и единицы языка с точки зрения знаковой теории	95
§ 1. Вводные замечания	95
§ 2. Знаки и «знаковое использование» незнаком	99
§ 3. Знак вообще и знак в языке	103
§ 4. Критика тезиса двусторонности знака и критика понимания знакового значения как отношения	109
§ 5. Односторонность или двусторонность знака?	113
§ 6. Звучание и значение в языке (единицы языка с точки зрения знаковости)	116
§ 7. Звучание и значение в языке и теория значимостей (ценностей)	119
§ 8. Гипотеза «лингвистической относительности»	126
Глава II. Проблема произвольности и мотивированности языкового знака. Отношение знака и означаемого	129
§ 1. Проблема произвольности и мотивированности языкового знака. Два подхода к проблеме	129
§ 2. Отношение знака и означаемого. Произвольность и историческая мотивированность	135
Часть III. Единицы	145
Вводные замечания	145
Единицы языка и единицы речи	145
Глава I. Единицы речи	146
§ 1. Речь и ее единицы	146
§ 2. Сходство и различие единиц языка и единиц речи	153
1. Производимость и воспроизводимость. Идиоматичность и неидиоматичность	153
2. Идиоматичность—неидиоматичность и параметры единиц языка и единиц речи	156
3. Можно ли считать единицы речи «потенциальными единицами языка»?	160
4. Общее свойство единиц языка и речи—номинативная функция. Способы реализации номинации	162
5. Условия образования единиц речи и единиц языка	164
§ 3. Проблема неразличимости сложного слова и словосочетания	166
§ 4. Еще раз о речи и ее единицах. Строение речевой цепи	173
1. Речь как применение языка	173
2. Морфологические и синтаксические правила	174
3. Иерархические и системные отношения в речи	176
4. Двойственная природа единиц речи	179

Глава II. Единицы языка	180
§ 1. Общие замечания о единицах языка. Фонема, морфема, слово	180
§ 2. Проблема других единиц языка	186
1. Устойчивые словосочетания	186
2. Так называемые интонационные единицы	188
3. Формулы строения, или конструкции	191
4. «Единицы значения»	193
5. «Единицы выражения»	195
6. Проблема «щепления» элементарных языковых единиц	198
7. «Внутриуровневые» единицы	202
§ 3. Является ли «член предложения» единицей языка?	203
§ 4. Вариативность единиц языка. Понятие лингвистического ин- варианта	213
1. Общие замечания о вариантах и инвариантах	213
2. Фонема как инвариант звука. Отношение: фонема—звук—гра- фема—буква	218
3. Вариативность морфемы и слова	225
4. Вариативность и отношение манифестации с точки зрения односторонности языкового знака на примере морфемы	229
5. Вариативность единиц языка в целом	233
§ 5. Основные единицы языка в целом	239
1. Фонема (онтологическая сущность фонемы и вариантов фо- немы)	239
2. Морфема и слово	245
Из истории термина <i>морфема</i> . Морфема Бодуэна де Куртенэ	245
Морфема как производная от слова <i>единица</i>	253
Значение морфемы и слова	255
Соотношение слов и морфем. Связь словесного и морфемного уровней	257
Проблема выделяемости морфемы и специфика изолирующих языков	260
§ 6. Некоторые вопросы комбинаторики единиц языка	267
1. Общие замечания о комбинаторике единиц языка	267
2. Комбинаторика фонем	269
3. Комбинаторика морфем	275
4. Комбинаторика слов	284
Общие замечания. Роль значений слов и синтаксических пра- вил в комбинаторике	284
Концепция глубинных структур и порождение смысла пред- ложений в генеративной лингвистике	290
Факторы, влияющие на порождение смысла. Понятие кон- струкции	294
Порождение смысла предложения. Роль функциональных значений	298
Соотношение так называемых поверхностных и глубинных явлений при комбинаторике слов	301
Омонимия комбинаций слов и «глубинные» явления	305

Дополнительные смысловые эффекты при комбинаторике слов	306
Линейное и нелинейное взаимодействие значений в речевой цепи	310
Знаки и единицы языка (<i>вместо заключения</i>)	315
Литература	323
Предметный указатель	331